

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

МОСКВА. Покровка, Лялинъ пер., соб. д. № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ, Н. „Народы Россіи“. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Вып. I. Пустыни Севера и ихъ кочующіе обитатели. Иллюстр. М. Микльшвицъ, А. Шарлеманомъ и др. Изд. 2-е. М. 1898 г. п., въ роскош. переплетѣ 2 р.

* Тоже. Вып. II-й. Иногородцы лѣсовъ Сибіри. Съ рисун. К. О. Брожа и др. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

* Тоже. Вып. III-й. Иногородцы лѣсовъ. Съ рис. К. О. Брожа. М. 1900 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. съ золот. 2 р. 25 к.

* Его же. „Волга“. Этнографическіе рассказы для дѣтей съ рисун. Изд. 2-е. М. 1898 г., ц. 1 р., 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Допущены въ ученическія библіотеки и въ библіотеки лишншихъ училищъ, а также въ народныя читальни и библіотеки для народа.

Въ Языке и Поморы. М. 1897 г., ц. 10 к.

Въ Полосы. М. 1897 г., ц. 10 к.

Въ Татлы степи. М. 1893 г., ц. 10 к.

Въ Удѣлѣ (лагодатный край). М. 1898 г., ц. 10 к.

* 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи). М. 1898 г., ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущены въ ученическія библіотеки и лишншихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіот. и читал. и для публич. народн. чтеній.

* 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

* 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1898 г., ц. 15 к.

* М. Н. Пр. допущены для народныхъ чтеній и бесплатныхъ читателей.

8-е. Камчадалы и Курльцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М., 1899 г., ц. 15 к.

* 9-е. Якуты и Долганы. М. 1899 г., ц. 10 к.

* 10-е. Черемсы и Чуваши. М. 1899 г., ц. 10 к.

* 11-е. „Вогулы“. М. 1899 г., ц. 10 к.

12-е. „Прибалтійскій или Остзейскій край“. М. 1899 г., ц. 10 к.

13-е. „Татары“. М. 1898 г., ц. 15 к.

* 14-е. Мордва, Мещераки и Тештары. М. 1900 г., ц. 10 коп.

15-е. Тунгусы. М. 1900 г., ц. 10 к.

16-е. Башкиры. М. 1900 г., ц. 10 к.

17-е. Буряты. М. 1900 г., ц. 10 к.

18-е. Ногайцы. М. 1900 г., ц. 10 к.

19-е. Калмыки. М. 1901 г., ц. 10 к.

20-е. Бессарабія. (Молдаване). М. 1900 г., ц. 10 к.

21-е. Болгары. М. 1900 г., ц. 15 к.

22-е. Кавказъ. Черкесы и Кабардонцы. М. 1901 г., ц. 15 к.

23-е. Цыгане. (Фараонско племя). М. 1901 г., ц. 10 к.

24-е. Горы и море. Черномор. побережье. М. 1901 г., ц. 10 к.

25-е. Закавказье. Грузія. М. 1901 г., ц. 20 к.

26-е. „Армения“. М. 1901 г., ц. 20 к.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соответствующею тексту.

Бернетъ, Ф. X. Исторія маленькаго лорда. Перев. М. Главацкой. М. 1900 г., ц. 1 р. и папкѣ 1 р. 25 к., въ роскош. перепл. 1 р. 75 к.

Богословскій, М. Священная исторія Ветхаго завета. М. 1898 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Нового завета. М. 1902 г., ц. 1 р.—Его же. Курсъ общаго церковнаго права, ц. 1 р. 25 к.

Брандтъ. Популярная Зоологическая Энциклопедія. Млекопитающія. Роскошное изданіе съ 563 рисунками. Алфавитъ названій на русскомъ и латинскомъ языкѣ. 462 страницъ, ц. вмѣстѣ 5 р.—2 р.

Булгансъ, В. И. Ловля, содержаніе, строеніе тѣла и жизни комаровъ и пѣвчихъ птицъ, съ 27 рис., ц. 1 р.

Бурдонъ и Михельсонъ. Полный словарь иностранншихъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русское языкъ, съ означеніемъ ихъ корней. Изд. 2-е исправленное и дополненное. М. 1899 г., ц. 60 к., въ колѣнк. перепл. 85 к.

Вересъ, П. Сельскіе дѣятели. Повѣсть для дѣтей. М. 1900 г., ц. 20 к.

Его же. Подарокъ. Стихотворенія для дѣтей и бесѣды съ дѣтьми, съ предис. акад. Я. Грота. М. 1900 г., ц. 15 к.

Виноградовъ. Наставленія къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Съ 53 рис. ц. 1 р.

Воленскій. Собраніе арифметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи арифметики. Въ 2 ч. Цѣлыя числа и дроби. Издана 18-е. Спб., 1898 г., ц. 20 к. Допущенъ къ употребленію въ визш. учил. Мпн. Нар. Просв.

Его же. Методъ элементарнаго преподаванія арифметики въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его же. Руководство къ арифметикѣ. Изд. 17-е. М. 1900 г., ц. 60 к.

Его же. „Элементар. геометрія“ Спб., ц. 50 к.

Его же. Начальная геометрія. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его же. * Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ арифметическихъ задачъ предварительнаго упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Изд. 6-е. 1896 г., ц. 10 к.

* М. Н. Пр. допущенъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ Начальн. Народн. училищъ.

Волженскій. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина. М. 1900 г. 20 к.

Его же. Забѣдительные люди, ц. 20 к.

Вольи, А. I. Новая легкая французская азбука съ картинк. М. 1901 г., ц. 30 к.

Его же. Иванъ Сусанинъ. М. 1901 г., ц. 10 к.

Генель, Евг. Новая Франція. Перев. съ фр. В. П. Фоль-Дитмаръ. Премировано Франц. Академіей. М. 1901 г., ц. 1 р. 25 к.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій въ 1 томѣ большого формата. Подъ редакц. П. В. Смирновскаго и съ сост. имъ же биографическаго очерка Гоголя, его портретомъ и съ 244 гравир. рисунками К. О. Брожа, А. А. Чикина и др. Спб. 1902 г., ц. 1 р. 75 к., въ роскош. пер. 2 р. 25 к.

Его же. Изд. отдѣльно слѣд. произведенія, съ тѣми же рисунками: Коляска. 5 к. Вечеръ павану въ Ивана Купала. 6 к. Вій. 9 к. Майская ночь или утопленница. 7 к. Сорочинская ярмар-

русская литература

Народная литература, учебное

11000

ка. 6 к. Носъ 6 к. Страшная мѣсть. 8 к. Тарась Бульба. 18 к. Иванъ Фед. Шнявья. 10 к. Ссора Ивана Ил. съ Иваномъ Никиф. 15 к. Пропавшая грамота. 5 к. Ночь передъ Рождествомъ. 10 к. Женильба. 8 к. Шинель. 8 к. Золотодованное мѣсто. 5 к. Ревизоръ. 20 к. Старосвѣтскіе помѣщики. 6 к. Портретъ. 5 к. Мертвая душа т. I. 50 к., т. II. 50 к. Записки сумасшедшаго. 30 к. Размышленія о божеств. литургіи. 5 к. Игроки. 5 к. Невскій проспектъ. 5 к. Римъ 5 к.

Горбуновъ, П. Программы, учебные планы мужскихъ гимназій и прогимназій. М. 1900 г., ц. 50 к.

Его же. Программы и правила реальнаго училища. Изд. 5-е. М. 1902 г. ц. 60 к.

Его же. Программы и уставъ городскихъ училищъ М. Н. II. Изд. 6-е. М. 1901 г., ц. 40 к.

Грибодовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4 д. съ рисунками. М. 1902 г., ц. 15 к.

Гурьевъ, П. Иракъ. арифметика. К. I. Низкій курсъ, ц. 76 к., кн. II. Высшій курсъ, ц. 1 р. 25 к.

Де-Бори, А. Ботаника. Съ 47 р. Спб., ц. 40 к.

Денисовъ, Н. В. Русскія народныя сказки для младшаго возраста съ иллюстраціями. 5 выпусковъ. М. 1902 г., ц. по 50 к.

Древнія классики для русскихъ читателей. Лукаса Коллинза: Гомеръ Одиссея, Гомеръ Илиада, Ливій, письма Пллія, Эврипидъ, Юлій Цезарь, цѣна каждому выпуску по 1 р.

Дружонъ. Календарь для учащихся, издающійся ежегодно къ учебному времени. 215 стр., ц. 15 к.

Дюфрель, I. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разставовки и ходовъ шахматъ. М. 1897 г., ц. 50 к.

Знаюевъ. Наши сельскіе пожары. Наставленіе волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ и всѣмъ грамот. крестьянамъ, какъ оберегаться отъ пожаровъ въ селеніяхъ, лѣсахъ, степяхъ и торфяникахъ и какъ ихъ тушить, съ рисунками. ц. 60 к.

Изъ жизни русскихъ писателей. Рассказы и анекдоты, ц. 75 к.

Иллюстрированные рассказы для дѣтей изъ жизни животныхъ. Сост. по Бромю, Жоффруа, Сентъ-Илеру, Фриваллину и друг., въ папкѣ, съ рисунк. въ текстѣ. Спб., ц. 50 к.

Историческіе рисунки. Испанцы въ Мексикѣ. Ренци. Жизнь Вашингтона. 366 стр. Спб., ц. 50 к.

Косырева, В. Краткая Священная Исторія Ветхаго Завета. Съ рисунками, составленная по программѣ для гимназій и рекомендована Святейшимъ Синодомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и вообще во всѣхъ среднихъ и низшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 9-е, съ карт. М. 1898 г., ц. въ перепл. 30 к.

Ея же. Краткая Святая Исторія Нового Завета. Съ рисунками. Составленная по программѣ для гимназій и рекомендована Святейшимъ Синодомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и вообще во всѣхъ среднихъ и низшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе 7-е, съ множеств. картин. Москва, 1898 г., ц. въ перепл. 35 к.

Мелокольникова, В. Кавказъ, очеркъ. М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ учебныя бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Ея же. Очерки Японіи. М. 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Ея же. Среди степей, пустыль и горъ. (Монголія, Тибетъ). М. 1899 г., ц. 15 к.

Ея же. Камгары, Джунгарія и Манчжурія. М. 1900 г., ц. 15 к.

Ея же. Небесная имперія. (Китай). М. 1893 г., ц. 25 к.

Ея же. Корей. (Страна утренней ясности). М. 1900 г., ц. 10 к.

Ея же. Сказочная страна. (Индія). М. 1901 г., ц. 15 к.

Ея же. Кипр. Повѣсть для дѣтей, съ рис. К. О. Брожа. М. 1901 г., ц. 50 к.

Ея же. Воропа. Рассказъ для дѣтей, съ рис. К. О. Брожа. М. 1901 г., ц. 30 к.

Ея же. Церковно-славянскій словарь.—Для толковаго чтенія Св. Евангелій, Псалтири и Часослова. Спб., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. допущено въ учебныя бібліотеки среднихъ и низшихъ учеб. заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. Ломоносова. М. 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пров. допущено въ учебныя бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплат. нар. библ. и читал. и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М. 1897 г., ц. 20 к.

М. Н. Пр. допущено въ учебныя бібліотеки всѣхъ средн. учебн. зав. и город. училищъ, въ учител. библ. низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Его же. Письма. Съ предисл. П. В. Смирновскаго. М. 1901 г., ц. 30 к.

Басинъ И. А. Крылова,

съ приложеніемъ портрета автора, его биографіи, написанной П. А. Шлетневскимъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ф. Кеверичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы. 1897 г., ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учебныя бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читальни.

Тонне, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его биографіей. М. 1900 г., изд. 3-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папкѣ 20 к. и въ колекціи. перепл. 35 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій съ его портретомъ и 125 рисунками худ. Кишлика. Подъ редакціей и съ біогр. сост. П. В. Смирновскимъ. М. 1901 г., ц. 85 к., въ розк. перепл. 1 р. 55 к.

Его же. Отдѣльно изд. произведенія, съ тѣми же рисунками: Всѣ баллады и легенды, ц. 5 к. Кавказскій пѣвнникъ, ц. 3 к. Корсаръ, ц. 2 к. Черкесы, ц. 2 к. Преступникъ, ц. 2 к. Джулія, ц. 3 к. Лигвица, ц. 3 к. Ангелъ Смерти, ц. 5 к. Ауль-Вастудаджи, ц. 3 к. Пэмилль-Бей, ц. 10 к. Каллы, ц. 2 к. Хаджи-Абрекъ, ц. 3 к. Кавказчейша, ц. 4 к. Боиринъ Орша, ц. 4 к. Пѣснь про купца Калашникова, ц. 3 к. Мырзи, ц. 4 к. Повѣсти изъ современной жизни, ц. 7 к. Демонъ, ц. 6 к. Испанцы, ц. 10 к. Маскараль, ц. 10 к. Горбачъ-Вадимъ, ц. 15 к. Килгрия Лиговская, ц. 8 к. Бала, ц. 8 к. Тамаль, ц. 3 к. Княжна Мери, ц. 12 к. Фаталистъ, ц. 2 к. Герой нашего времени, ц. 25 к. Ашикъ-Керибъ, ц. 2 к. Ирларакъ, ц. 3 к. Люди и страсти, ц. 8 к. Страшный челоувѣкъ, п. 8 к. Два брата, ц. 5 к.

Львова, М. А. Князь „Новенькалъ“. М. 1901 г., ц. 25 к.

Ея же. Муравинъ. М. 1901 г., ц. 25 к.

Ея же. О нравственномъ воспитаніи. М. 1901 г., ц. 10 к.

ме. Колокольчикъ. М. 1898 г., ц. 50 к.
 Ея же. Колянь барабаникъ. М. 1901 г., ц. 15 к.
 Ея же. Мама Галкина. М. 1901 г., ц. 15 к.
 Ея же. Графинюшка. М. 1901 г., ц. 15 к.
 Ея же. Изъ дневника. М. 1901 г., ц. 15 к.
 Львовъ. Кн. Петруша Церловъ. Рассказъ для дѣтей старшаго возр. изъ временъ Отечест. войны. Съ рисунками. М. 1896 г., ц. 1 р.
 Нешировичъ-Данченко. Вас. Богдояъ Шипкинь. Рассказъ для юношества. М. 1899 г., п. 20 к., въ папкѣ 25 к.
 Его же. Глушый Белька. Рассказъ для юношества. М. 1899 г., ц. 20 к., въ папкѣ 25 к.
 Его же. Бродяжки. Рассказъ для юношества. М. 1899 г., ц. 20 к., въ папкѣ 25 к.
 Его же. Соловки. Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами. М. 1899 г., ц. 20 к.
 Его же. I. Оленька. II. „Въ первомъ огнѣ“ (2 рассказа). 1899 г., ц. 20 к.
 Его же. Живопись. Повѣсть. М. 1901 г., ц. 15 к.
 Его же. „Редуть взять“. М. 1900 г., ц. 15 к.
 Жизнь за братьевъ“. М. 1899 г., ц. 20 к.
 „Дустой редуть“. М. 1899 г., ц. 10 к.
 „Три славныхъ дня“. М. 1899 г., ц. 10 к.
 „Отступленіе“. М. 1899 г., ц. 10 к.
 „На св. Николаѣ“. М. 1899 г., ц. 10 к.
 „Кланувъ великаго боя“. М. 1899 г., ц. 15 к.
 „Богъ помогъ“. М. 1899 г., ц. 15 к.
 „Походное дѣло“. М. 1900 г., ц. 15 к.
 „На міру безъ міра“. М. 1900 г., ц. 15 к.
 Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣствующаго тексту.
 Олендорфъ, проф. Самоучитель нѣмецк. языка.
 Его же. Самоучитель французскаго языка.
 Практическое руководство къ правильному и безошибочному чтенію, письму, переводу и бѣглому разговору на этихъ языкахъ, въ 3 мѣсяца, съ практическими ключами. Приспособленные для русскихъ. М., 1898 г., ц. съ ключами 2 р. 50 к. (Цѣна каждому языку отдѣльно съ ключемъ 1 р. 25 к.).
 Ольмюль. Луиза. Маленькія женщины. Перев. Н. Н. Иллискаго, съ рис. К. О. Брожа. М. 1899 г., ц. 1 р. 26 к.
 Ея же. Маленькія женщины взрослыя. М. 1900 г., ц. 1 р. 25 к.
 Ея же. Маленькія мужчины. М. 1900 г., ц. 1 р. 25 к.
 Ея же. Исторія семи мальчиковъ и одной дѣвочки. Ихъ кузны иди „Тетушкинъ холмъ“. Пер. М. Главачкой. М. 1901 г., ц. 50 к.
 Петровъ. Н. „Звѣздочка“, сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія родного языка. М. 1896 г., ц. 40 к., наз. 7-е. Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ низшихъ классахъ гимназій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета—для народныхъ школъ. Это 7-е издание дополнено еще 5-мъ отдѣл.—прибавленъ славянскій текстъ.
 Позняковъ, Н. И. На память дѣткамъ. Сборникъ рассказ. и стихотвор., въ колѣн. перепл., ц. 2 р.
 Помарскій, В. Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія и скорописи. Изд. 6-е СПб. 1901 г., ц. 40 к.
 Его же. Прованс русскія, ц. 20 к.
 „ „ французскія, ц. 20 к.
 „ „ нѣмецкія, ц. 20 к.
 „ „ латинскія, ц. 20 к.
 „ „ греческія, ц. 20 к.
 Его же. Основное правило каллиграфіи и круглаго письма, съ собраніемъ различныхъ алфавитовъ. ц. 50 к.

ПОСОБІЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ учебника нѣмецкаго языка Ивана Аллендорфа. Ч. 1-я и 2-я. М. 1899 г., ц. по 15 к.

Рѣшенія набранныхъ арифметическихъ задачъ съ объясненіемъ изъ сборника В. Арбузса. А. и В. Мининскихъ и Назарова. Сост. А. В. Лебедевъ. М. 1901 г., ч. I, ц. 30 к. ч. II, ц. 40 к.
 Рѣшенія набранныхъ алгебраическихъ задачъ изъ сборника Ф. Бычкова. 3 вып. М. 1901 г. вып. I, ц. 30 к. II, 30 к. III, 40 к.
 Вергилій, Энеида. Переводъ со словами и примѣчаніями. Пѣсни 1, 3 и 4-я перев. Н. Г. Кипарисова. П. 2-я перев. В. Цвѣткова. М. 1900 г., ц. 1-й 50 к. 2 и 4 по 30 к. и 3-й 35 к.
 Рѣшенія набранныхъ арифметическихъ задачъ изъ сборника И. Верещагина, съ объясненіемъ. Сост. В. Потоцкія. М. 1900 г., ц. 30 к.
 Вольтеръ. Исторія Карла XII, Короля Швеціи. Подстр. пер. Н-ва. М. 1900 г., ц. 25 к.
 Рѣшенія набранныхъ арифметическихъ задачъ А. Воронова, съ объясненіемъ. Ч. 1-я Цѣлыя числа, ц. 30 к., Ч. II. Дроби 35 к. М. 1901 г.
 Гауффъ. В. Набранныя сказки. Подстр. перев. П. Н.—ва. М. 1901 г., ц. 25 к.
 Гете. Германъ и Доротея. Подстр. перев. П. Н. М. 1901 г., ц. 25 к.
 Ключъ къ элементарному курсу французскаго языка. I. Гильдебрантъ. 2 ч. М. 1901 г., ц. ч. I. 30 к. ч. II 40 к.
 Гомеръ. Иліада. П. 1-я. Перев. со слов и примѣч. Н. Кипарисова. М. 1899 г., ц. 30 к. II. IV. Перев. со слов и примѣч. Е. Н. Локтева. М. 1901 г., ц. 30 к.
 Гомеръ. Одиссея. Перев. со словами и примѣч. Н. Г. Кипарисова. П. I, II, VI и IX. М. 1900 г., ц. по 30 к.
 Ключъ къ франц. учебн. Н. Demmenle et J. Levtier. Lagations. Рассказы и упражненія памяти въ прозѣ и стихахъ. Подстр. пер. Е. Красильниковой. М. 1901 г., ц. 60 к.
 Ключъ къ русскимъ и французскимъ упражненіямъ Компетитскаго учебника французскаго языка. В. С. Игнатовича. 3 ч. М. 1899 г., ц. 1-я 30 к., 2-я 40 к., 3-я 65 к.
 Ключъ къ сборнику статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій сост. Кейзеромъ. Пересм. и доп. Гретманомъ М. 1900 г., ц. 50 к.
 Ключъ къ практическому курсу нѣмецкаго языка Эмилъ Мариовіусъ. Переводъ съ русскаго на нѣмецкій Луи. М. 1900 г., ц. 50 к.
 То же. Переводъ нѣмецкихъ фразъ на русскій языкъ. М. 1899 г., ц. 50 к.
 Ключъ къ курсу французскаго языка Б. Иленце. 2 ч. М. 1900 г., ц. 1-й ч. 40 к. 2-й 60 к.
 Корнелій Непотъ. Избранныя біографіи. Подстроч. переводъ со словами и примѣч. Н. Г. Кипарисова. М. 1901 г., ц. 75 к.
 Корнелъ. Силь. Подстр. перев. Медвѣдева. М. 1901 г., ц. 25 к.
 Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й ч. Латинской грамматики Крамера, сост. по Р. Кюнеру, ц. 40 к.
 Ксенофонтъ. Анабазисъ. Книга II. Подстр. перев. со словами, таблицей непр. глаголовъ и примѣч. Н. Кипарисова. М. 1901 г., ц. 40 к.
 Ксаье-де-Местръ. Параша Сибирячка. Подстр. перев. И. И. Медвѣдева. М. 1901 г., ц. 10 к.
 Рѣшенія набранныхъ арифметическихъ задачъ изъ сборника А. Малинина и Н. Буренина. 2 ч. М. 1901 г., ц. 1-й ч. 30 к. II, 40 к.
 Ключъ къ русскимъ упражненіямъ послѣд. изданія учебника „Cours élémentaire et progressif de langue française“. Д. Марго. М. 1899 г., ц. 50 к.
 Ключъ къ послѣднему изд. Практич. руководству для постепен. упраж. въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, М. Массона. Изд. 3-е. М. 1900 г., ц. 45 к.
 Ключъ къ курсу нѣмецкаго языка Фердинандъ Мей. М. 1900 г., годъ I, ц. 20 к., годъ II, ц. 30 к.
 Мольеръ. Скупой. Комедія въ 5 д. Подстр. перев. И. И. Медвѣдева. М. 1900 г., ц. 25 к.
 Его же. Мизантропъ. Комедія въ 5 д. Подстр. перев. Медвѣдева. М. 1899 г., ц. 25 к.

ПОСОБІЕ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ
МУЖСКИХЪ И ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ.

СОСТАВИЛЪ

П. Смирновскій.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ II.

(Отъ Карамзина до Пушкина).

ИЗДАНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Одобрено въ видѣ учебнаго пособія при изученіи русской словесности для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна въ перепл. 1 р. 50 к.

Собственность книжной торговли спеціально для иногороднихъ Андрея Яковлевича Панафидина. Москва, Покровка, Дядинъ пер., собствен. д., № 11—13.

1900.

121035

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ.

(1766—1826).

„Наша личность, обращенная всѣми своими сочувствіями къ добру и пользѣ челоѳчества и не разорвавшая связей съ отечествомъ, можетъ служить прекраснымъ сосудомъ для того, чтобы передавать всемірное добро своему народу: такова была личность Карамзина. Жизнь Карамзина раздѣляется на двѣ части: въ первой всестороннимъ образованіемъ онъ готовитъ себя на подвигъ отечественный, во второй—обрекаетъ себя на служеніе отечеству въ „Исторіи Государства Россійскаго“ ¹⁾. Разсмотримъ обѣ половины этой прекрасной, цѣльной жизни.

Первая половина біографіи Карамзина и первый періодъ его литературной дѣятельности (до 1803 г.).

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 г. въ селѣ Михайловскомъ, Оренбургской губерніи, отъ небогатыхъ дворянъ, производившихъ свой родъ отъ татарскаго князька Кара-Мурзы. Дѣтство свое Карамзинъ провелъ въ Симбирскѣ, на берегахъ Волги. Природа одарила его рѣдкою чувствительностью, которая очень рано начала обнаруживаться въ немъ и не покидала его до смерти. Эта природная чувстви-

¹⁾ Слова профессора Шевырева (см. его „Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году“, изд. Академіи Наукъ (1884 г.), стр. 259).

тельность, являющаяся особенной, замѣчательной чертой характера Карамзина, развилась въ немъ потомъ еще сильнѣе подвліяніемъ чтенія современныхъ романовъ. Онъ рано началъ читать и читалъ много, при чемъ болѣе всего нравились ему чувствительные романы. Впослѣдствіи онъ самъ сознавалъ благотворное вліяніе на него этого чтенія и вообще приписывалъ чтенію большое воспитательное значеніе. По собственному признанію Карамзина, изъ этого чтенія „въ нѣжной душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми начерталось слѣдствіе: *итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!.. торжество порока есть обманъ и призракъ!*“¹⁾ Такимъ образомъ уже отроческому понятію Карамзина представалось тожество добродѣтели и красоты, порока и безобразія.

Надо замѣтить, что чувствительность, всегда отличающаяся болѣе или менѣе меланхолическимъ характеромъ, у Карамзина по преимуществу носила на себѣ отпечатокъ грусти—чувство, которому онъ любилъ предаваться и колыбелью котораго было его раннее сиротство: Карамзинъ еще въ младенчествѣ лишился матери, и эта потеря имѣла большое вліяніе на складъ его души. Вотъ въ какихъ грустныхъ чувствахъ оплакивалъ онъ впослѣдствіи свое младенчество.

Ахъ! я не звалъ тебя!.. ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колыбеляхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ двоей могилы!..
Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство.

Впечатлѣнія дѣтства, оказавъ свое вліяніе на складъ души Карамзина, имѣли вліяніе и на его умственное развитіе: чтеніе,

¹⁾ Эти слова сказаны Карамзинимъ въ его произведеніи „Рыцарь нашего времени“, на которое надо смотрѣть, какъ на автобіографію первыхъ лѣтъ жизни.

питая въ немъ чувствительность, развивало въ то же время и его умъ, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, что Карамзинъ читалъ не одни чувствительные романы, но также и римскую исторію: Сципіоны и Ганнибалы привлекали вниманіе еще восьмилѣтняго Карамзина и образовывали будущаго историка. *К. В. Шаденъ*

На четырнадцатомъ году Карамзина отвезли въ Москву и отдали въ пансіонъ Шадена, профессора философіи въ Московскомъ университетѣ. Тутъ начался второй періодъ образованія Карамзина. Подъ руководствомъ такого опытнаго педагога, какимъ былъ Шаденъ, способности Карамзина стали быстро развиваться. Здѣсь выучился онъ иностраннымъ языкамъ, здѣсь слушалъ онъ уроки нравственной философіи, преподаваемой самимъ Шаденомъ; здѣсь же продолжалось и развитіе его чтеніемъ книгъ, по выбору самого Шадена; наконецъ, вмѣстѣ съ другими пансіонерами, Карамзинъ посѣщалъ и университетскія лекціи. *Шаденъ*

По выходѣ изъ пансіона, Карамзинъ, по совѣту Шадена, хотѣлъ продолжать свое образованіе за границей, въ Лейпцигскомъ университетѣ. Однако намѣреніе это не исполнилось, и онъ, записанный еще въ малолѣтствѣ въ преображенскій полкъ, поступилъ въ военную службу, но вскорѣ, получивъ извѣстіе о смерти отца, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ для устройства дѣлъ по наслѣдству. *III. К. В. Друж. Общ.*

Въ 1785 г. Карамзинъ снова появляется въ Москвѣ и вступаетъ въ тѣсный кружокъ „Дружескаго общества“, устроившагося съ литературно-издательской цѣлію. Въ кругу этого общества, главнымъ двигателемъ котораго былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, прошелъ третій, самый важный періодъ умственно-нравственнаго воспитанія Карамзина. Дѣятельность Дружескаго общества была направлена на то, чтобы распространять просвѣщеніе посредствомъ изданія и дешевой продажи книгъ. Съ этою цѣлію Новиковъ выбиралъ лучшія произведенія иностранныхъ писателей и поручалъ переводить ихъ даровитымъ и образованнымъ молодымъ людямъ. Карамзину тотчасъ же была предложена работа, и онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Петровымъ, съ которымъ сошелся тутъ же, въ Дружескомъ обществѣ, началъ трудиться надъ изданіемъ журнала „Дѣтское чтеніе“, куда помѣщалъ какъ статьи переводныя, такъ и оригинальныя, *Общ.*

написанныя имъ самимъ. Но дѣятельность Карамзина во время пребыванія въ кружкѣ Новикова далеко не ограничивалась одною работою надъ „Дѣтскимъ чтеніемъ“: онъ очень много читалъ, переводилъ и вообще много работалъ надъ пополненіемъ своего образованія. Къ этому времени относятся его переводы Шекспирова „Юлія Цезаря“, Лессинговой „Эмили Галотти“, а также и сочиненій религіозно-философскаго содержанія, какова, напри- мѣръ, поэма Галлера „О происхожденіи зла“. Не малое вліяніе оказали на Карамзина и его близкія отношенія къ нѣкоторымъ членамъ Дружескаго общества, въ особенности къ его сотруд- нику по изданію „Дѣтскаго чтенія“ — Петрову, о которомъ Карамзинъ всю жизнь сохранялъ самыя теплыя воспоминанія. Образованный и талантливый Петровъ, съ строгимъ умомъ и основательными познаніями, не могъ не оказать вліянія на взгляды, вкусы и занятія Карамзина. Около четырехъ лѣтъ провелъ Карамзинъ въ кругу Дружескаго общества, и здѣсь окончательно развились его силы, окрѣпло пламенное стремленіе къ добру и любовь къ просвѣщенію; отсюда же вынесена Карамзинимъ и та привычка къ усидчивому, упорному и аккуратному труду, которая такъ много помогла ему впослѣдствіи, когда онъ при- нялся за свою „Исторію Государства Россійскаго“. Въ этой школѣ Карамзинъ закалился и измѣнился во многомъ. Одинъ изъ его друзей—писатель Дмитріевъ, съ которымъ онъ позна- комился еще въ Петербургѣ, во время своей военной службы, говоритъ, что, встрѣтившись съ Карамзинимъ незадолго до его поѣздки за границу, не узналъ въ немъ прежняго юношу. „Это былъ не тотъ юноша“—говоритъ Дмитріевъ,—„который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою война, но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ чловѣка... Главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли“.

И К. за
границей

Въ 1789 г. Карамзинъ оставилъ Дружеское общество и отправился за границу. Цѣлью путешествія было увидѣть при- роду въ ея разнообразіи, увидѣть великихъ мужей науки и иску- ства, увидѣть плоды европейской цивилизаціи — и усовершен- ствовать въ себѣ чловѣка. Знаніе иностранныхъ языковъ, обширная начитанность и знакомство съ европейскою литера-

турою, нравственная выдержка въ Новиковскомъ кругѣ — все это служило прекрасною подготовкою для поѣздки за границу съ такою возвышенной цѣлью. За границую Карамзинъ пробылъ полтора года и посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Во время своего путешествія онъ велъ путевыя записки и пересылалъ ихъ въ Москву въ видѣ писемъ къ короткимъ друзьямъ своимъ — семейству Плещеевыхъ; по возвращеніи изъ-за границы, онъ собралъ ихъ и напечаталъ подь названіемъ

• „Писемъ русскаго путешественника“. *У. Лит. справ. 1-0-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40-41-42-43-44-45-46-47-48-49-50-51-52-53-54-55-56-57-58-59-60-61-62-63-64-65-66-67-68-69-70-71-72-73-74-75-76-77-78-79-80-81-82-83-84-85-86-87-88-89-90-91-92-93-94-95-96-97-98-99-100-101-102-103-104-105-106-107-108-109-110-111-112-113-114-115-116-117-118-119-120-121-122-123-124-125-126-127-128-129-130-131-132-133-134-135-136-137-138-139-140-141-142-143-144-145-146-147-148-149-150-151-152-153-154-155-156-157-158-159-160-161-162-163-164-165-166-167-168-169-170-171-172-173-174-175-176-177-178-179-180-181-182-183-184-185-186-187-188-189-190-191-192-193-194-195-196-197-198-199-200-201-202-203-204-205-206-207-208-209-210-211-212-213-214-215-216-217-218-219-220-221-222-223-224-225-226-227-228-229-230-231-232-233-234-235-236-237-238-239-240-241-242-243-244-245-246-247-248-249-250-251-252-253-254-255-256-257-258-259-260-261-262-263-264-265-266-267-268-269-270-271-272-273-274-275-276-277-278-279-280-281-282-283-284-285-286-287-288-289-290-291-292-293-294-295-296-297-298-299-300-301-302-303-304-305-306-307-308-309-310-311-312-313-314-315-316-317-318-319-320-321-322-323-324-325-326-327-328-329-330-331-332-333-334-335-336-337-338-339-340-341-342-343-344-345-346-347-348-349-350-351-352-353-354-355-356-357-358-359-360-361-362-363-364-365-366-367-368-369-370-371-372-373-374-375-376-377-378-379-380-381-382-383-384-385-386-387-388-389-390-391-392-393-394-395-396-397-398-399-400-401-402-403-404-405-406-407-408-409-410-411-412-413-414-415-416-417-418-419-420-421-422-423-424-425-426-427-428-429-430-431-432-433-434-435-436-437-438-439-440-441-442-443-444-445-446-447-448-449-450-451-452-453-454-455-456-457-458-459-460-461-462-463-464-465-466-467-468-469-470-471-472-473-474-475-476-477-478-479-480-481-482-483-484-485-486-487-488-489-490-491-492-493-494-495-496-497-498-499-500-501-502-503-504-505-506-507-508-509-510-511-512-513-514-515-516-517-518-519-520-521-522-523-524-525-526-527-528-529-530-531-532-533-534-535-536-537-538-539-540-541-542-543-544-545-546-547-548-549-550-551-552-553-554-555-556-557-558-559-560-561-562-563-564-565-566-567-568-569-570-571-572-573-574-575-576-577-578-579-580-581-582-583-584-585-586-587-588-589-590-591-592-593-594-595-596-597-598-599-600-601-602-603-604-605-606-607-608-609-610-611-612-613-614-615-616-617-618-619-620-621-622-623-624-625-626-627-628-629-630-631-632-633-634-635-636-637-638-639-640-641-642-643-644-645-646-647-648-649-650-651-652-653-654-655-656-657-658-659-660-661-662-663-664-665-666-667-668-669-670-671-672-673-674-675-676-677-678-679-680-681-682-683-684-685-686-687-688-689-690-691-692-693-694-695-696-697-698-699-700-701-702-703-704-705-706-707-708-709-710-711-712-713-714-715-716-717-718-719-720-721-722-723-724-725-726-727-728-729-730-731-732-733-734-735-736-737-738-739-740-741-742-743-744-745-746-747-748-749-750-751-752-753-754-755-756-757-758-759-760-761-762-763-764-765-766-767-768-769-770-771-772-773-774-775-776-777-778-779-780-781-782-783-784-785-786-787-788-789-790-791-792-793-794-795-796-797-798-799-800-801-802-803-804-805-806-807-808-809-810-811-812-813-814-815-816-817-818-819-820-821-822-823-824-825-826-827-828-829-830-831-832-833-834-835-836-837-838-839-840-841-842-843-844-845-846-847-848-849-850-851-852-853-854-855-856-857-858-859-860-861-862-863-864-865-866-867-868-869-870-871-872-873-874-875-876-877-878-879-880-881-882-883-884-885-886-887-888-889-890-891-892-893-894-895-896-897-898-899-900-901-902-903-904-905-906-907-908-909-910-911-912-913-914-915-916-917-918-919-920-921-922-923-924-925-926-927-928-929-930-931-932-933-934-935-936-937-938-939-940-941-942-943-944-945-946-947-948-949-950-951-952-953-954-955-956-957-958-959-960-961-962-963-964-965-966-967-968-969-970-971-972-973-974-975-976-977-978-979-980-981-982-983-984-985-986-987-988-989-990-991-992-993-994-995-996-997-998-999-1000-1001-1002-1003-1004-1005-1006-1007-1008-1009-1010-1011-1012-1013-1014-1015-1016-1017-1018-1019-1020-1021-1022-1023-1024-1025-1026-1027-1028-1029-1030-1031-1032-1033-1034-1035-1036-1037-1038-1039-1040-1041-1042-1043-1044-1045-1046-1047-1048-1049-1050-1051-1052-1053-1054-1055-1056-1057-1058-1059-1060-1061-1062-1063-1064-1065-1066-1067-1068-1069-1070-1071-1072-1073-1074-1075-1076-1077-1078-1079-1080-1081-1082-1083-1084-1085-1086-1087-1088-1089-1090-1091-1092-1093-1094-1095-1096-1097-1098-1099-1100-1101-1102-1103-1104-1105-1106-1107-1108-1109-1110-1111-1112-1113-1114-1115-1116-1117-1118-1119-1120-1121-1122-1123-1124-1125-1126-1127-1128-1129-1130-1131-1132-1133-1134-1135-1136-1137-1138-1139-1140-1141-1142-1143-1144-1145-1146-1147-1148-1149-1150-1151-1152-1153-1154-1155-1156-1157-1158-1159-1160-1161-1162-1163-1164-1165-1166-1167-1168-1169-1170-1171-1172-1173-1174-1175-1176-1177-1178-1179-1180-1181-1182-1183-1184-1185-1186-1187-1188-1189-1190-1191-1192-1193-1194-1195-1196-1197-1198-1199-1200-1201-1202-1203-1204-1205-1206-1207-1208-1209-1210-1211-1212-1213-1214-1215-1216-1217-1218-1219-1220-1221-1222-1223-1224-1225-1226-1227-1228-1229-1230-1231-1232-1233-1234-1235-1236-1237-1238-1239-1240-1241-1242-1243-1244-1245-1246-1247-1248-1249-1250-1251-1252-1253-1254-1255-1256-1257-1258-1259-1260-1261-1262-1263-1264-1265-1266-1267-1268-1269-1270-1271-1272-1273-1274-1275-1276-1277-1278-1279-1280-1281-1282-1283-1284-1285-1286-1287-1288-1289-1290-1291-1292-1293-1294-1295-1296-1297-1298-1299-1300-1301-1302-1303-1304-1305-1306-1307-1308-1309-1310-1311-1312-1313-1314-1315-1316-1317-1318-1319-1320-1321-1322-1323-1324-1325-1326-1327-1328-1329-1330-1331-1332-1333-1334-1335-1336-1337-1338-1339-1340-1341-1342-1343-1344-1345-1346-1347-1348-1349-1350-1351-1352-1353-1354-1355-1356-1357-1358-1359-1360-1361-1362-1363-1364-1365-1366-1367-1368-1369-1370-1371-1372-1373-1374-1375-1376-1377-1378-1379-1380-1381-1382-1383-1384-1385-1386-1387-1388-1389-1390-1391-1392-1393-1394-1395-1396-1397-1398-1399-1400-1401-1402-1403-1404-1405-1406-1407-1408-1409-1410-1411-1412-1413-1414-1415-1416-1417-1418-1419-1420-1421-1422-1423-1424-1425-1426-1427-1428-1429-1430-1431-1432-1433-1434-1435-1436-1437-1438-1439-1440-1441-1442-1443-1444-1445-1446-1447-1448-1449-1450-1451-1452-1453-1454-1455-1456-1457-1458-1459-1460-1461-1462-1463-1464-1465-1466-1467-1468-1469-1470-1471-1472-1473-1474-1475-1476-1477-1478-1479-1480-1481-1482-1483-1484-1485-1486-1487-1488-1489-1490-1491-1492-1493-1494-1495-1496-1497-1498-1499-1500-1501-1502-1503-1504-1505-1506-1507-1508-1509-1510-1511-1512-1513-1514-1515-1516-1517-1518-1519-1520-1521-1522-1523-1524-1525-1526-1527-1528-1529-1530-1531-1532-1533-1534-1535-1536-1537-1538-1539-1540-1541-1542-1543-1544-1545-1546-1547-1548-1549-1550-1551-1552-1553-1554-1555-1556-1557-1558-1559-1560-1561-1562-1563-1564-1565-1566-1567-1568-1569-1570-1571-1572-1573-1574-1575-1576-1577-1578-1579-1580-1581-1582-1583-1584-1585-1586-1587-1588-1589-1590-1591-1592-1593-1594-1595-1596-1597-1598-1599-1600-1601-1602-1603-1604-1605-1606-1607-1608-1609-1610-1611-1612-1613-1614-1615-1616-1617-1618-1619-1620-1621-1622-1623-1624-1625-1626-1627-1628-1629-1630-1631-1632-1633-1634-1635-1636-1637-1638-1639-1640-1641-1642-1643-1644-1645-1646-1647-1648-1649-1650-1651-1652-1653-1654-1655-1656-1657-1658-1659-1660-1661-1662-1663-1664-1665-1666-1667-1668-1669-1670-1671-1672-1673-1674-1675-1676-1677-1678-1679-1680-1681-1682-1683-1684-1685-1686-1687-1688-1689-1690-1691-1692-1693-1694-1695-1696-1697-1698-1699-1700-1701-1702-1703-1704-1705-1706-1707-1708-1709-1710-1711-1712-1713-1714-1715-1716-1717-1718-1719-1720-1721-1722-1723-1724-1725-1726-1727-1728-1729-1730-1731-1732-1733-1734-1735-1736-1737-1738-1739-1740-1741-1742-1743-1744-1745-1746-1747-1748-1749-1750-1751-1752-1753-1754-1755-1756-1757-1758-1759-1760-1761-1762-1763-1764-1765-1766-1767-1768-1769-1770-1771-1772-1773-1774-1775-1776-1777-1778-1779-1780-1781-1782-1783-1784-1785-1786-1787-1788-1789-1790-1791-1792-1793-1794-1795-1796-1797-1798-1799-1800-1801-1802-1803-1804-1805-1806-1807-1808-1809-1810-1811-1812-1813-1814-1815-1816-1817-1818-1819-1820-1821-1822-1823-1824-1825-1826-1827-1828-1829-1830-1831-1832-1833-1834-1835-1836-1837-1838-1839-1840-1841-1842-1843-1844-1845-1846-1847-1848-1849-1850-1851-1852-1853-1854-1855-1856-1857-1858-1859-1860-1861-1862-1863-1864-1865-1866-1867-1868-1869-1870-1871-1872-1873-1874-1875-1876-1877-1878-1879-1880-1881-1882-1883-1884-1885-1886-1887-1888-1889-1890-1891-1892-1893-1894-1895-1896-1897-1898-1899-1900-1901-1902-1903-1904-1905-1906-1907-1908-1909-1910-1911-1912-1913-1914-1915-1916-1917-1918-1919-1920-1921-1922-1923-1924-1925-1926-1927-1928-1929-1930-1931-1932-1933-1934-1935-1936-1937-1938-1939-1940-1941-1942-1943-1944-1945-1946-1947-1948-1949-1950-1951-1952-1953-1954-1955-1956-1957-1958-1959-1960-1961-1962-1963-1964-1965-1966-1967-1968-1969-1970-1971-1972-1973-1974-1975-1976-1977-1978-1979-1980-1981-1982-1983-1984-1985-1986-1987-1988-1989-1990-1991-1992-1993-1994-1995-1996-1997-1998-1999-2000-2001-2002-2003-2004-2005-2006-2007-2008-2009-2010-2011-2012-2013-2014-2015-2016-2017-2018-2019-2020-2021-2022-2023-2024-2025-2026-2027-2028-2029-2030-2031-2032-2033-2034-2035-2036-2037-2038-2039-2040-2041-2042-2043-2044-2045-2046-2047-2048-2049-2050-2051-2052-2053-2054-2055-2056-2057-2058-2059-2060-2061-2062-2063-2064-2065-2066-2067-2068-2069-2070-2071-2072-2073-2074-2075-2076-2077-2078-2079-2080-2081-2082-2083-2084-2085-2086-2087-2088-2089-2090-2091-2092-2093-2094-2095-2096-2097-2098-2099-2100-2101-2102-2103-2104-2105-2106-2107-2108-2109-2110-2111-2112-2113-2114-2115-2116-2117-2118-2119-2120-2121-2122-2123-2124-2125-2126-2127-2128-2129-2130-2131-2132-2133-2134-2135-2136-2137-2138-2139-2140-2141-2142-2143-2144-2145-2146-2147-2148-2149-2150-2151-2152-2153-2154-2155-2156-2157-2158-2159-2160-2161-2162-2163-2164-2165-2166-2167-2168-2169-2170-2171-2172-2173-2174-2175-2176-2177-2178-2179-2180-2181-2182-2183-2184-2185-2186-2187-2188-2189-2190-2191-2192-2193-2194-2195-2196-2197-2198-2199-2200-2201-2202-2203-2204-2205-2206-2207-2208-2209-2210-2211-2212-2213-2214-2215-2216-2217-2218-2219-2220-2221-2222-2223-2224-2225-2226-2227-2228-2229-2230-2231-2232-2233-2234-2235-2236-2237-2238-2239-2240-2241-2242-2243-2244-2245-2246-2247-2248-2249-2250-2251-2252-2253-2254-2255-2256-2257-2258-2259-2260-2261-2262-2263-2264-2265-2266-2267-2268-2269-2270-2271-2272-2273-2274-2275-2276-2277-2278-2279-2280-2281-2282-2283-2284-2285-2286-2287-2288-2289-2290-2291-2292-2293-2294-2295-2296-2297-2298-2299-2300-2301-2302-2303-2304-2305-2306-2307-2308-2309-2310-2311-2312-2313-2314-2315-2316-2317-2318-2319-2320-2321-2322-2323-2324-2325-2326-2327-2328-2329-2330-2331-2332-2333-2334-2335-2336-2337-2338-2339-2340-2341-2342-2343-2344-2345-2346-2347-2348-2349-2350-2351-2352-2353-2354-2355-2356-2357-2358-2359-2360-2361-2362-2363-2364-2365-2366-2367-2368-2369-2370-2371-2372-2373-2374-2375-2376-2377-2378-2379-2380-2381-2382-2383-2384-2385-2386-2387-2388-2389-2390-2391-2392-2393-2394-2395-2396-2397-2398-2399-2400-2401-2402-2403-2404-2405-2406-2407-2408-2409-2410-2411-2412-2413-2414-2415-2416-2417-2418-2419-2420-2421-2422-2423-2424-2425-2426-2427-2428-2429-2430-2431-2432-2433-2434-2435-2436-2437-2438-2439-2440-2441-2442-2443-2444-2445-2446-2447-2448-2449-2450-2451-2452-2453-2454-2455-2456-2457-2458-2459-2460-2461-2462-2463-2464-2465-2466-2467-2468-2469-2470-2471-2472-2473-2474-2475-2476-2477-2478-2479-2480-2481-2482-2483-2484-2485-2486-2487-2488-2489-2490-2491-2492-2493-2494-2495-2496-2497-2498-2499-2500-2501-2502-2503-2504-2505-2506-2507-2508-2509-2510-2511-2512-2513-2514-2515-2516-2517-2518-2519-2520-2521-2522-2523-2524-2525-2526-2527-2528-2529-2530-2531-2532-2533-2534-2535-2536-2537-2538-2539-2540-2541-2542-2543-2544-2545-2546-2547-2548-2549-2550-2551-2552-2553-2554-2555-2556-2557-2558-2559-2560-2561-2562-2563-2564-2565-2566-2567-2568-2569-2570-2571-2572-2573-2574-2575-2576-2577-2578-2579-2580-2581-2582-2583-2584-2585-2586-2587-2588-2589-2590-2591-2592-2593-2594-2595-2596-2597-2598-2599-2600-2601-2602-2603-2604-2605-2606-2607-2608-2609-2610-2611-2612-2613-2614-2615-2616-2617-2618-2619-2620-2621-2622-2623-2624-2625-2626-2627-2628-2629-2630-2631-2632-2633-2634-2635-2636-2637-2638-2639-2640-2641-2642*

5) „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“ (1801), содержащій въ себѣ краткія характеристики нашихъ писателей отъ пѣвца Бояна до Ломоносова включительно.

6) „Вѣстникъ Европы“ (1802—1803)—литературно-политическій журналъ. Въ немъ Карамзинъ выступилъ, какъ публицистъ, и помѣстилъ много своихъ статей, касающихся какъ современныхъ политическихъ событій, такъ и явленій общественной жизни. Между прочимъ тутъ же помѣщена была и его историческая повѣсть „Марѳа Посадница“.

Всѣ эти исчисленныя изданія Карамзина имѣли для современнаго общества большое значеніе; они заключали въ себѣ такой материалъ для чтенія, который служилъ прекрасною воспитательною школою какъ для ума, такъ и для сердца читателя. Значительно большая часть этого материала принадлежит перу самого Карамзина, и что самое главное, такъ это то, что на его сторонѣ перевѣсъ не только количественный, но и качественный, такъ какъ наиболѣе важное изъ всего того, что помѣщалось въ изданіяхъ Карамзина, написано самимъ же издателемъ. Къ этому наиболѣе важному относятся: 1) его „Письма русскаго путешественника“, 2) его повѣсти, 3) его публицистическія статьи, помѣщавшіяся въ „Вѣстникъ Европы“. Къ этимъ произведеніямъ мы теперь и обратимся.

1. Объясненіе Письма русскаго путешественника.

Отправляясь за границу, Карамзинъ имѣлъ цѣлю усовершенствовать въ себѣ человека. Вотъ почему онъ во время своего путешествія съ величайшимъ интересомъ останавливался на всемъ, что касалось успѣховъ европейской цивилизаціи: вездѣ онъ интересуется плодами человѣческаго ума, произведеніями великихъ художниковъ, посѣщаетъ библіотеки, музеи, академіи, театры, знакомится лично съ писателями и учеными — и обо всемъ этомъ сообщаетъ въ своихъ письмахъ. Слѣдовательно письма Карамзина уже по самому содержанію своему могли имѣть большой интересъ для современной читающей русскои публики. Съ другой стороны, они нравились и своимъ изложеніемъ, новымъ для того времени, легкимъ и пріятнымъ, поражали новизною своего слога и увлекали тою сердечностью и теплотою,

II. Значеніе писемъ

а)

б)

которую проникнуты эти путевыя замѣтки молодого русскаго путешественника. Вотъ нѣсколько его писемъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ТВЕРИ.

Тверь, 18 Мая (1789 г.).

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привянуло къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?—Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставляло меня восходящее солнце—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я, какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать!—Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ. Милый Петровъ провожалъ меня до

заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мѣрѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые?—Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливейшимъ изъ смертныхъ!.. Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ карикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно.—Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній!—Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

Веймаръ, іюля 20 (1789 г.) ¹⁾.

... Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень невеликъ, и, кромѣ герцогскаго двора, не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома.—У городскихъ воротъ меня допрашивали, послѣ чего предложилъ я караульному сержанту свои вопросы, а именно: „здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гёте?“ Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ поспѣлѣе везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ. *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.—Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.—Дома ли Гёте? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.

¹⁾ Веймаръ—этотъ небольшой городокъ, интересовалъ Карамзина именно потому, что въ то время находились тамъ знаменитые нѣмецкіе поэты—Гердеръ, Виландъ, Гёте.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу,— взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звздою*, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала.—Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему, *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ какой-то нѣмецкій авторъ, *и сія мысль есть цѣлый міръ*. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многого не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе!—Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный философъ и ревностный читатель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нея многія мѣста, которыя мнѣ отъѣнно полюбились. Постойте—не найду ли чего-нибудь въ записной книжкѣ своей? Нашелъ одно мѣсто, которое, можетъ быть, и вамъ полюбится—и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о смерти. „Взглянемъ на лилію въ „полѣ: она вливаетъ въ себя воздухъ, свѣтъ, всѣ стихіи—и „соединяетъ ихъ съ существомъ своимъ для того, чтобы расти, „накопить жизненнаго соку и расцвѣсть; цвѣтетъ, и потомъ „исчезаетъ. Всю силу, любовь и жизнь свою истощила она на „то, чтобы сдѣлаться матерью, оставить по себѣ образы свои „и размножить свое бытіе. Теперь исчезло явленіе лиліи; она „истлѣла въ неутомимомъ служеніи натуры; готовилась къ разрушенію съ начала жизни. Но что разрушилось въ ней, кромѣ „явленія, которое не могло быть долѣе, которое, достигнувъ „до высочайшей степени, заключавшей въ себѣ видъ и мѣру „красоты ея—назадъ обратилось? и не съ тѣмъ, чтобы, лишась

„жизни, уступить мѣсто юнѣйшимъ живымъ явленіямъ—сіе было
„бы для насъ весьма печальнымъ символомъ — нѣтъ! напротивъ
„того, она, какъ живая, со всею радостію бытія произвела
„бытіе ихъ, и въ зародышѣ любезнаго вида предала его вѣчно-
„цвѣтущему саду времени, въ которомъ и сама цвѣтеть. Ибо
„лилія не погибла съ симъ явленіемъ; сила корня ея существ-
„вуетъ; она вновь пробудится отъ зимняго сна своего и воз-
„станетъ въ новой весенней красотѣ, подлѣ милыхъ дочерей
„бытія своего, которыя стали ея подругами и сестрами. Итакъ,
„нѣтъ смерти въ твореніи; или смерть есть не что иное,
„какъ удаленіе того, что не можетъ быть болѣе, т. - е. дѣй-
„ствіе вѣчно-юной, неутомимой силы, которая по своему свой-
„ству не можетъ ни минуты быть праздною или покониться. По
„изящному закону премудрости и благости, все въ быстрѣйшемъ
„теченіи стремится къ новой силѣ юности и красоты—стремится,
„и всякую минуту превращается“. — Въ семъ сочиненіи все ясно,
понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображеніе юности
кружится на высотахъ и сверкаетъ во мракѣ, подобно ночному
метеору, блестящему и въ минуту исчезающему: но мысль муд-
раго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ
крыльяхъ вѣющаго зефира—несется ко храму вѣчной Истины,
и свѣтлою струею свой путь означаетъ.—Я читалъ еще его
Параміои ¹⁾, нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя
дышатъ греческимъ духомъ и прекрасны, какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ и обошелся со мною
такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго автора, а видѣлъ
передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка.—Онъ
спрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ
отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на лите-
ратуру, и, слыша отъ меня, что я люблю нѣмецкихъ поэтовъ,
спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ. Сей
вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я,
запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ пѣвцовъ герман-
скихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ
менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ

¹⁾ Т.-в. *отдохновенія*. Сямъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе греки
свои забавныя краткія повѣсти. (Прим. автора).

на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда не приниматься за эту славную поэму“.—Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гёте—и, велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особенно нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Jovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

„Это совершенно по-гречески, сказалъ онъ—и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!“—Гердеръ, Гёте и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни французы ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду, и цари знали счетъ своимъ баранамъ.—Гердеръ—любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго профессора Музеуса, сочинителя *Физиономическаго путешествія и Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ урна съ надписью: *незабвенному Музеусу*.—Чувствительная Амалія ¹⁾! потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

Юля 21.

Вчера два раза былъ я у Виланда, и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ

¹⁾ Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго герцога. (Прим. авт.).

утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные—таковъ Виландъ.—Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ—сказаль я. „Это не стоило труда!“ отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-нѣмецки. Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли, изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. „Конечно, я пришелъ не во время?“ спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ-нибудь занимаемся.— „Итакъ позвольте мнѣ прійти въ другое время, назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть“.—*Виландъ*. Чего вы отъ меня хотите?—*Я*. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ и возбудили во мнѣ желаніе узнать автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя.—*В*. Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно?—*Я*. Скажите.—*В*. Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю.—*Я*. Правда; но чего вамъ опасаться?—*В*. Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровененъ.—*Я*. Помните, что я не нѣмецъ, и не могу писать для нѣмецкой публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка.—*В*. Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: дѣ наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться?

Вѣдь вы здѣсь не будете жить?—*Я.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и, разставшись въ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда—узналъ, какъ отца среди семейства и какъ друга среди друзей.—*В.* Вы очень искренни. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили чего-нибудь дурного.—*Я.* Вы шутите.—*В.* Нимало. Сверхъ того, мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить.

• Можетъ быть, въ другомъ пѣмецкомъ городѣ, наприм., въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе.—*Я.* Вы поэтъ, а я люблю поэзію: какъ бы пріятно для меня было, если бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея!—*В.* Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ поэзіи.—*Я.* О! много чести. Итакъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ.—*В.* (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*). Я не фізіономистъ; однакожь видъ вашъ заставляеть меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность, и я вижу еще перваго русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этого старика (*указывая на бюстъ Вольтерова*). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать французамъ; а вы—*Я.* Благодарю.—*В.* Итакъ, если вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго.—*Я.* Вы хотите быть только снисходительны!—*В.* Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренни.—*Я.* Простите.—*В.* Въ третьемъ часу васъ ожидаю.—*Я.* Буду.—Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все ещѣ въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера—съ такою же привѣтливою улыбкою и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ недавно возвратился,

и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію и взглянулъ на Медицисскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера—взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима и вздохнулъ бы о тлѣнности своего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большей части непонятною. „Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ“.—Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ: теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ невысокаго росту, посредственной толщины и лицомъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ—(но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ-нибудь фізіономическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего такого, что бы показывало желаніе *казаться чѣмъ-нибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсь словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца музъ; но великій ученый и глубокомысленный метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали, или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, вспоминая видъ и голосъ автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается,* сказалъ одинъ. *Подите къ нему,* сказали двое виѣсть. *Мы васъ проводимъ,* сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите—сказаль, вошедши къ нему—простите, если давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями.—„Вы не имѣете нужды извиняться“, отвѣчалъ онъ: „я радъ, что этотъ жаръ къ поэзіи такъ далеко распространяется, тогда какъ онъ въ Германіи пропадаетъ“. Тутъ сѣли мы на канаве. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ поэзіи, сказалъ онъ: „Если бы судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что музы слушаютъ мои пѣсни“. Онъ желалъ знать, пишу ли я, и не переведено ли что-нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на нѣмецкій. Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: „Жалѣю, если вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите—потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче—скажите: что у васъ въ виду?“—Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ.—„Кто любитъ музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его счастливымъ“...

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ... Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на русскій. „Но каковъ переводъ?“ спросилъ онъ.—Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ,—отвѣчалъ я. „Такова моя участь, сказалъ онъ: и французскіе и англійскіе переводчики меня обезобразили“.

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ счастья въ жизни. „Вы ви-

дѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, промолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!“—Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самого меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — можетъ быть, навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Если бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась, и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи, какъ авторъ. Самыя первыя его сочиненія, наприм. *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи и находила въ нихъ много недостатковъ, — однакожь отдавала автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остротѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ пѣвцовъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Если французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о нѣмецкой литературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, когда нѣмцы прилежали только къ сухой учености) — если знающіе и справедливейшіе изъ нихъ соглашаются, что нѣмцы не только во многомъ сравнивались съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ, — то, конечно, произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на французскій языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гёте, видѣлъ я его смотрящаго въ окно — остановился и разсматривалъ

его съ минуту: важное греческое лицо! Нынѣ заходилъ къ нему, но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену...

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой страннической посохъ—иду смотрѣть на засыпающую природу и странствовать глазами по звѣздному небу.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Въ каретѣ дорогою (августа 9).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка пронизываетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтушій берегъ зеленаго Рейна и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые швейцарцы! всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной природы, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ правовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу ¹⁾, не возмущаемую тиранскими страстями!—Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту природы человѣческой, когда сердце мое отвергается впечатлѣніямъ красотъ природы—чувствую я

1) Читатель, можетъ быть, вспомнить о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мѣгахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию *вѣчно-юнаго Аполлона*, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

(Прим. авт.).

то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостью, если бы она съ которой-нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ потребностей—и съ сей-то услажденной стороны должны мы при-касаться къ нимъ устами нашими!—Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благодати, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, на-свистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня.—Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать: красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги ¹⁾.

Цюрихъ.

.. Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру ²⁾, любезные друзья мой. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ ни-щій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешествен-никъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того, посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отпра-вивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ

¹⁾ Письма изъ Швейцаріи вообще богаты описаніемъ картинъ природы, такъ напр. въ нихъ мы находимъ прекрасныя описанія: Цюрихскаго озера, Рейнскаго водопада, Альпійскихъ горъ и др. (см. издавную мною „Русск. хрест.“, ч. II).

²⁾ Лафатеръ — знаменитый швейцарскій проповѣдникъ и талантливый пи-сатель; жилъ въ Цюрихѣ. Карамзинъ переписывался съ нимъ еще до своей поѣздки за границу.

изъ комнаты и сказалъ мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянскій дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится,* отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но, увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной и ласковымъ голосомъ спросилъ у нея, какова она. *Умираю, умираю,* отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нея и началъ готовить ее къ смерти. „Часъ твой приблизился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только брренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости — видѣла возросшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно счастливое семейство!“—При этихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ и, прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею—поцѣловалъ маленькихъ дѣтей, сказалъ, чтобы они не плакали, и, давъ имъ по нѣскольку копеекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело; однакожъ слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

„Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія?“ сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. „Другъ мой! отвѣчалъ онъ съ улыбкою: человекъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствию“.

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма невелики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу неимущихъ братій, и, собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздастъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *Сто тайныхъ физіономическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: *Lache des Elends nicht und der Mittel das Elend zu lindern*) и *Памятникъ для любезныхъ странниковъ*¹⁾; за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человекомъ весьма любезнымъ—съ архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ *Временъ года*, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ господиномъ Т* и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Въстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицами Т*, поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка, и вода едва-едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ цюрихскихъ гражданъ и виноградныя сады, которые простираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопштокъ—съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ цюрихскихъ молодыхъ дѣвицъ—катался по озеру. „Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отъѣнно являлась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ нея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя“. Сію эфирную радость—радость, какую могутъ только чувствовать великія души—воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей *Züricher-See*, которая осталась вѣчнымъ

¹⁾ *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ ченій; онъ напечатанъ въ *Hand-Bibliothek für Freunde*. (*Прим. авт.*).

памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ—пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ—говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь иѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ кантона Гларуса пришли въ Цюрихъ двѣ молодыя пастушки, единственно затѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ, читая Кларису и Мессіаду, я внѣ себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце иѣснопѣвца!..

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ФРАНЦИИ.

Парижъ, 27 марта (1790 г.).

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его. Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!.. Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій—и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. „Вотъ онъ (думалъ я), — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азій, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ!.. я его вижу и буду въ немъ!“—Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ!—Товарищъ нашъ французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: „Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-„Мартръ и дю-Танплъ, противъ насъ Св. Антонія, а на лѣвой „сторонѣ, за Сеною, предмѣстіе Ст. Марсель, Мишель и Жер-„мень. Эта высокая готическая башня есть древняя церковь „Богоматери; сей новый великолѣпный храмъ, котораго архи-„тектурѣ вы, конечно, удивляетесь, есть храмъ Святой Же-„невьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали возвышается

„съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel Royal des Invalides, одно изъ „огромнѣйшихъ парижскихъ зданій, гдѣ короли и отечество по- „коятъ заслуженныхъ и престарѣлыхъ воиновъ“.

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; по что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и людей въ раздранныхъ рубищахъ. „И это Парижъ? (думалъ я) —городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?“—Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы въѣхали на берегъ Сены: тутъ представились намъ красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатая лавка. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется, какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ—привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я, какъ маленькая песчинка, попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ...

Парижъ, 2 апрѣля 1790 г.

Я въ Парижъ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *Я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отчужденнымъ любопытствомъ: па дома, на кареты, па людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.

Пять дней прошли для меня, какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать.—Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отчужденную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣ-

лахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ француза, парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ-друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отпратить. Какая страшная противоположность — на примѣръ, съ важными швейцарцами¹⁾, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго чело-вѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже и говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А парижскій житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Парижъ (о французской трагедіи).

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи.— Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) иѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, иѣжный вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства природы—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество англичанамъ и иѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ греки и римляне à la Française²⁾, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ ав-

¹⁾ Т.-е. швейцарцами, жителями Швейцаріи.

²⁾ „Вездѣ греки и римляне à la Française“ — намекъ на ложно-классическій характеръ французской трагедіи.

тора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (*situations*), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою ¹⁾. — Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, — то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, и двухъ истинныхъ трагедій,—и д'Аламберъ ²⁾ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Парижъ, мая... 1790.

Нынѣшній день молодой скифъ К. ³⁾, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ счастье узнать Бартеlemi-Платона ⁴⁾.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему:

---

¹⁾ Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что-нибудь подобное, на примѣръ, сямъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара (Лира), изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе, — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

„Шумите, вѣтры! свирѣпствуй, буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ, лейте пламя на бѣлую главу мою!.. Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ природы и человѣка, неблагодарнаго человѣка!... Не жалуясь на вашу свирѣпость, разъяренные стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! Итакъ, свирѣпствуйте по волѣ! Разите—се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, отверженный отъ человѣчества!“

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: *какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?*“ (Прим. авт.).

²⁾ Д'Аламберъ (1717—1783)—знаменитый французскій математикъ.

³⁾ Т.-е. Карамзинъ.

⁴⁾ Бартеlemi (1716 — 1795) — ученый археологъ. Европейскую славу онъ приобрѣлъ себѣ сочиненіемъ: „*Voyage du jeune Anacharsis en Grece*“

„Я русскій; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. Итакъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія!“ — Онъ всталъ съ креселъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *Я радъ вашему знакомству; люблю стверзь, и герой, мною избранный, вамъ не чужой.* — „Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса ¹⁾“. — *Вы молоды, путешествуете, и, конечно, для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* — „Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ“. — *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожъ дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скудно, comme de gâison; извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ.* — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартеlemi сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человекъ, да столько же зрителей—не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертация аббата Бартеlemi, въ которой дѣло шло о медаляхъ Ионафановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; зато, мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартеlemi. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокій, худой, съ пронизательнымъ взоромъ, съ тонкою афинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лицо наше. Бартеlemi чувствовалъ въ жизни только

¹⁾ Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Афины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ молодой скиѣвъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2. ch. VII. (Прим. авт.).

одну страсть: любовь ко славѣ, и силою философіи своей умѣрять ее...

Тутъ же узналъ я Левека, автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, т.-е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги половцевъ — не очень любопытны: соглашаюсь; но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя — описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владимиръ; свой Лудовикъ XI: царь Иоаннъ; свой Кромвель: Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело. — Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, рассказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ русскій? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, если посредственный французскій писатель можетъ унижить нашего славнаго монарха, говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant*

former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples ¹⁾. Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣ русскихъ: итакъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бѣ было русскимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить академій, фабрикъ для того, что все это не русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другого? и не должно ли *сравняться*, чтобы *презойти*? „Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?“ Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье неловко, мѣшаетъ ходить... „Но въ немъ теплѣ!..“ У насъ есть шубы... „Зачѣмъ же имѣть два платья?“ Затѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состояшю дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильный жаръ! сколько неудобности и зимою: носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее—есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтити умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во-первыхъ, для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во-вторыхъ, и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, удален-

¹⁾ То-есть: „Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать „великимъ умомъ: ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ“.

наго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашель бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: „смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!“ Нѣмцы, французы, англичане были впереди русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія *іереміады* объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной фizioноміи—или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ!..

При выѣздѣ изъ Парижа.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни якобинцы, ни аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душою: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда-нибудь

еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть, порадуюсь тогда большею зрѣlostiю своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствiемъ взошелъ бы я еще на гору Валерiанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствiемъ, сидя въ мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторiи, чтобы найти въ ней предсказанiе будущаго! Можетъ быть, тогда все темное для меня изяснится; можетъ быть, тогда еще болѣе полюблю чело-вѣчество; или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою...

ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ АНГЛИИ.

Лондонъ, iюль... 1790.

Нынѣшнiй день провелъ я, какъ Говардъ — осматривалъ темницы—хвалилъ попечительность англiйскаго правленiя, сожалѣлъ о людяхъ и гнушался людьми.

Лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ; но когда бѣдный чело-вѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то англiйскiя должно назвать благодѣянiемъ чело-вѣчества, и фран-цузская пословица: *il n'y a point de belles prisons* ¹⁾ здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, *Жугу*, и судьи для рѣшенiя уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму англiйскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудiе смягчить чело-вѣколюбиемъ, не забыли ничего для спасенiя невинности и не боялись излишнихъ предо-сторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствiй.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англии первый раз-биратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ ~~оказывается~~ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обя-зываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленiе важно, ~~отсылаетъ~~ отсылаетъ въ темницу. Истомъ другой судья, именуемый ше-рифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянiя людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенiю), которые

¹⁾ То-есть: „нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ“. (Прим. авт.).

снова должны рассмотреть обстоятельства доноса; и если 12 из них не признают доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а если признають, то начинается формальное дѣло—такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушивается на себя доносъ, и на вопросъ, какъ хочетъ быть судимъ,—отвѣчаетъ: „по совѣсти и закону моего отечества“. Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему-нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей—и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что-нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *невиноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой апелляціи. Если скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, если законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другого! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. Зато англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ-нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Рассказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. Напримѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ!* двѣнадцатый

не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. „Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видъ этого человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу, и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню“. Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Лондонъ, іюль... 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вещей, какъ Парижъ, однакожъ есть что видѣть, и всякій день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видѣлъ у г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая философию и всякаго рода авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, которыхъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлерей*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и публика оказали всю возможную патріотическую ревность для произведенія въ дѣйство счастливой идеи — изобразить лучшія сцены изъ драмъ безсмертнаго поэта, какъ для славы его, такъ и для славы англійскаго искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлерей, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо Шекспира, почти не имѣю нужды справляться съ описаніемъ и, смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравится мнѣ работа Фисли, стариннаго Лафатерова друга; онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, и съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто...* Если бы воскресъ мечтатель-поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы — также очень хороши и выразительны. — Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею императрицею

(О Шекспирѣ).

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ—я не хочу и спорить! Забавныя Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чужакъ!*

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ правиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній *не можетъ взять мѣры своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другого поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, ценностное воображеніе; и вы пайдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Лучшая оцѣнка значенія „Писемъ русскаго путешественника“ сдѣлана профессоромъ Буслаевымъ, въ его рѣчи, сказанной имъ по поводу столѣтняго юбилея Карамзина. Вотъ что говоритъ г. Буслаевъ:

„Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи. Письма русскаго путешественника даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современ-

наго значенія, частію имѣють они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много завистла отъ самой формы этого рода сочиненій. вмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, передъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, насколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и по мѣрѣ успѣховъ—передаетъ плоды своего развитія своимъ немногимъ друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расширяться на всю читающую русскую публику, какъ скоро были изданы въ свѣтъ Письма русскаго путешественника, и многочисленные читатели ихъ по всѣмъ концамъ нашего отечества нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали сами вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодого русскаго путешественника, учась смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами.

Если русская литература, со временъ Петра Великаго, довершая дѣло преобразованія, имѣла своею задачею внести къ намъ плоды западнаго просвѣщенія,—то Карамзинъ блистательно исполнилъ свое назначеніе. Онъ воспиталъ въ себѣ человѣка, чтобы потомъ — съ полнымъ сознаниемъ — явить въ себѣ русскаго патриота. Любовь къ человѣчеству была для него основою разумной любви къ родинѣ, и западное просвѣщеніе было ему дорого потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу водворить его въ своемъ отечествѣ.

Стремясь на западъ учиться для блага своего отечества, онъ шелъ по пути, проложенному Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ, и въ свою очередь далъ собою образецъ поколѣніямъ новѣйшимъ, оставивъ имъ изъ своего опыта такое завѣщаніе:

„Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи: и кого Платнеръ, кого Гейне ¹⁾ не заставитъ полюбить науки, тотъ, конечно, не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности“ .1.

Прежде всего поражаетъ въ Письмахъ русскаго путешественника многосторонняя и основательная образованность, которую могла дать ему Россія въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ которой онъ нашелъ достаточное приготовленіе, чтобы не только вести полезную для себя бесѣду съ такими европейскими знаменитостями, какъ Виландъ, Гердеръ, Лафатеръ, Кантъ, Боппезъ ²⁾, но и внушить имъ уваженіе къ нему.

Въ этихъ же письмахъ изъ-за границы Карамзинъ сообщаетъ много подробностей о годахъ своего ранняго ученія, подробностей, которыми не разъ пользовались его біографы.

Имя Парижа стало Карамзину извѣстно почти вмѣстѣ съ его собственнымъ именемъ: такъ много читалъ онъ объ этомъ городѣ въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ; но романамъ же и газетнымъ статьямъ еще въ ранней молодости восхищался англичанами и воображалъ Англію самую пріятнѣйшею для своего сердца землею. Видѣть Парижъ и Лондонъ— всегда было его мечтою, и нѣкогда самъ онъ собирался писать романъ и въ воображеніи объѣздить тѣ самыя земли, въ которыя послѣ поѣхалъ. Потому дѣтскія мечты замѣнились основательнымъ желаніемъ: онъ хотѣлъ провести свою юность въ Лейпцигѣ: туда стремились его мысли; въ тамошнемъ университетѣ хотѣлъ онъ собрать пужное для исканія той истины, о которой—по его собственному выраженію—съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ его сердце.

Раздѣляя вкусы своихъ современниковъ, онъ коротко былъ знакомъ съ французскими писателями XVIII столѣтія и покло-

---

¹⁾ Платнеръ—пѣмецкій ученый и философъ, былъ профессоромъ въ Лейпцигѣ. Гейне, Христіанъ Готлибъ (1729 — 1812) — замѣчательный вѣмецкій гуманистъ.

²⁾ Кантъ (1724 — 1804) — знаменитый вѣмецкій философъ новѣйшаго времени, жилъ въ Кенигсбергѣ. Боппезъ (Bonnet 1720 — 1793)—философъ и естествоиспытатель, жилъ въ Женевѣ.

нялся Жанъ Жаку-Руссо¹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ раннихъ лѣтъ привыкъ онъ уважать и литературу нѣмецкую и англійскую: такъ что, когда въ чужихъ краяхъ ему случилось предстать передъ знаменитыя личности того времени и видѣть знаменитые предметы, онъ не только не поражался новизною, но, какъ давно знакомое и любимое, соединялъ видѣнное и слышанное съ своими воспоминаніями. Въ Лондонѣ осматриваетъ онъ картины, съ сюжетами изъ Шекспировыхъ драмъ, и, уже зная твердо Шекспира, почти не имѣетъ нужды справляться съ описаніемъ въ каталогѣ, и, смотря на картины, угадываетъ содержаніе. Въ Лозанѣ, въ одномъ саду видитъ надпись, взятую изъ Аддиссоновой²⁾ оды, и при этомъ воспоминаетъ, какъ нѣкогда просидѣлъ онъ цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ той самой оды, и какъ восходящее солнце освѣтило его тогда за такую работу. „Это утро—присовокупляетъ молодой путешественникъ—было одно изъ лучшихъ въ моей жизни“. Въ Лейпцигѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ въ то время литераторомъ Вейсе, статьи котораго для *Друга Дѣтей* онъ уже переводилъ прежде. Въ Цюрихѣ отыскиваетъ архидіакона Тоблера, имя котораго ему хорошо было знакомо по переводу Томсоновыхъ *Временъ года*, изданныхъ Геснеромъ. Въ томъ же городѣ является къ Лафатеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ еще въ Москвѣ, и который принимаетъ его, какъ стараго друга. Въ Парижѣ нисколько не удивляетъ его французскій театръ, потому что, какъ онъ по этому предмету выразился: „я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ: она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ“.

Самый планъ молодого русскаго путешественника во всѣхъ

1) Жанъ-Жакъ-Руссо—одинъ изъ величайшихъ, по своему вліянію, міровыхъ писателей, род. въ Женевѣ 1712 г. Прежде всего Руссо сталъ извѣстенъ своею диссертацией: „Вредны, или полезны науки“. Это сочиненіе читалъ и Карамзинъ и, не соглашаясь съ мнѣніемъ Руссо, написалъ по этому поводу статью: „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“. Но болѣе всего прославился Руссо своими сочиненіями: „Новая Элоиза“ и „Эмилъ, или о воспитаніи“, имѣвшими большое педагогическое значеніе.

2) Аддисонъ—(ум. 1719 г.)—англійскій писатель и ученый.

городахъ Европы лично знакомиться съ знаменитыми литераторами того времени былъ столько же результатомъ его обширной образованности, сколько и повѣркою ея, строгимъ испытаніемъ. „Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, говоритъ онъ Виланду въ Веймарѣ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать автора лично“. „Вы видите передъ собою такого человѣка,—такъ онъ представился въ Женевѣ Боннету, автору Палингенези¹⁾,—который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно“. И вездѣ былъ радушно встрѣчаемъ молодой русскій путешественникъ, вездѣ былъ привѣтствуемъ, не только какъ человѣкъ просвѣщенный, но и какъ достойный представитель своихъ соотечественниковъ: „Я русскій, говорилъ онъ Бартеlemi въ Парижской Академіи Падписей: читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. Итакъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія“. Онъ всталъ съ кресель, продолжаетъ Карамзинъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи и наконецъ отвѣчалъ: „Я радъ вашему знакомству; люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой“. „Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство. Я въ академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса“. „Вы молоды, путешествуете, и, конечно, для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства“.

Заинтересованный Россією и ея литературой, Лафатеръ предлагалъ Карамзину, чтобъ онъ выдалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ Карамзину, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ“, а когда нашъ путешественникъ оставилъ Цюрихъ, авторъ Физіономики снабдилъ его одиннадцатью рекомендательными письмами въ разные города Швейцаріи и увѣрилъ его въ неизмѣнности своего дружелюбнаго къ нему расположенія. Въ Женевѣ Карамзинъ сообщилъ свое желаніе Боннету тоже перевести на русскій языкъ его *Созерцаніе при-*

¹⁾ Палингенезія — одно изъ замѣчательныхъ сочиненій Боннета, гдѣ онъ проводитъ идеи о возрожденіи.

роды и *Паминнезію*, и въ письмѣ отъ него получилъ такой отвѣтъ: „Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ“; а когда послѣ того Карамзинъ пришелъ къ нему: „Вы рѣшились переводить *Созерцаніе природы*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ автора и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернильница, перо“. Даже самъ Виландъ, который сначала принялъ Карамзина холодно и надменно, потомъ до того съ нимъ сблизился, что на разставаньи просилъ его, чтобъ онъ хотя изрѣдка писалъ къ нему письма: „Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были“. Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ великимъ Кантомъ о будущей жизни и удивляется обширнымъ историческимъ и географическимъ познаніямъ философа; въ Лейпцигѣ для изученія эстетики входитъ въ личныя сношенія съ профессоромъ Платнеромъ; въ Веймарѣ бесѣдуетъ съ Гердеромъ объ античной литературѣ и искусствѣ и о Гёте; въ Лионѣ сводитъ дружбу съ Маттисономъ, извѣстнымъ того времени нѣмецкимъ поэтомъ.

Эстетическое разсужденіе

Русскій путешественникъ отправился на западъ съ опредѣленною цѣлію—довершить свое образованіе въ такъ называемыхъ *изящныхъ наукахъ*, которымъ онъ, по его собственному признанію въ Лейпцигѣ профессору Платнеру, себя посвящаетъ, то-есть, съ точки зрѣнія литературы и искусства, Карамзинъ интересовался вообще европейскою цивилизаціей...

Однако, какъ человекъ поваго направленія, русскій путешественникъ уже не вполне довольствовался ложнымъ классицизмомъ, предпочиталъ античную скульптуру французской, и съ Павзаніемъ въ рукахъ рѣшался находить недостатки въ произведеніяхъ Пигалья ¹⁾. Онъ уже зналъ и изъ бесѣдъ съ Гердеромъ убѣдился, что нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: „и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили пылъ (это слова Карамзина) нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискusstvenная благородная

¹⁾ Пигаль (1714—1785)—извѣстный французскій скульпторъ.

простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду, и цари знали счетъ своимъ баранамъ“.

Еще сильнѣе замѣтно освобожденіе Карамзина изъ-подъ французскаго вліянія въ его сужденія о поэзіи драматической, которыми онъ былъ обязанъ изученію Шекспира и нѣмецкихъ писателей. Къ концу прошлаго столѣтія великій британскій драматургъ былъ оцѣненъ по достоинству: произведенія его игрались на театрахъ въ Англіи, Германіи и даже, въ плохихъ передѣлкахъ, во Франціи; въ Лондонѣ была основана *Шекспирова галлерей*, составленная изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты изъ драмъ Шекспира. Въ какой городъ Германіи Карамзинъ ни пріѣзжалъ, вездѣ могъ видѣть на сценѣ произведенія новой нѣмецкой драмы, столько отличныя отъ классической французской. Въ Берлинѣ при немъ играли драму Коцебу ¹⁾: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* и Шиллерову трагедію *Донъ-Карлосъ*. Я не буду приводить восторженныхъ похвалъ Карамзина Шекспиру, столько извѣстныхъ и въ настоящее время вполне оправданныхъ; но для характеристики тонкаго эстетическаго вкуса нашего путешественника не могу миновать слѣдующій его отзывъ: „Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо или такъ, чтобы меня тронуть“...

По теоріи Карамзина, человѣкъ созданъ наслаждаться и быть счастливымъ ¹⁾. Источникъ счастья — природа, которая даетъ всему созданному вмѣстѣ съ бытіемъ и наслажденіе имъ.

¹⁾ Коцебу—нѣмецкій писатель конца XVIII и начала XIX столѣтія. Драматическія его произведенія, отличающіяся сентиментальнымъ характеромъ, пользовались во время Карамзина и у насъ большою популярностію, переводились и съ успѣхомъ исполнялись на русской сценѣ. Коцебу обладалъ необыкновенною плодовитостію: онъ написалъ до 200 театральныхъ пьесъ. Русскіе писатели подражали ему. Таковы пьесы Н. Ильина: „Лиза, или торжество благодарности“ и „Великодушіе, или рекрутскій наборъ“. Г. Галаховъ говоритъ, что съ перваго представленія „Лизы“ вошло въ обычай вызывать на сцену авторовъ.

²⁾ Въ послѣдствіи Карамзинъ измѣнилъ свой взглядъ, и въ своемъ разсужденіи: „О счастливѣйшемъ времени жизни“ говоритъ, что „здѣшняя жизнь есть училище терпѣнія“.

Союзы семейный и общественный потому намъ дороги и милы, что основаны на природѣ. Самая смерть, какъ явленіе естественное, прекрасна, и ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы.

Своимъ дѣйствіемъ на счастье человѣка искусства дополняютъ природу. Все прекрасное радуетъ, въ какой бы формѣ оно ни было. Въ мірѣ нравственномъ прекрасна добродѣтель: „одинъ взглядъ на добраго есть счастье для того, въ комъ не заглубило чувство добра“. Религія ведетъ людей къ добру и дѣлаетъ ихъ лучшими. Декартъ ¹⁾ великъ потому, что „своимъ правоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели“. Въ этихъ истинахъ молодой русскій путешественникъ укрѣплялся, бесѣдуя съ Кантомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Боннетомъ, находилъ доказательства въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ радостяхъ, доставляемыхъ природою и искусствомъ, и наконецъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни, когда, „опершись на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи“.

Мн. гг., вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, чтобы въ характеристикѣ русскаго путешественника я коснулся одной крупной черты, которая, какъ живительный лучъ, освѣщаетъ привѣтливимъ свѣтомъ всѣ его путевыя впечатлѣнія, всѣ его думы, надежды и мечтанія. Это—самая горячая *любовь* его *къ родинѣ*, мысль о которой никогда его не покидаетъ. Бесѣдуетъ ли онъ съ Виландомъ о литературѣ, онъ не преминетъ сказать, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторые изъ важнѣйшихъ его сочиненій. Веселится ли съ лейпцигскими профессорами за бутылкою вина, онъ сообщаетъ имъ, что и на русскій языкъ переведено десять пѣсенъ Мессіады Клонштока, и, чтобъ познакомиться ихъ съ гармоніей нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи швейцарскихъ пѣсенъ, и ищетъ

---

¹⁾ Рене Декартъ (1596 — 1650) — философъ, стремился сдѣлать философію наукою точною. Исходнымъ пунктомъ служилъ ему скептицизмъ всякаго званія. За непосредственно достоверное онъ принималъ самосознаніе, или мышленіе, откуда у него уже вытекала достоверность бытія; отсюда его основное положеніе: *cogito ergo sum*, т. е. „я мыслю, слѣдовательно существую“.

въ нихъ сходства съ нашими народными, „столько для него трогательными“. Въ Лондонѣ изучаетъ англійскій языкъ, и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ передъ нимъ языка русскаго: „Да будетъ же честь и слава нашему языку, восклицаетъ онъ: который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ, какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ,—и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса“.

Старинный журналъ
Если русскій путешественникъ всегда являлся передъ иностранцами самымъ усерднымъ, краснорѣчивымъ и ловкимъ адвокатомъ за Россію, то потому именно, что искренно убѣжденъ былъ въ ея достоинствахъ. Во многомъ давалъ онъ ей предпочтеніе даже передъ самой Англіей, благосостояніемъ и устройствомъ которой онъ столько восхищался, и несравненно выше Людовика XIV ставилъ Петра Великаго, котораго—говорилъ онъ—„почитаю, какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля“. Въ преобразованіяхъ Петра онъ видѣлъ разумное примиреніе любви къ родинѣ съ любовью ко всему цивилизованному человечеству...

накратко
Эту краткую характеристику писемъ приличнѣе не умѣю заключить, какъ словами русскаго путешественника изъ его послѣдняго письма: „Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ будетъ для меня еще пріятно... Загляну—и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ... Почему знать? Можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ“.

Исторія доказала, что „Письма русскаго путешественника“ и черезъ 70 лѣтъ не потеряли своего значенія, и потомство нашло въ нихъ не одно пріятное, но и полезное“.

(Θ. Буслаевъ).

Но „Письма“ Карамзина, такъ интересовавшія современное русское общество своимъ содержаніемъ, нравились въ то же

время и своимъ новымъ направлениемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *сентиментальнаго*.

Сентиментальное направление въ литературѣ появилось первоначально въ Англии, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Направление это явилось, какъ реакція ложному классицизму. Ложный классицизмъ, стремясь къ слѣпому подражанію древнимъ писателямъ, давалъ мѣсто въ литературныхъ произведеніяхъ (поэмахъ, одахъ и трагедіяхъ) только однимъ героямъ и героинямъ, только однимъ великимъ и торжественнымъ событіямъ, и какъ бы боялся унизить достоинство литературы изображеніемъ обыкновенной жизни и обыкновенныхъ людей, простыхъ смертныхъ, съ ихъ страстями, стремленіями, борьбой, съ ихъ счастіемъ и несчастіемъ. Притомъ же ложный классицизмъ гонялся за пышной фразой, за внѣшне-эффектными сценами. Все это дѣлало ложноклассическія произведенія слишкомъ искусственными, рассчитанными и—главное—*холодными*. Вспомнимъ слова Карамзина о французской ложноклассической трагедіи: „Она—говоритъ Карамзинъ—благородна, величественна, прекрасна; но никогда *не тронетъ, не потрясетъ сердца* моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ“. Далѣе критикъ нашъ замѣчаетъ, что ложноклассическая трагедія лишена *жара, глубокаго чувства*, а потому и зритель хотя и удивляется ей, по удивляется *съ холоднымъ сердцемъ*. Этотъ отзывъ Карамзина можетъ быть приложенъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и ко всѣмъ ложноклассическимъ произведеніямъ: всѣ они, какъ произведенія искусственныя, или вовсе не затрагиваютъ сердца читателя, или если и затрагиваютъ, то далеко не въ такой степени, какъ можетъ это дѣлать произведеніе, проникнутое теплотою, задушевностію. Этотъ недостатокъ ложнаго классицизма и вызвалъ появленіе такихъ произведеній, которыя главною своею цѣлію имѣли вліять *на сердце* читателя. Но такъ какъ область чувства скорѣе всего можетъ быть затронута тѣмъ, что намъ близко и понятно, то писатели новаго направленія и стали обращаться за сюжетами къ повседневной, обыденной жизни и стали ее воспроизводить въ своихъ произведеніяхъ, выбирая главнымъ образомъ то.

Причина: разрывъ между сердцемъ и разумомъ

XVIII

что могло пробуждать чувство, дѣйствовать на сердце. Само собою разумѣется, что, изображая *чувствительное*, авторы и сами невольно настраивались на чувствительный ладъ и этимъ придавали еще болѣшую теплоту своимъ произведеніямъ. Отсюда и все это новое направленіе названо сентиментальнымъ.

*Д. Карамзинъ
писатель
развѣтвилъ
сентиментальное*

Однимъ изъ первыхъ представителей сентиментальнаго направленія былъ англійскій писатель Ричардсонъ (1689—1761), выступившій съ своими семейными романами: „Памела“, „Кларисса“ и „Грандисонъ“. Вскорѣ за нимъ англійскій же писатель Стернъ (1713—1768) далъ образецъ сентиментальнаго сочиненія и въ описательномъ родѣ: онъ написалъ „Сентиментальное (т.-е. чувствительное) путешествіе по Франціи и Италіи“, которое онъ называлъ чувствительнымъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь авторъ занятъ не столько описаніемъ внѣшняго міра, имъ видѣннаго, сколько изображеніемъ собственнаго своего внутренняго міра — своихъ впечатлѣній и чувствъ. Стерну же принадлежитъ и изобрѣтеніе самаго слова „sentimental“, такъ мѣтко характеризующаго новое литературное направленіе, смѣнившее собою холодный ложный классицизмъ.

Изъ Англии сентиментальное направленіе перешло и въ другія европейскія литературы. У насъ же хотя сентиментализмъ и появился еще до Карамзина, какъ въ переводахъ иностранныхъ романистовъ, такъ и въ подражаніяхъ имъ ¹⁾, но главнымъ и болѣе талантливымъ представителемъ этого направленія въ нашей литературѣ былъ Карамзинъ.

*Б. Карамзинъ
почему-то
своимъ себѣ
сентиментальное
назвалъ*

Карамзинъ усвоилъ себѣ сентиментальное направленіе 1) потому, что оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его природной чувствительности, а 2) потому, что онъ видѣлъ это направленіе въ европейскихъ литературахъ, цѣнилъ его самъ, сознавая его воспитательное значеніе, и зналъ, что его цѣнили такіе писатели, какъ Руссо и Лессингъ ²⁾.

¹⁾ Такъ напр. Ричардсона „Памела“ была у насъ переведена еще въ 1787 году. Въ 1766 г. явились „Письма Эрнеста и Доравры“ Фёдора Эмина, подражавшаго въ нихъ „Элонзъ“ Руссо.

²⁾ Лессингъ такъ однажды воскликнулъ: „Кому лучше Ричардсона далось знать, что именно ведетъ къ образованію сердца, ко внушенію челоуколюбія, къ поощренію всякой добродѣтели, и какъ могуча надъ душой власть“

IV. Сентиментализм
„Письма русскаго путешественника“ и были первымъ оригинальнымъ (т. е. не переводнымъ) произведеніемъ Карамзина въ сентиментальномъ родѣ. Сентиментальными они должны быть названы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ назвалъ такъ и Стернь свое „Путешествіе“. И дѣйствительно, въ „Письмахъ“ Карамзина, какъ и въ Стерновомъ „Путешествіи“, описанію внутренняго міра самого автора дано большое мѣсто. Почти во всѣхъ своихъ письмахъ Карамзинъ не только говоритъ о видѣнномъ имъ, но и заявляетъ о своихъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ, возбужденныхъ въ немъ тѣмъ, что онъ видѣлъ, при чемъ передъ читателемъ ясно раскрывается его чувствительная душа, способная поддаваться тихой думчивой грусти. Наибольшую долю этой меланхолической чувствительности мы находимъ въ письмахъ изъ Швейцаріи. Какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, Карамзинъ весь отдался обаянію красотъ швейцарской природы, увлекся простотою тамошнихъ поселянъ, сравнивалъ ихъ жизнь съ своею—и душа его рвалась къ тому чистому идеалу идиллическаго счастья, какой въ это время носился въ его воображеніи. „Я съ радостью“—говоритъ Карамзинъ—отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми мы обязаны просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка, когда люди болѣе, нежели нынѣ, наслаждались всѣми истинными удовольствіями, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ,—болѣе наслаждались любовію, болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою природы“. Конечно, въ подобныхъ увлеченіяхъ нельзя не видѣть крайности, но во всякомъ случаѣ та искренность, съ какою Карамзинъ раскрывалъ свою душу, тѣ чистыя чувства, которыми она волновалась, та задушевность, съ которою авторъ высказывался—все это сильно вліяло на читателей, трогало ихъ сердце, облагораживало, воспитывало—и въ этомъ-то воспитательномъ вліяніи и заключалось значеніе сентиментализма.

истины, когда она удостоитъ облечься въ очаровательныя прелести поэтическаго изложенія?“ Руссо же до того увлекся Ричардсономъ, что ставилъ его на одну доску съ Гомеромъ.

Повѣсти Карамзина.

„Письма русскаго путешественника“ были лучшимъ отдѣломъ „Московскаго журнала“ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали цѣли издателя: заинтересовать читателей и имѣть на нихъ воспитательное вліяніе. Но, кромѣ „Писемъ“, для той же цѣли предназначалъ издатель и свои повѣсти. Изъ повѣстей Карамзина наибольшую славу приобрѣла себѣ у современниковъ „Бѣдная Лиза“.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли, куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое мѣсто нахожу новымъ пріятнымъ мѣста, или въ старыхъ новымъ красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ золотыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучныя, густозеленыя, цвѣтушіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рабочихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодосѣйныхъ странъ Россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, увѣялыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ однообразныя. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавыи Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачныя дни осени горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины грозныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною миновашаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили—печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдого старца, преклонившаго колѣна передъ Распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ

оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ—съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ—смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянеть сохнеть—и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудестъ, въ семь монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпыя татары и литовцы огнемъ и мечомъ опустошали окрестности російской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря—вспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы вѣжной скорби!

Саженья въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ лѣтъ за тридцать передъ симъ жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою матерію своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ!—день-ото-дни становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза—которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ—одна Лиза, не щадя своей вѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь—ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды—и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо-біоющемуся сердцу, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы онъ награждалъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матерп. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“. Но часто вѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась талть печаль сердца своего и казаться покойною и веселою.—„На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ

прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человекъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю“.

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣтый человекъ, пріятнаго вида, встрѣтился съ ней на улицѣ. Она показала ему цвѣты — и покраснѣлась.— „Ты продаешь ихъ, дѣвушка?“ спросилъ онъ съ улыбкой.— Продаю, отвѣчала она.— „А что тебѣ надобно?“— Пять копеекъ.— „Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль“.— Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человека, — еще болѣе покраснѣлась и, потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что онъ не возьметъ рубля.— „Для чего же?“— Миѣ не надобно лишняго.— „Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копеекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня“.— Лиза отдала цвѣты, взяла пять копеекъ, поклонилась и хотѣла идти: но незнакомецъ остановилъ ее за руку.— „Куда же ты пойдешь, дѣвушка?“— Домой.— „А гдѣ домъ твой?“— Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала — и пошла. Молодой человекъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть, для того, что мимоходящіе начали останавливаться и, смотря на нихъ, коварно смѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось.— „Ты орошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть, это былъ какой-нибудь дурной человекъ“...— Ахъ, пѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голосъ...— „Однакожь, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти“.— У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нея купить цвѣты; но она отвѣчала, что онѣ не продажныя, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ, надлежало возвратиться домой, и цвѣты были брошены въ Москву-рѣку. Никто не владѣлъ ими! сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ.— На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, прѣла и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: „Ахъ!..“ Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

— „Что съ тобою сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нея сидѣла.— Ничего, матушка, отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: я только его увидѣла.— „Кого?“— Того господина, который купилъ у меня цвѣты. Старуха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. — „Здравствуй, добрая старушка! сказалъ онъ: я очень усталъ: пѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?“ Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть, для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ, принесла чистую кружку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила ставаль, вымыла, вытерла его бѣлымъ

полотенцемъ, налила и подала въ окно—но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ, и пектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкусу. Всякій догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи—о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были—нужно ли ска- зывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза, посматривала изрѣдка на молодого чело- вѣка; но не такъ скоро молнія блеститъ и въ облакѣ исчезаетъ, какъ быстро голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ. — „Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходитъ въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ“.—Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно скрыть хотѣла; щеки ея пылали, какъ зари въ ясный, лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвый рукавъ свой и щипала его правою рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого худого намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывають отъѣнно хороши и носятя долѣе всякихъ другихъ. Становилось темно, и молодой чело- вѣкъ хотѣлъ уже идти,—„Да какъ же намъ называть тебя, добрый, ласковый ба- ринъ?“ спросила старуха.—„Меня зовутъ Эрастомъ, отвѣчалъ онъ.—„Эрастомъ, сказала тихонько Лиза—Эрастомъ!“—Она разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы стараясь затвердить его. Эрастъ простился съ ними до свиданія— и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости и, взявъ за руку дочь свою, сказала ей: „Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Если бы женихъ твой былъ таковъ!“ Все Лизино сердце затрепетало. — Ма- тушка! матушка! какъ этому стать? онъ баринъ; а между крестьянами.... Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой чело- вѣкъ, сей Эрастъ, былъ довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ серд- цемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ заба- вахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе и часто переселялъ я мысленно въ тѣ времена (бывшія или не бывшія), въ которыя, если вѣрить стихотворцамъ, всѣ люди безопасно гуляли по дугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались, какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами и въ счастливой праздности всѣ дни свои проводжали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“, думалъ онъ, и рѣшился— по крайней мѣрѣ на время—оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь—мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрастовъ, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась — просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза встала, сошла на берегъ

Москвы-рѣки, сѣла на травѣ и, подгорюнившись, смотрѣла на бѣлые туманы, которые волновались въ воздухѣ и, подымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ кокровѣ натуры. Вездѣ царствовала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все твореніе: росы, кусточки оживились; птички вспорхнули и зацѣли; цвѣты подняли свои головки, чтобы напитаться животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ, Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтится въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу.—Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Если бы тотъ, кто занимаетъ теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ, и если бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое: ахъ! я поклонилась бы ему съ улыбкою и сказала бы привѣтливо: Здравствуй, любезный пастушокъ! куда гонишь ты стадо свое? и здѣсь растетъ зеленая трава для овецъ твоихъ; и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей... Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласковымъ, взялъ бы, можетъ быть, руку мою.... Мечта!“ Пастухъ, играя на свирѣли, пошелъ мимо и съ пестрымъ стадомъ своимъ скрылся за ближнимъ холмомъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселъ—взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ—Эраста.

Всѣ жилки въ шей забились, и, конечно, не отъ страха. Она встала, хотѣла идти, но не могла. Эрастъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и—мечта ея отчасти исполнилась: ибо онъ взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ ее за руку... А Лиза... Лиза стояла съ потупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ—не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда онъ приближался къ ней съ розовыми губами своими... ахъ! онъ поцѣловалъ ее, поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показала ей въ огнѣ горящему! „Милая Лиза! сказалъ Эрастъ: милая Лиза! я люблю тебя!“ и сіи слова отозвались въ глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣрить ушамъ своимъ и... Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сію минуту восторга исчезла Лизина робость: Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ страстно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на травѣ, и такъ, что между ними оставалось немного мѣста, смотрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: „люби меня!“ и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней беспокоиться. Надлежало разстаться. — Ахъ, Эрастъ! сказала она: всегда ли ты будешь любить меня?—„Всегда, милая Лиза, всегда!“ отвѣчалъ онъ. — И ты можешь мнѣ дать въ этомъ клятву?—„Могу, любезная Лиза, могу!“ — Нѣтъ, мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю. Ужели ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому нельзя быть?—„Нельзя, нельзя, милая Лиза!“ — Какъ я счастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь! — „Ахъ, нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.“ — „Для чего же?“ — „Старые люди бывають подозрительны. Она вообразить себѣ что-нибудь худое.“ — „Нельзя статься.“ — „Однакожь прошу тебя не говорить ей объ этомъ ни слова.“ — „Хорошо, надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы

ничего тайть отъ нея.—Они простились, поцѣловались въ послѣдній разъ и общались всякій день ввечеру видѣться или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, или гдѣ-нибудь близъ Лизиной хижны, только тѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея сто разъ обращались на Эраста, который все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ вслѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нея вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. Онъ меня любить! думала она, и восхищалась сею мыслию. „Ахъ, матушка! сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. „Ахъ, матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно не пахли!“ — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на дугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей отменно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселила для нея всю природу. „Ахъ, Лиза!“ говорила она: „какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой десятокъ доживаю на свѣтѣ, а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокій шатеръ, и на землю, которая всякій годъ новою травою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень любилъ человѣка, когда Онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣтъ. Ахъ, Лиза! кто бы захотѣлъ умереть, если бы иногда не было намъ горя?.. Видно, такъ надобно. Можетъ быть, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не капали.“ А Лиза думала: „Ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!“

Послѣ сего Эрастъ и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякій вечеръ видѣлись (тогда, какъ Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ восьмидесяти отъ хижины)—дубовъ, осыляющихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанный. Тамъ часто тихая луна, сквозь зеленыя вѣтви, посребривала лучами своими свѣтлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовымъ поцѣлуемъ. Они обнимались—но цѣломудренная, стыдливая Цинтія не скрывалась отъ нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія. „Когда ты, говорила Лиза Эрасту, когда ты скажешь мнѣ: люблю тебя, другъ мой! когда прижмешь меня къ своему сердцу и взглянешь на меня умилными своими глазами: ахъ! тогда бываетъ мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что я себя забываю—забываю все, кромѣ—Эраста. Чудно, чудно, мой другъ, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мнѣ это не пошито: теперь думаю, что безъ тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Безъ глазъ твоихъ темень свѣтлый мѣсяцъ; безъ твоего голоса скученъ соловей поющій; безъ твоего дыханія вѣтерокъ мнѣ не пріятенъ“. — Эрастъ восхищался своей пастушкой—такъ называлъ онъ Лизу—и, видя, сколь она любитъ его, казался самъ себѣ любезнѣе. Всѣ блестяція забавы большого свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце его. „Я буду жить съ Лизою, какъ братъ съ сестрою (думалъ онъ): не уотреблю во зло любви ея, и буду всегда

счастливы!“—Безразсудный молодой человек! знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвѣчать за свои движенія? Всегда ли разсудокъ есть царь чувствъ твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрастъ часто посѣщалъ мать ея. „Я люблю ее говорила она, и хочу ей добра, а мнѣ кажется, что видѣть тебя есть великое благополучіе для всякаго“.—Старушка въ самомъ дѣлѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ и разсказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первый разъ встрѣтилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ нею. „Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться—до самаго того часа, какъ лютаѣя смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!“—Эрастъ слушалъ ее съ непритворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нея Лизину работу и хотѣлъ всегда платить въ десять разъ дороже назначаемой ею цѣны; но старушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрастъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ невесела, что онъ испугался; глаза ея отъ слезъ покраснѣли.—„Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось?“—„Ахъ, Эрастъ! я плакала!“—О чемъ? что такое?“—„Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла“.—И ты соглашаешься?—„Жестокій! можешь ли объ этомъ спрашивать? Да мнѣ жаль матушки; она плачетъ и говоритъ, что я не хочу ея спокойствія, что она будетъ мучиться при смерти, если не выдастъ меня при себѣ замужъ. Ахъ! матушка не знаетъ, что у меня есть такой милый другъ!“—Эрастъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея счастье дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти матери ея онъ возьметъ ее къ себѣ и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ и въ дремучихъ лѣсахъ, какъ въ раю.—„Однакожь тебѣ нельзя быть моимъ мужемъ!“ сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ.—Почему же?—„Я крестьянка“.—Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнѣе всего душа, чувствительная, невинная душа,—и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.

Она бросилась въ его объятія—и въ сей часъ надлежало погибнуть непорочности!

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все перемѣнилось! Эрастъ не могъ уже доволенъ быть однимъ невинными ласками своей Лизы, одними ея любви исполненными взорами, однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми объятіями. Онъ желалъ больше, больше и наконецъ ничего желать не могъ—а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о свойствахъ нѣжныхъ желаній его удовольствій, тотъ, конечно, согласится со мною, что исполненіе всѣхъ желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эраста симъ ангеломъ непорочности, который прежде воспаллялъ его воображеніе и восхищалъ душу. Платоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыя были для него уже не новы. Что принадлежитъ до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, имъ только жила и дышала, во всемъ, какъ агнецъ, повиновалась его волѣ и въ удовольствіи его полагала свое счастье. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часто говорила ему: „Прежде бывалъ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и счастливѣе, и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!“ Иногда,

прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: „Завтра, Лиза, не могу съ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло“—и всякій разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: „Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою проститься. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ“.—Лиза поблѣднѣла и едва не упала въ обморокъ.

Эрасть ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будетъ любить милую Лизу и надѣется по возвращеніи своемъ уже никогда съ нею не разставаться. Долго она молчала, потомъ залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянувъ на него со всею нѣжностію любви, спросила: — Тебѣ нельзя остаться? — „Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будутъ презирать меня; всѣ будутъ гнушаться мною, какъ трусомъ, какъ недостойнымъ сыномъ отечества“. — Ахъ! когда такъ, сказала Лиза, то поѣзжай, поѣзжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убить! — „Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза“. — Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ. — „Но зачѣмъ это думать? Я надѣюсь остаться живъ, надѣюсь возвратиться къ тебѣ, моему другу“. — Дай Богъ! дай Богъ! Всякій день, всякій часъ буду о томъ молиться. Ахъ, для чего не умѣю ни читать ни писать! Ты бы увѣдомлялъ меня объ всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ—о слезахъ своихъ! — „Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала“. — Жестокій человекъ! ты думаешь лишитъ меня и этой отрады! Нѣтъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое. — „Думай о пріятной минутѣ, въ которую мы опять увидимся“. — Буду, буду думать объ ней! Ахъ! если бы она пришла скорѣе! Любезный, милый Эрасть! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!

Но я не могу описать всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быть послѣднему свиданію.

Эрасть хотѣлъ проститься съ Лизиною матерью, которая не могла отъ слезъ удержаться, слыша, что ласковій, пригожій баринъ ея долженъ ѣхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: „Я не хочу, чтобы Лиза въ мое отсутствіе продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежитъ мнѣ“. Старушка осыпала его благословеніями. — „Дай, Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, если бы ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ, мнѣ бы очень хотѣлось дожить до этого!“ — Лиза стояла подлѣ матери и не смѣла взглянуть на нее. Читатель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасть, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: „Прости, Лиза!“... Какая трогательная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрасть стоялъ подлѣ вѣтвями высокаго дуба, держа

въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томпую, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся натура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала, Эрасть плакалъ; оставилъ ее—она упала—стала на колѣни, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эраста, который удалялся—далѣе, далѣе и наконецъ скрылся; возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя—и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности природы сокрылись для нея вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть вслѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезный! я лечу къ тебѣ!“—Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: „у меня есть мать!“ остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ.—Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую подлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стелать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея стenanіемъ. Но иногда—хотя весьма рѣдко—золотой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщала мракъ ея скорби: „Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! какъ все переимѣнится!“ Отъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ майское утро послѣ бурной ночи.—Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ день Лиза должна была идти въ Москву затѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мать ея лѣчила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она—Эраста. „Ахъ!“ закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрасть вышелъ и хотѣлъ уже идти на крыльцо огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ—потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь и сказалъ ей: „Лиза! обстоятельства переимѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то-есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей—возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ); позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ—и поди домой“. Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ: „Проводи эту дѣвушку со двора“.

Сердце мое обливається кровію въ сію минуту. Я забываю челоуѣка въ Эрасть—готовъ проклинать его, но языкъ мой не движется; смотрю па небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ, для чего пишу не романъ, а печальную быль?

Итакъ Эрасть обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію?—Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріателемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрасть возвратился въ Москву, отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства—жениться на по-

жилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. „Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любить другую? я погибла!“ вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокій обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастная открыла глаза—встала съ помощію сей доброй женщины, благодарила ее, и пошла, сама не зная куда. „Мнѣ нельзя жить (думала Лиза), нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бѣдную!.. Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!“—Она вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость—осмотрѣла вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку), идущую по дорогѣ—кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ и, подавая ей, сказала: „Любезная Анюта, любезная подружка! отнеси эти деньги къ матушкѣ—онѣ не краденныя—скажи ей, что Лиза противъ нея виновата; что я таила отъ нея любовь свою къ одному жестокому человѣку—къ Э... Начто знать его имя?.. Скажи, что онъ измѣнилъ мнѣ; попроси, чтобы она меня простила—Богъ будетъ ея помощникомъ; поцѣлуй у нея руку, такъ, какъ я теперь твою цѣлую; скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее, скажи, что я...“ Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню—собрались люди и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душою и тѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстѣлице Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ, надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла—глаза навѣкъ закрылись.—Хижина опустѣла. Въ ней воевъ вѣтеръ, и суетѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: „Тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!“

Эрастъ былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

Повѣсть „Бѣдная Лиза“ была вторымъ произведеніемъ Карамзина, написаннымъ въ сентиментальномъ направленіи. Написана она не безъ недостатковъ: Лиза и ея мать хотя и выводятся, какъ крестьянки, но ихъ образъ мыслей, ихъ чувства-

тельность, ихъ способъ выражать свои мысли и чувства—все это не соотвѣтствуетъ крестьянскому быту: Лиза и ея мать не типы, а идеализація. Но не смотря на это, успѣхъ повѣсти былъ необычайный. „Симоновъ монастырь съ его окрестностями, гдѣ жила Лиза, сдѣлался любимымъ мѣстомъ для сентиментальныхъ прогулокъ. Посѣтители и посѣдительницы, гуляя по берегамъ пруда, въ который съ тоски и отчаянія бросилась героиня, мечтали о несчастной судьбѣ ея и вырѣзывали начальную букву ея имени на прибрежныхъ березахъ. Одни ставили себя на мѣстѣ Эраста, другія страшились быть обманутыми въ любви. Стихотворцы славили автора или сочиняли элегіи „къ праху бѣдной Лизы“. А сколько слезъ было пролито при чтеніи повѣсти! сколько подражаній ей написано!“¹⁾ Причина такого необычайнаго успѣха объясняется слѣдующимъ: 1) сюжетъ „Бѣдной Лизы“ взятъ изъ области *чувствительнаго*; 2) хотя въ повѣсти недостаетъ индивидуальнаго и національнаго колорита, но зато онъ имѣетъ *общечеловѣческій* интересъ; 3) изложена она *трогательно, задушевно*. Трогательный сюжетъ, трогательное изложеніе, общечеловѣческій интересъ—все это увлекало читателей, пробуждало въ нихъ филантропическія чувства, и слѣдовательно повѣсть вполне служила той важной цѣли, съ которою Карамзинъ принялся за литературную дѣятельность сейчасъ же по возвращеніи изъ-за границы.

Изъ остальныхъ повѣстей Карамзина лучшею признается „*Наталья, боярская дочь*“. Сюжетъ ея, заимствованный изъ русской старины 17-го вѣка, слѣдующій.

Еще въ тѣ времена, „когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили, какъ думали“,—жилъ въ Москвѣ бѣлокаменной бояринъ Матвѣй, вѣрный слуга царскій и великій хлѣбосоль. У него была красавица дочь—Наталья. По общепринятому у старинныхъ бояръ обычаю, молодая дѣвушка жила въ теремѣ и видѣла людей только въ церкви. Наступила наконецъ „семнадцатая весна ея жизни“, и „съ небеснаго лазореваго свода слетѣла, какъ маленькая птичка колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце—потребность любить“. Однажды Наталья пошла, по своему обыкновенію, къ обѣднѣ. Тамъ увидѣла она прекраснаго молодого че-

¹⁾ Слова А. Галахова (см. его „Истор. рус. слов.“, изд. 2-е, Т. II, стр. 28).

ловѣка, въ голубомъ кафтанѣ съ золотымъ пуговицами. То былъ сынъ одного опальнаго боярина—Алексѣй Любославскій, который, изъ боязни быть открытымъ, только изрѣдка появлялся въ Москвѣ, а постоянно жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, скрывался въ своемъ домикѣ, построенномъ въ глухомъ лѣсу. Наталья и Алексѣй съ разу влюбляются другъ въ друга, и Любославскій, будучи увѣренъ, что бояринъ Матвѣй не отдастъ свою дочь за сына опальнаго, увозить Наталью, тайно съ нею вѣнчается и поселяетъ въ своей лѣсной хижинѣ. Они оба счастливы, но не вполне: Алексѣя беспокоитъ тревога Натальи; Наталья же тревожится за участь своего покинутого отца, ничего не знающаго о судьбѣ любимой дочери. Но случай имъ помогаетъ. „Свирѣпые литовцы возстали на русское царство“; Алексѣй, а также его молодая жена, переодѣтая воиномъ, становятся въ ряды московской рати, которая и одерживаетъ побѣду, благодаря отвагѣ Алексѣя. Царь узнаетъ, кто виновникъ побѣды, благодаритъ Любославскаго, объявляетъ ему, что отецъ его подвергался опалѣ несправедливо, по клеветѣ, прощаетъ ему тайный увозъ Натальи, которая уже успѣла примириться съ отцомъ—и бояринъ Матвѣй, разстроганный, обнимаетъ обоихъ дѣтей своихъ.

Не смотря на то, что сюжетъ этой повѣсти взятъ изъ русской старины, въ ней очень мало историческаго: авторъ главнымъ образомъ занятъ изображеніемъ любви Алексѣя и Натальи и *трогательно* описываетъ положеніе какъ ихъ, такъ и старика отца Натальи. Цѣль повѣсти была не столько познакомить читателей съ русскою стариною, сколько возбудить въ нихъ чувствительность. Возбужденіе чувствительности имѣли главною своею цѣлью и всѣ другія повѣсти Карамзина.

Публицистическія статьи въ „Вѣстникѣ Европы“.

Въ „Вѣстникѣ Европы“, программа котораго была шире программы „Московского журнала“, Карамзинъ выступилъ между прочимъ и какъ публицистъ. Къ публицистическимъ статьямъ Карамзина принадлежатъ тѣ, въ которыхъ онъ касался 1) политики, 2) вопросовъ общественной жизни.

1) До „Вѣстника Европы“ политика ограничивалась у насъ лишь газетными извѣстіями. Карамзинъ первый началъ писать, какъ европейскій публицистъ: онъ не только сообщалъ публикѣ извѣстія о важнѣйшихъ современныхъ политическихъ событіяхъ, но и предлагалъ сужденія о нихъ. Онъ тщательно наблюдалъ всѣ дѣйствія Франціи и Англии, вникалъ въ рѣчи консуловъ, въ споры министровъ, слѣдилъ за каждымъ засѣданіемъ парла-

мента, въ особенности читалъ все, что было написано о Бонапартѣ, и результаты своихъ чтеній постоянно сообщалъ читателямъ „Вѣстника“, что придавало этому журналу большой интересъ и яркій колоритъ современности.

2) Въ статьяхъ, касающихся вопросовъ общественной жизни, Карамзинъ постоянно имѣлъ въ виду интересы русскаго общества, указывалъ на необходимость и пользу просвѣщенія, пробуждалъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ сознание какъ своихъ достоинствъ, такъ и недостатковъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчательно его разсужденіе: „О любви къ отечеству и народной гордости“ (1802).

Со второй половины XVIII столѣтія у насъ начинается мало-по-малу развиваться поклоненіе иностранному, особенно всему тому, что исходило изъ Франціи, изъ страны, которая въ XVIII столѣтіи имѣла огромное вліяніе на всю остальную Европу. Это поклоненіе скоро обратилось въ слѣпое пристрастіе и довело русское общество даже до равнодушія ко всему родному, національному. Пристрастіе къ чужеземному было до такой степени сильно, что и лучшіе люди, лучшіе умы своего времени не избѣгли извѣстной доли увлеченія. Карамзинъ, какъ человекъ, высоко и многосторонне образованный, какъ человекъ, горячо любившій свое отечество, не могъ, конечно, оставаться равнодушнымъ и молчать, видя въ своихъ соотечественникахъ недостатокъ самоуваженія, забвеніе національныхъ достоинствъ и недовѣріе къ собственнымъ силамъ и дарованіямъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ появилось нѣсколько статей Карамзина, въ которыхъ онъ, держась чисто русскаго направленія, старался пробудить въ современномъ обществѣ чувство самоуваженія и развить въ немъ благородный и разумный патріотизмъ; но наибольшую силою убѣдительности отличается его вышеупомянутое разсужденіе. Многое изъ того, что было высказано Карамзинымъ въ этой статьѣ, пришлось повторить ему и позднѣе— въ 1815 г. въ „Предисловіи“ къ Исторіи Государства Россійскаго, такъ какъ явленіе нашей общественной жизни, вызвавшее въ 1802 г. обличеніе со стороны Карамзина, продолжало еще существовать.

Космополитовъ не существуетъ, говоритъ Карамзинъ въ сво-

емъ „Предисловіи“, и личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ. Эта же мысль, но несравненно полнѣе, высказана имъ и въ разсужденіи о любви къ отечеству, гдѣ онъ доказываетъ, что каждый человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ привязанъ къ отечеству, и что эта общая всѣмъ людямъ привязанность обуславливается, съ одной стороны, самою природою нашего организма, а съ другой—влеченіемъ нашей души. Отсюда, по словамъ Карамзина, являются два вида любви къ отечеству: любовь *физическая* и любовь *нравственная*. Но есть, говоритъ Карамзинъ, еще третій видъ любви къ отечеству—любовь *политическая*, или *патріотизмъ*, который уже „требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его“. Вотъ этотъ третій видъ любви къ отечеству, этотъ патріотизмъ и былъ слабо развитъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Карамзинъ, признавая патріотизмъ плодомъ разсужденія, плодомъ здравой мысли, хотѣлъ подѣйствовать на общество своими словами и тѣмъ самымъ пробудить въ немъ сознаніе. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что мы излишне *смирены* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ... Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою“. Послѣ этого Карамзинъ обращается къ русской исторіи, сравниваетъ ее съ исторіей другихъ европейскихъ народовъ и на основаніи этого сравненія хотеть показать, что русскій народъ „можетъ стать смѣло на ряду съ другими“

Отъ исторіи Карамзинъ переходитъ къ литературѣ и упрекаетъ современное общество за его холодность къ произведеніямъ отечественной литературы, между тѣмъ какъ даже „французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы отдають справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ“, при чемъ Карамзинъ указываетъ на то обстоятельство, что молодая русская литература, еще такъ недавно выведенная на новую дорогу гениальнымъ Ломоносовымъ, уже тогда представляла образцы, достойные стать на ряду съ лучшими произведеніями европейскихъ писателей. Не способностей и дарованій недостаетъ намъ, замѣчаетъ Карамзинъ, а то бѣда, что наши молодые дворяне, *учась, не доучиваются*. „Будемъ только спра-

ведливы, любезные сограждане, говоритъ онъ, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ пужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ“. Затѣмъ Карамзинъ, съ отѣнкомъ легкой ироніи, говоритъ о тѣхъ галломанахъ, которые, плохо зная родной языкъ, увѣряли, что онъ грубъ и непріятенъ; приведя нѣсколько доводовъ въ защиту русскаго языка, Карамзинъ замѣчаетъ: „Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски, и не думаетъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка“. Наконецъ Карамзинъ возстаетъ противъ слѣпого подражанія иностранному, мѣшавшему развиваться самостоятельности, которая необходима въ жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего народа. „Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: *я существую нравственно!*.. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!“

Все разсужденіе Карамзина: „О любви къ отечеству и народной гордости“ проникнуто чувствомъ глубокаго патріотизма, и упреки, высказанные Карамзинымъ современному обществу, вызваны были не сатирическимъ настроеніемъ духа, котораго не было въ немъ, а искреннимъ желаніемъ видѣть въ своихъ соотечественникахъ такихъ же разумныхъ патріотовъ, какими былъ самъ Карамзинъ.

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.

(1802 г.).

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а пѣвительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастье, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лалландецъ, рожденный

почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любить хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. По даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ дѣлаться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращался въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенные природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоплеменцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждалъ личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностранцами языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочіе: ибо въ характерѣ единоплеменцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колець, или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгалтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи, между Нюна и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, бібліотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяйину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданинъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жаль 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ, и мнѣ скучно“.

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе nature и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которую славилась греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славы отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности чело-
вѣка на его счастья. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу оте-
чества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окру-
жаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и доб-
родѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть
наша слава; и если оскорбительно челоуѣку называться сыномъ презрѣннаго
отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣн-
наго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ
въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе — гордость народную, кото-
рая служитъ опорой патриотизма. Такъ греки и римляне считали себя пер-
выми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ англичане, которые въ по-
сѣднѣйшія времена болѣе другихъ славятся патриотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ
мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патриотовъ; но
мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ до-
стоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ,
того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ
и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но русскій долженъ по крайней
мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ про-
свѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ
же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа русскаго: станемъ
смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ бла-
городною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно гре-
камъ и римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колы-
белию народа русскаго, а побѣда — вѣстницею бытія его. Римская имперія
узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки
византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, кото-
рымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣвер-
ныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ доб-
родушіемъ. Герои наши въ девятомъ, въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись
ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ
стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ пер-
вомъ-на-десять вѣкѣ русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали
другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную
связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ ними плодами учености, и во
время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги.
Къ чести твердаго русскаго характера служить то, что Константинополь ни-
когда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше.
Князья любили разумъ и знаніе грековъ, но всегда готовы были оружіемъ
наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили
торжество Чингисхановыхъ потомковъ и пашаи долговременныя бѣдствія. Ве-
ликіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ не-
счастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, черзаемая лютымъ врагомъ, гибла
со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства.
Жители Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гор-

дости, и тѣмъ снасли имя русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною бесплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать на смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устранили Востокъ и Западъ. Тамерланъ, сидя на тропѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои дѣпи, такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца: граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служить примѣромъ, и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Дровня и повалъ исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный гдѣ Нижнему-Новгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ: мы показали, какъ быть шведовъ, турокъ — и наконецъ французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италиі отъ перваго замаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, оттого, что мы болѣе занимались, какъ пужившіи для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмого-на-десять вѣка считался варварскимъ.

Завистники русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ что учителя Лейбница находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, — что менѣе другихъ занимаемся ими, и что учебное состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи и проч. Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Липнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ¹). Успѣхи литературы вашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогу въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-на-десять вѣкѣ философствовали и писалъ Монталь: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ отбѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы иногда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ²). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиваются худымъ знаніемъ русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vapeurs* не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ того любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для пѣкной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то-есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы всѣ хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю англичанъ за то, что

¹) Линней, Галлеръ и Боннетъ — знаменитые европейскіе ученые.

²) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. (Прим. Карамзина).

2

они лучше хотятъ свистать и шипѣть по англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ дома? Патріотъ снѣшить присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, по отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ.

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символь нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на счастье.

Знаменитѣйшій К. — какъ суровый и неустрашимый

Двѣнадцатилѣтняя дѣятельность Карамзина въ качествѣ журналиста и издателя принесла большую пользу тогдашнему русскому обществу: Карамзинъ знакомилъ его съ лучшими произведеніями русскихъ поэтовъ и иностранныхъ писателей; старался распространять въ русскомъ обществѣ полезныя свѣдѣнія, касался современныхъ вопросовъ, возбуждалъ участіе къ русской старинѣ; усилялъ развитіе у насъ охоту къ чтенію, поднялъ въ глазахъ общества значеніе литератора и вообще имѣлъ на своихъ читателей большое воспитывающее вліяніе. Вотъ заслуги, оказанныя Карамзинымъ въ первый періодъ его литературной дѣятельности, характеръ которой съ 1803 г. уже измѣняется, и Карамзинъ-журналистъ превращается въ Карамзина-историка.

Вторая половина біографіи Карамзина и второй періодъ его литературной дѣятельности.

Всю вторую половину своей жизни Карамзинъ посвятилъ занятіямъ русской исторіей, и весь второй періодъ его литературной дѣятельности заключается въ созданіи знаменитой „Исторіи Государства Россійскаго“. *Т. Погодинъ К. въ „Исторіи Русскаго Труда“*

Еще въ 1793 году Карамзинъ высказалъ желаніе приняться за какой-нибудь большой и серьезный трудъ, который могъ бы

остаться памятникомъ его дѣятельности. Въ 1797 году стремленія Карамзина въ этомъ отношеніи уже стали вполне опредѣленными, и онъ прямо заявлялъ о своемъ намѣреніи посвятить себя занятіемъ историческимъ. Онъ принялся за чтеніе лучшихъ современныхъ европейскихъ историковъ—Гиббона, Робертсона, Юма, Мюллера; ознакомился съ произведеніями древнихъ авторовъ и особенно съ тѣми изъ нихъ, которые оставили послѣ себя замѣчательныя историческія сочиненія, какъ напр. Геродотъ, Фукидидъ, Плутархъ, Титъ Ливій и Тацитъ. Эти занятія настолько подготовили Карамзина, что въ 1803 году онъ уже рѣшился приступить къ „Исторіи Государства Россійскаго“—къ самому замѣчательному и важнѣйшему труду, который по истинѣ можно назвать великимъ подвигомъ великаго писателя.

Желая воспользоваться возможно большимъ количествомъ историческаго матеріала, чтобы не оставить безъ вниманія ни одного сколько-нибудь важнаго памятника, Карамзинъ прежде всего испросилъ себѣ дозволеніе ознакомиться съ рукописями, хранившимися въ архивахъ и монастырскихъ библіотекахъ. По ходатайству Муравьева, товарища министра народнаго просвѣщенія, Карамзинъ получилъ это дозволеніе; ему даже опредѣлено было жалованье и дано званіе исторіографа. Карамзинъ немедленно приступилъ къ работѣ и, по выраженію одного изъ нашихъ писателей, *постригся въ историки*. Тутъ только, принявшись за свой трудъ, замѣтилъ Карамзинъ, что ему придется идти по непроложенной еще дорогѣ и первому расчищать ее; тутъ только увидѣлъ онъ, что его ожидаютъ такія препятствія, которыхъ онъ и не воображалъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ состояніи находилась русская исторія до Карамзина? „Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана—ни исторія церкви, ни исторія права, ни исторія словесности, торговли, обычаевъ; для древней географіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана; генеологіей не занимались; пумизматическихъ собраній не су-

ществовало; археологіи не было въ поминѣ; ни одинъ городъ, ни одно княжество не имѣли порядочной исторіи; сношенія съ сосѣдними государствами покоились въ статейныхъ спискахъ; иностранныя лѣтописи, кромѣ греческихъ, не принимались въ соображеніе; древніе европейскіе путешественники въ Россіи едва были извѣстны по слуху; съ сочиненіями иностранцевъ ученыхъ, въ которыхъ разсѣяны разсужденія о древней Россіи, никто не справлялся; ни одного вопроса изъ тысячъ не рѣшено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено⁴⁾.

Но всѣ эти затрудненія не охладили Карамзина: напротивъ, тѣмъ больше было яренятствій, тѣмъ упорнѣе становился онъ самъ, тѣмъ энергичнѣе работалъ, ломая всѣ преграды, мѣшавшія ему открывать историческія истины, въ которыхъ послѣ Карамзина уже никто болѣе не сомнѣвался. Тутъ-то и пригодилась Карамзину та привычка къ упорному и усидчивому труду, которую онъ пріобрѣлъ въ кругу Дружескаго общества, вмѣстѣ съ умнѣемъ серьезно и добросовѣстно относиться къ работѣ и аккуратно выполнять ее. Проникнутой одною мыслью, однимъ желаніемъ—создать, во что бы то ни стало, исторію „не варварскую и не постыдную для царствованія Александра“, Карамзинъ принимается за работу, и работа его закипѣла. Онъ начинаетъ читать, извлекать, провѣрять, сличать и изъ всего дѣлать выписки, и выписки его такъ точны, что даже имѣющіяся печатныя изданія не всегда въ равной степени удовлетворительны. Всю огромную массу архивнаго матеріала онъ тщательно разсматриваетъ и сличаетъ, подвергаетъ критикѣ каждый памятникъ; не довольствуясь нашими бібліотеками и архивами, онъ добываетъ документы и изъ архивовъ заграничныхъ: такъ изъ Кенигсбергскаго архива достаетъ онъ множество интересныхъ бумагъ, а черезъ Муравьева шьтается достать переписку папъ изъ Ватиканскаго архива; входитъ въ сношенія и переписывается съ разными лицами; обращается къ А. И. Тургеневу, любителю наукъ—и тотъ то сообщитъ ему рѣдкую книгу или рукопись, то ненапечатанную статью котораго-нибудь изъ академиковъ, безпрестанно шипеть къ Муравьеву и, представ-

⁴⁾ Слова нашего историка Погодина.

для отчетъ о постепенномъ ходѣ работы, просить его доставить ему то или другое сочиненіе, котораго нельзя было найти въ Москвѣ. Памятники вещественные интересуютъ Карамзина не менѣе памятниковъ письменныхъ: онъ собираетъ всѣ извѣстія о святыняхъ, хранимой въ ризницахъ, о раскопкахъ, кладахъ, словомъ—обо всемъ, что сохранилось отъ жизни нашихъ предковъ. Онъ тщательно рассматриваетъ и повѣряетъ всѣ чужія мнѣнія, проситъ, чтобы присылали къ нему различныя замѣтки, и замѣтки эти вноситъ въ свои примѣчанія, всегда указывая, кто ихъ доставилъ. Эти примѣчанія, приложенныя Карамзинымъ къ каждому тому его „Исторіи“, надолго еще останутся важными и необходимыми для каждого, кто захотѣлъ бы заняться изученіемъ русской исторіи.

Къ 1815 году уже были готовы первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Въ 1816 году Карамзинъ переселился съ семействомъ въ Петербургъ, гдѣ приступилъ къ изданію этихъ первыхъ восьми томовъ. Но печатаніе очень долго тянулось, и книги его вышли только въ 1818 году. Первое изданіе въ числѣ 3000 экземпляровъ было раскуплено въ 25 дней. „Появленіе сей книги“, рассказываетъ А. Пушкинъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, „надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе... Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили“... Печатаніе втораго изданія снова удержало Карамзина въ Петербургѣ, хотя его сильно тянуло въ Москву, въ которой онъ всегда себя чувствовалъ лучше. Трудъ Карамзина доставилъ ему громкую извѣстность и большой почетъ въ обществѣ. Самъ императоръ Александръ I обласкалъ и осыпалъ милостями исторіографа и всегда оставался къ нему благосклоннымъ.

Остальныя восемь лѣтъ своей жизни Карамзинъ провелъ мирно среди занятій, продолжая свой трудъ, который все-таки не успѣлъ окончить, и недонисанный XII томъ его „Исторіи“, доведенный до 1611 года, вышелъ уже послѣ смерти автора, въ 1829 году. Непрерывный упорный трудъ, уже непосильный

въ преклонные года, надорвалъ здоровье Карамзина, и въ послѣднее время онъ хворалъ очень часто. Уже, по приказанію императора Николая I, приготовлялся корабль, который долженъ былъ отвезти больного исторіографа въ Италію; но Карамзинъ, не доживъ до возможности воспользоваться этою милостію, скончался 22 мая 1826 года. Онъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

„Карамзинъ принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ людей русской земли. Память его священна для каждаго изъ насъ... Лучшія стороны европейской цивилизаціи выказывались въ немъ достойнѣе, чѣмъ онѣ выказываются многими изъ великихъ ученыхъ и первоклассныхъ поэтовъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ и мнѣніяхъ онъ руководствовался чистыми побужденіями. Можно было не соглашаться съ его образомъ мыслей; но нельзя было сомнѣваться въ благородствѣ души его: оно стояло внѣ всякой критики. Какъ писатель, онъ имѣлъ враговъ; какъ характеръ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ. Никому не далъ онъ повода заподозрить себя во лжи, зависти, лицемѣріи, искательствахъ. Никогда онъ не старался извлекать лично для себя выгоды изъ своего положенія, которымъ другой на его мѣстѣ не приминулъ бы воспользоваться всѣми силами и мѣрами. Онъ имѣлъ право гордиться своею независимостью, сказавъ, что „завоевалъ ее миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію“. Его отношенія къ людямъ отличались постояннымъ благорасположеніемъ, которое онъ самъ называлъ, „добродѣтельною обиджитію, слѣдствіемъ утонченнаго челоувѣколюбія“. Онъ почиталъ своимъ долгомъ оказывать привѣтъ и ласку кому бы то ни было. Каждый, имѣвшій съ нимъ дѣло, получалъ выгодное о немъ мнѣніе. Въ обращеніи Карамзина не замѣчалось даже того, что объясняется выходками дурного расположенія духа и что такъ непріятно дѣйствуетъ на окружающихъ насъ людей... Скромность, его отличавшая, не мѣшала ему сознавать свои достоинства и доблестныя заслуги. Это благородное сознаніе побудило его сказать въ письмѣ къ женѣ: *„я ничто передъ лицомъ Бога, но открыто и смѣло смотрю въ глаза людямъ. 1).*

1) Истор. Рус. Слов. Галахова, изд. 2-е, т. II, стр. 19—20.

Исторія Государства Россійскаго.

„Исторія Государства Россійскаго“ состоитъ изъ 12 томовъ, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на главы. Первые три главы I-го тома посвящены описанію различныхъ народовъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, и въ особенности—описанію славянъ. Съ 4-й главы начинается собственно исторія руссійскаго государства и доводится до 1611 года. Главное мѣсто въ трудѣ Карамзина занимаетъ исторія *политическая*, т.-е. исторія государственной жизни; изображеніе же внутренней жизни народа (религіи, образованности, нравовъ, обычаевъ, торговли, промышленности и проч.) не вставлено въ самый рассказъ, а помѣщено въ отдѣльныхъ главахъ, какъ бы въ дополненіе къ рассказу о томъ или другомъ періодѣ ¹⁾. За такое расположеніе историческаго матеріала Карамзина упрекали; но такъ поступали тогда и самыя знаменитые европейскіе историки, напр. англійскій историкъ Юмъ, котораго Карамзинъ почиталъ образцомъ въ дѣлѣ историческаго искусства.

„Исторія“ Карамзина снабжена примѣчаніями, которыя занимаютъ половину каждаго изъ двѣнадцати томовъ.

Въ началѣ перваго тома помѣщено обстоятельное предисловіе, разъясняющее намъ многіе вопросы, касающіеся самаго историческаго труда Карамзина: въ этомъ предисловіи Карамзинъ высказалъ свой взглядъ на исторію вообще и на отечественную въ частности; въ немъ онъ указалъ значеніе русской исторіи всемірное и частное; привелъ отличіе исторіи отъ дѣтониси; наконецъ высказалъ свои требованія отъ историка и историческаго труда и отчасти указалъ на тѣ обстоятельства, въ которыя онъ невольно былъ поставленъ, работая надъ составленіемъ своей „Исторіи“.

¹⁾ Такъ напр. въ I-мъ томѣ такое расположеніе: гл. 4: *Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ*; гл. 5: *Олегъ правитель*; гл. 6: *Князь Игорь*; гл. 7: *Князь Святославъ*; гл. 8: *Великій Князь Ярополкъ*; гл. 9: *Великій Князь Владимиръ*. Последняя глава этого тома—10-я: *О состояніи древней Россіи* (предѣлы, правленіе, законы гражданскіе, воинское искусство, флѣтъ и проч.).

„ИЗЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО“.

Предисловіе.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная страсть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя; первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества, народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ

ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и не искусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое ¹⁾ или столь необыкновенное явленіе, что пѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славы и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели заThemistocle или Сципіона. Всемирная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а руссійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣтъ; никогда Римъ въ своемъ величій не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, холодными и

¹⁾ Метафизика—часть философіи, предлагающая ученіе о сверхчувственномъ, т.-е. о томъ, что не подлежитъ нашимъ чувствамъ, а только находимо путемъ умозаключеній. Отсюда слово метафизическій означаетъ: сверхчувственный, абстрактный.

жаркими климатами: какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣ ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разнообразныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частию міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ Божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Фукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго перусскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи: однакожь смѣло можно сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе россіянъ при Донскомъ, паденіе Новгорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрыя, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой юноша, побѣдитель Мамаевъ,—въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра—и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастья и несчастья, страшный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвяти-

тель Филаретъ, съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣеть право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междуособія, гремяція безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтушіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно чловѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестныя.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о дѣяніяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Фукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый рассказъ о междуособіи греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Афинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудемъ, что сія полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умпленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германпка; съ жалостію—на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи легіона Варова; съ ужасомъ—на кровавый пиръ неистовыхъ римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ—на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканскихъ добродѣтей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе половецкихъ набѣговъ.—Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ

исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы, конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной *картинѣ* и начать *обстоятельное* повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи *обозрѣнія*, сіи *картины* не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человекъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые россияне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ *современникъ*, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ — и если вмѣсто *живыхъ*, *цѣлыхъ* образовъ представлялъ единственно *тѣни*, *въ отрывкахъ*, — то не моя вина: я не могъ дополнять лѣтописи!

Есть *три* рода исторіи: *первая* современная, на примѣръ, Фукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; *вторая*, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; *третья* извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до

самаго XVIII вѣка ¹⁾. Въ *первой* и *второй* блистаетъ умъ, воображеніе дѣписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда *творитъ*, не боясь обличенія; скажетъ: *я такъ видѣлъ, такъ слышалъ*—и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. *Третій* родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что передали намъ современники; молчимъ, если они умолчали—или справедливая критика заградить уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять *рѣчи* согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неосцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію аббата Мабли ²⁾, не можемъ ни въ витійствовать въ исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствахъ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣписание отъ поэмы, отъ цвѣтничковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зеркаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразить исторію, посвященную не славл писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучителей, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ естественная, такъ и гражданская исторія не тернитъ вымысловъ, изображая, что есть и было, а не что быть *могло*. Но исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ челоѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ възыскательнѣе и строже критика; тѣмъ непозволительнѣе историку,

1) Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія: мы слышали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ объ немъ, о Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ—многое, чего нѣтъ въ книгахъ. *Прим. Карамзина.*

2) Аббатъ Мабли (1709—1783)—французскій публицистъ.

для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Что жъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Пѣтъ предмета, столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменоваться себѣ пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольт рова, ни самое глубокомысліе Макиавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, нѣмцы — Иоанномъ Мюллеромъ, и справедливо ¹⁾: оба суть достойные совмѣстники древнихъ — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ!“ есть правило генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказъ нравственныя *анофѣегмы*, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ — едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи *анофѣегмы* бывають для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣють большой цѣны въ исторіи, гдѣ пшечъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть *долгъ* бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль — *даръ*: читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благородный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изясненіи причинъ, но

¹⁾ Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую исторію народовъ. Феррерасъ, Даниель, Масковъ, Далинь, Маллетъ не равняются съ ними двумя историками; но усердно хваля Мюллера (историка Швейцаріи), знатоки не хвалятъ его Вступленія, которое можно назвать геологическою поэмою.

до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если бы онъ не излипне *чуждался* Англіи, не излипне хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія. Въ Фукидидѣ видимъ всегда аѳинскаго грека, въ Ливіи всегда римлянина, и плѣняемся ими и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше* оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабого или души слабой, неспосно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не позволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ: искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ, желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ, ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другого. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною фізіономіею. Прилежно *истощая* матеріалы древнѣйшей російской исторіи, я ободрялъ себя мыслию, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно—мимо всего близкаго, яснаго—къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія *не врознь*, по годамъ и днямъ, но *свокупляю* ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія

въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый—на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая *достоинствами*, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою,—то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темпотѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое пми, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники разможаются и дѣлаются яснѣе.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ ¹⁾, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (*nasceps*), отъ Ярослава до моголовъ—*раздѣленною* (*divisa*), отъ Батты до Иоанна III—*угнетенною* (*oppressa*), отъ Иоанна до Петра Великаго—*побѣдоносною* (*victrix*), отъ Петра до Екатерины II—*процвѣтающею*. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ св. Владимира былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не *рожденія*. 2) Государство *длилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и виѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одинъ—время великаго князя Димитрія Александровича и Донского, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, не-

---

¹⁾ Шлецеръ (1735—1809) — былъ приглашенъ изъ Германіи, въ 1762 г., въ Академію Наукъ для занятій исторіей. Изъ многихъ его трудовъ особенно замѣчательно критическое изслѣдованіе Песторовой лѣтописи, которая, по его отзыву, есть лѣтопись достоверная и полная.

жели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе исторія наша дѣлится на *древнѣйшую* — отъ Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* — отъ Иоанна до Петра, и *новую* — отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ *первой* эпохи, единовластіе — *второй*, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ — *третьей*. Впрочемъ, нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочщамъ.

Съ охотою и ревностию посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу, по слабости, желать хвалы и бояться оужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, т. е. сдѣлать россійскую исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, копѣхъ умъ, знанія, таланты, искусство служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ, долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7-го 1815 года.

Иоаннъ III.

Иоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ; чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней;

силою и хитростію возстановля свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальповидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

... Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ, истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владимира служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились тыломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное... Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность: уставилъ обрядъ *цѣлованія* монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россиянь, ко-

торые съ сего времени начали удивлять всё пные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей.

Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и стронтивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу IV, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничить съ суровостію. Пишуть, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всё сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться... Іоаннъ, какъ человекъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донского, но стоитъ, какъ государь, на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе; она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій?—славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ.

Митрополитъ Филиппъ.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію

своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіяль добродѣтелями игумень Филиппъ, сынъ боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнныя, жемчугъ, богатяя ткани, земли, деревни; помогаль ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиниць, плотинъ: ибо сей игумень былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата: сдѣлалъ воздухъ благораствореннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открываль игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сія бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумаль—мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ—возвести Филиппа на митрополию, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ, и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта духовнаго*, отслужилъ литургію, причастиль всю братію, и со слезами выѣхаль изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ, ибо носилса слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь приняль Филиппа съ отмѣнною честью, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный иннокъ изу-

мился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *вспрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе: сказалъ царю. „Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества“. Иоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: „Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?“ и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но, скоро выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Иоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Иоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ Церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніе души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе—именно, Пименъ Новгородскій, Филоеѣй Рязанскій—искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Иоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не уstraшеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслию отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣрчивости къ Провидѣнію, которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія, мудрыхъ, хотя и неизяснимыхъ для ума чело-

вѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: „Да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!“

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый, избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступаться въ опричнину государеву и не оставлять митрополию подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополию, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, Іоаннъ одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: россияне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ и привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятъ къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земного величія; о побѣдахъ *невооруженной любви*, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе *побѣдъ ратныхъ*. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семь храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную.—Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита, а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти, или притворства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ слободскаго вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву.

(Далѣе Карамзинъ описываетъ „третію эпоху убійствъ“, т.-е. рядъ казней, совершенныхъ Іоанномъ, и—веиствовствъ, произведенныхъ опричниками. Казни и опричники навели ужасъ на Москву).

Безмолвствовалъ и добродѣтельный митрополитъ для гражданъ и бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію—безполезныя: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленные стогны: онъ утѣшалъ горестныхъ именемъ Отца небеснаго; далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святой владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его? обагранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ мукъ? ибо самыя камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!“ Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ митежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою.—На другой день были новыя казни.

Убѣгая митрополита, царь однакожь видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ

съ крестами: тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ *тафью*: митрополитъ, увидѣвъ сіе безчynie, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю, но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Иоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличить его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, благовѣщенскимъ протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки епископъ суздальскій Пафнугій, архимандритъ андрониковскій Θεодосій и князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемеріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Иоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшего игумена; всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одицъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ глава, игумень Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Иоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игумень Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостію. Въмѣсто оправданія бесполезнаго митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣннаго; а царю: „Государь великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій, се бѣлый клубукъ и мантия, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игу

мены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христова, готовьтесь дать отчетъ и страшитесь небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго“. Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его, сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 поября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „Молитесь!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умирительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая *Старою*, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодь и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „Се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту—слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотря на келлію заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости—царь велѣлъ отвезти страдальца въ

Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именованъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступити мѣсто Филиппа.

Въ декабрѣ 1569 года онъ съ царевичемъ Иоанномъ, со всѣмъ дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинь, первый городъ бывшаго Тверскаго великаго княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги Московскаго самодержавія, Иоаннъ велѣлъ смертоносному легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслить о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали государя, какъ отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обгряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келліи Отроча-монастыря еще дышалъ св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Иоаннова сердца: тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословіе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину посольства, онъ съ кротостію промолвилъ: „И давно ожидаю смерти: да исполнится воля государева!“ Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ неспособнаго жара въ его келліи. Устрашенные иноки вырыли могилу за алтаремъ и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго іерарха Церкви російской, украшеннаго вѣнцомъ мученика и славы: ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни новая, ни древняя исторія не представляютъ намъ героя знаменитѣйшаго. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1652 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ поклоняемся.

Вторая глава XI-го тома.

X Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

1600—1605 гт.

Блестящее властвованіе Годунова.—Молитва о царѣ.—Подозрѣнія Борисовы.—Гоненія.—Голодь.—Новыя зданія въ Кремль.—Разбой.—Порочныя нравы.—Мнимыя чудеса.—Явленіе Самозванца.—Поведеніе и наружность обманщика.—Иезуиты.—Свиданіе Лжедмитрія съ королемъ польскимъ.—Письмо къ папѣ.—Собраніе войска.—Договоры Лжедмитрія съ Мнишкомъ.—Мѣры, взятыя Борисомъ.—Первая измѣна.—Витязь Басмановъ.—Робость Годунова.—Общее расположеніе умовъ.—Великодушіе Борисово.—Битва.—Поляки оставляютъ Самозванца.—Честь Басманову.—Побѣда воеводъ Борисовыхъ.—Осада Кромъ.—Письмо Самозванца къ Борису.—Кончина Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя поданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія ¹³¹): она была на высшей степени своего могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человечества, не касаясь жизни людей, не обагривъ земли Русской ни каплею крови и наказывая преступниковъ только ссылкой ¹³²). Купечество, менѣе стѣс-

¹³¹) Современникъ Авраамій Палицынъ въ своей Исторіи, стр. 7: „Двоелѣтнему жъ времени прешедшу, и всѣми благими Россія цвѣтаетъ: Царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся“. Маржеретъ, 93: *jouissant (Борисъ) paisiblement de l'empire en plus grande prospérité qu'aucun de ses prédécesseurs*. См. также о похвальныхъ качествахъ и о дѣлахъ Борисовыхъ въ *The Russian Impostor*, стр. 13, исторія, основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

¹³²) Маржеретъ, 111: *il ne s'est pas exécuté publiquement pendant son règne dix personnes (сіи немвогіе казненныя были разбойники; см. ниже)*.

няемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклить, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ—однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія сплъ ея; какъ радѣеть о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. Итакъ, неудивительно, что Россія, по сказанію современниковъ ¹³⁶⁾, *любила* своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Дмитрія, или сомнѣвался въ ономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ россиянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстныя дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя ¹³⁷⁾; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей—какъ бы только для того, чтобы лицомъ монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ и вечерахъ, за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи „слуги Божія, царя, Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной страны и сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скиптромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы россияне всегда съ умпленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долго-

¹³⁶⁾ Палицынъ, стр. 7: „и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть“.

¹³⁷⁾ См. Маржерета, 93.

терпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтуція вѣтви Борисова дому возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерывно осѣняли оную до скончанія вѣковъ ¹³⁸⁾! “То-есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!.. Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастья и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

---

¹³⁸⁾ Въ Хронографахъ: „Состави (Годуновъ) о себѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и написа и предасть, еже на трапезахъ и вечерахъ за чашами о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца безначальна и Сына соприсносуща... Иже отъ Св. Духа воплотися... сущіи днесъ въ полатѣ сей молимъ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божиему слугѣ, великому, благочестивому и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному... Государю царю Борису Θεодоровичу, самодержавному скипетры на всей восточной странѣ и на сѣверѣ... и его царскаго пресвѣтлаго величества царицѣ и ихъ благороднымъ чадамъ... и христіанскому ихъ воинству... и о тишинѣ всему православному христіанству... И на томъ убо и чашу сію царскую воздвигнули, и повелѣли есте мнѣ (гости хозяину) грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай Богъ, государь нашъ и в. к. Борисъ Ѳ., единый подсолнечный христіанскій царь... и его царица... и ихъ царскія дѣти... на многія лѣта здравы были и счастливы, и недругомъ своимъ страшны, чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству... и имя славилось отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе государи его царскому величеству послушливы были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали... чтобы его прекрасно-цвѣтуція, младо-умножаемая вѣтви царскаго израженія въ наслѣдіе превѣсочайшаго Россійскаго царствія были навѣки и некончаемые вѣки безъ урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго... Къ воинскому чину призрѣніе и храброе устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовымъ и сиротамъ, и всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виновнымъ пощада и долготерпѣніе“, и проч.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ ¹³⁹⁾: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою и взявъ съ россиянь клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ готъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Θεодорѣ ¹⁴⁰⁾ — свойственникъ царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго ¹⁴¹⁾, безъ сомнѣнія, не въ знакъ милости; но Бѣльскій,

¹³⁹⁾ См. выше примѣч. 5. (Въ этомъ 5-мъ примѣчаніи Карамзинъ приводитъ слова присяги, сохранившейся въ Архивѣ Кол. Ин. дѣлъ. Присягу эту давали Борису служилые люди, которые, цѣлуя крестъ, клялись, между прочимъ, не умышлять на жизнь или здравіе Бориса, не вредить ему ни ядовитымъ зельемъ, ни чародѣйствомъ).

¹⁴⁰⁾ См. Т. X, стр. 9. (Въ этомъ мѣстѣ Карамзинъ, основываясь на свѣдѣтельствѣ Никоновской лѣтописи и другихъ источниковъ, рассказываетъ о томъ, какъ оклеветали Бѣльскаго, который, „будто бы отравивъ Іоанна, мыслилъ погубить и Θεодора, умертвить всѣхъ бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника—Годунова“).

¹⁴¹⁾ См. Никои. Лѣт. и пр.

стыдяся представлять лицо уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни, какъ на знатнѣйшее воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ стрѣльцовъ и казаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей, что дѣлатели не скучали работою, любя, слава начальника; а царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говорить: „Борисъ царь въ Москвѣ, а я царь въ Борисовѣ ¹⁴²⁾!“ Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга)—и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ шотландскаго хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ и, заточенный въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ росіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ царскимъ домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Федора, Александра, Михайла, Ивана и Василя, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца ¹⁴³⁾. Честя ихъ наружно—

¹⁴²⁾ См. Бера Chron. Moscovit.

¹⁴³⁾ Палицынъ: „Клятву же (Борисъ) къ вел. боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ вѣренное тому соблюденіе“. См. также Никои. Лѣт. и др.

давъ старшимъ, Феодору и Александру, боярство, Михайлу санъ окольничаго и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ ¹⁴⁴)—Борись внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Феодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ государства ¹⁴⁵): молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Феодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной наказами родственниковъ царскихъ ¹⁴⁶); но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борись, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Феодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ боярпна, князя Феодора Шестунова, за ложный доносъ

¹⁴⁴) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ ними.

¹⁴⁵) См. Т. X, Примѣч. 370. (Въ примѣчаніи этомъ Карамзинъ говоритъ: „Въ Латух. Степенной книгѣ и въ другихъ сказано, что Феодоръ будто бы наименовалъ своимъ преемникомъ Феодора Никитича Романова“. Въ примѣчаніи же 145 къ XI тому Карамзинъ приводитъ слова Келаря Авраамія: „Глаголють бо, яко зѣло любяше Борись волхвы и звѣздохотцы, и тѣи сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати иматъ скипетродержецъ Російскому государству... Царь же Борись, таковая слыша отъ волхвовъ, и умысли, яко да потребить родъ сей“).

¹⁴⁶) Палицынъ, стр. 7: „оставшее племя царя блаженнаго Феодора (Борись) нача не любити ради смущенія своихъ ближнихъ“. Въ доказательство, что бояре, угрожая царю, старались всячески чернить Романовыхъ, выписываю слѣдующее изъ Разрядной Книги 1598 года: „Іюля въ 21 день билъ челомъ государю к. Ѳ. Ноготковъ, что въ нынѣшнемъ году на государевѣ службѣ, на берегу былъ въ правой рукѣ бояринъ князь Ив. Вас. Сицкой, а въ передовомъ полку к. Александръ Рѣпинъ-Оболенской, и кн. Александръ, дружася съ к. Ив. Сицкимъ, и удружа Феодору Никитину, сыну Романову, потому что Феодоръ и к. Ив. Сицкой и к. Алек. Рѣпинъ межъ собой братья и великіе други, на кн. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и тѣмъ воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинилъ всемъ Оболенскимъ“, и проч. Борись нашель требованіе к. Ноготкова справедливымъ и велѣлъ записать въ книгахъ, что Оболенскіе по службѣ остаются выше Сицкихъ.

на господина въ недобротствѣ къ вѣнценосцу ¹⁴⁷⁾; Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовымъ, что ихъ за такое же усердіе ждетъ еще важнѣйшая милость царская; и главный клеветъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, вельможа Семень Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ ¹⁴⁸⁾, далъ ему мѣшки, наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ патриарху; посылаютъ околичьяго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія царя. Всѣ въ ужасѣ—и вельможи, усердные подобно римскимъ сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велѣть судить, какъ судить беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, князя Ивана Васильевича, намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткой, особенно Романовыхъ ¹⁴⁹⁾; мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и бесполезно: никто

¹⁴⁷⁾ Сей рабъ назывался Воинко; см. Ростов. Лѣт., Нинон. 41—45 и Латухин. Степен. Кн.

¹⁴⁸⁾ Бартенева второго.

¹⁴⁹⁾ Въ Нинон. Лѣт.: „Федора жъ Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со кн. Ив. Борисов. Черкасскимъ, приводиша не одинова къ пыткамъ“.

не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ царемъ и Богомъ. Но судии не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣну* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести государя средствами волшебства. Въ іюнѣ 1601 г. исполнился *приговоръ боярскій* ¹⁵⁰⁾: Ѳедора Никитича Романова (будущаго знаменитаго іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Марѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, дворянку Шестову, въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, князя Бориса Черкаскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро ¹⁵¹⁾; сына Борисова, князя Пвана, въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владимира Шестуновыхъ, Карповыхъ и князей Рѣвниныхъ въ темницы разныхъ городовъ; одного же изъ послѣднихъ, воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе царскаго достоянія, въ Уфу ¹⁵²⁾. Вотчины и

¹⁵⁰⁾ См. въ Архивѣ Кол. Иностр. дѣлъ дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Ѳедора Никитича: Миллеръ считалъ ее княжною Сицкою, а кн. Щербатовъ княжною Шестуновою: она была просто Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

¹⁵¹⁾ Княгиня Черкасская называлась Марѳою (Никитишною); съ нею сослали на Бѣлоозеро сестру ея Анастасію и семейство брата, Александра Никитича. Жену к. Ив. Сицкаго, также сестру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ шюкиннѣхъ Евдокією. Въ приставахъ были съ Романовыми съ Ѳедоромъ Романъ Дуровъ, съ Александромъ Леонт. Лодыженскій... и т. д.

¹⁵²⁾ См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и дома взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкой и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными московскихъ приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ измѣнниковъ, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳедору Никитичу, иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ царю, что Филаретъ не находитъ между боярами и вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ ¹³³); что хотя занимается единственно спа-

---

¹³³) Тамъ же, въ донесеніи новаго пристава, Богдана Воейкова, изъ Сійскаго монастыря отъ 25 ноября 1602: „Твой, государевъ, измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: Бояре-де мнѣ великіе недруги; искали-де головъ нашихъ, а ины-де научали на насъ говорити людей нашихъ, а я-де самъ видалъ то ни единожды. Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: не станеть-де ихъ съ дѣло ни съ которое; вѣтъ-де у нихъ разумно; одиъ-де у нихъ разумень Богданъ Бѣльской: къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужь... Коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ говоритъ: Милія мои дѣтки маленьки бѣдныя остались: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли? Чаю, она гдѣ близко таковожь замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино што рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣ Богъ прибралъ; и язъ бы тому обрадовался; а чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одвою своею душею“.

Приставъ Некрасовъ сказалъ Василью Романову: „Кому Божьимъ милосердемъ и постомъ, и молитвою, и милостынею Богъ далъ государство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и коренемъ... И Василей (такъ доносилъ Некрасовъ) учаль говорити подсмѣхая: Свята-де та милостыня, што мечютъ по улицамъ! Добра-де та милостыня, дати десною рукою, а шуйца бы ни слыхала“.— Вѣрный слуга Василія Романова назывался

сениемъ души, но тоскуеть о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастью Россіи!). Донесли также царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ приставу: „истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія“. Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявивъ за нихъ царскій гнѣвъ приставу, излишне ревностному въ угнетеніи опальныхъ,—перевести недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 февраля 1602 г.) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести или насильственной смерти, какъ пишутъ¹⁵⁴⁾: перваго схоронили въ Лудѣ; второго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще рассказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою обѣльною грамотою¹⁵⁵⁾. Если вѣрить лѣтописцу, то Борисъ,

Сенькою. Объ Иванѣ Никитичѣ сказано въ донесеніи, что онъ боленъ старою болѣзнію, не владетъ рукою и едва приступаетъ на ногу. См. тамъ же.

¹⁵⁴⁾ См. Никон. Лѣт.

¹⁵⁵⁾ См. въ Географ. Словарѣ Р. Г. статью Ныробъ; а г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской губерніи: „Въ Ныробѣ еще недавно умеръ столѣтній старецъ, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, который любилъ рассказывать о Мих. Никит. Романовѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ 1601 г. Ром. Андр. Тушинъ (бывшій въ 1608 г. воеводою въ Туринскѣ) и шесть сторожей. Въ то время, какъ они копали для

велѣвъ удавить въ монастырѣ князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуя, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ политики ли царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ мартѣ 1602 г. царь милостиво указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени злодѣя) ѣхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній-Новгородъ—и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣзинныхъ—неизвѣстно); а княгинѣ Черкасской, Марѣѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей въ Бѣлѣозерѣ¹⁵⁶), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевского уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету¹⁵⁷): позволилъ ему стоять въ церкви на клиросѣ, взять къ себѣ чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа

него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печъ и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Нырбцы научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву шесть человекъ изъ нырбцевъ, какъ людей зломысленныхъ: возвратились двое, уже въ царствованіе Шуйскаго, другіе умерли въ пыткахъ. Узникъ жилъ около года. Старецъ Максимъ слышалъ преданіе, что сторожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна и сыра.—Мих. Ник. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачъ. Желѣза его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсомъ въ 39 фунт., ручныя въ 12, кандалы, или нижнія желѣза, въ 19, замокъ въ 10 ф., и проч.

¹⁵⁶) 17 авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа ея к. Бориса Черкаскаго; см. Дѣло о семлѣтѣ Романовыхъ.

¹⁵⁷) См. тамъ же и Исторію Рос. Іерархіи II, 647.

непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ іеромонахи и въ архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра.

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ князьямъ Мстиславскому и Василю Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ ¹⁵⁸). Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Θεодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ воеводу, князя Владимира Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его ¹⁵⁹); удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними ¹⁶⁰). Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы измѣнниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ царскимъ палатамъ изъ домовъ боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, иноки, попы, дьячки, просвирницы ¹⁶¹) на людей всякаго званія—самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцовъ, къ ужасу человѣчества! „И въ дикихъ ордахъ“, прибавляетъ лѣтописецъ, „не бываетъ столь

¹⁵⁸) См. Маржерет. 94.

¹⁵⁹) См. Разрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того к. Бахтѣяровъ снова именуется въ числѣ воеводъ.—Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Василій Щелкаловъ является окольнымъ въ царствованіе Лжедмитрія: см. Списокъ бояръ въ Рос. Вивлюе. XX, 78.

¹⁶⁰) Маржерет. 109 и Морозов. Лѣт. 117.

¹⁶¹) См. Никон. Лѣт. 41. Палицына 8 и Латухин. С. К. Въ Разрядн. Кн. г. 1601: „Послалъ царь Борисъ въ Сибирь Пушкиныхъ, Остафья съ братьею, за опалу, что на него довели люди его, Филипка да Гришка; а Леоптія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на к. Ондreja Елецкова въ отечествѣ, а тѣмъ царя раскручинили... помѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы распродать“.

великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности“. Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ россиянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными мпlostямъ вѣнценосца къ допосителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ—и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славилъ Бориса: приверженники, льстецы, извѣтчики, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное духовенство, какъ увѣряютъ ¹⁶²⁾, хранило въ душѣ усердіе къ вѣнценосцу, который осыпалъ святителей знаками благоволенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для царя явию укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ россиянь: *они уже не любили Бориса* ¹⁶³⁾!

Такъ говоритъ лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей исторіи своею государственною доблестію: келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, россияне искренно славилъ царя, когда онъ, подъ личиною добродѣтели, казался имъ отцомъ народа; но, признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явише означилась для нихъ въ порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, по тѣмъ сильнѣ чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ—и тѣмъ сильнѣ говорили въ святилищахъ, недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и

¹⁶²⁾ См. Маржерета 108.

¹⁶³⁾ Палицынъ 17: „И таковыхъ ради дѣлъ, иже сотвори Борисъ, въ непасть бысть всему міру... Стаи уже вся поношаху ему крови ради неповинныхъ, и разграбленія илѣвій, и нововводимыхъ дѣлъ; ереси же арменстѣй и латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть... и старіи мужи брады оная пост, изаху и въ юноши премѣняхуся.

царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежомъ ихъ достоянія, алчностью къ прибытку незаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ арменской и къ латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію.

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердце, къ нему остылыхъ.—Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на миллионы людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрерывно ¹⁶¹⁾, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еше въ житницахъ и гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 до 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей ¹⁶²⁾. Борисъ велѣлъ отво-

¹⁶¹⁾ См. тамъ же 9 и рукописн. Повѣсть о зломъ оретникѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, гдѣ сказано, что сильный морозъ былъ 28 іюля (а не 15 авг., какъ говоритъ Келарь Палицынъ).

¹⁶²⁾ Въ Арх. Псков. Лѣт. „Въ лѣто 7109 рало въ лѣтѣ сташа великіе морозы и побило рожь и ярь... Въ 7110 (1602) купяли ржи четверть по два рубля, а

рить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ московки, деньгу или копейку ¹⁶⁶⁾—но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей ¹⁶⁷⁾, и бесполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. „Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ“—пишетъ одинъ изъ нихъ ¹⁶⁸⁾—„что я собственными глазами видѣлъ

жита по томужъ, а четверть была старая не велика, противъ нынѣшней вдвое меньше; а овса по рублю по десяти алтынъ. А въ 7111 (1603) купили рожь по три рубли четверть, а жита по полтретья рубли четверть, а овса по рублю и по десяти алтынъ. И въ тѣ поры несказанно многіе люди въ Псковѣ и по селомъ и по инымъ городомъ померли; и оттолѣ поча хлѣбная цѣна низитися“. *Маржеретъ*: la mesure du bled, laquelle se vendoit auparavant quinze sols, se vendoit trois roubles, qui font presque vingt livres. *Беръ* въ *Chron. Moscov.*: „бочка ржи стоила отъ 10 до 12 гульденовъ“ (или 19 талеровъ, какъ говоритъ *Петрей*). См. Томъ X, стр. 177.

¹⁶⁶⁾ Или три нѣмецк. гроша, по сказанію *Петреву*; см. *Бера. Маржеретъ*: à chacun un Moscov, qui est quelque sept deniers tournois... és principales festes et dimanches un denin, qui est le double.

¹⁶⁷⁾ 30000 талеровъ, говоритъ *Петрей*. По сказанію *Маржерета*, *Борисъ* прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

¹⁶⁸⁾ *Беръ* въ *Chron. Moscov.* Въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрѣпьевѣ*: „ядоша всяку траву и мертвицу, и пси и кошки, а инъ кору липовую и сосновую; а иные живые мертвыхъ и другъ друга ядоша: то бо есмь азъ видѣхъ своима очима; богатыхъ дома грабили и разбивали и зажигали; тѣхъ людей имаху и казпаху: овыхъ сжигали, а иныхъ въ воду метали“. *Петрей* увѣряетъ, что онъ также собственными глазами видѣлъ мать, которая на улицѣ глодала своего младенца. Далѣе см. *Бера*. „Четыре женщины (пишетъ *Маржеретъ*), оставленные мужьями, зазвали къ себѣ крестьянина съ возомъ дровъ, удавили и сира-

въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно“. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступления не уменьшались... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!.. Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гниющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ на свое иждивеніе хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирая мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки, или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христіанскими у церквей приходскихъ ¹⁰⁹⁾. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищія толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ, куда царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для

тали въ холодное мѣсто, для пищи; а между тѣмъ убили и съѣли ого лошадь. Сіе злодѣйство отерлось, и женщины признались, что онѣ уже съѣли двухъ человѣкъ, ими убитыхъ“.

¹⁰⁹⁾ Авр. Палицынъ: „За два лѣта и четыре мѣсяца, считающе по повелѣнію цареву, погребоша въ трехъ скудельницахъ 127000 толико во единой Москвѣ. Но что се? тогда бысть въ царств. градѣ болѣ четырехъ сотъ церквей: у всѣхъ же тѣхъ невѣдомо колико погребоша христіанцы; аже во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, никто же исповѣдати можетъ: нѣсть бо оему постиженію; пси бо и звѣрие и птицы небесныя преизобильствоваху сицевою пищею“. Далѣе см. Бера и Петра.

бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія ¹⁷⁰⁾, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ что сокровищница московская, полная отъ благополучнаго Феодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможные мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ ¹⁷¹⁾; но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлись огромныя скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенныя и поросшіе деревьями ¹⁷²⁾; велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолжимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ ¹⁷³⁾, ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россією, какъ бы пустынею африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ которые не только выѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и

¹⁷⁰⁾ См. Ядро Рос. Исторіи 270 и Маржерет. 107. Въ Разрядн. Кн.: „Послалъ государь въ Новгородъ Ив. Ржевскаго, да дьяка Нечая Феодорова, а въ Псковъ Тимоѳ. Лазарева, да дьяка Палицына, а въ Иванъ-городъ Головина, а велѣно имъ бѣднымъ людемъ давать хлѣбъ и деньги“. Асцентини (см. Т. X, прим. 451) пишетъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь: Cholera morbus

¹⁷¹⁾ Авр. Палицынъ: „Царь же Борисъ хотя пользу сотворити, на время оскудяти иѣкихъ, дабы преритати бѣдныхъ... и оскудивъ много во всей Россіи; но такового ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣнилось, аще бы впереди написалъ исправити таковая. И се же паки неразумно содѣя: подаемую убо пшеницу отъ царскихъ житницъ въ приношеніе безкровныя жертвы всѣхъ благъ Подателю, повелѣ въсто ея рожъ давати. Но аще и не по повелѣнію его, по на грѣхъ простершия житопродавцы: худу бо и гнилу рожъ даяху; инѣмъ же гъ селѣхъ далеко отъ царств. града повелѣваху имати, и то по величій мздѣ“.

¹⁷²⁾ См. Бера. Авраамій П.: „Въ та же лѣта мнози имущіи глаголаху къ просящимъ: *не имамы ничто же*. Во время жъ плѣненія отъ всѣхъ окольныхъ языкъ, наипаче же отъ своихъ“ (въ царствованіе Шуйскаго и послѣ) „обрѣтается безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неистощены, и въ поляхъ скирды, гумна же преполнена одоной и копенъ“.

¹⁷³⁾ Ямщики въ Новгородской области должны были держать по три лошади на человѣка: лошади тогда палп, а люди разбѣжались (см. въ Архивѣ Датскія Дѣла г. 1601, связку № 1).

рынкахъ, силою отнимали съѣстное ¹⁷⁴⁾. Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало-помалу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золь; снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до десяти копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы!—Памятникомъ бывшей безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ея введенная, нова *мѣра четверика*: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами, бочками, или кадами*, четвертями и осьминами ¹⁷⁵⁾.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и состояніе многихъ; оскудѣла, безъ сомнѣнія, и казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности царской, но еще болѣе, нежели когда-нибудь, хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва небеснаго, особенно для пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши ¹⁷⁶⁾: вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единого нищаго тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, герцога Датскаго—и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнулъ огромную колокольню Ивана Великаго ¹⁷⁷⁾, пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ

¹⁷⁴⁾ Сочинитель Ядра Рос. Исторіи пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопами разбивалъ тогда дома людей богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

¹⁷⁵⁾ То-есть, четвертями и осьминами окова, бочки, или кади. См. Томъ III, примѣч. 8, стр. 8, Хронографы и Латух. Степен. Книгу.

¹⁷⁶⁾ См. Бера и Петрея 295 Они говорятъ здѣсь объ императорскомъ посольствѣ въ 1604 году; но тогда уже миновалось бѣдствіе. Когда датскіе послы съ герцогомъ Іоанномъ вѣзжали въ Россію, тогда свирѣпствовалъ въ ней голодъ. Беръ пишетъ, что царь, ожидая барона Логау, велѣлъ дворянамъ своимъ одѣться въ бархатъ и парчу; что многіе изъ нихъ разорились, и въ богатомъ платьѣ умирали съ голоду.

¹⁷⁷⁾ Надпись на главѣ Ивана Великаго: „Изволеніемъ Святыя Троицы, по-

сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную ¹⁷⁸), чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣніи! Однакожь не московскіе лѣтописцы, а только чужеземные историки упрекають Бориса гордостію неуклонною и, въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, рассказывая, что онъ запретилъ тогда россиянамъ купить весьма умеренною цѣною знатное количество ржи у нѣмцевъ въ Ивацѣгородѣ, стыдяся питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ ¹⁷⁹). Извѣстіе, конечно, несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминають о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семь несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ россиянь своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ— мысль, что Небо за беззаконія царя казнитъ царство ¹⁸⁰). „Из-

велѣніемъ вел. государя царя и в. к. Бориса Ѳеодоровича, всеа Россіи Самодержца, и сына его, благовѣрн. вел. государя царевича и в. к. Ѳеодора Борисовича всеа Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108-го“—то-есть, 1600: слѣдственно еще до голода.

¹⁷⁸) Въ Никои. Лѣт. 48, „О каменномъ дѣлѣ въ меженину“ (въ голодъ): „Видя Борисъ такое Божіе прогнѣваніе, и повелѣ дѣлати каменное дѣло многое, чтобы людямъ питатися, и сдѣлаша каменныя полаты большія на взрубѣ, гдѣ ѱли царя Ивана хоромы“. Сіи двѣ новыя палаты, безъ сомнѣнія, были: *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминается (см. Томъ X, примѣч. 453). Онѣ изображены за Грановитую и за Золотую на планѣ Кремля, издаанномъ въ Германіи скоро послѣ Борисова царствованія: мы увидимъ сей планъ при любопытномъ Описаніи Москвы, сочиняемомъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Малиновскимъ.

¹⁷⁹) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Датскихъ, 1602 г., № 1, отписки Ивангородскаго воеводы к. Вас. Ростовскаго.

¹⁸⁰) Авр. Палицынъ 8: „Сихъ ради Никитичевъ (Романовыхъ)... изліяніе, гнѣвобыстрое бысть отъ Бога“ (голодъ)... „Царь же Борисъ многу мпlostыню творяше; не помину же слово се покаянію наставника, иже убо отъ лихоимствія и отъ неправды творяй милостыню, подобится сей зарѣзавшему сына у отца, и кровь его принося въ златой чашѣ, да пьетъ отъ нея ко здравію си. Той Борисъ сему же подобно сотворивъ: дома великихъ бояръ сослан

лѣвая на бѣдныхъ щедроты“—говорять лѣтописцы—„опъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піють во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ пѣніе вельможъ честныхъ, и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа“.—Россія не благоденствовала въ повоѣ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украину, землю Сѣверскую, людьми, годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно житье престоупникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной ¹⁸¹⁾: ибо незнаемо изготвилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. „Великій разумъ и жестокость Грознаго“ — по словамъ лѣтописца — „не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Θεодоръ связывалъ ихъ своею молитвою ¹⁸²⁾“; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, не согласными съ вѣчными уставами правды. Издревле бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить цервыхъ ¹⁸³⁾: законъ, издаанный въ Θεодорово время, единственно въ угодность знатному дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ ¹⁸⁴⁾, совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ дома шыхъ вся истощивъ и принесе въ царскія полаты, и древняя царская сокровища вся тѣмъ оскверни“. Въ Подробн. лѣтописи III, 152: „причитаху жъ Борису и весь народъ зло беззаконіе быти, и для его разумѣша быти всему тому гнѣву Божию“.

¹⁸¹⁾ См. Авр. Палицына 12.

¹⁸²⁾ Тамъ же.

¹⁸³⁾ Напримѣръ, еще по закону Ярослава Великаго всякій человекъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей Исторіи Томъ II, 50).

¹⁸⁴⁾ См. Томъ X, въ примѣч. 352, указъ о холопяхъ: Указъ царскій 21 ноября 1597 (см. Судебникъ Татищева, стр. 220).

боярскіе рабамъ, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику ¹⁸⁵), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ, педостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствию присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою ¹⁸⁶). Но, въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять тѣхъ, которые могли бы изъ челоуѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата, обыкновеннаго въ години

¹⁸⁵) См. Сей Исторіи Т. IX, 449.

¹⁸⁶) Авр. Палицынъ 12: „При блажен. царѣ Ѳеодорѣ Б. Годуновъ и мнози отъ вельможъ, не токмо рода его, но и блюдоміи ими многихъ челоуѣкъ въ неволю къ себѣ введше служити, инѣхъ же ласканіемъ и дарми въ дома своя притягнувшѣ, и не отъ простыхъ токмо ради нарочита рукодѣлія или каковѣ хитра художества, но и отъ честнѣйшихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ оелы и съ вотчины, наипаче же избранныхъ меченосцевъ и крѣпкихъ въ оружіи, и свѣтлы тѣлесы, и красны образомъ и возрастомъ излишествующихъ. Мнози же и иніи, начальствующимъ послѣдствующе, въ неволю порабощающе, и написаніе служилое силою и муками емлюще. Во время же глада озрѣвшѣся, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабовъ на волю отпуцати, иніи истинно, иніи же лицемѣрствомъ: истинствующіе съ писаніемъ, лицемѣршицы же токмо изъ дому изгоняють, и аще къ кому прибѣгнетъ, той злѣ продаваемъ бывашѣ, и многъ сносъ и убытки платяху... Мнози же ямуци чѣмъ препитати домашнихъ, но восхотѣвшѣ много богатства собрати, и того ради челядь свою отпуцающе... и гладомъ скончевающихся туне презрѣша... Бяше же и се зло во многихъ: лѣто убо все тружлются, въ зиму же не имѣють гдѣ главы подклонити, и паки въ лѣто въ дѣлѣхъ злѣ страждуть у господій своихъ... Дома же вел. бояръ злѣ отъ царя Бориса распужены, и вси рабы распущены быша; заповѣдь же о нихъ вездѣ положена бысть, еже не примати тѣхъ никому же. Иніи же сами поминающе благодаріе господій своихъ и въ негодованіи на царя пребывающе, по времени ждуще, злѣ распыхаются... а иже воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняются: во грады бо вышереченныя Украйныя отхождаху, аще и не вкупѣ, но *боль двадесяти тысячъ* сидевыхъ воровъ, по мнозѣ времени, въ осадѣ въ сидѣніи въ Колугѣ и въ Тулѣ обрѣтѣся“ (уже въ царствованіе Шуйскаго), „кромѣ тамошнихъ собравшихся старыхъ воровъ“.

бѣдствій! Несчастные гибли, или разбойничали вмѣстѣ со многими людьми вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденныхъ вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго)—вмѣстѣ съ украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи ¹⁸⁷⁾. Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка, или Косолапа, удалца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный воевода, окольникій Иванъ Ѳеодоровичъ Басмановъ, едва выступилъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злого, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервенѣніе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ—злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местию противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе: допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ ¹⁸⁸⁾, но, повидимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ; всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не каз-

¹⁸⁷⁾ Въ Степен. Кн. Латухина: „и воровство отъ нихъ въ Россіи быти начивашеся“. См. также Никон. Лѣт. 53.

¹⁸⁸⁾ Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года: „Столпъ 112 (1604) году о задорѣхъ и о разбойникѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи“. Сей столпъ пропагъ.

Убитаго окольникаго Басманова съ честію схоронили у *Троицы* въ Сергіевѣ монастырѣ (см. Никон. Лѣт. 54).

нить никого смертію ¹⁸⁹⁾.—Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украину, гдѣ воеводы, по указу государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ.

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырёхъ лѣтъ Иоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣлаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердець, развратомъ народа—всѣмъ, что предшествуетъ ниспроверженію государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ ¹⁹⁰⁾; если долговременный голодь не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ними: распутство, корыстолюбіе, лихонмство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее дворянство, и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій царя, уже вообще ненавистнаго,—то пужны ли были иныя чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? пбо сіи же лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суетвѣрія ¹⁹¹⁾, рассказываютъ, что „не рѣдко восходили тогда двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огненные, ночью пылая на

¹⁸⁹⁾ См. Маржерет. 111. Онъ говоритъ, что разбойниковъ было человекъ съ пятьсотъ.

¹⁹⁰⁾ Авр. Палицынъ: „Въ обтлденіе и пылство велико и въ блудъ впадохомъ и въ ляхвы и въ неправды, и во вся злая дѣла... Егда гладомъ наказа насъ Господь, мы же въ злѣйшая впадохомъ, и не токмо простіи, но и чинъ священствующихъ“. Беръ: „Во всѣхъ состояніяхъ господствовали раздоръ и ненависть; ни одинъ человекъ не вѣрилъ другому. Корыстолюбіе возвысило на все цѣну, и ростовщики превзошли жидовъ въ лихонмствѣ. Ближній ближнему не давалъ денегъ безъ заклада. Распутство и плутовство доходило до крайности. Не говорю уже о новыхъ порокахъ, заимствованныхъ россиянами отъ иноземцевъ; напримѣръ, о высокомѣрїи, презрѣнїи къ другимъ“, и проч.

¹⁹¹⁾ См. Бера. Въ современной Повѣсти о Гр. Отрепьевѣ: „И тогда знаменїя велики и многи быша на небеси и на земли, и громы велицы и молнїи блистанїя, и земли трясенїя“, и проч. Беръ пишетъ, что комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицкаго дня во второе воскресенье, въ самый полдень; а другіе говорятъ о семъ явленїи 3 октября (см. Вагнер. Gesch. des Russ. Reichs, кн. 43, стр. 71).

тверди, въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ представляли битву воинствъ и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичи въ лѣсахъ исчезали, пли, употребляемая въ пищу, не имѣли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, пожирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ дьяку государственному (Власьеву), что царству угрожаетъ великая опасность“. Оставимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ исторіи народовъ.

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходя изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу ¹⁹²). Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ—и добродѣтельная; первая *державная царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу, преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ

---

¹⁹²) См. Архив. Псков. лѣт., гдѣ означено, что Ирина преставилась 26 окт. 1603 года. Въ *Собран. Государст. Грамотъ* (II, 186), подъ духовною патріарха Іова, конечно, ошибкою напечатано *лѣто* 7113, вмѣсто 7112 или 7111: ибо Ирины уже тогда не было; а патріархъ говоритъ въ сей духовной: „Вел. княгини, *нынѣ* же Божією мпостію иноки Александры“; а въ другомъ мѣстѣ: „благодать же, милость, миръ Господа І. Х. буди на тебѣ (царѣ Борисѣ)... тако же и на единородной *сестрѣ* твоей“. См. еще Никон. лѣт. 35 и 53; также и Разрядн. Нн. 7112.

нею радовался торжеству отечества ¹⁹³) и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать вельможъ измѣнниковъ; лицомѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицомѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила ангеломъ хранителемъ, всѣмъ любимая, какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли инокиню съ великолѣпнѣмъ царскимъ въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи—и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ російскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, имъ гошпимые—не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именовъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ боярскій, галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именовъ Богдана-Якова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ ¹⁹⁴), слу-

¹⁹³) Съ вѣстію о пораженіи Кучума Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь. Самые злодѣи Борисовы, предатели отечества, назвали *память* Ирины *святою* (см. Собран. Государст. Грамотъ II, 178).

¹⁹⁴) См. Дѣла Польск. № 26, л. 72 на об., Собрание Г. Г. II, 163, и рукописн. современную Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Разстригинъ назывался Яковомъ, какъ и

жилъ въ домѣ у Романовыхъ и князя Бориса Черкаскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздаль, въ обители св. Евфимія, въ Галицкой—Іоанна Предтечи и въ

самъ Годуновъ (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: „Покусихся азъ многогрѣшный... предати повѣсть сію писаніемъ, не слухомъ увѣряться, кромѣ того, какъ той еретикъ (Самозванецъ) былъ въ Литов. земли, а что сотворись въ Росс. царствѣ, то вся зря своимъ очима“. Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичъ въ библиотекѣ Залуцкаго и приводитъ въ Исторіи Ходявичи (*Historia Jana Karola Chodkiew.*, Т. I, 426), сказано такъ: „До постриженія (Триг. Отрепьевъ) именовался Юшкой; по своему зловрагію не слушался отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дому и лукаво вступилъ въ монашество“. Въ Хронографѣ: „Той Юшка остана послѣ отца младъ зѣло съ матерію и наученъ бысть отъ нея Божественному писанію: егда жъ изучи Часовникъ и Псалтирь, отыде отъ матери и нача витати въ Москвѣ... и случися ему бесѣда Вяцкой области, града Хлынова, Успенск. монастыря со игуменомъ Трифономъ... и по совѣту того Игумена пострижесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время бѣста ему лѣтъ 14, и отыде въ Суздаль, въ Евфимьевъ монастырь... и въ томъ же уѣздѣ въ монастырь ко Спасу на Куксу... и въ другіе“. Въ Никон. Лѣт: „У Замятни Отрепьева были два сына, Смирной да Богданъ; у Богдана же родися сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на ученіе грамотѣ: грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотѣ гораздъ, и во младости пострижесь... и приде въ Суздаль, въ Евфимьевъ монастырь: архим. же Левкій даде его подъ началъ; онъ же жилъ ту годъ, и приде въ м. на Куксу, и жилъ ту 12 недѣль... и приде въ Чудовъ монастырь“. Въ рукописн. Сказаніи, еже содѣтся въ Москвѣ, и въ Ростригѣ: „Сей Гришка Отрепьевъ къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ, и тоя ради вины на него царь Борисъ негодова: той же лукавый избѣжавъ отъ царя, тайно пострижесь“. Въ Дѣлахъ Польск. № 26, л. 73: „билъ челомъ объ немъ (Гришкѣ) въ Чудовѣ м. архимандриту Пафнутью, что нынѣ Крутицкой митрополитъ, Богородицкой протопопъ Евфимей, чтобъ велѣлъ ему жити въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни... и былъ въ дьяконѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ патріархъ... и впалъ злодѣй въ еретичество, и хотѣли его съ Собору сослати въ заточенье на смерть“. (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его единомышленниками хотѣли сослатъ на Бѣлоозеро). См. также Латухин. Степен. Книгу и Архив. Ростов. Лѣт. Вотъ главные источники для описанія Лжедмитріевой исторіи; но предпочтительно слѣдую государственнымъ бумагамъ.

другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятплъ въ діаконъ и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла*: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворець: видѣлъ пышность царскую и плѣнялся еію; изъ-являлъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ прозносилось имя Димитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряють ¹⁹⁵), однимъ злымъ инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ россиянъ, умилемыхъ памятію Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ російскія лѣтописи, и нескромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: „знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ?“ Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что „недостойный иннокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ“: добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта; по царь велѣлъ дяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе ¹⁹⁶).

¹⁹⁵) См. Петра 285, ниже примѣч. 601 и The Russ. Impostor 14. Беръ пазывалъ сего злого совѣтника Отрепьевымъ: ибо, вѣря сказкѣ поляковъ, думалъ, что Самозванецъ, хотя и дѣйствительно обманщикъ, былъ другой челоувѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ.

¹⁹⁶) См. Никон., Ростов. Лѣт. и Латухин. С. Н. Въ Дѣлахъ Польск. № 26, л. 1: „Въ лѣто 7110 убѣже (Гришка) въ Литву“. Въ Хронографѣ: „Изъ Чюдова прииде къ Николѣ на Угрѣшу... и паде въ ересь... и вселися (послѣ) въ предѣлахъ Углича въ м. Іоанна на Желѣзномъ Борку... и паки прииде къ Москвѣ... и отбѣжа въ Литву“ (съ Мисаиломъ и Варлаамомъ *Якимъ*, какъ сказало въ грамотѣ Іова) „въ 108 (1600) году въ Вед. постъ на другой недѣлѣ во вторникъ изъ иконнаго ряду за Москву-рѣку, и наняша подводы до Болхова“. Въ Пн он. Лѣт.: „Побѣже съ Москвы въ Галичъ м. къ Якову на Желѣзный

Смирной сказалъ о томъ другому дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Огреньевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи царскаго указа, и далъ способъ опальному діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя иноками чудовскими, священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили царя, какъ увѣряють, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствіи оказались столь важными.

Бродяги-иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ архимандритъ Спасской обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій архимандритъ нашель въ келліи ¹⁹⁷⁾, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: „Я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на пре-

---

Борокъ, и сойде въ Муромъ въ Борисоглѣбскій м., и строитель даде ему лошадь. Онъ же Гришка поиде на Сѣверу, и въ Брянскѣ съ нимъ сошлись такіе жь воры черницы, М. Повадинъ съ товарищемъ“. Въ Сказаніи, еже седѣся и проч.: „Съ нимъ (Гришкою) въ томъ же преступленіи быть того жь чину Серпянинъ Мисаилъ Трифоновъ... Мыслишь окаянный (Гришка) итти на Брянскъ, въ Шильскій монастырь, и говоритъ Мисаилу: сіи страны кипятъ обиліемъ: да тамо вселимся и поживемъ въ Путивлѣ, и въ Черниговѣ помолимся, и паки возвратимся въ царствующій градъ. Мисаилъ же радостенъ бысть: простъ сый въ разумѣ—и призываетъ третьяго друга своего (Варлаама)... И придоша къ Троицѣ въ паперть и знаменовашася образомъ Богоматери, яко другъ отъ друга не разлучатися... И придоша града Брянска въ *Сянскій* монастырь, и тамо пребыша 7 дній въ покоѣ. Той же лютый волкъ не воспрія питіи: Мисаилъ же и Варлаамъ зѣло негодуючи на него, яко не піеть съ ними, но творитъ себя яко свята. И ту абіе умысли по Сѣверской странѣ съ образомъ ходити и на церковное строеніе собирать“.

¹⁹⁷⁾ Никон. Лѣт.: „Отпrowался (Гришка у архим. въ Новгородѣ Сѣверск.) съ тѣми жь старцы въ Путивль; сказалъ, что есть де мнѣ въ Путивлѣ свои. Окаанный же Гришка написалъ: *азъ есмь царевичъ...* и ту памятку оставилъ въ кельѣ... Архим. же прииде къ ложѣ своей, и видя надъ главою памятку... Они же окаян. чернды придоша къ пути, конемъ ходять въ Кіевъ и поворотша на ту дорогу... и провожатаго отъ себя отбиша: той же путь знаетъ Мис. Повадинъ“.

столь отца моего“. Архимандритъ ужаснулся; не зная, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолѣ, въ державѣ, гдѣ вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ царямъ, и гдѣ присяга, данная государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина ¹⁹⁸⁾: туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темныя лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, инокъ *Днѣпровъ* монастыря, Пимень ¹⁹⁹⁾, и гдѣ,

¹⁹⁸⁾ См. V, VI, IX и X томы Истор. Госуд. Росс.

¹⁹⁹⁾ Въ грамотѣ патріарха Іова о Разстригѣ, писанной къ архимандриту Солевычегодской обители Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ отъ А. И. Ермолаева: „Чернецъ Пимень, пострижевикъ Днѣпровъ монастыря, сказалъ, что онъ съ тѣмъ воровъ да съ Гришкиными совѣтниками, съ попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Мисаиломъ, познался въ Новѣгородкѣ С. въ Спасск. монастырѣ, а изъ Нова-дей городка взявъ его съ собою для знатя дороги, и шли къ *Стародубу*... а онъ проводилъ ихъ за Л. рубежъ до имѣнья пановъ Станиславъ да брата его Александра, до села Слободки“. Въ Сназаніи, еже содѣяся и проч.: „Внидоша (Гришка съ товарищами) въ нѣкую весъ близъ Литов. рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяще за столомъ, вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся ятъ... И Гришка бѣ отъ страху яко жертвъ... Жена же показа имъ путь къ Чернигову. Монахи же шествіе творяху, и отъ солнечнаго жженія возсѣдше подъ дровомъ, Гришка откры совѣтъ свой и рече: *Вы слышали, братія, яко заставы по всей Сѣверской сторонѣ... насъ ради заставы сія... Да избѣжимъ съти; да поидемъ чашею сею за рубежъ...* И постави Гришка образъ Богоматери и нача молитися, да избѣгнутъ отъ руки Бориса... и пройдоша непроходимыя дебри, и идоша три дни, и придоша на нѣкій боръ, и тамъ видятъ челоуѣка ходяща и кошницу на плещу носяща... и познаша, яко польскій челоуѣкъ, и ради

вышедши наконецъ изъ російскихъ владѣній близъ литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, списавъ милость знаменитаго воеводы, князя Василия Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ, какъ діаконъ, но вель жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ анабаптистами ²⁰⁰). Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ ²⁰¹): уговорилъ его назваться

быша... и начаша вопрошати... Полякъ же рече: *Страна сія Бѣлорусская; владеть ею король Жигимонтъ: имѣнь двою братовъ, Николая и Яна Вилловичей. Мой панъ Николай не далече отсель на пути къ Луевой горѣ. Азъ есмь бортникъ Якубъ*“. Описывается, какъ паны Вилловичи угощали бѣглыхъ монаховъ. Далѣе: „и отпущены быша къ Луевымъ горамъ коннымъ путемъ, и придоша въ Луевъ городокъ, и ту панъ Станиславъ Прокулицкій пріятъ ихъ любезно, и отпусти въ Кіевъ“. Въ Хронографѣ: „Въ Новѣгородкѣ Сѣв. вожда добыша, Ивашка Семенова, и поидоша на Стародубъ... и первый городъ литовской имѣ Люевъ замокъ, а другой Любескъ... и быша въ Кіевѣ, въ Печерск. монастырѣ, 3 недѣли, и оттуда придоша до Острога, до к. Василья Острожскаго, и лѣтоваша у него; и на осень к. Василей послалъ Варлаама да Мисаила въ Дерманской монастырь, а Гришка съѣхалъ въ Гощей городокъ, и платье иноческое съ себя скинулъ“. Въ „Сназаніи, еме содѣяся, и проч.: „Повѣдаша объ нихъ (Гришкѣ и товарищахъ его) Князю Вас. Острожскому, и повелѣ имъ впити въ полаты своя... и видѣхъ благовѣрн. Князи сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрастомъ мала суша, браду имѣя до земли; на колѣнѣхъ же его посланъ бяше платъ, на немъ же лажаше его брада“.

²⁰⁰) См. въ Кѣмцев. Dzieje Pańow. Zygmunta III, кн. VI, стр. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ письма к. Острожскаго (Васильева сына) къ королю. „Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія“, пишетъ Острожскій: „онъ прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца моего, а потомъ у анабаптистовъ“. См. также Сназаніе, еме содѣяся, и пр. Въ Никон. Лѣт.: „Гришка съ товарищи приде въ Кіевъ; въ Кіевѣ же господствовалъ к. Вас. Константиновичъ Острожской... и повелѣ Гришкѣ служити у себя обѣдно, и посла его въ Печерской м... Видяху же его (Гришкино) житіе скверное, и возвѣстиша к. Василью: князь же повелѣ его казнити... Онъ же побѣже... и облекся въ мірское платье... и бысть у к. Адама Виши. въ простыхъ людехъ“.

²⁰¹) Въ современной рукописи. Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ: „Прельсти съ собою отгити въ Кіевъ трехъ иноковъ: чернѣца Мисаила, да

своимъ именемъ, то-есть Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей дѣвировскихъ гнѣздилися тогда шайки удалыхъ запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечомъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика²⁰²⁾, старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣлъ прощлеца на иномъ театрѣ: въ мирной школѣ городка польскаго, Гащи, за польскою и латинскою грамматикою²⁰³⁾: ибо мнимому царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ першелъ въ службу князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу—и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся

черньца *Венедикта* (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202) да черньца Леопида, Крыпецкаго монастыря—и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и *повелъ тому Леониду зватись своимъ именемъ—Гришкою Отрепьевымъ*, а самъ ложно наименова себя царевичемъ Дмитріемъ“. Въ Мороз. Лѣт. (л. 96) то же извѣстіе, съ прибавленіемъ: „и провозвѣщала о собѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его избавилъ отъ убіенія Бориса, нѣкою женою сохраненъ бысть и отданъ былъ въ монастырь на соблюденіе“. Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, что монахъ Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не Самозванецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 г. издалъ въ Кельнѣ свою книгу о Лжедмитріи подъ титуломъ: *Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii*. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

²⁰²⁾ Въ Сназаніи, еже содѣяся, и проч.: „И оставляетъ Мисалла и Варлаама... и приложися къ запорожскимъ козакомъ, въ роту старшины ихъ Герасима Евангелика, суще пріять бысть ими честно, и много крови разбойнымъ обычаемъ проливалъ... и приде въ Печерскій монастырь, и архимандритъ Елисей хотя его поимати... и (Гришка) утече“. Въ *Грамотѣ Іова патрiарха о Разстригѣ* (см. выше, прим. 199): „Воръ Гришка учалъ воровати у запорожскихъ черкасовъ“. См. ниже, прим. 232.

²⁰³⁾ См. Хронографы и Нѣмцев. Dz. Pan. Zygmunta III, кн. VI, 238. Послѣдній ссылается на рукописное сочиненіе жмудскаго вилхтича Товянскаго, котораго имѣю списокъ. Гаща, мѣстечко пановъ Гаскихъ, въ Луцкомъ уѣздѣ. — Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишневецкій, названо въ Хронографѣ Брагинѣ и Брачинѣ, а въ польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лжедмитріи (*Rzecz o i* проч. за *Dimitra*: см. ниже) *Brazniv*. См. Томъ II, прим. 311.

въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при дворѣ и въ государственной думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца ²⁰⁴). Новый слуга знаменитаго пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воннскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность некрасивую—ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подѣ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой—Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною ²⁰⁵). Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ духовника, и сказалъ ему тихо: „Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронять дѣтей царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навѣки, ты найдешь у меня подѣ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи“ ²⁰⁶). Духовникъ былъ іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимоумирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть царевичъ Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ медикомъ ²⁰⁷); что злодѣи, присланные въ Угличъ,

²⁰⁴) Въ Хронографѣ: „Князь же Адамъ бражникъ и безумецъ“.

Знатные князья Вишневецкіе происходили отъ Корибута, сына Ольгердова, и княжны российской (см. Томъ IV, 207 и прим. 267, и Томъ V, прим. 50).

²⁰⁵) См. Вассенберга въ Исторіи Владислава (*Gesta Vladislai IV*, 15), Лубиенскаго (*Lubienski*) *Op. Posth.* 29, и Чилии въ Нѣмцев. кн. VI, 244, 245; также Маржерет. 168 и Хронографы. Въ Лѣтописцѣ Кубасова (Въ *Русск. Достопамятн.* I, 175): „Рострига возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы толсты, лице не царскаго достоянія, простое обличеніе, тѣло вельми помрачено; остроумень же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ; дерзостень и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми; на враги ополчителень, смѣлъ, храбрость имѣя и силу велию; воинство же зѣло любляше“.

²⁰⁶) См. Никон. Лѣт. 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: „Призва къ себѣ (Гришка) латинскія вѣры попа“. Но въ Хронографѣ сокращенномъ названъ попъ греческимъ.

²⁰⁷) Въ отвѣтахъ Мнишка на вопросы нашихъ бояръ (въ *Собран. Госуд.*

умертили одного сына іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые вельможи и дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай ²⁰⁸). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, вина нескромность духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоценными камнями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ-нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцомъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ ²⁰⁹).

Грамотъ II, 293): „Пребывалъ (Гришка) въ Кіевѣ въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у г. воеводы Кіевского (В. Острожскаго), не хотѣлъ сказаться, и пришелъ къ к. Адаму Вишневецкому, сказывая, что онъ есть истинный потомокъ в. к. Ивана, предлагая, какъ его Господь Богъ, помощію *доктора* его, отъ смерти спасъ... а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который присовѣтовалъ ему скрыться между чернецами“. Ниже сообщимъ всю эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Разрядн. Книгѣ (см. Собран. Г. Г. II, 163): „Гришка въ 111 (1603) г. сбѣжалъ въ Литву и пришелъ въ Печерскій монастырь... и умысли дьявольскою козвню, разболѣлся до умертвія... и духовнѣ сказалъ игумену, будто онъ сынъ царя Ив. Вас., а ходитъ будто въ искусѣ не постриженъ, укрываясь отъ Бориса... И тотъ игумень учалъ его чтить, и вѣдомо учинилъ королю и сенаторѣмъ“. Но согласное сказаніе лѣтописца нашего, Вассенберга и Мнишка свидѣтельствуетъ, что Лжедмитрій открылся Вишневецкому, а не игумену кіевскому. Въ Сназани, еже содѣяся, и проч. находится слѣдующая басня... (Тутъ Карамзинъ приводитъ самый разсказъ, сущность котораго заключается въ томъ, что Григорій Отрепьевъ открывался греку Арсенію и называетъ себя царевичемъ Димитріемъ. Объ этомъ узнали князья Свирскіе и донесли королю. Король приказалъ Самозванцу явиться въ Краковъ).

²⁰⁸) См. Томъ VIII, 217.

²⁰⁹) См. Мѣмцев. кн. VI, 239. Беръ пишетъ слѣдующее: „Однажды, разсердясь въ банѣ на своего камердинера, Лжедмитрія, Вишневецкій далъ ему пощечину... слуга заплакалъ и сказалъ: *если бы ты зналъ, кто я!* Князь спросилъ: *кто же ты?* Обманщикъ, разсказавъ вымышленную исторію, упалъ къ его ногамъ... Князь извинился передъ нимъ; велѣлъ ему остаться въ банѣ, а людямъ своимъ изготовить все нужное для угощенія царя русскаго, возвратился въ баню съ двѣнадцатію слугами и богатою одеждою для Лжедмитрія, самъ надѣлъ ее на бывшаго слугу, коему подарилъ также великолѣпную карету и шесть верховыхъ лошадей... (Далѣе Карамзинъ приводитъ разсказъ Бера о томъ, какъ Адамъ Вишневецкій спасалъ Григорія отъ Бориса, который посылалъ людей, чтобы застрѣлить Самозванца). Въ Хронографѣ: „Князь же Адамъ учинилъ его на колеснипахъ и на конехъ; и изъ Брагина к. Адамъ поѣхалъ до Вишневца и Гришку съ собой взялъ... и тамъ Гришка у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ великаго дни к. Адамъ его Гришку допроводилъ до Кракова“.

Вельможа литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною! бывшего слугу своего увидѣть на тронѣ московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Дмитрія съ одра смертнаго, и, въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготавивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатяя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Иоаннова сына. Братъ князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, воевода Сепдомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особнное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другого Мнишкова холопа, который въ Иоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видѣлъ Дмитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ; первый увѣрялъ, что царевичъ дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Феодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣ рев-

---

Въ отвѣгахъ Юрія Мнишка нашимъ боярамъ (въ Собран. Г. Г. II, 294): „Князь Адамъ извѣстіе о томъ (о Самозванцѣ) учинилъ брату своему, кн. Константину Вишневецкому, зятю г. воеводы, а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время слуга канцлера литовскаго, именуемый Петровской, въ Жалозицы къ к. Константину прѣхалъ, сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и предлагая о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ... И въ Самборѣ нѣкоторый слуга г. воеводы, который подъ Псковомъ пойманъ былъ, и нѣсколько лѣтъ находясь въ Москвѣ въ неволѣ, зналъ его тогда еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того же“. Въ Дѣлахъ Польск. № 26, л. 106: „Тотъ Петровской вѣдомой воръ“ (говорили наши послы въ царствованіе Шуйскаго канцлеру литовскому Сапѣгѣ): „Тебѣ, Льву, самому про него вѣдомо: служилъ онъ на Москвѣ у сына боярскаго, Истома Михнова, а звали его Петрушею, а не Юремъ Петровскимъ... а на Угличѣ николи не бывалъ и царевича Дмитрея не видалъ: у насъ такихъ страдниковъ“ (подлыхъ людей) „во государскимъ дѣтемъ не припускаютъ... И въ прошломъ 109 (1601) году, какъ были у Жигимонта короля послы В. М. Г. Салтыковъ съ товарищи, а тотъ Петруша былъ съ Истокою въ Вильнѣ же съ послы, и заворовался, и по кратчи его, сбѣжалъ въ Вильнѣ къ тебѣ, ко Льву... и былъ у тебя въ худыхъ людехъ.. и какъ было такому вору въ такомъ великомъ дѣлѣ королю и вамъ, паномъ, повѣрити?“

постными доброхотами Самозванца: папскимъ нунціемъ Рангони и пронырливыми іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливейе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедмитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а папа усерднаго сына въ непреклонномъ послушникѣ. Сямъ изъясняется легковѣріе короля и пунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные іезуиты побѣдили его нерѣшимостью, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію.—Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедмитрій письменно обязался за себя и за Россію пристать къ латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ ²¹⁰⁾, по и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ пунція немедленно посѣтилъ его. „Я самъ былъ тому свидѣтелемъ“, пишетъ секретарь королевскій, Чилли ²¹¹⁾, *отря мнимому царевичу*: „я видѣлъ, какъ пунція обнималъ и ласкалъ Дмитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи и говоря, что ему должно торжественно объявить себя католикомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Дмитрій, съ видомъ сердечнаго умиленія, клялся въ непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта, и вторично подтвер-

²¹⁰⁾ См. Alessandro Cini *Historia di Moscovia*, въ Нѣицев. кн. VI, 241.

²¹¹⁾ См. тамъ же, въ Нѣицев. VI, 242.

диль сію клятву въ домѣ у нунція, въ присутствіи многихъ вельможъ. Угостивъ царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворець. Сигизмундъ, обыкновенно важнѣйшій и величавѣйшій, прінялъ Дмитрія въ кабинетѣ, стоя и съ ласковою улыбкою. Дмитрій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю свою исторію, и заключилъ такъ ²¹²⁾: „Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узакъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи“. Чиновникъ королевскій далъ знакъ царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ воевода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался наединѣ съ нунціемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ снова призвалъ Дмитрія. Положивъ руку на сердце, смиренный царевичъ болѣе вздохами, нежели словами, убѣждалъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда король съ веселымъ видомъ, поднявъ свою шляпу, сказалъ: „Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій Князь Дмитрій! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Иоаннова сына, и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 золотыхъ“ (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) „на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ республики, вольны сноситеся съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ“. Сія рѣчь столь восхитила Дмитрія, что онъ не могъ сказать ни единого слова: нунцій благодарилъ короля, привезъ царевича въ домъ къ воеводѣ Сендомирскому и, снова обнявъ его, совѣтовалъ ему дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять державу у Годунова и навѣки утвердить въ Россіи вѣру католическую съ іезуитами“. Прежде всего надлежало самому Лжедмитрію принять сію вѣру, чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти россиянъ къ латинской церкви. Дѣйствіе соверши-

---

²¹²⁾ См. Лубѣнск. Ор. Posth. 29, Гревенбр. Tragoed. Moscov. 13 и Histoire de J. A. de-Thou, кн. СХХХV, стр. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чили. Лубѣнскій пишетъ, что Самозванецъ сказалъ королю: „Киръ и Ромулъ, воспитанные пастухами, но будучи также царскаго племени, сдѣлались основателями государства великихъ.“

дось въ домѣ краковскихъ іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно съ какимъ-то вельможею польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лицо свое, чтобы никто не узналъ его; выбравъ одного изъ нихъ себѣ въ духовники, исповѣдался, отрекся отъ нашей Церкви и, какъ новый ревностный сынъ западной, принялъ тѣло Христово съ миропомазаніемъ отъ римскаго нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества*²¹³⁾, которое славило *будущія* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!*—Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое латинское письмо къ папѣ, чтобы имѣлъ въ немъ искренняго покровителя—и Климентъ VIII не замедлилъ удовлетворить его въ своей готовно-

²¹³⁾ См. *Annuae Litterae Societatis Jesu*, an. 1604, стр. 704, 705. Сія письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой іезуитской бібліотеки. Вотъ переводъ:

„Здѣсь“—пишутъ краковскіе іезуиты къ другимъ братьямъ сего ордена — „здѣсь всегда есть случай служить ближнимъ, когда и дворъ королевскій и вся земля съ жадностію требуетъ нашей помощи.—Труды и ревность нашихъ не ослабѣли: шестьдесятъ восемь еретиковъ приведены въ нѣдра церкви, и въ числѣ ихъ великій князь московскій Димитрій, который почти въ младенчествѣ лишился отца и царства; потомъ, заключенный въ одинъ изъ греческихъ монастырей—дабы не впасть въ руки тирана, замышлявшаго умертвить его—тайно воспитывался и достигнулъ совершеннаго возраста. Между тѣмъ одинъ изъ вельможъ, уже предъ тѣмъ желавшій царской власти, полагая, что (сей) внаслѣдникъ убить, овладѣлъ трономъ; а князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ нѣкоторымъ вельможамъ королевства польскаго требовать ихъ заступленія, и, хотя не безъ труда, получилъ наконецъ вспомоgetельное войско. Тогда, готовясь и къ пути и къ брани, онъ устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы въ дѣлѣ столь трудномъ имѣть помощникомъ Бога: рѣшился принять католическую вѣру; но, опасаясь, чтобы россияне о томъ не свѣдали и не порицали его именемъ католика, будучи чрезмѣрно привержены въ схизмѣ, онъ закрылъ лицо свое, переимѣнилъ одежду, и сопровождаемый однимъ польскимъ вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ нашу обитель: открылъ себя и, выбравъ одного изъ насъ, исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; *отрекся схизмы и съ великимъ усердіемъ присоединился къ римской Церкви.* Не довольствуясь симъ, Димитрій принялъ отъ пребывающаго въ здѣшнемъ городѣ апостольскаго нунція таинства евхаристіи и миропомазанія и утвердился въ воспріятой имъ вѣрѣ. Сей князь общается со временемъ великія добродѣтели и постоянство въ начатомъ дѣлѣ. Кажется, что онъ одушевленъ удивительнымъ усердіемъ къ распространенію религіи католической“. См. также Чили, въ Нѣмцов. VI, 244.

сти вспомогать ему всею духовною властію апостольскаго на-
мѣстника ²¹⁴).

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одуше-
вить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести,
совѣсти, народному праву и мнѣнію многихъ знатныхъ вель-
можъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ
Баторіевъ, гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: король писалъ
ему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что республика,
доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами москов-
ской державы, легко обуздаетъ турковъ, хана и шведовъ, возъ-
метъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей тор-
говли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе,
требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено сейму,
дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготавиться къ оборонѣ ²¹⁵).
Тщетно старецъ Замойскій, панъ Жолкѣвскій, князь Острож-
скій и другіе вельможи благоразумные удерживали короля, не
совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой вой-
ны, особенно безъ вѣдома чиновъ государственныхъ и съ ма-
лыми силами; тщетно знаменитый панъ Збаражскій доказывалъ,
что мнимый Димитрій есть, безъ сомнѣнія, обманщикъ. Убѣж-
денный іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадца-
тилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ,
король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя про-
тивъ Годупова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ
вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго
воеводства; внушалъ дворянамъ, что слава и богатство ожи-
даютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложилъ съ своей
груди златую цѣпь на Разстригу, отпустилъ его съ двумя іе-
зуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбо-
ра, въ маестностяхъ вельможи Мнишка, подъ распущенными
знаменами, толпилась шляхта и чернь, чтобы идти на Москву.

Разказавъ далѣе о договорѣ Лжедимитрія съ Мнишкомъ и о тѣхъ волне-
ніяхъ въ народѣ, въ особенности въ Украйнѣ, которыя были вызваны рас-

²¹⁴) См. Гревенбр. 12, 13 и ниже, прим. 252, гдѣ упоминается о *грамотѣ па-
пежской* съ Самозванцу.—Учителемъ Растриги въ латинскомъ языкѣ былъ
іезуитъ Савицкій; но онъ (Разстрига) худо зналъ сей языкъ, или почти со-
всѣмъ не зналъ (см. Маржерета).

²¹⁵) См. Нѣмцев. кн. VI, 246 и Нарушев. Historia J. K. Chodkiew. I, 237.

пущенною приверженцами Самозванца молвою, что царевичъ Димитрій живъ,— Карамзинъ продолжаетъ:

...Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи ²²⁷⁾, сдѣлался, вѣроятно, известнымъ Борису. Въ январѣ 1604 года нарвскій саповникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцомъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у казаковъ ²²⁸⁾; гонца задержали въ Иванъгородѣ, и письмо его доставили царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ воеводъ украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги донскіе казаки разбили окольного Семена Годунова, посланнаго въ Астрахань, и, захвативъ нѣсколько стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „Объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ!“ Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ слышалъ сіе роковое имя!... но чѣмъ болѣе утешался, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова ²²⁹⁾, онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и, велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ бояръ; призвалъ въ Москву царицу-инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ патріархомъ ²³⁰⁾, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но царица-ино-

²²⁷⁾ См. выше, прим. 201.

²²⁸⁾ См. Бера.

²²⁹⁾ Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстія о мнимо-убитомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся, допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что имя именемъ называется обманщикъ.—Борису служили тогда лазутчиками многіе изъ жителей Малороссіи: между архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о Самозванцѣ.

²³⁰⁾ Въ показаніяхъ измѣнника Хруцова (см. Собран. Госуд. Грам. II, 178): „О матери царевичевой сказалъ, что въ Москву привезена и въ замкѣ (Кремлѣ) въ монастырѣ Дѣвичьемъ живетъ; что къ ней патріархъ и Борисъ ѣздили, и она въ покояхъ Борисовыхъ была... она въ монастырѣ крѣпко содержится“.

князя, равно какъ и бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедмитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что дьякъ Смирной не исполнилъ царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую²³¹), Борисъ усиленъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить россиянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибелю, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожъ чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнаружилъ исторію бѣглеца чудовскаго...

Между тѣмъ Самозванецъ двинулся уже къ берегамъ Днѣпра.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія²⁴⁰). Главными предводителями были самъ Лжедмитрій (сопровожаемый двумя іезуитами), юный Мнишекъ (сынъ воеводы Сandomирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ ихъ думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами донскихъ казаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, кievской и сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 октября вступили въ Рос-

²³¹) См. выше, и Никои. Лѣт. 60, гдѣ сказано: „Того жъ Смирнова повелѣ (царь) считать, и взочтоша на него дворцовыя казны, и повелѣша его бити на правехѣ, и убиша до смерти“. Тамъ же 59: „Въ то же время бысть Смоленское моровое повѣтріе: заставы быша по всему Смоленскому рубежу. Борисъ же повелѣ наипаче крѣпнн заставы, и прибавиша до Брянска, чтобы никто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ“.

²⁴⁰) См. Нарушев. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человекъ, Кобѣрницкій 15,000, Беръ 8,000, другіе 5,000, а Паерле 1,100 всадниковъ литовскихъ, 500 пѣшихъ ратниковъ и 2,000 казаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедмитріи, имѣю изъ бібліотеки Е. С. графа Николая Петровича Румянцева.

Иезуиты, бывшіе съ Лжедмитріемъ, назывались Николай Черпиковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

сію ²⁴¹⁾... Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ: послалъ надежныхъ воеводъ въ украинскія крѣпости, съ головами стрѣleckими; а знатныхъ бояръ, князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско ²⁴²⁾. Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы ляховъ, нестройной вольницы и казаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей человекъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедмитрій шелъ съ мечомъ и съ манифестомъ: объявлялъ россиянамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устранный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на театръ міра, подъ знаменами сильного, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владимировъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Иоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить государю законному; обѣщавъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго ²⁴³⁾. Въстѣ съ тѣмъ воевода Сандомирскій именемъ короля и вельможныхъ пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Дмитрія истиннымъ великимъ княземъ московскимъ ²⁴⁴⁾, дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престоль отца его. Сей манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедмитрія въ Украинѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы ²⁴⁵⁾

²⁴¹⁾ 26 окт. по нов. стилю: см. Дневную Записку въ Собран. Госуд. Грам. II, 168, и Паерле.

²⁴²⁾ Въ Разрядн. кн.: „Какъ Гришка Отр. пришелъ на Сѣверу изъ Литвы въ осень, и противъ вора Гришки посланы были въ Путивль Мих. Мих. Салтыковъ, да съ нимъ осадный воевода кн. Вас. Мих. сынъ Мосальской - Рубецъ... въ Черниговъ бояринъ к. Никита Роман. Трубецкой, да окольничей Петръ Фед. Васмановъ, да голова Андрей Матв. сынъ Воейковъ...“

²⁴³⁾ См. Хронографы и Лубѣнск. Оп. Posth. 30.

²⁴⁴⁾ Въ Дѣлахъ Польск. № 26, л. 94: „Панъ Радной, Юрьи Сандомирской прельщаючи Сѣврюковъ, говорилъ имъ подъ клятвою, что тогъ воръ прямой царевичъ... И король (л. 76) и паны Рада стоятъ за него хотятъ всюю Польшею и Литвою. И на Сѣверѣ мужики Сѣврюки, люди простые, забывъ Бога, и душу свою повѣра Сандомирскому воеводѣ“, и проч.

²⁴⁵⁾ См. выше.

и слуги опальныхъ бояръ, ненавистники Годунова—не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго діакона въ союзникѣ короля Сигизмунда, окруженномъ знатными ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечомъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедмитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, рассыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готова измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей—доказывая, что присяга, данная Годунову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ ²⁴⁶); что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедмитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Затѣмъ Карамзинъ подробно излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій, говоритъ о нерѣшительности московскихъ воеводъ, о постоянныхъ успѣхахъ Самозванца и наконецъ снова возвращается къ Борису, вадъ которымъ, по выраженію историка, „гремѣлъ судъ Божій“.

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже

²⁴⁶) См. въ Архивѣ Н. И. Д. Ответы Литовскихъ Пословъ въ 1606 году и Хронографы.

рѣзали языки нескромнымъ³⁰³). Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели—и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю святого Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы, конечно, на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился—Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ—въ бренности нашего естества земного.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ вельможами въ думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ³⁰⁴), обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и, едва

³⁰³) Въ Хронографѣ: „Борису же глаголы сія“ (о томъ, что Лжедимитрій могъ быть истиннымъ Димитріемъ) „во ушеса привошаху; онъ же за сія глаголы языки рѣзаше...“

³⁰⁴) Въ письмѣ Лжедимитрія къ Мнишку отъ 11 мая (см. Нѣмцев. Т. III, стран. 530): „По написаніи сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ, отъ тамошняго воеводы, что 29 (13) апрѣля Борисъ торжественно принималъ иноземцевъ“ (въ другомъ мѣстѣ сказано: датскихъ пословъ); „вдругъ полилась у него кровь изъ носу, изъ ушей, и нѣкая сила (sila nieiaka z Maiestatu go porwawszy) свергла его съ престола, ударила о землю—и такимъ образомъ бѣдно скончалъ дни свои“. См. Бера, Лубѣнскаго В. С. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, стран. 50. Въ Ростов. Никон. Лѣт. (и въ другихъ): „Царю Борису вставшу изъ-за стола послѣ кушанья, и внезапно прииде на него богѣзнь люта, и едва успѣ поновитись и постричься, и бывъ два

вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять ангельскій образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храмниѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и съ иноземцами...

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣло бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни—читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и святое знаменіе христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія!... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, позволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишпвъ себя жизни ядомъ ³⁰⁵); но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ, сильный духомъ, могъ ли, спачаса въ той же болѣзни, и скончаться“. См. также Опринимую Грамоту Патрiарха iова, въ Собран. Г. Г. II, 189, гдѣ сказано: „Послѣ себя, государя, приказалъ и благословилъ на всѣ великія государства Рос. царствiя царемъ сына своего. „Въ грамотѣ Ростов. митрополита Кирилла о преставленіи Бориса: „Отходя отъ сего свѣта, *при насъ*, богомольцахъ своихъ, приказалъ и благословилъ на великіе государства сына своего“.

³⁰⁵) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и многія другія сказанія о концѣ Борисовомъ. Такъ говоритъ и Беръ, восклицая: о mala conscientia, quam timida bestia! Маргеретъ и другіе приписываютъ сию незалпную смерть удару. Лубинскій (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Васманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ отравленіи Годунова.

Морозов. Лѣтописецъ такъ судитъ Годунова умершаго: „О преславный царь Борисе, паче же неблагодарный! почто душепагубнаго дѣла поискалъ еси? почто мятежа душу твою исполнилъ еси? Не удовляся величествомъ власти своея, юже ти дорова Богъ, почто незлобиваго младенца, царева сына, смерти горькой предалъ еси, и царскій родъ въ Россійскомъ государствѣ пресѣклъ еси, и царскій престоль себѣ восхитилъ, его же недостойнъ былъ еси?...“ и проч.

Беръ говоритъ о Борисѣ: „Объ немъ можно по истинѣ сказать, что онъ жилъ, какъ левъ, царствовалъ, какъ лисица, умеръ, какъ песъ!“

саясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? II торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣнило царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее—но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ, по крайней мѣрѣ, на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, липенная въ немъ царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго, неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто, обагренное кровію невинныхъ, св. Дмитрія, издыхающаго подъ пожемъ убійць, героя псковскаго въ петлѣ, столь многихъ вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здоровой? Но сей, яркій для ума, блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ, подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ и казня недоброжелателей. Если Годуновъ на время благоустроилъ державу, на время возвысилъ ее въ мірнѣи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго—предалъ въ добычу ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на театръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго

племени царскаго? Не опъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствоваль упроченію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

Характеристика и значеніе „Исторіи Государства Россійскаго“. Для характеристикп „Исторіи Г. Р.“ надо прежде всего выяснитъ взглядъ самого Карамзина на исторію, а затѣмъ, въ связи съ этимъ, рассмотреть „Исторію“ Карамзина А) со стороны ея построения и Б) со стороны отношенія ея автора къ историческимъ лицамъ и событіямъ.

Взглядъ Карамзина на исторію. Взглядъ свой на исторію Карамзинъ высказаль въ предисловіи къ своему историческому труду. Главнѣйшее изъ того, что имъ тутъ высказано, сводится къ слѣдующему:

1) Карамзинъ смотрѣлъ на исторію прежде всего, какъ на *художественное воспроизведеніе прошлаго*. Исторія, по словамъ его, отверзаеть гробы, поднимаетъ мертвыхъ, влагаетъ имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидаетъ царства и представляетъ воображенію рядъ вѣковъ, съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями...; *ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ вѣковъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ* ¹⁾. Такое *живое, художественное* воспроизведеніе прошлаго Карамзинъ считаль *домомъ* историка ²⁾.

2) Задачею художественнаго воспроизведенія прошлаго, по мнѣнію Карамзина, должна быть *польза моральная и практическая*. Моральная польза исторіи заключается въ ея воспитательномъ вліяніи. Исторія, говоритъ Карамзинъ, „питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости” ³⁾. Практическая польза исторіи заключается въ томъ руководствѣ, которымъ она можетъ, какъ думаль Карамзинъ, служить въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ полагаль, что политическіе опыты предыдущихъ поколѣній должны служить урокомъ для послѣдующихъ, и называеть исторію „завѣтомъ предковъ къ потомству“, „пзъясненіемъ настоящаго и примѣромъ будущаго“ ⁴⁾.

Указаннымъ до сихъ поръ сторонамъ взгляда на исторію Карамзинъ сходится еще съ древними историками Греціи и

¹⁾ См. выше „Предисловіе“ къ Ист. Г. Рос., стр. 69.—²⁾ См. стр. 75.

³⁾ См. стр. 69.—⁴⁾ См. стр. 69.

Рима, которые также смотрѣли на исторію, какъ на художественное воспроизведеніе прошлаго, съ цѣлію возбудить въ читателѣ нравственное или эстетическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дать людямъ возможность пользоваться опытомъ прошедшихъ поколѣній. Такая точка зрѣнія обличаетъ гораздо болѣе художника, чѣмъ ученаго. Но для греческихъ и римскихъ писателей исторія и была болѣе искусствомъ, нежели наукою: они даже позволяли себѣ выдумывать рѣчи и влагать ихъ въ уста историческихъ лицъ. Карамзинъ же жилъ въ иную эпоху: въ его время отъ исторіи, кромѣ художественности, требовалась достовѣрность, истина. Вотъ почему, кромѣ вышеуказанныхъ сторонъ взгляда Карамзина на исторію, мы находимъ у него еще и такую, о которой не заботились древніе.

3) Исторія, по понятію Карамзина, будучи художественнымъ воспроизведеніемъ прошлаго, должна быть въ то же время совершенно чужда вымысла и основана на историческихъ документахъ, разсмотрѣнныхъ критически. „Нельзя, говоритъ Карамзинъ, прибавить ни одной черты къ извѣстному“; „историкъ обязанъ представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ“; „здравый вкусъ навсегда отлучилъ дѣписание отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зеркаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію...“¹⁾

Такимъ образомъ, сохраняя художественную точку зрѣнія на исторію, Карамзинъ смотрѣлъ на нее въ то же время и съ точки зрѣнія научной: въ немъ *художникъ* соединился съ *ученымъ*.

Всѣ эти указанные стороны взгляда Карамзина на исторію имѣли вліяніе на его историческій трудъ, въ чемъ легко можно убѣдиться, если разсмотрѣть „Исторію Государства Россійскаго“ какъ со стороны ея построенія, такъ и со стороны отношенія ея автора къ историческимъ лицамъ и событіямъ.

А) „Исторія Государства Россійскаго“ со стороны ея построенія. Требуя, чтобы исторія была совер-

¹⁾ См. выше, стр. 74.

шенно чужда вымысла и основана на исторических документах, разсмотрѣнных критически, Карамзинъ, прежде чѣмъ приступить къ созданію своей „Исторіи“, долженъ былъ заняться собираніемъ матеріала и его критикою. Какъ ни трудна была эта предварительная работа, стоившая Карамзину продолжительныхъ трудовъ и неутомимыхъ усилій ¹⁾, — онъ выполнилъ ее въ высшей степени добросовѣстно.

Прежде всего надо сказать, что Карамзинъ собралъ все, что только тогда можно было собрать: лѣтописи, хронографы, государственныя грамоты и другіе документы, хранившіеся по архивамъ, сказанія современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, труды историковъ, какъ русскихъ, до него писавшихъ (напр. Татищева, Щербатова), такъ иностранныхъ и пр., и пр. Масса собраннаго Карамзинымъ матеріала была огромна. Чтобы судить о ней, стоитъ только заглянуть въ примѣчанія къ его „Исторіи“ ²⁾.

---

¹⁾ См. выше вторую половину біографіи Карамзина.

²⁾ Такъ въ примѣчаніяхъ къ одной только второй главѣ XI-го тома мы находимъ множество выписокъ изъ различныхъ источниковъ, которыми пользовался Карамзинъ. Источники, на основаніи которыхъ написана вторая гл. XI-го тома, раздѣляются на двѣ группы: I) свидѣтельства и сказанія соотечественниковъ и II) свидѣтельства и сказанія иностранцевъ. Вотъ перечень важнѣйшихъ изъ нихъ:

I. Свидѣтельства и сказанія соотечественниковъ.

1) Лѣтописи: Никоновская, Ростовская, Псковская, Лѣтопись о мѣтежахъ, Лѣтопись тобольскаго боярскаго сына Кубасова.

2) Хронографы.

3) Степенная книга, излагающая русскую исторію по родословному порядку или по „степенямъ“ рода великихъ князей: за княженіемъ отца слѣдуетъ княженіе сына, внука, правнука и т. д. по нисходящей линіи. Всѣхъ степеней семнадцать, отъ Владимира до Іоанна Грознаго. Въ одноѣ же ея спискѣ прибавлена и восемнадцатая степень, такъ что рассказъ оканчивается описаніемъ смерти Алексѣя Михайловича.

4) Разрядныя книги, въ которыхъ обозначались всѣ назначенія, переводы съ мѣста на мѣсто, мѣстническія дѣла, походы, отписки воеводъ и т. п.

5) Государственныя грамоты и грамоты, писанныя отдѣльными лицами, какъ напр. грамота патріарха Іова и др.

6) Исторія Авраамія Палицына, келаря Троицко-Сергіевской лавры.

7) Рукописная „Повѣсть о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепѣвѣ“.

8) Рукописное „Сказаніе, еже содѣяся въ Москвѣ и о Разстригѣ“.

9) „Повѣсть о Борисѣ и о Разстригѣ“.

Собранный матеріалъ Карамзинъ изучалъ самымъ тщатель

10) Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

11) Бумаги изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ и др.

II. Свидѣтельства и сказанія иностранцевъ.

Изъ иностранныхъ источниковъ особенно важное мѣсто занимаютъ сочиненія: Бера, Паерле, Маржерета и Де-Ту.

1) Беръ, родомъ изъ Нейштадта, жилъ въ Россіи болѣе 12-ти лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Дмитріи Самозванцѣ, Василии Шуйскомъ и во все время междуцарствія, и былъ лютеранскимъ пасторомъ. Беръ, очевидецъ многихъ любопытныхъ происшествій того времени, рѣшился передать воспоминаніе о нихъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую (*Chronicon Moscoviticum*). Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи съ 1584 года по 1612, т.-е. со времени восшествія Фѣдора Иоанновича до разоренія Москвы поляками. Лѣтопись Бера написана стариннымъ нѣмецкимъ языкомъ съ примѣсью латинскихъ изреченій.

2) Паерле былъ родомъ изъ Аугсбурга и занимался торговлею. Въ Москву онъ пріѣхалъ за нѣсколько дней до бракосочетанія Лжедмитрія. Паерле, записывая все, что ни случилось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Дмитріи Самозванцѣ, составилъ такимъ образомъ любопытное для насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Описаніе путешествія Георга Паерле, уроженца Аугсбургскаго, изъ Кракова въ Москву и изъ Москвы въ Краковъ, съ 19 марта 1606 года по 15-е декабря 1608“. Это сочиненіе, по содержанию своему, раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ излагаетъ исторію Дмитрія Самозванца, а во второй описываетъ, въ видѣ дневника, восемнадцати-мѣсячное заключеніе пословъ литовскихъ, переговоры ихъ съ боярами, неустройства въ Москвѣ и проч. Записки Паерле писаны на нѣмецкомъ языкѣ.

3) Маржеретъ, родомъ французъ, капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Дмитрія Самозванца, около шести лѣтъ съ честію служилъ въ русскомъ войскѣ. Онъ, вмѣстѣ съ русскими, участвовалъ въ битвахъ съ Самозванцемъ, но по смерти Бориса покорился Лжедмитрію. По смерти же послѣдняго, вернувшись во Францію, написалъ тамъ книгу: „Состояніе Россійской державы въ началѣ XVIII вѣка“ (*Etat de L'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie*).

4) Де-Ту (Jacques Auguste de Thou, 1523—1617), президентъ парижскаго парламента, извѣстенъ какъ умный писатель. Его сочиненіе: „Исторія моего времени“ содержитъ повѣствованіе о важнѣйшихъ происшествіяхъ всей Европы съ 1544 года по 1607 г. Обзоръвая событія всей Европы, Де-Ту рассказываетъ многое и о Россіи, гдѣ его занимали Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ и Дмитрій Самозванецъ.

Кромѣ этихъ четырехъ важнѣйшихъ источниковъ, у Карамзина еще были подъ руками:

5) „*Muscovitische Chronica*“ Перрея, родомъ шведа, бывшаго въ Россіи нѣсколько разъ съ разными порученіями.

6) Сочиненіе шведа Витекинда: „*Historia belli Sueco-moscovitici decennalis*“.

7) „Исторія Владислава IV“ Кобѣржицкаго.

8) „*Gesta Vladislai*“ Вассенберга.

нымъ образомъ, дѣлалъ изъ него выписки ¹⁾, сличалъ, провѣрялъ; все добытое изъ него, взвѣшенное и провѣренное, приводилъ въ систему—и тогда уже приступалъ къ стройному изложенію по опредѣленному плану. Какъ во второй главѣ XI-го т. всѣ свѣдѣнія, добытыя Карамзинымъ, приведены въ систему, подѣ влияніемъ главной идеи, лежащей въ основѣ всего переданнаго въ этой главѣ, такъ все приводилось въ стройную систему, все строилось по одному и тому же разѣ задуманному плану и по всей „Исторіи Государства Россійскаго“, и тоже подѣ влияніемъ идеи, которая легла въ основу всего произве-

9) Сочиненія польскихъ историковъ: Нарушевича, Нѣмцевича, Ходѣвича и Лубѣнскаго.

10) Сочиненіе Гревенбруха: „Tragoedia Moscovitica sive di vita et morte Demetrii“.

11) Сочиненіе Чилли: „Alessandro Cilli Historia de Moscovia“.

12) Переписка иезуитовъ (*Annuae litterae societatis Jesu*) и др.

Вотъ сколько было нужно Карамзину прочесть и внимательно изучить для того, чтобы написать только одну вторую главу XI-го тома.

¹⁾ Какъ изучилъ Карамзинъ собранный матеріалъ и какъ дѣлалъ изъ него различныя выписки, объ этомъ мы можемъ судить по оставшемуся отъ него перечню происшествій, собственноручно выписанныхъ Карамзинымъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, которыми онъ пользовался для сочиненія XII тома. Вотъ для образца небольшой отрывокъ изъ этого перечня. Такъ, на примѣръ, читаетъ Карамзинъ разсказъ Бера подѣ 1606 годомъ и изъ него дѣлаетъ выписки слѣдующимъ образомъ:

Король: „не вступаю за убиенныхъ; но если ихъ ближніе за нихъ захотятъ мстить, то не помѣшаю. Подарки возвращаю“. Послы и другіе поляки свободны.

д. 74. об. выгоняетъ докторовъ; но Васмара лейбъ-медикомъ. Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75. Князь Григорій Шаховской, похитивъ, во время убіенія Д., золотую госуд. печать, съ двумя поляками бѣжить въ Путивль: тамъ собираются казаки; избираютъ въ вожди Истому Пашкова,—до Ельца все ему покорно

77. Въ авг. къ Ельцу царское войско; бьютъ его.

78. Перевозятъ тѣло Борисово; тутъ Ксенія.

79. Истома въ Коломнѣ и на Котлахъ; многіе бѣгутъ изъ Москвы.

— Болотниковъ къ Истомѣ съ войскомъ: видѣлся съ Дим. у воеводи Седмирской. См. Ник. Лѣт. 83.

80. Истома передается къ Шуйскому: переговоры съ Болотниковымъ.

Требуетъ мнимаго Д., но онъ остался въ Польшѣ (83). Ш. бьетъ Болотникова—осаждаютъ его въ Калугѣ отъ 30 декабря до 3 мая 1607 и т. д.

И такъ читался не одинъ Беръ, а такъ читались Карамзинымъ и всѣ источники, какими только приходилось ему пользоваться.

денія. Эта основная идея видна уже въ самомъ заглавіи труда Карамзина: слова: „*исторія государства россійскаго*“ прямо говорятъ намъ, что Карамзинъ въ своемъ огромномъ трудѣ хотѣлъ представить исторію развитія нашего государства, т.-е. рассказать, какъ установился государственный порядокъ въ землѣ русскихъ славянъ, великой и обильной, по не имѣвшей порядка. Коренное начало русской государственности есть самодержавіе. Исторія Карамзина и слѣдитъ за *началомъ, развитіемъ и укрѣпленіемъ* этого государственнаго устава Россіи — самодержавія. Сообразно съ этою задачею — раскрыть постепенное образованіе самодержавія въ Россіи — построены и планъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Россія, рожденная единовластіемъ, была уже при Владимирѣ и Ярославѣ I великой и сильной державой. Удѣльная система, междоусобныя войны и татарское иго ниспровергли это величіе. Но явился Іоаннъ III, и съ того времени въ нашемъ отечествѣ началъ все болѣе и болѣе укрѣпляться государственный порядокъ, подъ сѣнію самодержавной власти.

Такимъ образомъ „Исторія“ Карамзина, не смотря на все разнообразіе матеріала, изъ котораго она построена, представляетъ собою произведеніе вполне цѣльное, отличающееся единствомъ плана, построеннаго подъ вліяніемъ одной основной идеи, которою руководился Карамзинъ, работая надъ собраннымъ имъ и еще не приведеннымъ въ порядокъ историческимъ матеріаломъ.

Въ тщательномъ изученіи историческаго матеріала сказался *ученый*; въ возведеніи же изъ него цѣльнаго, стройнаго зданія, отличающагося единствомъ плана и идеи — сказался *художникъ*.

Б) „Исторія Государства Россійскаго“ со стороны отношенія ея автора къ историческимъ лицамъ и событіямъ. Признавая одною изъ задачъ исторіи „питать нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагать душу къ справедливости“, Карамзинъ историческія лица и событія оцѣниваетъ соотвѣтственно своимъ нравственнымъ воззрѣніямъ, при чемъ высказываетъ свое сочувствіе или несочувствіе историческимъ дѣятелямъ и иногда произноситъ надъ ними строгій нравственный судъ.

Припомнимъ только, хотя въ короткихъ словахъ, содержаніе второй главы XI-го тома.

Прежде всего Карамзинъ задаетъ вопросъ: достигнувъ своей цѣли неугомонными усиліями, неусыпною хитростію, коварствомъ, происками и злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ спокойствіемъ совѣсти и тѣмъ величіемъ, котораго такъ жадно искала душа его? Слѣдовательно вопросъ, поставленный Карамзиннымъ, имѣетъ нравственный характеръ, и весь дальнѣйшій разговоръ служитъ разъясненіемъ этого вопроса, отвѣтомъ на него.

Сперва все,—разсказываетъ историкъ,—благопріятствовало Годунову: первые два года его царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка; она была на высочайшей степени своего внѣшняго могущества, а внутри управлялась съ мудрою твердостью и съ необыкновенною кротостью. Борисъ казался отцомъ народа, отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, другомъ человѣчества. Всѣ были довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, и Россія любила Бориса. Можно бы думать, что при такихъ обстоятельствахъ Борисъ могъ бы быть счастливымъ. Однако онъ счастливъ не былъ: какъ человѣкъ съ запятанною совѣстью, Годуновъ былъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, избѣгалъ людей и въ то же время какъ бы насильно хотѣлъ заставить народъ думать о немъ, какъ о монархѣ, котораго умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе росла подозрительность Бориса—и вотъ онъ наконецъ рѣшается возстановить бѣдственную Іоаннову систему доносовъ, за которою начинается цѣлый рядъ ссылокъ, опалъ и казней. Все это заставило народъ разочароваться въ своемъ правителѣ—и россияне уже не любили Бориса. Но Борисъ страдалъ не только вслѣдствіе внутренней тревоги своей души: скоро судъ Божій загремѣлъ надъ державнымъ преступникомъ, и Небо за беззаконія царя пачало казнить царство: сперва появился страшный голодъ, а за нимъ, какъ его слѣдствіе, моровая язва. Не успѣла еще Россія успокоиться, какъ открылось новое бѣдствіе, въ которомъ современники непосредственно винили Бориса: появился Самозванецъ. Борисъ страдалъ; душа его жила ужасомъ

и притворствомъ. Онъ не имѣлъ чистѣйшаго утѣшенія: не могъ предаться въ волю святого Провидѣнія, служа только идолу властолюбія. Но есть, говоритъ Карамзинъ, предѣлъ мукамъ— въ брѣнности естества земного. Борисъ умеръ; но жребій его былъ лучше и счастливѣе жребія Россіи; онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Изъ сопоставленія другъ съ другомъ отдѣльныхъ частей этого разсказа ясно видно, что историческія событія и лица подвергнуты нравственной оцѣнкѣ, а въ основу самого разсказа положена нравственная идея. Идея эта слѣдующая: какъ бы ни были благоприятны внѣшнія обстоятельства, никогда не будетъ счастья и мира душевнаго, если человѣкъ запятналъ свою совѣсть преступленіемъ. Сознаніе своей преступности терзаетъ душу, рождаетъ подозрительность; а съ нею вмѣстѣ и вѣчную тревогу, вѣчную душевную муку, при чемъ уже не можетъ быть и помина о счастіи. Въ разъясненіи всего этого, въ изложеніи тѣхъ фактовъ, въ которыхъ проявилось душевное расположеніе Бориса— и заключается отвѣтъ на вопросъ: былъ ли счастливъ Годуновъ? Отвѣтъ этотъ, конечно, отрицательный. Однако этого всего мало: Провидѣніе, лишивъ Бориса спокойствія души, лишивъ его внутренняго мира, казнило еще многими бѣдствіями, изъ которыхъ одно особенно страшно было для Бориса, заставивъ его каждую минуту дрожать изъ опасенія потерять то, что было куплено имъ такою дорогою цѣною. Такимъ образомъ, несчастія, постигшія Русскую землю при Годуновѣ— голодъ, моръ, появленіе Самозванца—все это представляется нашему историку небесною карою за преступленіе Бориса, справедливымъ возмездіемъ небеснаго правосудія.

Найдя Бориса человѣкомъ преступнымъ, Карамзинъ въ силу своихъ нравственныхъ воззрѣній, не могъ уже отнестись къ нему сочувственно. „*Правила добродѣтели святые въспомъ иныхъ*“, сказано въ одномъ мѣстѣ „Исторіи Государства Россійскаго“. Борисъ не соблюдалъ этихъ правилъ, и потому, не смотря на многія достоинства Годунова, какъ правителя, историкъ нашъ

произносить надъ нимъ строгій нравственный судъ: „Имя Годунова“, говоритъ Карамзинъ, „одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, *„во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія“*, потому что, какъ объясняетъ Карамзинъ, потомство видитъ вездѣ только личину добродѣтели и не видитъ самой добродѣтели.

Таковы нравственныя воззрѣнія Карамзина, таковы его требованія: въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ человѣкъ, онъ всегда обязанъ строго наблюдать и свято исполнять правила добродѣтели, которую ничто не можетъ собою замѣнить потому что все остальное *„только блескъ, яркій для ума, и холодный для сердца“*.

Этотъ нравственную идею проникнута не только одна вторая глава XI-го тома, но ею проникнута и вся „Исторія Государства Россійскаго“. Историкъ нашъ какъ бы стоитъ на стражѣ добра и зла и, увлекая за собою читателя, учитъ его любить первое и ненавидѣть послѣднее.

Разсмотрѣвъ „Исторію Государства Россійскаго“ въ связи со взглядомъ ея автора на исторію, перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ ея значенія.

Работая надъ своей „Исторіей“, Карамзинъ совмѣщаль въ себѣ и *ученаго* и *художника*. Поэтому и его „Исторію Государства Россійскаго“ можно разсматривать съ двухъ сторонъ: I) какъ *ученый трудъ* и II) какъ *произведеніе литературно-художественное*.

I) Какъ ученый трудъ, „Исторія Государства Россійскаго“, съ современной намъ точки зрѣнія на науку, имѣетъ, конечно, свои недостатки: 1) она слѣдитъ, главнымъ образомъ, за развитіемъ государства и сравнительно мало касается внутренней жизни народа; 2) она—исторія болѣе фактическая, нежели прагматическая; 3) она отличается въ значительной мѣрѣ субъективностью, такъ какъ авторъ ея на многія событія и лица смотритъ съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ. Но всѣ эти и нѣкоторые другіе недостатки, во-первыхъ, объясняются взгля-

домъ Карамзина на исторію, взглядомъ, котораго держались тогда и многіе лучшіе европейскіе историки; во-вторыхъ, эти недостатки окупаются многими важными достоинствами, особенно если сравнить „Исторію“ Карамзина съ предшествовавшими ей историческими трудами Татищева, Ломоносова, Щербатова и др. „Исторія Россійская“ Татищева есть лишь сводъ лѣтописныхъ извѣстій ¹⁾; „Древняя Россійская исторія“ Ломоносова доведена лишь до 1054 г. и написана подъ вліяніемъ ложнаго классицизма ²⁾; „Исторія Россійская отъ древнихъ временъ“ кн. Щербатова (1770 — 1791) — трудъ обширный, доведенный до 1610 г., но отличается во многихъ случаяхъ ошибками и невѣрными толкованіями. „Исторія“ же Карамзина, *вѣрно* передавая факты, основанные на тщательномъ и умѣломъ *изслѣдованіи огромной массы источниковъ*, изъ которыхъ многіе самимъ же Карамзинымъ и открыты, впервые, можно сказать, познакомила русскихъ съ ихъ исторіей. Фактическая сторона нашей исторіи была впервые научно разработана Карамзинымъ, при чемъ указаны имъ, въ примѣчаніяхъ, и всѣ источники, которыми онъ пользовался. Эти примѣчанія — памятникъ обширной пачитанности и образцовой критической внимательности Карамзина — такъ драгоценны, что для начинающаго заниматься исторіей нельзя указать лучшаго руководства: изъ нихъ онъ ознакомится со всѣми источниками, бывшими доступными Карамзину, и потомъ уже легко можетъ дополнить свои свѣдѣнія ³⁾.

II) Какъ произведеніе литературно-художественное, „Исторія Государства Россійскаго“ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей литературы. Отличаясь единствомъ плана и идеи, т.-е. представляя собою художественное цѣлое, она отличается и художественнымъ разсказомъ и многими мастерскими характеристиками, каковы напр. характеристики Иоанна III, Грознаго, митрополита Филиппа, Годунова, Шуйскаго и др. Но что всего въ ней дороже, съ литературной точки зрѣнія, такъ это именно та субъективность, которая, съ научной точки зрѣнія, признается недостаткомъ.

¹⁾ См. I-ю ч. „Пособія“, стр. 333.

²⁾ См. II-ю ч. „Пособія“, стр. 52.

³⁾ См. „Русскую Исторію“ К. Вестужева-Рюмина, I, 221.

Въ этомъ отношеніи „Исторія“ Карамзина есть въ высшей степени почтенный трудъ, который не только знакомитъ насъ съ тѣмъ, что совершалось въ давніе годы, но и учитъ насъ любить Русскую землю, любить добро, ненавидѣть зло, презирать ложь, лесть, коварство. Въ живыхъ образахъ онъ являетъ намъ и великіе подвиги и позорныя дѣянія. „Высокое нравственное чувство дѣлаетъ эту книгу наиболѣе удобною для воспитанія любви къ Россіи и къ добру“ ¹⁾.

Заслуги Карамзина.

Литературная дѣятельность Карамзина, какъ мы знаемъ, дѣлится на два періода: сперва онъ является какъ журналистъ и издатель, а послѣ какъ историкъ. Какъ журналистъ и издатель, Карамзинъ знакомилъ русское современное общество съ лучшими произведеніями какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ писателей, распространялъ полезныя свѣдѣнія, касался современныхъ вопросовъ, возбуждалъ участіе къ русской старинѣ и стремился разбудить въ своихъ соотечественникахъ чувство благороднаго патріотизма. Своими произведеніями, отличавшимися новымъ направленіемъ, болѣе живымъ, чѣмъ направленіе ложно-классическое, Карамзинъ заинтересовалъ русское образованное общество и успѣлъ развить въ немъ охоту къ чтенію. Своимъ талантомъ, образованностію и нравственными качествами онъ возвысилъ у насъ званіе литератора. Какъ историкъ, Карамзинъ оставилъ послѣ себя трудъ, который имѣетъ значеніе не только, какъ ученое сочиненіе, но и какъ художественное произведеніе, полное патріотизма и благородное сочувствіемъ всему великому и хорошему въ человѣческой природѣ. Да и вообще слѣдуетъ сказать, что у Карамзина—о чемъ бы ни писалъ онъ, въ чемъ бы ни старался убѣдить—ездѣ мы встрѣчаемъ его благородный образъ мыслей, его глубокой и разумный патріотизмъ, его любовь ко всему прекрасному и доброму.

Но всѣмъ этимъ, уже дающимъ Карамзину право принадлежать къ числу самыхъ достопамятныхъ людей Русской земли, еще не исчерпываются его заслуги: продолжая дѣло, начатое

¹⁾ См. тамъ же.

Ломоносовымъ относительно усовершенствованія нашей книжной рѣчи, Карамзинъ сдѣлалъ до такой степени важныя преобразования въ нашемъ литературномъ языкѣ, что исторія его развитія отмѣчаетъ именемъ Карамзина новую эпоху.

Преобразование Карамзинымъ литературнаго языка.

Ломоносовъ, какъ извѣстно, установилъ три стили: высокій, средній и низкій. Характеръ ихъ не одинаковъ: между тѣмъ какъ его средній и низкій стиль сравнительно ближе къ естественному строю нашей рѣчи,—высокій его стиль отличается 1) слишкомъ искусственнымъ построениемъ, 2) все же большою примѣсью славянизмовъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ, съ одной стороны, положилъ начало языку простому, естественному, съ примѣсью народности; съ другой стороны, онъ же положилъ начало и языку искусственному, тяжелому, съ примѣсью славянищины. Послѣдующіе писатели, въ промежутокъ времени отъ Ломоносова до Карамзина, продолжали развивать и тотъ и другой: многіе изъ нихъ въ своихъ комедіяхъ, сатирическихъ статьяхъ, шутливыхъ стихотвореніяхъ, басняхъ, и вообще тамъ, гдѣ не требовалось высокаго слога, — успѣли въ значительной степени достигъ той простоты, той легкости, какую мы встрѣчаемъ, на примѣръ, въ разговорахъ комическихъ лицъ „Недоросля“, въ басняхъ Хемпелера, въ „Душенькѣ“ Богдановича; но зато тамъ, гдѣ рѣчь шла о „важныхъ матеріяхъ“, послѣдователи Ломоносова часто запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія и до крайности наводняли свою рѣчь славянищиной. Такъ, на примѣръ, тотъ же Фонвизинъ въ своемъ переводѣ съ французскаго „Похвальнаго слова Марку Аврелію“ такъ выражается:

„Римляне! вѣщалъ онъ (т.-е. стоическій филос. Аполлоній): вы лишились великаго мужа, а я лишился друга. Не пришелъ я слезами орошати его праха. Злыхъ токмо оплакивати должно, ибо содѣяннаго собою зла уже исправити не могутъ... Приближаясь къ концу дней моихъ, о если бъ я возмогъ, преходя словомъ жизнь Марка Аврелія, почтить предъ очами вашими послѣднія дней моихъ минуты! А ты, присутствуя здѣсь, наследникъ и сынъ его, внемли добродѣтелямъ и дѣяніямъ отца своего! Днесь ты царствовать будешь“...

Итакъ, „въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были при измѣненіи предмета и тона рѣчи тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ“¹⁾.

Эта-то мутная и ложная струя и обусловливала собою реформу Карамзина.

Въ реформѣ Карамзина слѣдуетъ различать двѣ стороны: *синтаксическую* (строй рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

Въ синтаксическомъ отношеніи, въ противоположность ломоносовскому высокому слогу, Карамзинъ считалъ нужнымъ:

- 1) писать *недлинными, неутомительными* предложеніями;
- 2) располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ *законами языка*.

Кромѣ того, разсматривая Карамзинскую прозу съ синтаксической стороны, надо замѣтить, что Карамзинъ чрезвычайно обогатилъ нашъ языкъ новыми оборотами, отличающимися смѣлымъ сочетаніемъ и сопоставленіемъ словъ, живостію и яркостію выраженія. Напримѣръ:

„Пришла весна, и благодѣтельныя вліянія сего прекраснаго времени года возвратили мнѣ друга; вмѣстѣ съ цвѣтами разцвѣтала душа его, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый духъ его оперялся; — знанія разливаются, какъ волны морскія; — сердца отверзались впечатлительнѣмъ изящнаго; — великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душою челоуѣка“, и др.²⁾.

Въ лексическомъ отношеніи у Карамзина замѣчается слѣдующее:

¹⁾ „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка“ Я. Грота (статья эта помѣщена въ I-мъ т. „Филологическихъ Разысканій“).

²⁾ См. тамъ же.

- 1) Ограниченіе славянизмовъ.
- 2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій.
- 3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія, наприм. образъ въ поэзиі, положеніе въ драмѣ, выработанный слогъ.
- 4) Составленіе новыхъ словъ, наприм. *промышленность*, *достижимая цѣль*.

Кромѣ всего этого, языкъ Карамзина въ его „Исторіи Государства Россійскаго“ еще украшенъ многими заимствованіями изъ памятниковъ нашей старинной письменности, откуда Карамзинъ вносилъ въ свою рѣчь и даже цѣлыя выраженія.

Таковы, напримѣръ, слова: *тризна* (поминки по усопшемъ), *ротникъ* (присяжный данникъ), *выходъ* (царская пошлина), *истома* (усталость отъ труда), *новоукъ* (недавно чему-нибудь учившійся), *домовитый* (живущій домомъ, имѣющій домъ, *пнущество*), *рудожелтый* (сукно рудожелтое), *пчелистый*, *пажитный* („мѣсто было изобильно, пчелисто и пажитно“), и др.

Выраженія: „Ирославъ *отеръ потъ* съ мужественною дружиною (т.-е. отдохнулъ).— „Я *добылъ Кіева и Переяславля головою*“. — „Три дня *стояли* россияне на *косяхъ*“ (т.-е. на мѣстѣ сраженія). „Племянникъ *куетъ конь* на дядю“. — „Великій князь *судилъ и рядилъ* землю“.— „Іоаннъ *взялъ Кучума подъ свою руку*, въ *обереганіе*, и др.

Такимъ образомъ сущность реформы Карамзина сводится къ слѣдующему: Карамзинъ сблизилъ литературный языкъ съ разговорнымъ языкомъ образованнаго общества и обогатилъ его многими словами и оборотами, черпая это богатство по возможности изъ собственныхъ началъ нашего же языка, по въ случаѣ надобности — прибѣгая и къ заимствованіямъ, не противнымъ духу русскаго языка.

Но этимъ однимъ не ограничивается заслуга Карамзина: преобразовывая нашъ литературный языкъ въ синтаксическомъ и лексическомъ отношеніи, онъ сумѣлъ сдѣлать его *изящнымъ*, удовлетворяющимъ *эстетическому чувству*. Въ этомъ отношеніи проза Карамзина не уступала прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы ¹⁾

¹⁾ См. тамъ же.

Однако, указывая достоинства, надо указать и недостатки: прозѣ Карамзина „иногда вредила нѣкоторая искусственность, имѣвшая цѣлю удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха“ ¹⁾. Къ числу такихъ явленій надо отнести тѣ дактили, которыми Карамзинъ любилъ заканчивать предложеніе, напр.

„Хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ *безсостыннымъ*“. (И. Г. Р.).

„Борись, оказавъ въ семь несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно отеческой царя къ поданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію *безумному*“. (И. Г. Р.).

„Воеводы, по указу государеву: ихъ (товарищей Хлопковыхъ) ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда *злодѣйскаго*“. (И. Г. Р.).

„Исторія Государства *Россійскаго*“.

„Теперь, погружаясь въ чувство твоей благодати, лобызаю невидимую руку твою, меня *ведушую!*“ (П. Р. II.).

Преобразованія Карамзина вызвали много толковъ; защитники Ломоносовской теоріи, во главѣ которыхъ стоялъ академикъ *Шишковъ*, подняли споръ о старомъ и новомъ слогѣ, спорили много и долго, но проиграли, и слогъ, установленный Карамзинымъ, утвердился и нашель себѣ послѣдователей въ лучшихъ нашихъ писателяхъ, которые повели дѣло Карамзина далѣе, все болѣе и болѣе развивая и обрабатывая нашу литературную рѣчь.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ЛИТЕРАТУРУ КАРАМЗИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Разсмотрѣвъ дѣятельность Карамзина, бросимъ общій взглядъ на литературу его времени какъ со стороны языка, такъ и со стороны содержанія.

¹⁾ См. тамъ же.

По отношенію къ языку, значительное большинство писателей, въ особенности послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Государства Россійскаго“, стало на сторону Карамзина, и слогъ его сдѣлался образцомъ для всякаго, принимавшагося за перо, за исключеніемъ лишь партіи Шишкова да еще тѣхъ немногихъ литераторовъ, которые хотя и не раздѣляли мнѣнія Шишкова, однако не были довольны и Карамзинымъ. Къ числу такихъ принадлежали Гнѣдичъ, знаменитый переводчикъ Иліады, и Крыловъ. Первый требовалъ отъ прозы слога средняго между ломоносовскимъ и карамзинскимъ, а второй не находилъ въ рѣчи Карамзина чисто-русскаго, народнаго склада. Но если принять во вниманіе, что противники Карамзина представляли собою меньшинство, то можно сказать, что Карамзинъ одержалъ рѣшительную побѣду, и преобразованный имъ языкъ сталъ господствующимъ еще при жизни самого преобразователя.

Что же касается содержанія, то въ этомъ отношеніи литература Карамзинскаго времени отличалась большимъ разнообразіемъ. Въ ней можно отмѣтить слѣдующіе токи:

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что *сентиментальное* направленіе Карамзина нашло себѣ многихъ послѣдователей, писавшихъ въ различныхъ родахъ прозы и поэзіи. Изъ этихъ послѣдователей первымъ по времени былъ другъ Карамзина—Дмитріевъ, одинъ изъ талантливыхъ „карамзинистовъ“, прославившійся, между прочимъ, своими сентиментальными пѣснями. Кромѣ того, появилось много и прямыхъ подражаній „Письмамъ русскаго путешественника“¹⁾ и „Бѣдной Лизѣ“²⁾. Но сентиментализмъ подражателей Карамзина въ большинствѣ случаевъ доходилъ до крайности и потому скоро подвергся осмѣянію.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что сентиментализму далеко не удалось вытѣснить *ложный классицизмъ*, который все еще продолжалъ существовать въ теченіе всей Карамзинской эпохи. Самымъ крупнымъ представителемъ ложнаго классицизма въ Карамзинскую эпоху былъ драматическій

---

¹⁾ „Путешествіе въ полуденную Россію—Вл. Измайлова (1773—1830), два путешествія въ Малороссію—кн. Шалякова (1768—1852).

²⁾ „Бѣдная Маша“—Измайлова. — „Обольщенная Генриетта“—Ив. Свѣчинскаго и др.

писатель Озеровъ, прямой послѣдователь Сумарокова и Княжнина. Изъ другихъ можно указать на профессора краснорѣчія и поэзіи при Московскомъ университетѣ—Мерзлякова (1778—1830), подражавшаго ломоносовскимъ одамъ. Слава „Россіяды“ Хераскова также соблазнила многихъ: появилось нѣсколько ложно-классическихъ поэмъ, хотя и бездарныхъ ¹⁾. Словомъ сказать, ложный классицизмъ былъ еще настолько силенъ, что ему заплатили дань, въ началѣ своей дѣятельности, даже такіе писатели, которые впослѣдствіи работали въ совершенно иномъ, противоположномъ направленіи. Такъ, напримѣръ, тотъ же Дмитріевъ, осмѣявшій одоманію въ свой сатиры „Чужой толкъ“, раньше того самъ написалъ нѣсколько одъ въ ложноклассическомъ духѣ; ложному классицизму заплатилъ дань и Жуковский въ своемъ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“.

Затѣмъ, въ Карамзинскую же эпоху, рядомъ съ сентиментализмомъ и ложнымъ классицизмомъ, мы находимъ усиленную работу надъ переводомъ, съ одной стороны *древнеклассическихъ* авторовъ, а съ другой — *романтическихъ* произведеній нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Знакомство съ тѣмъ и другимъ было очень важно, такъ какъ оно-то именно и помогло вытѣснить мало-помалу ложный классицизмъ, и въ пушкинскую эпоху литература наша уже окончательно отъ него освобождается. Изъ числа занимавшихся переводомъ древнихъ классиковъ замѣчательны Мерзляковъ и Мартыновъ ²⁾, но особенно прославился Гнѣдичъ своимъ переводомъ Иліады. Знакомствомъ же съ произведеніями романтическими мы обязаны Жуковскому.

Наконецъ надо сказать, что во время Карамзина продолжало развиваться въ нашей литературѣ и *національное* направление, зародыши котораго находимъ уже у Державина, а дальнѣйшее развитіе видимъ въ комедіяхъ Фонвизина и въ „Мельникѣ“ Аблесимова. Въ Карамзинскую же эпоху крупными пред-

¹⁾ Напр. *Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія* (1807)—кн. С. Шихматова: „*Спасенная и побѣдоносная Россія въ девятомъ-на-десять вѣкѣ*“ (1813)—Грузинцева, и др.

²⁾ Профессоръ Мерзляковъ переводилъ изъ Гомера, Виргилія, Овидія, Эхила, Софокла, Эврипида, Пиндара, Горация и др.—Трудъ Мартынова, директора департамента Минист. Народ. Просвѣщенія († 1833), представляетъ собою переводъ классиковъ, прозою, въ 26-ти томахъ.

ставителями національнаго направленія были Крыловъ и Грибоѣдовъ.

Изъ писателей Карамзинской эпохи замѣчательны: *Дмитріевъ, Озеровъ, Гиндицъ, Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ*. Само собою разумѣется, что значеніе ихъ не одинаково: одни изъ нихъ болѣе важны, другіе менѣе.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ.

(1760—1837).

I
Биографическія свѣдѣнія о Дмитріевѣ. Дмитріевъ, сынъ богатаго помѣщика, родился въ Симбирской губерніи (близъ Сызрани). Образование его—какъ видно изъ оставленной имъ автобіографіи, подъ названіемъ: „*Взглядъ на мою жизнь*“—велось безсвязно и не было dokonчено: сперва онъ учился въ одномъ казанскомъ пансіонѣ французскому языку, ариметикѣ и рисованію; потомъ попалъ въ Симбирскъ, тоже въ пансіонъ, который былъ гораздо лучше казанскаго, но пробылъ въ немъ недолго; отецъ скоро взялъ его домой и велѣлъ заучивать иностранныя діалоги и правила русской грамматики. Четырнадцати лѣтъ Дмитріевъ уже былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ военную службу, въ семеновскій полкъ, гдѣ и оставался до 1795 г., а затѣмъ перешелъ въ гражданскую, на которой занималъ очень видныя мѣста, дослужился до званія сенатора и нѣкоторое время былъ даже министромъ юстиціи.

II
Вопросъ, какимъ образомъ Дмитріевъ сдѣлался писателемъ—объясняется слѣдующимъ. Во-первыхъ, Дмитріевъ, чувствуя недостатки своего образованія, старался пополнить ихъ чтеніемъ: онъ читалъ какъ французскія книги, такъ и русскихъ писателей—Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Державина, Фонвизина, особенно Карамзина. Чтеніе пробудило въ немъ страсть къ поэтической дѣятельности, которая на первыхъ порахъ выразилась въ подражаніи одамъ Ломоносова и Державина. Во-вторыхъ, большое вліяніе на Дмитріева имѣло его знакомство съ современными литераторами, въ особенности съ Карамзинымъ. Подъ его вліяніемъ Дмитріевъ перемѣнилъ торже-

ственную лирику на сентиментальную и выработалъ свой языкъ. Думаютъ, что по совѣту же Карамзина Дмитріевъ принялся и за переводы басенъ французскихъ баснописцевъ—Флоріана и Лафонтена. II

Сочиненія Дмитріева. Дмитріевъ написалъ нѣсколько одъ, пѣсенъ, сказокъ, басенъ, эпиграммъ и одну сатиру—„Чужой толкъ“. III

1) Оды Дмитріева ¹⁾ относятся еще къ первой порѣ его литературной дѣятельности и имѣютъ всѣ недостатки ложно-классической лирики, за исключеніемъ одной, написанной въ духѣ лучшихъ державинскихъ одъ: это — „Размышленіе по случаю грома“ (1795).

2) Пѣсни его, отличаясь сентиментальнымъ характеромъ, уже носятъ на себѣ слѣды Карамзинскаго вліянія. Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно нравились современникамъ, были переложены на музыку и распѣвались. Таковы, напримѣръ, „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Всякъ цвѣточекъ болю розу а любилъ“.

3) Сказки Дмитріева не оригинальны: онѣ не что иное, какъ переложеніе на русскіе нравы сказокъ Вольтера, Флоріана и Лафонтена. Но онѣ читались съ большимъ удовольствіемъ, благодаря хорошему языку и гладкимъ, обработаннымъ стихамъ. Лучшая изъ нихъ—„Примудница“ (1795), представляющая собою передѣлку Вольтеровой сказки „La Begueule“.

4) Басни Дмитріева также почти всѣ переведены съ французскаго, преимущественно изъ Лафонтена; но онѣ отличаются искуснымъ переводомъ, хорошимъ языкомъ и обработанными стихами, что и ставитъ переводныя басни Дмитріева выше такихъ же басенъ Сумарова и Хемницера. Лучшія его басни—„Дубъ и трость“, „Мышь, удалившаяся отъ свѣта“, „Лиса-проповѣдница“, „Чижевъ и зяблица“, „Пытухъ, котъ и мышенокъ“, и др.

Эпиграммы Дмитріева большею частію тоже или подражаніе французскимъ, или переводъ съ французскаго, но переводъ мастерской. Нѣкоторыя изъ нихъ получили силу пословицъ,

1) „Гласъ патріота на взятіе Варшавы“, „Ермакъ“, „Освобожденіе Москвы“ (Пожарскимъ), „Размышленіе по случаю грома“.

какъ типически вѣрныя изображенія странностей или глупостей. Таковы, на примѣръ: „~~Мнѣ тжаръ говорилъ~~“, „Я ~~разорился отъ воровъ~~“.

6) Сатира „Чужой толкъ“ (1795) — лучшее произведеніе Дмитріева. Въ ней остроумно и ѣдко осмѣиваются бездарные авторы торжественныхъ одъ. Сатира эта также не вполне самостоятельна: въ ней Дмитріевъ подражалъ англійскому поэту Попу.

IV. Заслуга Дмитріева. Произведенія Дмитріева въ исторіи нашей литературы важны не столько своимъ содержаніемъ, сколько вѣдностью: не то главнымъ образомъ важно, что онъ переводилъ Лафонтена и другихъ французскихъ авторовъ; не то важно, что онъ написалъ нѣсколько сентиментальныхъ пѣсень и сатиру „Чужой толкъ“: а важно то, что онъ, будучи ближайшимъ слѣдователемъ реформы Карамзина, *первый примѣнилъ ее къ стихамъ*: Карамзинъ далъ образцы, какъ должно писать *въ прозѣ*; Дмитріевъ далъ образцы, какъ должно писать *въ стихахъ*. Слѣдовательно заслуга Дмитріева относительно стиховъ такъ же велика, какъ заслуга Карамзина относительно прозы.

Изъ сочиненій Карамзина въ стихахъ. Слѣдовательно Дмитріевъ.
ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЕВА.

Пѣсня: „Стонетъ сизый голубочекъ“.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружокъ
Отлетѣлъ надолго прочь.
Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.
Съ вѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.
Ждетъ ее... увы! но тщетно:
Знать судилъ ему такъ рокъ!

Сохнеть, сохнеть непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.
Онъ ко травѣ прилегаеть,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ... навѣкъ уснулъ!
Вдругъ голубка прилетѣла,
Приунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будить, будить голубка;
Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ—
Но... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ.

Всѣ эти стихи изъ сочиненій Карамзина въ стихахъ. Слѣдовательно Дмитріевъ.

Басня: „Дубъ и трость“.

(Изъ Лафонтена ¹⁾).

Дубъ съ тростію вступилъ однажды въ разговоръ:
„Жалбію“, дубъ сказалъ, склоня къ ней важно взоры:

„Жалбію, тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжель и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;

Тогда какъ я—высокъ, осанистъ, и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою—и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня зефиръ, тебѣ жъ—все аквилонъ.

Блаженна бѣ ты была, когда бѣ росла со мною:
Подъ тѣнью моей густою
Ты бѣ не страшилась бури! Но рокъ тебѣ судилъ
Расти, намѣсто злачна дола,

На толкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ“.

—„Ты очень жалостливъ“, трость дубу отвѣчала:

„Но, право, о себѣ еще я не вздыхала;
Да не о чемъ и въздыхать:
Миѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя, опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны

И не могли тебя досель поколебать,
Но подождемъ конца“.— Съ симъ словомъ вдругъ завыва
Отъ сѣвера гроза и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушить и валить;
Летить, кружится листь. Трость гнется—дубъ стоитъ.
Вѣтръ пуще воужасъ, изъ всей ударилъ мочи—
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ—
Упалъ.

¹ Подлинникъ:

Le Chêne et le roseau.

(Лафонтена).

Le chêne un jour dit au roseau:
„Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête;

Басня: „Мышь, удалившаяся отъ свѣта“.

(Изъ Лафонтена ¹⁾).

Восточны жители въ преданіяхъ своихъ
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива мышь, наскуча суетою,
Слѣпотою счастья игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то мышь трудахъ
Развѣлась такъ, что страхъ!

Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave d'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encore si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir;
Je vous défendrais de l'orage!
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste'.
— Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin. — Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon, le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

---

¹⁾ „Le rat qui s'est retiré du monde“.

Короче: на порогъ рая
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осаду ужъ держалъ.
„Всеобща бѣдность и невзгода“—
Посольство говоритъ—„причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ, и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ“.
Затворица на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положи на грудь свою крестомъ:
„Возлюбленны мои!“ смиренно отвѣчала:
„Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспшлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова“.
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.—

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышъ?
Монахъ?—Избави Богъ и думаты!.. Нѣтъ, дервишъ.

Басня: „Лиса-проповѣдница“.

(Изъ Флоріана ¹⁾).

Разбитая параличомъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлал, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалою воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшѣи суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь собиралось
Пять шесть на перечесть;

¹⁾ „Le renard qui prêche“.

А иногда случалось
И менѣе того, и то сурокъ, да кротъ,
Да двѣ-три набожныя лани,
Звѣришки бѣдныя, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ лисицѣ дани?
Но лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ медвѣдей и волковъ,
На тигровъ, даже и на львовъ!
Что жъ? слушателей тѣма стеклася,
И слава о ея витѣйствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
Послушаемъ лису! левъ молвилъ: „что за диво?“
За словомъ вслѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена — и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонь!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворныя оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что царь лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: лиса вошла и въ честь и славу!
Царь левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
„Тобой я истину позналъ
И болѣе прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чого жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда:
Я твой должникъ“. Лиса глядь, глядь, туда, сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
„Всецѣдрый царь-отецъ!“
Отвѣтствовала льву съ запинкой наконецъ:
„Индѣвекъ... малую толику“.

Эпиграммы. на лисицу

1.

Мнѣ лѣкаръ говорилъ: „Нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!“
—Конечно,—думалъ я—никто того не скажетъ;
Смерть всякому языкъ завяжетъ,

2.

Я разорился отъ воровъ“.
—Жалѣю о твоёмъ я горѣ.—
„Украли пукъ моихъ стиховъ!“
—Жалѣю я о ворѣ.—

Сатира: „Чужой толкъ“.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напругши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку ¹⁾, Рамлеру ²⁾ и ихъ собраты равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣнны славнымъ?
Какъ думаешь!... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвась, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливей,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парюю стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣеть, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложить разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь-въ-точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!

¹⁾ Горацій.—²⁾ Нѣмецкій лирикъ,

Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ или на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бѣ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: „зари багряны персты“,
И „райскій крикъ“, и „Фебъ“, и „небеса отверсты!“
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселить,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелить!“

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствию дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

„На это“, онъ сказалъ, „есть многія причины;
Не обещаю ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожь здѣсь въ Москвѣ толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвардіи капраль,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни реному лишь едва прибрать успѣеть,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣеть.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ—било шесть часовъ! уже карета ждетъ;

на рани
I
иногда
иногда
иногда
иногда

Пора въ театрѣ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону ¹⁾.
А тутъ и ночь... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу ²⁾ въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
Да оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю ³⁾;
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись;
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять протись!

Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:

Горацій, напимѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не свысока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ или изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:

Онъ славень, чрезъ него и я безсмертна стала!

А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,

Нерѣдко сто рублей или дружество съ князькомъ,

Который отъ роду не читывалъ друга,

Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова,

Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ

Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.

Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,

Навѣрно лзя сказать, не дѣлая обиды

Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,

Что долженъ быть у нихъ и особый вкусъ,

И въ сочиненіи лирической поэмы

Другіе способы, особые приемы;

Какіе же они, сказать вамъ не могу,

А только объявлю—и, право, не солгу—

Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,

Котораго трудовъ „Меркурій“ нашъ и „Зритель“ ⁴⁾,

И книжный магазинъ, и лавочки полны.

„Мы съ риемами на свѣтъ“, онъ мыслить, „рождены:

Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться—

1) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскараровъ.

2) На репетицію (въ театрѣ).

3) Петербургскій портной.

4) „С.-Петербургскій Меркурій“ и „Зритель“—тогдашніе журналы.

На взморѣ въ хижину, какъ Демосѣенъ, забиться,
 Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ.
 Рассказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
 Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
 Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
 Науки будутъ все науки, а не даръ;
 Потребный же запасъ: отвага, рѣшима, жаръ".
 И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
 Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
 Что Римникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ
 Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
 Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: „Ода!“
 Потомъ въ одинъ присѣсть: „такого дня и года!“
 „Тутъ какъ?... „Пою“... Иль нѣтъ, ужъ это старина!
 Не лучше ль: „Даждь мнѣ, Фебъ!...“ Иль такъ: „Не ты одна
 Попала подъ пята, о чалмоносна Порта!“
 Но что же мнѣ прибратъ къ ней въ рѣму, кромѣ чорта?
 Пѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
 И воздухомъ себя открытымъ освѣжу“.
 Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
 „Начало нѣкогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
 Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
 Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
 Съ Румянцевымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
 Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
 Неловко что-то все. Да просто напишу:
 „Ликуй герой! ликуй, герой ты!“ возгласу.
 Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
 Скажу: „Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
 Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
 И то, и то“... А тамъ?... известно: „многи лѣта!“
 Брависсимо! и планъ и мысли—все ужъ есть!
 Да здравствуетъ поэтъ! осталось присѣсть
 Да только написать, да и печатать смѣло!“
 Бѣжить на свой чердакъ, чертить, и въ шляпѣ дѣло!
 И оду ужъ его тисненью предають,
 И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають!

Вотъ какъ пиндариль онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкѣй славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердцецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ!“

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клеветь,
Какъ дерзостный языкъ безславиль насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсѣй ожилъ!
Товарищи! къ столу! за перья! Отомстимъ,
Надеемся, напредь, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

ВЛАДИСЛАВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ОЗЕРОВЪ.

(1770 - 1816).

Биографическія свѣдѣнія объ Озеровѣ очень скудны: достовѣрно извѣстно только то, что онъ родился въ Тверской губерніи, воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ служилъ въ военной службѣ и, дослужившись до чина генераль-маіора, перешелъ въ гражданскую, а послѣднія 8 лѣтъ жизни провелъ въ отставкѣ, страдая болѣзнію, съ которой было соединено разстройство умственныхъ силъ.

Въ исторіи литературы Озеровъ извѣстенъ своими трагедіями, написанными въ такомъ же ложноклассическомъ направленіи, какъ и трагедіи Сумарокова и Княжнина, что однако не помѣшало ему, какъ трагику, стать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше обоихъ своихъ предшественниковъ.

Трагедія Озерова.

Озеровъ написалъ пять трагедій, изъ которыхъ три долго держались на сценѣ: „*Эдипъ въ Афинахъ*“ (1804), „*Фингалъ*“ (1805) и „*Димитрій Донской*“ (1807) ¹⁾.

¹⁾ Двѣ остальные—„*Ярополкъ и Олегъ*“ (1798) и „*Поликсена*“ (1809)—значительно слабѣе.

„Эдипъ въ Афинахъ“ есть подражаніе французской трагедіи Дюси († 1816): „Эдипъ въ Колонѣ“, изъ которой Озеровъ даже многое просто перевелъ. Оба трагика—и Дюси и слѣдовавшій ему Озеровъ—отступили отъ своего первообраза—отъ Софоклова „Эдипа въ Колонѣ“. Такъ, напримѣръ, у Озерова Креонъ выставленъ ложноклассическимъ злодѣемъ, который въ концѣ трагедіи осуждается на смерть, а Эдипъ остается въ живыхъ, что нужно было нашему трагику для того, чтобы показать торжество добродѣтели надъ порокомъ—цѣль, которою очень часто задавались авторы ложноклассическихъ трагедій; Антигона мѣстами впадаетъ въ резонерство. Есть и другія отступленія отъ Софокла, которыя собственно слѣдуетъ назвать искаженіями; но, не смотря на все это, „Эдипъ въ Афинахъ“ имѣлъ необычайный успѣхъ, что объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что трагедія написана такими звучными и сильными стихами, какіе до Озерова еще не раздавались на русской сценѣ; а во-вторыхъ—тѣмъ, что сцены трагическаго ужаса и чувствительности переданы настолько одушевленно, что способны затронуть чувство зрителя. При этомъ надо замѣтить, что и вообще весь ходъ дѣйствія у Озерова гораздо живѣе, чѣмъ у Сумарокова и Княжнина; Озеровъ даже не держался единства мѣста: онъ передвигалъ сцену.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ЭДИПЪ ВЪ АФИНАХЪ“.

Дѣйствующія лица:

Тезей, царь аѳинскій.	Первосвященникъ храма Эвмениды.
Эдипъ, бывшій царь еивскій.	Вѣстникъ.
Антигона, дочь его.	Жрецы.
Полиникъ, сынъ его.	Народъ аѳинскій.
Креонъ, посланникъ Этеокла, царя еивскаго.	Стража Тезеева.
Нарцесъ, наперсникъ Креоновъ.	Воины Креоновы.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Аѳинской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет поле; впереди разбитъ царскій шатеръ; вдали съ одной стороны виденъ городъ Авины, съ другой храмъ Эменида, окруженный кипарисами.

Явленіе 1.

Тезей выходитъ изъ шатра; народъ авинскій спускается съ горы; стража царская при шатръ.

Хоръ народа.

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живить,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселить.

Тезей, аэинянь избавитель,
Надменность критскую попралъ;
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ.

Храните, боги, дни Тезея!
Продлите дни счастливы намъ!
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благости подобенъ вамъ.

Тезей.

О славный мой народъ, сыны мои любезны!
Когда для васъ мои могли быть дни полезны,—
Я счастливъ, и сей гласъ отъ истинныхъ сердець
Лестнѣ для меня, чѣмъ скипетръ и вѣнецъ.
Но благодарственны вы гласы прекратите;
Сей день на таинства велики посвятите!
Въ пространномъ полѣ семъ, подъ градскою стѣной,
При восходѣ солнечномъ вы созданные мной,
Чтобъ шествовать во храмъ, гдѣ скорбь людей гонимыхъ
Воздвигла жертвенникъ богинь неумолимыхъ.
Уже въ минувшу ночь подземный громъ гремѣлъ,
Мой царскій трясся домъ, во храмѣ огонь тускнѣлъ;
Какъ будто фуріи, къ аэинянамъ суровы,
Желали, чтобы мы несли имъ жертвы новы;
Безвѣстнымъ мщеніемъ ихъ черна грудь кипить.
Отсюда храма ихъ является намъ видъ;
Пойдемъ, мои сыны: пусть, жертвоприношенья
Пріявъ, смягчатся къ намъ сіи богини мщенья!

(Тезей хочетъ идти)

Явленіе 2.

Прежніе и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Желаешь предъ тебя введеннымъ быть Креонъ;
Отъ еивскаго царя посломъ явился онъ.
Что поведишь?

Тезей.

Креонъ, кѣмъ нынѣ горды Оивы
Приблизились къ концу и стали несчастливы?
Сей Этеокловъ другъ, сей родственникъ царей,
Которыхъ ввергъ въ бѣды онъ хитростью своей,
Что хочеть отъ Аѳинъ, что хочеть отъ Тезея?
Посольство тщетное, коль зрю въ послѣ злодѣя.

(Къ народу)

Къ свершенію мольбы, народъ, иди во храмъ!

(Вѣстнику)

Посланникъ еивскій пусть сюда предстанеть къ намъ!

Остальная часть перваго дѣйствія заключается въ разговорѣ между Тезеемъ и Креономъ. Креонъ приглашаетъ Тезея стать на сторону Оивъ и защитить ихъ отъ Полиника; Тезей отказывается, не желая вмѣшиваться въ распрю между братьями — Полиникомъ и Этеокломъ. Недовольный этимъ, Креонъ затаяваетъ въ душѣ злобу противъ Тезея.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ кипарисную рошу; въ сторонѣ храмъ Эвмениды.

Явленіе 1.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ *(сповши на камень)*.

Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семь.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонять волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ я землей гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылый!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносила!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаегъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, остался мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отсюду я гонимъ!

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона.

Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ.

Я ихъ любилъ...

Антигона.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И воспоминаемъ ранъ не растравляй своихъ.

Эдипъ.

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полинникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!

Антигона.

Ужаси предъ тобой и я виновна?

Эдипъ.

Нѣтъ;

Ты утѣшенъ мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Сая съ свѣтлымъ, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетою;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, что бъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду—ты главу мнѣ склонилъ на колѣни:
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, сѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволи!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на престолахъ.

Эдипъ.

Награда сладостна толпныхъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣды!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству буди!
Объ имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя перейдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!... приблизился тотъ срокъ.
Когда разстаться намъ судилъ жестокой рокъ!

Антигона.

Еще ты жизнь вести можешь многи годи.

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не лѣтись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человекъ гдѣ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнестъ.
Однѣвъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долину мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ дравесъ храмъ виденъ Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона.

Въ забвеньѣ страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Кивероны!
Ты, первыхъ двѣхъ моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родители!
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

Антигона (*упадая на колѣни*).

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдипъ.

О сколько, фурии, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семь пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моею рукою пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачныя сплетали:
Тамъ былъ не Гименей—Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютоści свои, о фурии, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите!

(*Упадаетъ на камень*).

Антигона.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

Эдипъ (*не вставая и отталкивая ее*).

Оставь, о Полинникъ! Меня отрекся ты:
Бѣга и не смущай моею минуты слезной!

Антигона.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ,
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (*пришедь въ себя*).

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противныя мнѣ виды
И все сдѣленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнуть сихъ:
Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари—прибѣжище несчастнымъ.

*(Съ приближеніемъ Эдипа ко храму, двери оного
растворяются, и народъ стремительно изъ храма
выходитъ).*

Явленіе 2.

Эдипъ, Антигона, народъ аеинскій.

Хоръ народа.

О страхъ! Поколебался храмъ;
Богиня мести раздраженны:
Предъ ними, въ алтарѣ возженный,
Престаль курится овміамъ.

Эдипъ (*остановясь*).

Храмъ содрогается отъ моего прихода...

Антигона.

Скрой ния ты свое, родитель, отъ народа!

Первый аеинянинъ.

Я вижу странниковъ: одинъ согбенъ отъ лѣтъ,
Другая младости являетъ взору цвѣтъ;
Иль ихъ пришествіе богинь здѣсь раздражаетъ?

Антигона.

Какая пагуба намъ нова угрожаетъ?

Второй аеинянинъ.

Разспросимъ ихъ! Вѣщай, убогій человекъ,
Откуда родомъ ты и кто она?

Эдипъ.

Я грекъ;

Она... она мѣ дочь.

Первый афинянинъ.

Изъ греческихъ странъ многихъ

Твоя отчизна гдѣ?

Эдипъ.

Отечество убогихъ—

Страна, гдѣ найдутся чувствительны сердца.

Второй афинянинъ.

А имя?

Эдипъ

Ахъ, почто вамъ имя звать слѣпца?

Изъ памяти моей его желалъ бы стерти.

Первый афинянинъ.

Но, странникъ, въ сихъ мѣстахъ чего ты ищешь?

Эдипъ.

Смерти...

Третій афинянинъ.

Кто былъ родитель твой?

Эдипъ.

Родитель мой... погибъ.

Второй афинянинъ

О таинственный мужъ. кто ты, вѣщай!

Эдипъ.

Эдипъ.

Жоръ народа.

Эдипъ?... Увы, какой бѣдою

Грозитесь, небеса, на здѣшнюю страну!

Сей незаконникъ за сою

Влачить иль гладъ, иль морь, иль алчную войну.

Второй афинянинъ.

Богиня сея страны не раздражайте болѣ:

Бѣгите вы отсель!

Эдипъ.

Въ моеѣ плачевной долѣ

Куда я уклонюсь?

Антигона.

Внемли, народъ, внемли

Его стenaniю!

Первый афинянинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, изъ сей земли

Ищите скертѣи!

Антигона.

Чѣмъ винны мы предъ вами?

Первый афинянинъ.

Онъ воздухъ заразить здѣсь можетъ между нами:
Отцеубійца онъ.

Второй афинянинъ.

Онъ матери супругъ.

Первый афинянинъ.

Своимъ онъ дѣтямъ братъ.

Третій афинянинъ.

Надъ сей главою вдругъ

Соединились всѣ злодѣйствія ужасны.
Мы не хотимъ его несчастьямъ быть причастны:
Онъ изгнанъ отъ людей, онъ проклятъ отъ боговъ.

Эдипъ (къ Антигонѣ).

Пойдемъ! Смущаюся отъ ихъ правдивыхъ словъ.
Пойдемъ, доколь идти моей достанетъ силы!
Ужели не найду нигдѣ себѣ могилы?

Третій афинянинъ.

Ты ожидай ее отъ хищности звѣрей.

Первый афинянинъ.

Граждане, вотъ и самъ идетъ сюда Тезей!

Антигона.

О щедры небеса! Ты ободрись, родитель!
Тезей герой, и намъ онъ будетъ покровитель.

Явленіе 3.

Прежніе, Тезей, Креонъ, Нарцесъ и стража Тезея.

Антигона.

Яви, о государь, скорбящему покровъ!
Родитель мой, къ кому былъ рокъ всегда суровъ,
Котораго вездѣ людская гонитъ злоба,
Пришелъ сюда просить убѣжища и гроба;
Страдальца привела въ Аѣины я съ собой;
Но въ гнѣвѣ твой народъ, соединясь съ судьбой,
Оставить намъ велитъ владѣнія Тезея.

Онъ слѣпъ, а я слаба; защиты не имѣя,
Куда приклонимся? Насъ гонить цѣлый свѣтъ.

Тезей.

О дѣва юная, среди цвѣтущихъ лѣтъ
Ужель ты можешь быть преслѣдована рокомъ?
Но гдѣ родитель твой?

Антигона.

Въ отчаянны жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

Первый аѳинянинъ (*къ Тезею, который под-
ходитъ къ Эдипу*).

Не преклоняй, о царь, къ нимъ слуха своего:
Сей странникъ есть Эдипъ!

Креонъ.

Эдипъ?

Тезей.

Что слышу, бога!

Ему, конечно, къ памъ отверзли вы дороги,
Чтобы, по бѣдствіяхъ, Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарованъ былъ покой,
Чтобъ прирѣлъ жертву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
Приди, почтенный мужъ, приди, младая дѣва!
О славная чета, придите въ мой чертогъ
Вкушать спокойствіе отъ многихъ столь тревогъ!
Какъ храмъ священнѣйшій, тотъ царскій домъ прославленъ,
Который страждущимъ къ убѣжищу поставленъ.

Эдипъ.

Такъ для преступнаго и скорбнаго слѣпца
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца?
Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье,
Ужели наконецъ нашель я состраданье?
Но, ахъ, Тезей! всегда злосчастьемъ ведомъ,
Себѣ убѣжищемъ твой не приму я домъ.
Вездѣ сопутствуютъ мнѣ мстительные боги:
Введу ли всѣ бѣды съ собой въ твои чертоги?
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей страгѣ;
Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
Но тщетно: отъ всѣхъ странъ возставшіе народы,
Звѣрей и хищныхъ птицъ не трогая покой,
Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой.
Близъ града твоего дозволю въ уединеніи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленья
До дня, когда земля, намъ щедрая всѣмъ мать,
Благоволитъ меня въ ислѣніе принять!

Тезей.

За преступленіе ужасно, но невольно,
Мученія, Эдипъ, ты претерпѣлъ довольно;
Ты добродѣтели, несчастный, намъ примѣръ.
Не сокрывай ея во мрачности пещеръ,
Украшь ты ею градъ, укрась моя чертоги!
Повѣрь, безсмертныя ко мнѣ не будутъ строга
За то пристанище, которое Тезей
Доставить нищетѣ и дряхлости твоей!

Эдипъ.

Иль, государь, тобою забвенны стали Фивы?

Тезей.

Иль боги могутъ быть когда несправедливы?
Нѣтъ, нѣтъ, умалиться ихъ правда не могла:
Взирають съ благостью на добрыя дѣла.

Эдипъ.

Ахъ, вспомни, что Эдипъ безсмертными оставленъ.

Тезей.

Я знаю, что Эдипъ страдальчествомъ прославленъ,
Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
И что принять его велить мнѣ долгу владыкъ.
Склонися, древній мужъ, къ Тезееву прошенью,
Остатокъ дней своихъ предай успокоенью,
Хотя изъ жалости ко дочери твоей!
Въ пещерѣ ль воздыхать съ тобою должно ей?
Или ты можешь быть толико къ ней суровымъ,
Чтобы опасностямъ ее подвергнуть новымъ?

Антигона.

Я не страшусь терпѣть презрѣнну нищету:
Съ отцомъ пещеры мракъ чертогу предпочту;
Всѣмъ бѣдствамъ за него охотно подвергаюсь.

Эдипъ.

О нѣжна дочь! твоей любовью убѣждаюсь.
Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ мой и позоръ
Увянуть въ младости, въ пустынѣ, среди горъ:
Чтобъ свѣту быть красой, ты послана на землю.

(Къ Тезею)

Великодушный царь! я твой покровъ пріемлю,
Убѣжищемъ для насъ пріемлю твой дворецъ,
Пусть тамъ, когда придетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ къ вѣчности отверсты будутъ двери,—
Зрѣть пристань буду я спокойную для дщери;
Моя же пристань—гробъ: тамъ волею небесъ
Назначено престать моимъ потокамъ слезъ.

Тезей.

Смягчить небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.

(Къ Креону)

А ты, сей встрѣчи здѣсь нечаянный свидѣтель,
Какъ возвратишься ты въ отечество твое,
Скажи, чѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое!
Изгнаніемъ царей насчастливы стали Фивы;
Но царства тверды тѣ, которые справедливы.
Вотъ мой отвѣтъ, Креонъ!

Эдипъ.

Креонъ въ твоей странѣ

Опъ здѣсь? Увы, скажи, вѣщай о дѣтяхъ мнѣ:
Въ отечествѣ ль они, на царскомъ ли престолѣ?
Ахъ, нѣтъ, не говори: не дѣти суть мнѣ болѣ,
Не дѣти—изверги, и яростью боговъ
Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ!
О боги сильные, властители природы,
Которыми падутъ и возстаютъ народы!
Предъ вами вѣки—мигъ, вселенная—черта,
И смертный на землѣ—какъ слабая мечта.
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру!
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ придетъ меня съ лица земного стерть—
Не дайте сыновьямъ моимъ увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
Чтобъ въ Фивахъ, извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали, гдѣ сыскать
То мѣсто на землѣ, гдѣ буду я лежать.
Благоволите ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте!

(Громъ подземный раздается).

Народъ.

О страхъ!

Эдипъ.

Отвѣтствуйте!

(Громъ сильный ударяетъ).

Первый аеинянинъ.

Внемля

Его воззванію, колеблется земля.

Второй аеинянинъ.

Перуны раздались, и молнія блеснула.

Иль рѣчь его къ богамъ природу ужаснула?

Жрецъ храма Эвменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

Явленіе 4-е.

Презніе и первосвященникъ.

Первосвященникъ.

О государь, народъ! стремитесь во храмъ!
Боги мести, въ немъ присутствуя суровы,
Намъ проричать судьбы въ сей страшный часъ готовы.

Тезей.

Пойдемъ и принесемъ имъ жертвы и мольбы,
Да премѣнять онѣ Эдиповы судьбы!

Эдипъ.

Нѣтъ, шествовать туда тебѣ во слѣдъ не смѣю:
Гласъ долженъ Эвменидъ ужасенъ быть злодѣю;
Ихъ въ храмѣ раздражать не буду я собой.

Тезей.

Иди же въ мой шатеръ и тамъ вкуси покой!
(Воину)

Эдипа проводи!

(Эдипъ и Антигона слѣдуютъ за воинкомъ.)

Тезей съ народомъ идетъ во храмъ.)

Креонъ *(Нарцесу)*.

Мстить гордому Тезею,
Удобный случай я, Нарцесь, теперь имѣю.
Пойду, пойду во храмъ оракулу внимать;
Ты воинновъ моихъ слѣши къ шатру собрать.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляется поле; съ одной стороны роща, съ другой виденъ шатеръ Тезеевъ; въ отдаленности городъ Афины.

Содержаніе третьяго дѣйствія заключается въ слѣдующемъ: Креонъ разсказываетъ своему наперснику Нарцесу, что во храмѣ Эвменидъ, куда собрался народъ слушать проричанія, раздался грозный голосъ богинь, возвѣстившихъ, что боги требуютъ себѣ жертвы за грѣхи Эдипа, и что „отъ крови царскія та жертва быть должна“; тогда только

Эдипа рокъ преслѣдовать престанеть,

И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ станетъ.

Для той страны, гдѣ жизнь скончается сей слѣпецъ.

Нарцесь, зная о ненависти Креона къ Эдипу за то, что тотъ, явившись въ Фивы и женившись на женѣ Лаія, сдѣлался царемъ, а Креонъ былъ такимъ образомъ устраненъ, говорить:

Но если гнѣвъ богинь велитъ, о государь,
Здѣсь кровью царскою ихъ обогреть алтарь,

Коль жертвы требуют онъ порфирородной,—
Предай ты Кадмовъ родъ всей ярости народной.
Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
Сразить у алтаря и дочь и отца:
Во храмѣ жертвъ падетъ Эдипъ съ своей опорой.

Креопъ на это отвѣчаетъ:

Кто? Я? Чтобы врага я предалъ смерти скорой?
Чтобы у алтаря жреца священный мечъ
Страданія его могъ съ жизнію пресѣчь?
Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесъ, не такъ привыкъ я ненавидѣть!
Мученья долгія врага желаю видѣть,
Печаль его моихъ весельемъ чтить очесъ,
Упитья токами его горчайшихъ слезъ,
Дѣтей его сгубя, его свести ко гробу
И смертью медленной мою насытить злобу.
Моей вражды къ нему ты знаешь о винѣ:
Я долженъ былъ владѣть въ отеческой странѣ
Вѣщомъ, о коемъ брань его ведутъ днесъ чада:
По смерти Лаія я долженъ былъ отъ града
Быть избранъ на престолъ и ѳивскій скиптръ принять;
Пришелъ Эдипъ, чтобъ скиптръ изъ рукъ моихъ отнять
И боззаконный родъ взвести на тронъ съ собою;
И я, вѣнца лишень враждебною судьбою,
Къ Эдипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
Но въ лестию пагубной его сокрыть умѣлъ.
Къ страстямъ дѣтей его совѣтъ мой примѣнивши,
Тщеславье всламеня, природу усыпивши,
Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.
Мой замыслъ усмотрѣть не могъ ихъ юный взоръ,
И я возстановилъ среди сердецъ разврата
Сыновъ противъ отца и брата противъ брата.
Счастливейшій успѣхъ вѣнчалъ мои труды.
Теперь настали дни собрать коварствъ плоды,
Эдипа возврата въ отеческія стѣны,
Разсѣю хитростью между гражданъ измѣны;
Въ царѣ всѣ будутъ зрѣть гонителя отца,
Во мнѣ защитника несчастнаго слѣпца,
Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силою,
Чтобъ въ ѳивахъ утвердить Эдиповой могилой
Побѣду навсегда, по словесамъ боговъ.
Оракуль случай дастъ губить моихъ враговъ.
Пусть въ храмѣ жертвою падетъ здѣсь Антигона;
Ея пусть братія, желая ѳивска трона,
Другъ друга погубятъ кровавою войной
И мертвые падутъ подъ нашу стѣною.
Извѣстенъ мнѣ ихъ нравъ: для нихъ то будетъ мало,
Чтобъ войско кровь свою предъ ними проливалю;
Потщатся средь боевъ другъ друга находить,

Сразиться яростно, другъ въ друга мечъ вонзить
И кровью братнею пасть вмѣстѣ обагрены.
Взаимна злоба ихъ, какъ ненависть геенны,
Равняться можетъ лишь со злобою моею.
Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
Да видитъ онъ дѣтей несчастно истребленъ!
Ихъ незаконное оплакивалъ рожденье:
Пускай оплачетъ онъ безвременну ихъ смерть,
И не было бъ руки тѣ слезы отереть!
Я буду всякій день внимать его стенанья,
Вздыханія ловить и исчислять рыданья.
И съ восхищеніемъ морщины тѣ считать,
Что на чело ему грусть будетъ налагать...
Но вотъ Эдипъ: иди ко скрытому отряду,
И будь готовъ, Нарцесъ, оставить ту засаду
И къ намъ сюда вступить на мой призывный гласъ!

Затѣмъ является Эдипъ; Креонъ предлагаетъ ему возвратиться въ Фивы; но Эдипъ рѣшительно отказывается; тогда Креонъ призываетъ своихъ воиновъ, и они силою уводятъ Эдипа. Оставшаяся одна Антигона тоскуетъ и обращается къ Тезею съ такою рѣчью:

Антигона.

Великодушный царь! на помощь мнѣ спѣши!
Ахъ, возврати покой и жизнь моей души!
Отрядомъ еивскихъ войскъ, насиліемъ Креона,
Родителю, увы, лишена Антигона!
Ссылаясь на боговъ и на небесный гласъ,
Въ отечество свое влекутъ его въ сей часъ.
Къ твоимъ ногамъ, Тезей, я въ грусти припадаю,
Я мщевія прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть рѣши, коль мнѣ откажешься помочь!

Тезей.

Возстань, о пѣжпал, несчастливая дочь!
Душевно я дѣлю твои печали новы.
Я мнилъ, что боги къ намъ престали быть суровы,
Спѣшилъ отъ алтаря увѣдомить чтобъ васъ,
Какъ щедро наградить ихъ общаетъ гласъ.
Народъ, къ спокойствію который васъ пріемлетъ:
Награду ли сію Креонъ отъ насъ отъемлетъ?
Безъ наказанія ужела мыслилъ онъ
Нарушить пагло здѣсь священнѣйшій законъ
Народныхъ общихъ правъ, гостепрѣимства, чести?
Аэиняне, я васъ, васъ призываю къ мести!
Постыдно будетъ вамъ, позорно будетъ мнѣ
Терпѣть насиліе въ отеческой странѣ.
За похитителемъ не медля устремимся
И наглость наказать Креонову потщимся!

О Антигона, вѣрь, что за тебя отищу;
Любви твоей отца, конечно, возврату.
Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои чертоги
И ожидай конца, какой даруютъ боги!
Старѣйшины, ей путь въ домъ покажите мой!
А вы, о войны, послѣдуйте за мной!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ чертоги афинскаго царя.

Явленіе 1-е.

Антигона (*одна*).

Сраженная тоской, съ родителемъ въ разлукѣ...
Какъ медленно часы къ моей проходятъ мукѣ!
День радости есть мигъ, печали деспъ есть вѣкъ,
И умирающій несчастный человѣкъ
Сей оставлеть мѣръ, какъ путникъ утомленный.
Подобно смерти ждетъ мой пылъ духъ смущенный.
Народная молва здѣсь ея мнѣ грозитъ;
Здѣсь жертвы требуетъ гласъ страшныхъ Эменидъ,
И, къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
Онѣ велеть пролить не козлищъ кровны тоги
(Такая жертва имъ обычная мала),
Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила;
Меня на жертву имъ пародъ опредѣлеть,
И надъ главою моею смерть страшная зяеть.
О пѣжннй мой отецъ, единый ты предметъ,
О коемъ плачу я, сей оставляя свѣтъ!
Какъ возвратить тебя Тезей великодушный,
Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный.
Скорбь новая твой духъ, какъ туча, омрачить,
И горести твоей никто не облегчить.
Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
Печаль твою дѣлать не возмогу я болѣ.
Уже твой стонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ;
Не стертая слеза на землю упадетъ.
Ужасна ты, о смерть, коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность превѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь въ насъ!
Я слышу страшный шумъ: настала мой лютый часъ,
Увы!

Явленіе 2-е.

Антигона, Полиникъ, нѣкоторые изъ старѣйшихъ
афинскихъ.

Полиникъ.

Ахъ, гдѣ она? Вы къ ней меня ведите!

Антигона.

Не дайте мнѣ страдать: скорѣй судьбу рѣшите!

Полиникъ.

Ее ль зрю въ рубищѣ? О жалостнѣйшій видъ!

Антигона.

Безъ жалости во храмъ влеките Эвмениды!

Полиникъ.

Или во мнѣ уже премѣна толь велика,
Что ты не узнаешь и гласа Полиника?

Антигона (*бросаясь въ объятія Полиника*).

Мой братъ!

Полиникъ.

Сестра! Се ты ль въ объятіяхъ моихъ?
Увы, твой злобный братъ причиной бѣды твоихъ!
И ты, какъ изверга, меня не убѣгаешь?
Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

Антигона.

Ахъ, ты, подобно мнѣ, въ несчастье нынѣ впалъ:
Я забываю все.

Полиникъ.

Такъ, такъ, и братъ твой сталъ
Изгнанникомъ изъ Фивъ, но не тебѣ подобно:
Съ твоею ли душой сравнится сердце злобно?
Могу ль судьбу свою, какъ ты, спокойно несть?
Твое изгнанье—твоя есть слава, честь,
Утѣха сладостна и радости сердечны;
Но я, жестокий братъ и сынъ безчеловѣчный,
Изгнаніе терплю, какъ казнь достойну мнѣ.
Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ,
Ночь сладкая несетъ тебѣ успокоенье;
Твой осѣняетъ сонъ отца благословенье,—
И безтревожны въ ночь невинныя сердца.
Но я, отягощенъ проклятіемъ отца,
Терзаюсь въ день страстями и злобой, и отмщеніемъ,
Тоской раскаянья и совѣсти мученіемъ,
А въ ночь, ночь темную, когда окрестъ меня
Земля покоится, молчаніе храня,
Съ звѣрями хищными и съ птицами ночными
Однихъ бесѣдую стенаньями моими.
Мечты отъ глазъ моихъ не убѣгаютъ прочь.
Ахъ, для злодѣевъ какъ страшна, ужасна ночь!
Конечно, я на зло назначенъ отъ рожденья:

Кляня злодѣйствіе, стремлюсь на преступленья.
Съ губительнымъ мечомъ и съ пламенемъ въ рукахъ
Иду въ отечество, несу пожаръ и страхъ,
Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
Чтобъ еивскому царю изъ стѣнъ сложить могилу.

Антигона.

Какую, Поликникъ, жестоку слышу рѣчь!
И на кого, увы, ты обнажаешь мечъ?
На брата?

Поликникъ.

На врага, на хищника короны.
И чести и родства презрѣвшаго законы,
И на виновника моихъ несносныхъ бѣдъ.
Иль Этеоклъ, иль я оставить долженъ свѣтъ:
На солнце общее нельзя взирать намъ болѣ.
Кто съ трона предковъ палъ и мнѣ подобенъ въ долѣ,
Тому осталася одна надежда: мечь,
И долгъ одинъ, чтобы иль гробъ, иль тронъ обрѣсть.
Не осуждай меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ умѣрять не знаю я искусства;
Вини сей огонь въ моей пылающей крови!
Чрезмѣренъ я во всемъ: и въ злобѣ, и въ любви,
Въ самомъ раскаяннѣ, которымъ, вслѣдъ за вами.
Я приведенъ къ отцу. Ахъ, предъ его ногами
Улавъ, хочу я ихъ слезами оросить
И преступленію прощенье испросить!
Соедини свой гласъ съ мольбами ты мольбами
И примри меня съ Эдипомъ и богами!

Антигона.

Увы, родитель нашъ Креономъ похищенъ!

Поликникъ.

Тезеевой рукой тебѣ онъ возвращенъ.
Креонъ, вдали узрѣвъ аѳинскаго героя
Въ погонѣ за собой и устращася боя,
Отъ казни чтобъ своей поспѣшнѣе уйти,
Эдипа долженъ былъ оставить на пути.
Отецъ сюда ведомъ отрядомъ войскъ Тезея;
Но царь съ другими самъ преслѣдуетъ злодѣя.

Антигона.

О вѣсть отрадная! Еще единый разъ
Увижу я отца, его услышу гласъ;
Еще предъ тѣмъ, мою какъ кончу я судьбину,
Я отереть могу его слезу едину.
Ахъ, вмѣстѣ поспѣшимъ въ объятія его!

Подлиннѣе.

Постой, сестра, постой! Для брата твоего
Объятія отца закрылися, конечно;
И, можетъ быть, увы, закрыты будутъ вѣчно!
Я бѣ долженъ отъ себя все отвратить сердца.
Какъ возмогу взирать на бѣднаго отца,
Когда всякъ страждущій, убогій и несчастный
Напоминаетъ мнѣ, что извергъ я ужасный,
Что на землѣ уже прощенія мнѣ нѣтъ,
Что мною навсегда гнушаться долженъ свѣтъ,
И что извѣстенъ я единымъ преступленьемъ?
Ахъ, жалься надъ моимъ песноснѣйшимъ мученьемъ!
Будь мнѣ заступницей и грусть моей души
Родителю представь и живо опиши,
Чтобы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладиться.
Чтобъ на челѣ его я милость могъ узрѣть,
Или бѣ у ногъ своихъ онѣ далъ мнѣ умереть!
Но шумъ... отецъ идетъ... о зрѣлище плачевно!
Иду, бѣвгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.

(Уходитъ).

Явленіе 3-е.

Эдипъ, Антигона и часть воиновъ Тезея.

Антигона (бросаясь въ объятія къ Эдипу).

Родитель, зрю тебя... благословенный часъ!

Эдипъ.

О утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая, опять я съединенъ съ тобою!
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ:
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнетъ наконецъ весельемъ оживленно.
О боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Чтобы мы радости живѣе ощущали,
И чтобы грустію томимый человекъ
Въ одинъ веселья часъ забылъ страданій вѣкъ.

Антигона.

О добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты: въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятной, тихій свѣтъ
Черезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.

Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока:
Она мучительна, терзательна, жестока.
Предъ тѣмъ, какъ ты меня въ объятія пріялъ,
Несчастный юноша въ глазахъ моихъ стоналъ.

Эдипъ.

Несчастный, говоришь? Кто онъ? Ахъ, всѣ несчастны
Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны!
Страдающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, ужели безъ отца?
Ужель не носить онъ названія супруга?
Ужели въ мірѣ семъ себѣ не знаешь друга,
Ни брата, ни сестры и словомъ — никого,
Кто бъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
Пускай приходитъ онъ: однимъ благополучнымъ
Видъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ;
Но я съ несчастными охотно слезы лью.

Пусть онъ придетъ печаль повѣрить мнѣ свою!

*(Антигона подаетъ знакъ Полинику, который со-
шедъ останавливается).*

Антигона.

Не смѣетъ онъ придти: ужасно преступленье...

Эдипъ.

Не смѣетъ? Ты молчишь... Какое подозрѣнье
Вселяешь въ сердцѣ мнѣ? Ты духъ смущаешь мой.
Не смѣетъ? Кто же онъ? Не братъ ли злобный твой?
Не онъ ли грусть влачить себѣ въ достойной долѣ?
Пускай груститъ: къ нему не сострадаю болѣ;
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

Явленіе 4-е.

Прежніе и Полиникъ.

Полиникъ.

Итакъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
Итакъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостойнъ я, чтобъ ты когда простишь:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть, —
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстително перемѣнитъ въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,

Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротить?
Ужели въ ярости всегда пребудеть твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?
Склопился къ милости, подобенъ будь богамъ!

(Бросается къ ногамъ Эдипа).

Твой кающійся сынъ падеть къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ.

(По некоторомъ молчаніи).

Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (упадая къ ногамъ Эдипа).

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бѣ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (поднимая Антигону).

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодарить,
Что здѣсь чело мое еще онѣ нынѣ зреть,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуса небесамъ,
Что безъ тебя его не тронулся бѣ слезами.
Хотя бѣ у ногъ моихъ въ сей часъ онѣ умиралъ
И слова моего къ спасенію ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ холодная могила.

(Къ Полинику).

Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ.

Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стопъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ, родитель мой, меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесъ страждуще, растерзано оно,
Покрото язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!

Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ея мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ преставеть слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моею!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство.
Ты согласишься идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Өивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ боль,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ;
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любить Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукою,
Въ забвеніе у тебя привестъ мое злодѣйство.

Эдипъ.

Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть.
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ея на горестъ и валасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцомъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты ниспровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебѣ ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностью трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ стралы своей,

Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенья.

Полиникъ.

Клянуся все́мъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ еивскій приобрѣсть.

Эдипъ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой.
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъязвленны;
Зри руки, милостынъ прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега.
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины нещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокой сыны! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у еивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстятая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ еивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь, сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И дома подданныхъ твоихъ стрегущихъ поевъ.
Иди, бѣги, сѣйши на ново преступленья!
Все́хъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь — семья и утѣшенья.

(За театромъ слышнъ шумъ толпы народной)

Явленіе 5-е.

Прежніе и нѣкоторые изъ старѣйшинъ аеинскихъ.

Аеинянинъ.

Несчастливый Эдипъ, ты духомъ укрѣпнись:
Ударъ суровѣйшій сносить въ сей часъ рѣшнись!

Народъ, день цѣлый ждавъ Тезея возвращеня,
Возсталъ противъ тебя, наполненъ градъ смущеня;
Тебя чтутъ бѣдъ виной, твой проклипаютъ родъ,
И дочери твоей весь требуетъ народъ.

(Шумъ за театромъ становится сильнѣе),

Ты слышишь ли сей шумъ? Окружены чертоги;
Весь городъ вопіетъ: „Разгнѣваны суть боги;
„Чтобъ умолить ихъ гнѣвъ и отвратить папасть,
„Эдина дочь должна во храмѣ жертвой пасть“.

Эдипъ.

Имѣете ль, судьбы, еще какія кары?
Вы истоцили всѣ враждебныя удары,
Собравъ ихъ надъ моей печальной главой.
Дочь милая, могу ль разстаться я съ тобой?
Оставуся убогъ, совсѣмъ осиротѣю...
Ты плачешь?... Я и слезъ уже болѣе не имѣю.

Антигона.

Увы, я слезы лью не о моей судьбѣ:
Я смерти не страшусь... и плачу о тебѣ!

(Народъ врывается въ двери).

Полипикъ *(бросается къ народу).*

Не совершится, пѣтъ, сей замысль ихъ ужасный,
Доколѣ я дышу...

Эдипъ *(останавливал его).*

Что можешь ты, несчастный?
Порывъ позднѣе усердія умѣрь:
Безвременна твоя защита намъ теперь.

(Къ народу).

Аонпяе, во храмъ меня ведите съ пепол!
На Эвменидъ еще надѣяться я смѣю.
Не дочь мою одпу, двѣ жертвы приметъ жрецъ
И совершить моимъ страданіямъ конецъ.

(Эдипа и Антигону уведать).

Полипикъ.

О ярость, о позорь!... А вы, о боги чудны,
Когда не тщетны вы, когда вы правосудны,
Спасите отъ меча невинныя главы!
Преступникъ я одипъ: меня разите вы!
Подземный огнь и громъ небесъ соединито
И вѣчестиваго изъ міра истребите!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляет внутренность храма Эменидъ, который раздѣленъ на две части. Въ отдаленной виденъ жертвенникъ и три статуи, изображающія богинь сею храма: въ ихъ рукахъ возженные факелы.

Содержаніе пятаго дѣйствія слѣдующее. Во храмѣ уже все приготовлено къ жертвоприношенью. Является Полинникъ и проситъ главнаго жреца, чтобы тотъ, вмѣсто Эдипа и Антигоны, закололъ его, какъ очистительную жертву. Жрецъ не соглашается. Между тѣмъ входятъ Эдипъ и Антигона. Прощаясь съ отцомъ передъ смертью, она проситъ его простить Полинника. Эдипъ уступаетъ ея просьбѣ, примиряется съ сыномъ и затѣмъ идетъ съ Антигоной къ жертвеннику. Въ это время въ храмъ входитъ Тезей, а за нимъ ведутъ обезоруженнаго Креона.

Тезей.

Остановись, народъ! Какое преступленье
Ты хочешь совершить предъ правдою боговъ.

Антигона.

Ковечно, намъ она даруетъ твой покровъ!

Полинникъ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

Эдипъ.

Ахъ, дай мнѣ смерть принять: будь мужъ, богамъ послушный!
Кровь царскую пролить здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ:
Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.
Такъ, смертію моей жизнь дщери сохраняю
И тишину тебѣ и граду возвращаю.

Антигона.

Я радостно умру къ спасенію отца.

Полинникъ.

Пускай меня разятъ священный мечъ жреца!

Тезей.

Нѣтъ, не умрете вы: ни ты, о мужъ почтенный,
Ни вѣжна дочь твоя, ни сынъ, тобой прощенный!
Не съ тѣмъ судьбы, не съ тѣмъ васъ привели сюды,
Чтобы надъ вами днесъ усугубить бѣды.
Онѣ готовили вамъ тишину, отраду:
За вашъ покой дають побѣду намъ награду.
Къ спасенью сей страны самъ прежде кровь пролью,
Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.
Но вѣтъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна
Для жертвы викогда не можетъ быть угодна!
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставить гнѣвъ.

(Громъ сильный раздается).

Первосвященникъ (къ Тезею).

Громъ подтверждаетъ рѣчь. Сей родственникъ царевъ
Противъ отечества крылъ замыслы лукавы;
Посломъ здѣсь испровергъ общенародны права;
Онъ врагъ самихъ боговъ и къ смерти осужденъ;
Твоей рукой на казнь онъ ими приведенъ.

(Къ Креону).

Уми, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій,
И отъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій!

Креонъ.

Въ странѣ сей призрѣнныхъ я зрю моихъ враговъ,
Терзаюсь и привять смерть лютую готовъ.

(Жрецы уводятъ Креона).

Эдипъ.

Какой судьбой на казнь преступники вѣдомл!

(Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона,
вошедшию во внутренность храма).

Первосвященникъ.

Внемлите, что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы:
Неистовый Креонъ сей видѣть свѣтъ престалъ,
Небесный громъ сразилъ, и адъ его пожралъ;
Богини вслѣдъ ему изъ храма удалились.
Эдипъ, твои бѣды отнынѣ прекратились.
Но вы, царь, народъ, въ день научитесь сей,
Что Боги въ благости и въ правдѣ намъ своей
Невинность милуютъ, раскаянью прощаютъ
И къ трепету земли безбожниковъ караютъ.

Содержаніе трагедіи „Фингалъ“ заимствовано изъ поэмы того же имени, приписываемой Оссіану ¹⁾, при чемъ Озеровъ значительно отступилъ отъ оригинала. Въ поэмѣ разсказывается такъ: морвенскій царь Фингалъ побѣдилъ локлинскаго царя Старна и взялъ его въ плѣнъ, но, изъ великодушія, даровалъ ему свободу; гордый Старнъ не можетъ простить обиды и замышляетъ мечь; онъ приглашаетъ къ себѣ Фингала подъ пред-

¹⁾ Оссіанъ — кельтскій бардъ III-го в. по Р. Х. Подъ его именемъ изданы были во 2-й половинѣ прошлаго стол. Макферсономъ многія поэтическія произведенія, въ томъ числѣ и поэма „Фингалъ“. Подлинность этихъ сочиненій была тогда залодознана, а теперь уже признано, что такъ называемыя Оссіановы пѣсни написаны самимъ Макферсономъ по образцу старинныхъ шотландскихъ пѣсенъ.

логомъ выдать за него свою дочь, но на самомъ дѣлѣ готовить ему смерть; дочь, изъ любви къ Фингалу, открываетъ ему замысль отца; раздраженный Старнъ убиваетъ ее. У Озерова причина мести иная: Старнъ ненавидитъ Фингала за то, что тотъ убилъ его сына Тоскара. Кроме того, у Озерова Старнъ походить на ложноклассическаго злодѣя, въ противоположность которому выставляются свѣтлыя стороны Фингала. Но вообще трагедія эта не могла не нравиться современникамъ потому 1), что сюжетъ ея, взятый изъ Оссіановыхъ пѣсенъ, имѣлъ тогда прелесть новизны, и 2) потому, что она отличается хорошими стихами, живостію дѣйствія и тою чувствительностію, которою проникнуты рѣчи дочери Старна—Моины.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „ФИНГАЛЪ“.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ палату, открытую сводами въ садъ; вдали видны на возвышеніяхъ храмъ Оденговъ и холмъ могильный.

Явленіе 1-е.

Моина (сидливая), Морна (наперсница Моины), Уллинъ (бардъ Фингаловъ), барды и дѣвы доглинскія.

Хоръ бардовъ и доглинскихъ дѣвъ.

Какое сильно дарованье	Веселье пламенныхъ очей
Во власти, красота, твоей!	И вѣжныхъ душъ любовь-отрада
Сердце, умовъ очарованье,	Отъ твоего родится взгляда.

Одна изъ дѣвъ доглинскихъ.

Цвѣти, о красота Моины,	Цвѣтутъ прелестныя долины
Какъ въ утро раннее, весной,	Благоуханной красотой!

Хоръ бардовъ и дѣвъ.

Фингала сердце ты плѣнила
И тишину намъ возвратила.

Моина.

О дѣвъ и бардовъ сонмъ! не славьте красоту,
Сію обманчиву, прелестную мечту.
Она... какъ слабый цвѣтъ, который украшаетъ
Видъ утренній пустынь и въ полдень увядаетъ.
Гордиться можно ли Моинѣ красотой?
Единымъ только духъ гордиться можетъ мой,
Единымъ... О Уллинъ, Фингаловъ бардъ любимый,

Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый
Во званьи мудраго и мирнаго посла,
Воспой геройскія Фингаловы дѣла!
Со дня, какъ мой отецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
Морвенскаго царя уважилъ добродѣтель,
Вручить меня ему священный далъ обѣтъ,
Желаю я, Уллинъ, чтобы мнѣ цѣлый свѣтъ
Вѣщалъ, гласилъ, твердилъ о имени Фингала,
Чтобъ слава лишь его Моину восхищала.
Прими же арфу, бардъ, воспламени свой духъ
И дщери Старновой увеселяй ты слухъ.

Уллинъ.

Умолкни все въ страпѣ подлунной,	Его забавы юныхъ дней.
Чтобъ гласы арфы златострунной	А вы, почившіе герон,
По холмамъ дальнимъ пронеслись,	Покрытые сырой землей,
Въ пустыняхъ гуломъ раздались!	Возстаньте отъ могилъ безмолвныхъ
Пою Фингала дивны бои,	На высотахъ явитесь холмныхъ!

Хоръ бардовъ.

Ударили въ мѣдяный щитъ,	Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кипятъ;
Ко брани гласъ обыкновенный:	Дубы столѣтні загорѣлись,
Во броню ратникъ облеченный	И тучи заревомъ одѣлись.

Уллинъ.

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ:	Копье, какъ сосна вѣковал,
Оружье грозное пріялъ;	И щитъ, какъ полная луна,
Стрѣла въ колчанѣ роковалъ;	Возсѣвшая надъ океаномъ
На груди рѣйна сталь видна;	И вся подернута туманомъ

Хоръ бардовъ.

Мелькають, сѣются, падутъ	Отъ мстительной руки бѣгутъ:
Враги предъ нимъ, какъ легки тѣни,	И стала вкругъ него равнина,
Или, какъ робкіе елени,	Какъ смерти мрачная долина.

Уллинъ.

Падутъ... и не избѣгъ судьбинъ	Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба свѣжпа,
И ты, Тоскаръ, о Старновъ сынъ,	Съ крутыхъ отторгнутая горъ:
Локлинскихъ чадъ стѣна надежна!	Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
Закрыла смерть твой юный взоръ.	Высокій холмъ поколебался.

Моина (*встаетъ и прерываетъ пѣснь*
Уалина).

Какую смерть, о бардъ, напоминаешь мнѣ?
Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
Фингаловымъ мечомъ, мнѣ стоилъ слезъ довольно.

Уллинъ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ неволью.

Морна.

Онъ прелестей твоихъ еще тогда не зналъ.

Моина.

Конечно, предо мной невиненъ въ томъ Фингалъ:
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной
Ахъ, если бъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забыть, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ!
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни бардовъ пѣше, ни арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питая тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зреть, ловитву забываетъ
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Уныніе въ душѣ и дума на челвѣ..
Но онъ идетъ: въ сей день покоить ли Моину?

Я в л е н і е 2 е.

Старнъ, Колда (*наперсникъ Старновъ*) и прежніе.

Старнъ (*Моинъ*).

О дочь, Фингалъ преплылъ чрезъ синихъ волнъ пучину;
Ладей его ничѣмъ удержанъ не былъ бѣгъ,
И съ утренней зарей на нашъ вступилъ онъ брегъ.

(*Къ Улмину*).

Улянъ, Фингаловыхъ пѣвецъ сраженій дивныхъ,
Ты, присланный ко мнѣ для предложеній мирныхъ,
Ты, зрѣвшій здѣсь луной свершенны три пути,
Къ Фингалу можешь ты во срѣтеніе идти.

(*Даетъ знакъ бардамъ, чтобы удалились*).

А ты, о дочь, во храмъ будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова!
Онъ требовалъ, чтобъ я вручилъ тебя ему
Въ тотъ день, какъ взору онъ предстанетъ моему:
Въ нетерпѣливости моей насталъ день нынѣ.

Моина.

Въ сей самый день? Восторгъ... благодарю судьбинѣ.

Старнъ.

Такъ ты Фингаловой отвѣтствуешь любви?

Моина.

Ахъ, неизвѣстный огонь пролить въ моей кровя
Со дня, мнѣ памятна, какъ вождь племенъ Морвена,
Намъ ужасомъ грозивъ, иль смерти, или плѣна,

Всѣ холмы, всѣ лѣса наполннвши войной,
Разсыпавъ рать твою, сей овладѣвъ страной,
Предсталъ передъ меня въ моемъ уединеннѣ!
Мгновенно сердца мнѣ прервалися бѣньи;
Какъ вепря дикаго, его страшилася зрѣть;
Отчаянна, блѣдна, желала умереть...
Но очи юношу прекраснаго узрѣли;
Хотѣла укорять... уста мои нѣмѣли.
Подъ шлемомъ видъ любви блисталь въ его чертахъ,
Прешель къ моей душѣ и мой разсѣяль страхъ.
Съ тѣхъ самыхъ дней мои Фингаломъ мысли полны.
Спокойствіе мое онъ уносиль чрезъ волны,
Когда, окончивъ брань, плѣшеніе твое,
Отплыль отъ сей страны въ отечество свое,
За нимъ желанія неслися нетерпѣливы...
Пастали наконецъ Мои нѣ дни счастливы:
Фингалъ, предъ алтаремъ соединясь со мной,
Почтитъ въ тебѣ отца, какъ сынъ нѣжнѣйшій твой...
Но ты смущаешься, блѣдѣешь и трепещешь;
На дочь, вокругъ себя, ты взоры гнѣва мещешь,
И вздохн горести твою стѣсняють грудь...

Старнъ (по тѣмъ которомъ молчаніи и скрывающей свою ярость).

Ахъ, пѣтъ... безъ гнѣва я; спокойна духомъ буди
Какъ ты, я веселюсь Фингаловымъ приходомъ,
И вскорѣ мой восторгъ явится предъ народомъ
День оный, можетъ быть, счастливѣйшій мнѣ день...
Иди, чело свое покровами одѣни!

Моина.

Твоей лишь радостью могу я быть спокойна.

Содержаніе трагедіи „Димитрій Донской“ относится къ моменту борьбы этого князя съ Мамаемъ; но желаніе подражать французскимъ трагикамъ, у которыхъ завязка всегда основана на любви, заставило Озерова значительно погрѣшить противъ исторической истины; въ его трагедіи Димитрій представленъ влюбленнымъ въ нижегородскую княжну Ксенію и помогающимъ ей, чего ищетъ также и тверской князь; между ними начинается соперничество, которое кончается тѣмъ, что тверской князь, изъ великодушія, уступаетъ Ксенію Димитрію. Этого не могло быть, потому что Димитрій въ эпоху борьбы съ Ма-

масмъ былъ уже женатъ. Кромѣ того, соперничество изъ-за любви съ своимъ союзникомъ въ такой моментъ, когда нужно было спасти отечество, противорѣчить той идеѣ патриотизма, которую авторъ воплощаетъ въ лицѣ Дмитрія. Однако, не смотря на эти несообразности, трагедія имѣла чрезвычайный успѣхъ на сценѣ, потому что она была представлена во время войны съ Наполеономъ, и современники въ Дмитріи видѣли императора Александра, а въ Мамаѣ—Наполеона. Поэтому нѣкоторыя мѣста трагедіи, проникнутыя чувствомъ патриотизма, производили сильное дѣйствіе на зрителей, особенно послѣдніе стихи послѣдняго явленія, въ которыхъ Дмитрій благодаритъ Бога за побѣду и обращается къ Царю царей съ такой молитвой:

Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ вичливу пыю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменикъ могъ:
Языки, вѣдайте: великъ російскій Богъ!

Трагедія Озерова выше трагедій Сумарокова и Княжнина не только по языку и стихамъ, но и по большей живости дѣйствія и характеровъ, въ особенности женскихъ (Апигона, Мойна, Ксенія); многія мѣста трагедій Озерова проникнуты поэтическимъ одушевленіемъ, есть много трогательныхъ сценъ, способныхъ возбудить жалость и умиленіе въ душѣ зрителей. Лучшихъ трагедій въ духѣ ложнаго классицизма мы не имѣемъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ.

(1784—1833).

Биографическія свѣдѣнія о Гнѣдичѣ. Гнѣдичъ родился въ Полтавѣ. Образование свое онъ началъ въ Полтавской семинаріи, а закончилъ его въ Московскомъ университетѣ. Еще будучи студентомъ, Гнѣдичъ уже обнаружилъ любовь къ сценическому искусству и литературнымъ занятіямъ: онъ успѣшно исполнялъ нѣкоторыя трагическія роли на университетскомъ театрѣ, въ кругу товарищей, и еще до выхода изъ университета перевелъ трагедію Шиллера „Заговоръ Фіеско“. Окончивъ курсъ наукъ (1803), Гнѣдичъ переехалъ въ Петер-

бургъ, поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ 1811 г. получилъ мѣсто библіотекаря въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Съ переѣздомъ въ Петербургъ литературная дѣятельность Гнѣдича не прекратилась, а еще болѣе усилилась: онъ принималъ участіе въ современныхъ петербургскихъ журналахъ; писалъ въ различныхъ родахъ прозы и поэзіи и занимался переводомъ произведеній иностранныхъ литературъ. За весь періодъ времени отъ 1803 г. до смерти — Гнѣдичъ работалъ много: онъ перевелъ Шекспирову трагедію „Леаръ“ (Лиръ), перевелъ трагедію Вольтера „Танкредъ“, написалъ идиллію „Рыбака“, нѣсколько лирическихъ стихотвореній, имѣющихъ біографическое значеніе, и разныя другія произведенія; но самымъ важнымъ трудомъ его былъ переводъ *Иліады*, надъ которымъ онъ трудился болѣе двадцати лѣтъ.

Гнѣдичъ любилъ литературныя занятія и въ нихъ находилъ отраду въ своемъ одиночествѣ: онъ рано оставилъ родительскій домъ, своей семьи онъ не имѣлъ; одиночество развило въ немъ склонность къ грусти, которая наконецъ перешла въ тяжелое чувство тоски, когда умерла нѣжно любимая имъ сестра, а затѣмъ умерла и оставленная ею дочь, племянница Гнѣдича, эта, какъ онъ выразился, „последняя привязанность земная“. Тоска овладѣла имъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи „Дума“ (1832):

Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
 Ни чѣмъ не ласкаемъ рукою,
 Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
 Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
 Прошелъ одинокъ его — тощее поле,
 На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
 Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
 Мой путь одинокъ я кончаю,
 И хилую старость встрѣчаю
 Въ домашнемъ быту одинокъ:
 Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Грустное настроеніе томилъ Гнѣдича, и онъ искалъ успокоенія въ занятіяхъ: они были ему „отрадой въ его прискорбныхъ дняхъ“. Но усиленный трудъ надломилъ его здоровье, и

онъ сошелъ въ преждевременную могилу. Онъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Переводъ Иліады—самый главный трудъ Гнѣдича, и на немъ-то и основана его литературная слава. Но работа эта далась Гнѣдичу не легко: ему пришлось бороться съ большими трудностями:

1) Надо было заботиться о томъ, чтобы вѣрно передать не только содержаніе поэмы, но и самый духъ ея, тонъ и форму разсказа. Особеннаго труда стоило Гнѣдичу заботиться о сохраненіи вездѣ ровнаго, эпически-спокойнаго тона и удерживаться отъ выраженія собственнаго настроенія души, которое у него всегда отличалось грустнымъ характеромъ и слѣдовательно не соотвѣтствовало тону Гомеровскаго разсказа.

2) Надо было создать языкъ, по возможности равносильный языку подлинника: спокойный, величавый, выразительный.

3) Надо было создать и соотвѣтствующій стихъ. Гнѣдичъ, боясь гекзаметра, „привязаннаго къ позорному столбу“ Тредьяковскимъ, сперва и не думалъ объ этомъ размѣрѣ и началъ было переводить александрійскимъ стихомъ; но убѣжденный Уваровымъ (впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія), доказывавшимъ, что въ поэтическомъ произведеніи нельзя отдѣлять содержаніе отъ формы, рѣшился приняться за обработку гекзаметра, который до него нашимъ писателямъ не удавался.

Надо сказать, что изъ борьбы со всѣми этими трудностями Гнѣдичъ вышелъ съ честію: переводъ его отличается точностію, мужественнымъ языкомъ и обработанными гекзаметрами. Правда, есть и недостатки: спокойно-величавый тонъ Гомера переходитъ у Гнѣдича въ нѣсколько торжественный; въ языкѣ много славянизмовъ, и встрѣчаются искусственныя слова, буквально переведенныя съ греческаго, — но эти недостатки не мѣшаютъ переводу Гнѣдича быть богатымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Пушкинъ привѣтствовалъ переводъ Иліады слѣдующимъ двустишіемъ:

Слышу умолившій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго гдѣ чую смущенной душой.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

(1783—1852).

Біографическія свѣдѣнія о Жуковскомъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ богатаго помѣщика, родился въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева. Впечатлѣнія дѣтства были чрезвычайно благоприятны для того, чтобы образовать мягкую, добрую душу Жуковского и воспитать въ немъ склонность къ эстетическому. Въ этомъ отношеніи имѣли значеніе: 1) окружающая природа, а 2)—и это самое главное—окружающая родственная среда.

Мѣстность, въ которой родился Жуковскій, была очень живописна: прелестная усадьба, съ прудами, паркомъ и садомъ, далѣе—дубовая роща, ручеекъ въ долину, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село съ церковью—все это ласкало взоръ, пробуждало любовь къ красотѣ природы и осталось навсегда памятнымъ въ душѣ Жуковского. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ часто вспоминалъ о своей родинѣ и всегда съ чувствомъ самой теплой любви. Такъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ онъ говоритъ:

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златяя игра первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки—
Что вашу прелесть замѣнить?

Въ другомъ стихотвореніи, присланномъ изъ Дерпта къ одной изъ племянницъ, Жуковскій такъ вспоминаетъ о своей родинѣ:

Тамъ небеса и воды ясны,
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина, всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой.

Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росой,
Свѣтился лугъ вечернею порою,
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

Ты помнишь ли пашь прудъ спокойный,
И тѣнь отъ явь въ часъ полдня знойный,
И падь водой отъ стада гуль востройный,
И въ дождь водъ, какъ сквозь стекло.
Село?

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла,
Даль озарялась и свѣтѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ —

Все тамъ!

II Вспоминаніе о красотахъ родины

Вспоминанія о красотахъ родины тѣмъ дороже были для Жуковского, что съ ними соединялись и воспоминанія о томъ родственномъ кружкѣ, среди котораго онъ провелъ свое дѣтство. Члены этого кружка жили между собою дружно, всѣ чрезвычайно любили маленькаго Жуковского и относились къ нему очень тепло. Преобладающимъ элементомъ въ этомъ кружкѣ былъ женскій, такъ какъ у Жуковского были сестры, нѣкоторыя изъ нихъ уже вышли замужъ, и у нихъ были дочери — племянницы и совоспитанницы Жуковского. Женская среда сообщила характеру мальчика набожность, благородство, нѣжность и отвращеніе отъ всего грубаго.

Въ 1791 г. Жуковскій лишился отца. Одна изъ сестеръ его, бывшая замужемъ за Юшковымъ, жила тогда въ Тулѣ, гдѣ мужъ ея занималъ видное мѣсто. Она взялась за воспитаніе своего маленькаго брата. Въ домѣ Юшковой, женщины прекрасно образованной и имѣвшей большія музыкальныя дарованія, собирались лучшіе представители мѣстнаго общества, составляя кружокъ, въ которомъ литературныя и музыкальныя интересы преобладали надъ всѣми остальными. Все, что въ русской литературѣ появлялось новаго, тотчасъ же становилось извѣстнымъ въ кружкѣ Юшковой, читалось, обсуждалось. Концерты чередовались съ литературными чтеніями, и даже мѣстный театръ находился въ полной зависимости отъ кружка Юшковой. Въ такой обстановкѣ, заключавшей въ себѣ чрезвычайно благоприятныя условія для развитія поэтическаго таланта, Жуковскій прожилъ до 14-лѣтняго возраста, послѣ чего онъ былъ помѣщенъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ пробылъ три года (1797—1800).

90

Съ поступленіемъ въ университетскій пансіонъ для Жуковскаго настала пора выступить изъ женскаго круга. Въ Москвѣ началась для него новая жизнь среди юношей - сверстниковъ. Счастливымъ случаемъ далъ ему въ товарищи братьевъ Тургеневыхъ (Александра и Андрея ¹⁾), Блудова, Дашкова, кн. Вяземскаго, Уварова, Воейкова и другихъ, чьи имена впоследствии приобрѣли громкую извѣстность. Особенно сошелся онъ съ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, который для Жуковскаго былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Петровъ для Карамзина. Подъ влияніемъ этой даровитой товарищеской среды способности Жуковскаго стали быстро развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась и охота къ литературнымъ занятіямъ. Въ словесномъ отдѣленіи, куда поступилъ Жуковскій, обращали особенное вниманіе на изученіе языковъ. Воспитанники должны были не только читать на иностранныхъ языкахъ, но и употреблять ихъ въ разговорахъ; при переводахъ они должны были не столько гоняться за словами, сколько передавать по-русски смыслъ и красоту слога. Ученики этого отдѣленія собирались разъ въ недѣлю съ цѣлью читать вслухъ свои сочиненія и переводы, которые потомъ критически разбирались учителями и товарищами. Одобренныя статьи обыкновенно появлялись въ какомъ-либо мелкомъ журналѣ. Само собою разумѣется, что въ этихъ литературныхъ упражненіяхъ участвовалъ и Жуковскій, и нѣкоторыя изъ его произведеній были тогда же напечатаны ²⁾.

Въ 1800 г. Жуковскій вышелъ изъ пансіона, вынеся оттуда знаніе новыхъ языковъ, что дало ему возможность хорошо ознакомиться съ нѣмецкой и англійской поэзіей. По выходѣ изъ пансіона онъ поступилъ на службу, но служилъ очень не долго, скоро (1802) вернулся на родину и жилъ весною и лѣтомъ въ Мишенскомѣ, а остальное время года въ Бѣлевѣ, гдѣ скоро поселилась со своими дочерьми другая его сестра—Протасова. Снова окруженный толпой своихъ молодыхъ племянницъ, среди любимаго родного кружка, Жуковскій посвятилъ себя занятіямъ

¹⁾ Сынъ Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго директора университетскаго пансіона. Съ его семействомъ были дружны Юшковы.

См. „Жизнь и поэзія Жуковскаго“ — К. К. Зейдлица, СПб. 1883 г. стр. 17—18.

И. С. С.

IV
Сынъ Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго директора университетскаго пансіона.

литературу. Первымъ произведеніемъ, которое самъ авторъ впоследствии призналъ достойнымъ занять мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій, былъ переводъ элегіи Грея ¹⁾— „Сельское кладбище“ (1802). Элегія эта переводилась въ Мишенскомъ и предназначалась для „Вѣстника Европы“ Карамзина. Все мишенское общество молодыхъ дѣвушекъ съ біеніемъ сердца ожидало, приметъ ли Карамзинъ это стихотвореніе. Элегія была писана на ихъ глазахъ; холмъ, на которомъ Жуковскій черпалъ свои вдохновенія, сдѣлался для нихъ Парнасомъ, стихи вызвали ихъ безусловное одобреніе; не доставало одного: выгоднаго отзыва Карамзина... И этотъ верховный судья похвалилъ стихотвореніе и напечаталъ его въ VI книгѣ своего журнала, съ полнымъ означеніемъ имени Жуковскаго ²⁾. Весь мишенскій кругъ былъ въ восторгѣ отъ удачи молодого поэта, который съ этихъ поръ началъ свое знакомство съ Карамзинымъ и мало-помалу совершенно съ нимъ сблизился: въ теченіе двухъ лѣтъ Жуковскій часто и подолгу гостилъ у Карамзина въ Кунцовѣ (близъ Москвы), гдѣ жилъ тогда этотъ знаменитый писатель, такъ радушно принимавшій у себя Жуковскаго, и Жуковскій, ободренный удачею, еще болѣе полюбилъ литературныя занятія.]

Идеаль-
ская др-
маналь-
ность

Первая пора литературной дѣятельности Жуковскаго вообще напоминаетъ собою первый періодъ дѣятельности Карамзина: Жуковскій тоже началъ съ переводовъ, трудился надъ ними для книгопродавцевъ, по ихъ заказу, а съ 1808 г. онъ принялъ на себя завѣдываніе „Вѣстникомъ Европы“, который, какъ мы уже знаемъ, издавалъ и Карамзинъ. Оставивъ на время Бѣлевъ и переселившись въ Москву, Жуковскій принялся за свой новый трудъ и въ теченіе трехъ лѣтъ былъ издателемъ журнала. Какъ прежде главный интересъ журнала заключался въ статьяхъ самого издателя—Карамзина, такъ и теперь лучшими и болѣе другихъ интересными статьями были сочиненія самого же издателя—Жуковскаго, который помѣщалъ тутъ свои стихотворенія, повѣсти, разсужденія и критическія статьи. Изъ стихотвореній

Thomas Gray the English poet, celebrated with

¹⁾ Томасъ Грей (1716—1772) — англійскій поэтъ, прославившійся своими элегіями. „Сельское кладбище“—лучшая его элегія.

²⁾ Зейдлицъ, стр. 22. his elegies

особенно поправилась современной публикѣ баллада „Людмила“ ¹⁾ (1808) красотою и легкостью своихъ гармоническихъ стиховъ и повизною поэтическаго вида. Эта баллада произвела на читателей такое же сильное и пріятное впечатлѣніе, какое за 15 лѣтъ поредъ нею произвела „Бѣдная Лиза“ Карамзина, — повѣсть, которая нашла себѣ подражателя и въ Жуковскомъ: въ подражаніе „Бѣдной Лизѣ“ онъ написалъ (1808) и помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ свою повѣсть „Марина роца“. Изъ разсужденій замѣчательны статьи подъ заглавіемъ: „Кто истинно добрый и счастливый человекъ“ (1808), а изъ критическихъ статей — двѣ: одна — „О баснѣ и басняхъ Крылова“ (1809), другая — „О сатиры и сатирахъ Кантемира“ (1809).

Въ 1810 году, передавъ изданіе журнала другому лицу ^{VI} (профессору Качеповскому), Жуковскій снова уединился въ Бѣлевѣ и занялся исполненіемъ своего образованія: онъ началъ усердно читать, особенно историческія сочиненія, и началъ изучать латинскій языкъ. „Три года съ ряду“ — писалъ онъ тогда Ал. И. Тургеневу — „будутъ посвящены труду пригготовительному, необходимому, тяжелому, но улаждаемому высокою мыслью быть прямо тѣмъ, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя достигнуть до перваго. Итакъ лучше поздно, нежели никогда“. Таковъ былъ планъ самоученія, начертанный двадцатисемилѣтнимъ поэтомъ, который, не успокоиваясь авторскою извѣстностью, сѣтовалъ на тѣсноту своего исключительно литературнаго образованія. Если обстоятельства и не дозволяли ему провести трехъ лѣтъ съ ряду въ предположенныхъ занятіяхъ и выучиться древнимъ языкамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ прочелъ много историческихъ сочиненій и познакомился, конечно, помощію переводовъ, съ образцами древнеклассической поэзіи. Начитанность его доказывается и письмами къ разнымъ лицамъ и дальнѣйшими его произведеніями ²⁾.

Между тѣмъ наступилъ 1812 годъ. Въ этомъ году случилось

¹⁾ Баллада „Людмила“ представляетъ собою передѣлку „Леноры“ — произведенія нѣмецкаго поэта Бюргера.

²⁾ „Истор. рус. слов.“ А. Галахова, изд. 2-е, т. II, стр. 224.

дѣла событія, имѣвшія огромное значеніе въ жизни Жуковскаго; одно изъ нихъ—неудавшееся свѣтовство Жуковскаго; другое—появленіе его стихотворенія: „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

Еще въ 1805 г. сестра Жуковскаго, Протасова, овдовѣла и поселилась въ Бѣлевѣ съ двумя дочерьми своими—Маріей и Александрой Андреевными, 12-ти и 10-ти лѣтъ. Наступало время дать имъ образованіе. Видя разстроенныя дѣла сестры, Жуковскій вызвался давать уроки ея дочерямъ. Это преподаваніе продолжалось около трехъ лѣтъ—время, въ теченіе котораго Жуковскій сблизился съ Маріей, и они полюбили другъ друга. Любовь эта тѣмъ болѣе понятна, что Жуковскій и Марія были не въ такомъ близкомъ родствѣ, какое существуетъ между дядею и племянницей: Жуковскій и его сестры были дѣти одного отца, но разныхъ матерей. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1812 г. нашъ поэтъ рѣшился просить руки Маріи,—Протасова, признавая эту женитьбу невозможною по родству, не только отказала, но запретила даже и поминать о ней. Понятно, какъ должна была подѣйствовать эта неудача на чувствительную душу Жуковскаго. Онъ и прежде былъ склоненъ поддаваться грустному настроенію, а съ этихъ поръ грусть становится его удѣломъ. Настоящее для него потеряло свою прелесть; онъ весь отдался воспоминаніямъ о прошедшемъ и надеждѣ на будущее, но не на то будущее, которое онъ переживетъ еще на землѣ, а на то будущее, которое дастся ему тамъ, въ мірѣ загробномъ. Такое настроеніе души Жуковскаго отразилось и въ его поэзіи. Рѣзкими выразителями этого настроенія могутъ служить такія его стихотворенія, какъ: „Теонъ и Эсхинъ“ (1813), „Долова арфа“ (1814), также пѣсня: „О милый другъ, теперь съ тобою радость“ (1813), и др. Въ послѣдней, между прочимъ, говорится:

О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла.
Туда всечасное влечетъ меня желанье:
Тамъ свидимся опять; тамъ—наше воздастье.
Сей върой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь!

Эта ^{насмешли} „сладкая вѣра“ укрѣпилось въ душѣ поэта еще болѣе, когда умерла Марія (1823) въ Дерптѣ, гдѣ она жила нѣсколько лѣтъ и гдѣ вышла замужъ за профессора Мойера. Вообще надо сказать, что у Жуковского элегическое настроеніе было преобладающимъ, хотя чувство грусти въ послѣдніе годы его жизни значительно видоизмѣнилось.

Таково было значеніе для Жуковского той сердечной катастрофы, которую онъ пережилъ въ 1812 году.)

~~На тотъ же 1812-й годъ важенъ и въ другомъ отношеніи~~ въ жизни Жуковского: въ этомъ году поэтъ своимъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ“ приобрѣлъ себѣ извѣстность во всей Россіи и обратилъ на себя вниманіе императрицы Маріи Оеодоровны. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве надо видѣть начало тѣхъ отношеній, которыя скоро установились между императорскимъ семействомъ и Жуковскимъ и которыя привели наконецъ къ тому, что на долю Жуковского выпала счастливая жребій быть наставникомъ наслѣдника престола. Все это совершилось слѣдующимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ объясненія съ Протасовой Жуковскій оставилъ родственныи кружокъ и поступилъ въ Московское ополченіе, въ чинѣ поручика (12 авг. 1812 г.). Передъ сраженіемъ при Тарутинѣ онъ и написалъ въ лагерь своего „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Это патріотическое стихотвореніе, родъ торжественнаго гимна, написаннаго съ цѣлью прославить героевъ отечественной войны, въ тысячахъ списковъ быстро разошлось по войску, а потомъ и по всей Россіи. Когда И. И. Дмитріевъ поднесъ его императрицѣ, она, прочитавъ, приказала просить автора, чтобы онъ доставилъ ей экземпляръ стиховъ, переписанный собственною его рукою, и приглашала его въ Петербургъ. Требуемый экземпляръ былъ отправленъ, но отъ почестей скромный Жуковскій уклонился и въ 1813 году (6-го января) снова вернулся въ недавно покинутый имъ кругъ родныхъ и друзей, для поправленія здоровья, такъ какъ еще въ ноябрѣ предыдущаго года онъ заболѣлъ сильной горячкой, которую перенесъ, только благодаря одной силѣ своей натуры. На родинѣ Жуковскій провелъ два года; но когда, въ началѣ

YII
My kub.
min locum
man em
des. II

1815 года, Протасовы переселились въ Дерптъ ¹⁾, родина опустѣла для Жуковского, и въ маѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ. Тогда-то и состоялось первое представленіе Жуковского императрицѣ: онъ былъ представленъ ей Уваровымъ. Личныя качества поэта, его произведенія, въ особенности тѣ патріотическія стихотворенія, которыя были написаны Жуковскимъ въ промежутокъ времени отъ 1812 до 1816 года ²⁾, настолько говорили въ его пользу, что когда въ 1817 г. нужно было выбрать преподавателя русскаго языка для великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Θεодоровны, то выборъ палъ на Жуковского, а въ 1825 г. на его же долю выпало счастье быть выбраннымъ въ наставники наслѣднику цесаревичу, впослѣдствіи императору Александру II. Такимъ образомъ съ 1817 г. съ поэтической дѣятельностью Жуковского соединяется и дѣятельность педагогическая, которая съ 1825 г. получаетъ особенно важное значеніе, что, конечно, сознавалъ и самъ Жуковский.

„Не думали, не гадали, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола (писалъ Жуковский одной своей родственницѣ). Какая забота и отвѣтственность! Запятіе, питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!.. Занятій множество. Надобно учить и учиться...“ ³⁾.

И дѣйствительно, Жуковскому пришлось много работать, чтобы достойно выполнить возложенное на него порученіе. Прежде всего ему надлежало обдумать планъ и способ преподаванія цесаревичу и выбрать для него учителей; а затѣмъ, такъ какъ по составленному Жуковскимъ плану, главный трудъ падалъ на него же самого, то ему пришлось не мало и самому учиться.

„По плану ученія Великаго Князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ (писалъ Жуковский въ февралѣ 1827 г. тоже къ одной изъ своихъ

¹⁾ Поводомъ къ переселенію въ Дерптъ служилъ выходъ замужъ Александры Андреевны Протасовой за Воейкова, получившаго каеѳедру въ Дерптскомъ университетѣ.

²⁾ Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ „Львица въ стѣнѣ русскихъ воиновъ“, относятся: „Вождю побѣдителей“ (т.-е. Кутузову; написано 1812 г.), „Императору Александру“ (посланіе, 1814), „Патриотическій гимнъ“ (Боже, царя храни, 1814), „Пѣвецъ въ Кремль“ (1814—1816), „Письмо Русскому Царю отъ его воиновъ“ (1816).

³⁾ См. Зейдлица, стр. 143.

родственицы). Всѣ его лекціи должны сходиться въ мою, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете изъ этого заключить, сколько мнѣ нужно пригото- виться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки“ 1).

Въ дружескомъ согласіи съ военнымъ наставникомъ цеса- ревича, полковникомъ К. К. Мердеромъ, Жуковскій выбралъ въ учителя своему питомцу нѣкоторыхъ преподавателей изъ извѣстнаго тогда пансіона пастора Муральта, швейцарскаго уроженца, который былъ ученикомъ и другомъ знаменитаго педагога Песталоцци. Методу этого педагога Жуковскій изу- чилъ и самъ и, основываясь на принципахъ Песталоцци, зани- мался изобрѣтеніемъ удобнѣйшихъ способовъ преподаванія.)

Эта придворная служба Жуковскаго продолжалась до 1841 года; по окончаніи ея онъ былъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и могъ жить вполне обезпеченно, имѣя ежегодно отъ казны 32000 рублей ассигнаціями.

За весь этотъ длинный періодъ времени отъ 1815 до 1841 г. главнымъ мѣстомъ жительства Жуковскаго былъ Петербургъ, хотя онъ часто и надолго оставлялъ его. Такъ, большую часть 1816 и 1817-гг. онъ провелъ въ Дерптѣ; зиму 1817—прожилъ въ Москвѣ, такъ какъ тогда Жуковскій уже находился на при- дворной службѣ и долженъ былъ ѣхать съ семействомъ импе- ратора, пожелавшаго провести эту зиму въ Москвѣ.) Когда 17 апрѣля 1818 г. пушки возвѣстили съ Кремля о рожденіи великаго князя, впослѣдствіи императора Александра II, Жуков- скій посвятилъ августѣйшей матери посланіе, въ которомъ между прочимъ предрекъ славу будущему своему воспитаннику такими словами:

изъ россіи {
Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человекъ.

Въ теченіе этого періода времени (1815—41) Жуковскій нѣсколько разъ ѣздилъ за границу и оставался тамъ подолгу. За границу онъ ѣздилъ или для поправленія своего здоровья, или по обязанности, сопровождая ту изъ августѣйшихъ особъ, при

1) Тамъ же, стр. 142.

которой онъ состоялъ наставникомъ. Въ 1837 г. онъ путешествовалъ съ наслѣдникомъ по Россіи. Въ тѣ годы, когда Жуковскій никуда не уѣзжалъ изъ Петербурга, лѣтніе мѣсяцы онъ обыкновенно проводилъ съ дворомъ либо въ Павловскѣ, либо въ Царскомъ Селѣ.

VIII
Дружеская
кружка

Но гдѣ бы ни былъ Жуковскій, онъ никогда не оставлялъ своей поэтической дѣятельности, и слава его, какъ поэта, росла все болѣе и болѣе. Въ его квартирѣ въ Петербургѣ собирались на литературные вечера и для дружеской бесѣды всѣ видные представители нашей тогдашней литературы: Карамзинъ, Крыловъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Кольцовъ—всѣ находили самый радушный пріемъ у Жуковского. Пушкинъ былъ имъ особенно отличенъ, и Жуковскій, съ своею благородною душою, неспособною завидовать, открыто признавалъ превосходство поэтическаго таланта Пушкина надъ своимъ собственнымъ. Мало того: онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то благоговѣніемъ, и въ высшей степени трогательное проявленіе этого глубокаго уваженія Жуковского къ генію мы видимъ въ слѣдующей картинѣ, имѣвшей мѣсто 28-го января 1837 года: пятидесятилѣтній, увѣнчанный славою поэтъ—Жуковскій, сидя въ безмолвной тоскѣ у постели умирающаго Пушкина, цѣлуетъ его холодвѣющую руку ¹⁾.

IX

Съ 1841 г. начинается новый періодъ жизни Жуковского. Окончивъ придворную службу, онъ отправился за границу для поправленія своего здоровья. Стасье, къ которому онъ тщетно стремился въ самую цвѣтущую пору зрѣлыхъ лѣтъ—мирная семейная жизнь—осуществилось для него на чужбинѣ, на 58-мъ году жизни: онъ женился за границей на молодой дѣвушкѣ, дочери своего друга Рейтерна, съ которымъ давно уже коротко сошелся, будучи однажды въ Дерптѣ. Женившись, Жуковскій поселился въ Дюссельдорфѣ, и жизнь его могла бы дѣйствительно назваться счастливою, если бы его не такъ часто посѣщала болѣзнь и нервное расстройство. Въ минуты болѣзненнаго состоянія онъ грустилъ, то боясь утратить свое счастье, то сокрушаясь о своей грѣховности, то предаваясь размышленіямъ

¹⁾ См. статью Жуковского: „Послѣднія минуты Пушкина“. т. VI, стр. 13, изд. 3-е, 1885.

о суетѣ всего земного. Но когда онъ бывалъ здоровъ и бодръ, когда возвращались къ нему свѣтлыя минуты душевнаго покоя, онъ ими пользовался и любилъ утѣшать себя тою первобытною эпической поэзіей, которая, какъ онъ самъ выразился, „тиха, свѣтла и не стремится ни въ какую темную даль“. Вотъ почему въ этотъ періодъ своей заграничной жизни онъ и занялся переводомъ такихъ произведеній, какъ „Ниль и Дамаянти“, „Рустемъ и Зорабъ“ и эпосъ Гомера. Но съ 1851 г. здоровье Жуковского окончательно расшаталось, зрѣніе ослабѣло. 7-го апрѣля 1852 г. онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ Жуковский поконитъ пылѣ подлѣ Карамзина.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Жуковский сказалъ, что „истинно счастливый человекъ есть человекъ истинно добрый“, и въ этомъ смыслѣ самъ Жуковский былъ дѣйствительно счастливъ, какъ человекъ чистый мыслями, чувствами и дѣлами, всегда готовый придти на помощь нуждѣ и горю; какъ человекъ, проникнутый самымъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ; какъ христіанинъ, носившій въ сердцѣ своемъ неизмѣнную довѣренность къ Провидѣнію. Любя поэзію и тѣсно соединяя ее съ добродѣтелью, Жуковский и въ жизни искалъ только тѣхъ наслажденій, которыя возвышаютъ душу, и отвращался отъ всего, что казалось ему грубымъ и недостойнымъ, что оскорбляло его идеаль душевной чистоты.

Сочиненія Жуковского.

Оригинальныхъ сочиненій у Жуковского сравнительно немного, и значеніе его въ исторіи нашей литературы основано главнымъ образомъ на его превосходныхъ переводахъ иностранныхъ поэтовъ.

Переводныя произведенія Жуковского.

Жуковский обогатилъ нашу литературу превосходными переводами многихъ произведеній нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ ¹⁾, а подъ конецъ жизни перевелъ Гомерову Одиссею.

¹⁾ Вотъ перечень наиболѣе замѣчательныхъ произведеній, переведенныхъ Жуковскимъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ.

Изъ всѣхъ новѣйшихъ иностранныхъ поэтовъ наибольшимъ сочувствіемъ Жуковскаго пользовался Шиллеръ, чѣмъ и объясняется, почему онъ перевелъ изъ Шиллера болѣе, чѣмъ изъ другихъ поэтовъ. Къ самымъ важнымъ переводамъ Жуковскаго изъ Шиллера относятся: „*Орлеанская дѣва*“ и *баллады*.

ИЗЪ ДРАМЫ „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“.

Содержаніемъ произведенія Шиллера: „Орлеанская дѣва“ послужило событіе, относящееся къ первой половинѣ XV столѣтія, когда окончилась тяжелая вѣковая борьба французскаго народа съ англичанами, и французы, благодаря энтузіазму, возбужденному въ нихъ Иоанною д'Аркъ, дочерью простыхъ поселянъ изъ мѣстечка Домъ-Реми, вышли наконецъ побѣдителями. Иоанна д'Аркъ и является главною героинею драмы Шиллера. Драма эта состоитъ изъ пролога и пяти актовъ. Дѣйствіе относится къ 1430 году.

Содержаніе пролога. Сцена пролога представляетъ сельское мѣсто: впереди на правой сторонѣ часовня, а въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій вѣтвистый дубъ. Пьеса начинается тѣмъ, что Тибо д'Аркъ, отецъ Иоанны, видя усиленіе враговъ и беззащитное положеніе своихъ дочерей, хочетъ ихъ пристроить, выдавъ замужъ. Луиза и Алина, сестры Иоанны, охотно соглашаются выйти за своихъ жениховъ; только одна Иоанна и слышать не хочетъ о замужествѣ, не смотря на упрёки отца, находившаго поведеніе своей дочери страннымъ и даже подозрѣвавшимъ, не нахо-

А) Изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

I. Изъ Шиллера (1750—1805):

- 1) „*Грифъ Габсбургскій*“ (1808).
- 2) „*Кубокъ*“ (1829).
- 3) „*Перчатка*“ (1829).
- 4) „*Ивиковы журавли*“ (1810).
- 5) „*Поликратовъ перстень*“ (1829).
- 6) „*Жалоба Цереры*“ (1829) и др.

} баллады.

Изъ крупныхъ произведеній Шиллера переведена драма „*Орлеанская дѣва*“ (1821). Въ подражаніе Шиллеру же написано и „*Сраженіе со змѣемъ*“ (1831).

II. Изъ Гете (1749—1832):

- 1) „*Моя боиня*“ (1809)—стихотворенію.
- 2) „*Львиной царь*“ (1818)—баллада, и др.

III. Изъ Уланда (1787—1862):

- 1) „*Гиральдъ*“ (1816)—баллада.
- 2) „*Роландъ оруженосецъ*“ (1832)—баллада, и др.

IV. Изъ Гердора (1744—1803):

„*Сидъ*“ (1832)—отрывки изъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ.

V. Изъ Де ла Мотгъ-Фуне (1777—1843):

„*Ундина*“ (1836)—сказочная повѣсть.

дятся ли она въ сношеніи съ нечистою силою, такъ какъ она очень часто посѣщала одинъ старый вѣтвистый дубъ, о которомъ въ народѣ ходила недобрая молва. А Иоанна дѣйствительно любила сидѣть подь этимъ дубомъ; подь его тѣнью она молилась лику Пречистой Дѣвы. Между тѣмъ является крестьянинъ Берtrandъ и приноситъ съ собою шлемъ, насильно навязанный ему въ городѣ Вокулёрѣ какою-то таинственной цыганкой. Иоанна, увидя шлемъ, вырываетъ его изъ рукъ Бертранда, говоря, что шлемъ этотъ принадлежитъ ей. Далѣе, когда Берtrandъ начинаетъ рассказывать о томъ, какъ огромная непрятельская сила двинулась въ Орлеанъ, Иоанна слушаетъ съ большимъ вниманіемъ, вмѣшиваясь въ разговоръ и вдохновеннымъ голосомъ предсказываетъ гибель враговъ и торжество надъ ними. Когда всѣ удалились, Иоанна, простоявъ долго въ задумчивости, произноситъ, наконецъ, слѣдующій монологъ ¹⁾.

Последнее явленіе пролога.

Иоанна.

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!

VI. Изъ Гебеля (1760—1826):

- 1) „Овсяный кисель“ (1816).
- 2) „Утренняя звезда“ (1818).
- 3) „Литній вечеръ“ (1818).
- 4) „Воскресное утро въ деревнѣ“ (1836).

} идиалли.

VII. Изъ Рюнкерта (род. 1789):

- 1) „Валъ и Дамалити“ (1840) — изъ индѣйской поэмы „Магабгарата“.
- 2) „Рустемъ и Зорабъ“ (1818) — эпизодъ изъ персидской поэмы: „Шахъ-Наме“.

Б) Изъ англійскихъ поэтовъ:

I. Изъ Грея (1716—1772):

„Сельское кладбище“ (1802) — элегія.

II. Изъ Саути (1774—1843):

- 1) „Адельстанъ“ (1813) — баллада.
- 2) „Варвикъ“ (1814) — баллада, и др.

III. Изъ Мура (1780—1852):

„Пери и ангелъ“ (1821).

IV. Изъ Байрона (1788—1824):

„Шильонскій узникъ“ (1821).

V. Изъ Вальтеръ-Скотта (1771—1832).

„Замокъ Смальгольмъ“ (1822).

¹⁾ Для сличенія приводится соответствующее мѣсто подлинника:

Johanna allein.

Lebt wohl, ihr Berge, ihr geliebten Triften,
Ihr traulich süßen Thäler, lebet wohl!

Собрание

Съ Иоанной вамъ ужъ болѣ не видаться;
Навѣкъ она вамъ говорить: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой..
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавья войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремить не суетныхъ желанье

Johanna wird nun nicht mehr auf euch wandeln,
Johanna sagt euch ewig Lebewohl!
Ihr Wiesen, die ich wässerte, ihr Bäume,
Die ich gepflanzt, grünet fröhlich fort!
Lebt wohl, ihr Grotten und ihr kühlen Brunnen!
Du Echo, holde Stimme dieses Thales,
Die oft mir Antwort gab auf meine Lieder,
Johanna geht, und nimmer lehrt sie wieder!
Ihr Plätze alle meiner stillen Freuden,
Euch lass' ich hinter mir auf immerdar!
Zerstreuet euch, ihr Lämmer, auf der Heiden!
Ihr seid jetzt eine hirtentlose Schar,
Denn eine andre Herde muß ich weiden
Dort auf dem blut'gen Felde der Gefahr.
So ist des Grifles Ruf an mich ergangen,
Mich treibt nicht eitles, irdisches Verlangen.
Denn der zu Mosen auf des Horebs Höhen
Im feur'gen Busch sich flammend niederließ
Und ihm befahl, vor Pharaos zu stehen,
Der einst den frommen Knaben Hais,
Den Hirten sich zum Streiter anerkennen,
Der stets den Hirten gnädig sich bewies,
Er sprach zu mir aus dieses Baumes Zweigen:
„Geh hin! Du sollst auf Erden für mich zeugen.
„In rauhes Erz sollst du die Glieder schnüren,
Mit Stahl bedecken deine zarte Brust,

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщаль ко мнѣ изъ сѣни древа
„Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

„Надѣтъ должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

„Когда начнетъ блѣднѣть т смѣлый въ бранн,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часть—

Nicht Männerliebe darf dein Herz berühren
Mit sünd'gen Flammen eiler Erkenntniß.
Nie wird der Brautkranz dein: Ledt zieren.
Dir blüht kein lieblich Kind an deiner Brust;
Doch werd' ich dich mit Krieger'igen Ehren
Vor allen Erdenfrauen dich verköeren.

„Denn wenn im Kampf die Muthigsten verzagen,
Wenn Frankreichs letztes Schicksal sich nun naht,
Dann wirst du meine Drifflamme tragen
Und, wie die rasche Schwitterin die Saat,
Den stolzen Neberrinder niederschlagen;
Umwälzen wirst du seines Glückes Rad,
Errettung bringen Frankreichs Heldensöhnen,
Und Rheims befreien und deinen König krönen!“

Ein Zeichen hat der Himmel mir verheißen;
Er sendet mir den Helm, er kommt von ihm
Mit Götterkraft berührt mich sein Eisen,
Und mich durchflammt der Rath der Cherubim;
Ins Kriegesgewühl hinein will es mich reißen,
Es treibt mich fort mit Sturmes Ungestüm,
Den Helldruf hör' ich mächtig zu mir dringen,
Das Schlachtroß steigt, und die Trompeten klingen.

(Sie geht ab).

Возьмешь Мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница клась;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобразишь во плачь побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону“.

Мнѣ обѣщаль Небесный извѣщенье;
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ *Имѣ*.
Какъ бранный огонь, его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипяцій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ....
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

Этимъ монологомъ, вполнѣ обрисовывающимъ Иоанну д'Аркъ, и оканчивается прологъ.

Содержаніе перваго дѣйствія. Въ первомъ дѣйствіи Шиллеръ изображаетъ сперва бѣдственное положеніе Франціи: слабость короля Карла VII, раздоръ партій, истощеніе государственной казны, торжество непріятели, паденіе городовъ, изъ которыхъ держится еще одинъ только Орлеанъ, да и тотъ уже осажденъ англичанами. Вдругъ неожиданное чудо: вождь Ла-Гиръ извѣщаетъ короля о побѣдѣ. Вслѣдъ за тѣмъ является лотарингскій рыцарь Рауль и объясняетъ причину такого счастливаго оборота дѣлъ.

IX-ое явленіе перваго дѣйствія ¹⁾.

Рауль.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулёра.
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ и въ доль, Ионной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.

---

¹⁾ Въ подлинникѣ вся пьеса, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, тоже написана бѣлыми стихами. Гдѣ же у Шиллера стихи речемованные, тамъ такіе же и у Жуковского.

Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица; яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилось,
Когда она, приблизившись, сказала:
„Что медлите, французы? На врага!
Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимыѣй—
За насъ Господь и Дѣва Пресвятая!“
И въ мигъ она изъ рукъ знаменопосца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ странномъ
Величїи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотреть
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ—какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжить,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось:
Забыто все; невятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжить онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,

Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши все остались невредимы.

Затѣмъ является сама Іоанна, въ торжественномъ сопровожденіи орлеанскихъ чиновниковъ и рыцарей, и на вопросъ реймскаго архіепископа, кто она—открывается въ присутствіи короля.

IX-ое явленіе перваго дѣйствія.

Іоанна.

Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Туля;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Пасъ отъ цѣпей пришельца защити,
Памъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалось ягненку затеряться,
Пропадашаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта

Она была, какъ я, пастушкой и сказала:
„Узнай Меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя, мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа моего,
И проведи помазаника въ Реймсъ
И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ“.
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
„Дерзай—Она рекла мнѣ:—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ“.
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи съ ряду
Являлась мнѣ и говорила: „Встань,
Господь тебя къ иному призываетъ“.
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ“.
И съ словомъ снѣ Она съ Себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

Эти слова Иоанны произвели сильное впечатлѣніе и пробудили въ вождяхъ и рыцаряхъ мужество. Король ввѣрилъ ей свое войско, и она, выбравъ себѣ чудесный мечъ и бѣлое знамя, стала предводительницею. Первое дѣй-

ствіе заканчивается словами Іоанны, обращенными къ англійскому герольду, которому она приказываетъ передать британскимъ вождямъ, что настало время дать имъ отчетъ за пролитую кровь.

Содержаніе второго дѣйствія. Второе дѣйствіе начинается изображеніемъ безпорядковъ въ лагерѣ англичанъ; герцогъ Бургундскій, союзникъ англичанъ, ссорится съ ихъ вождями: Тальботомъ и Ліонелемъ; ихъ миритъ королева Изабелла, мать Карла VII, тоже бывшая на сторонѣ враговъ сына, но потомъ всѣ трое ее же просятъ удалиться и оставить лагерь. Далѣе представлена картина смятенія англичанъ: Іоанна въ сопровожденіи вождей: Дюнуа и Ла-Гира, со множествомъ рыцарей и солдатъ, проникаетъ во вражескій станъ; на англичанъ нападаетъ панический страхъ, такъ какъ они считали Іоанну посланницей ада; они бѣгутъ въ замѣшательствѣ, а лагерь ихъ зажженъ французами. Наконецъ Іоанна чудеснымъ образомъ обращаетъ герцога Бургундскаго: изъ врага онъ дѣлается союзникомъ.

Содержаніе третьяго дѣйствія. Ла-Гиръ и Дюнуа объясняются другъ съ другомъ: оба они хотятъ просить руки Іоанны. Затѣмъ слѣдуетъ сцена примиренія герцога Бургундскаго съ королемъ, подъ концъ которой является Іоанна, и король, въ знакъ благодарности, даруетъ ей благородство прикосновеніемъ своего меча. Дюнуа и Ла-Гиръ высказываютъ снова свое желаніе уже при Іоаннѣ; но та рѣшительно отказываетъ, говоря, что она, воительница Бога, не найдетъ себѣ супруга на землѣ. Между тѣмъ вбѣгаетъ рыцарь и извѣщаетъ, что близъ Марны непріятель. Французы выступили, и ими предводительствуетъ самъ король. Далѣе сцена представляетъ открытое поле; на немъ умираетъ раненый Тальботъ. На другомъ мѣстѣ сраженія, откуда уже видны башни Реймса, Іоанна встрѣчаетъ таинственнаго чернаго рыцаря, который ей пророчитъ бѣду и говоритъ, чтобы она болѣе не вступала въ бой, такъ какъ назначеніе ея ужъ исполнилось, а самъ быстро исчезаетъ при громѣ и молніи. Іоанна задумалась; но въ это время къ ней подходитъ Ліонель (явленіе X-ое). Она начинаетъ съ нимъ борьбу, вышибаетъ изъ его рукъ мечъ, срываетъ шлемъ, и хочетъ уже поразить его, какъ вдругъ опускаетъ руку, сама пораженная красотой Ліонеля. Она молится Святой Дѣвѣ, снова усиливается поднять мечъ, и снова, при взглядѣ на противника, падаетъ ея ослабѣвшая рука; вдали показываются Дюнуа и Ла-Гиръ, и Іоанна умоляетъ Ліонеля спастись бѣгствомъ. Ліонель убѣгаетъ, а Іоанна, лишившись памяти, падаетъ на руки Дюнуа и Ла-Гира.

Дѣленіе X-ое третьяго дѣйствія.

Ліонель.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;

Отыщу за храбраго, или будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, или нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свель: я Лионель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

(Нападаетъ на нее; чрезъ минуту она вышибаетъ изъ
руки его мечъ).

О, счастье!

(Борется съ нею; Иоанна во время борьбы срываетъ
съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою го-
ловою; поднявши мечъ, чтобы его поразить, она го-
ворить).

Иоанна.

Умри! Святая Дѣва
Моей рукою тебя приносить въ жертву.

(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами
Лионеля; пораженная видомъ его, она стоитъ не-
подвижна, и рука ея опускается).

Лионель.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Попадаю; я въ твоихъ рукахъ.

(Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ).

Бѣжать

Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнью? Скорѣй погибнуть!

Иоанна (отвративъ глаза).

И зпать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ...

Лионель.

Я ненавижу

Тебя и даръ твой; не хочу попадаю;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

Іоанна.

Убей меня

И удались.

Ліонель.

Что слышу?

Іоанна (закрывъ лицо руками).

Горе мнѣ!

Ліонель (приблизясь къ ней).

Молва пдстъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощажень; за что же мнѣ
Пощада одному?

Іоанна.

(Собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; но, опять взглянувъ на него, опускаетъ руку).

Святая Дѣва!

Ліонель.

Почто зовешь святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ Она; ты небесами
Отвержена.

Іоанна (въ сильнѣйшемъ отчаяніи).

О горе, горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.

(Ломаетъ въ горости руки).

Ліонель

(Смотритъ на нее съ участіемъ и подходитъ ближе).

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи: кто ты? откуда?

Іоанна.

Прочь! бѣги!

Ліонель.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образъ
Тѣспнится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной; оставь союзъ твой страшный;
Оставь погибельный свой мечъ.

Іоанна.

Увы!

Посигь его я недостойна.

Ліонель.

Брось

Его; иди со мной.

Іоанна (въ ужасѣ).

Съ тобой? О небо!

Ліонель.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... по посигьши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

(Вереть се за руку; вдали показывается Дюнуа и Ла-Пирт).

Іоанна.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги!.. тебя найдутъ.

Ліонель.

Я твой защитникъ.

Іоанна.

О негь! бѣги! умру, когда погибнепль.

Лионель.

Пль дорогъ я тебѣ?

Иоанна.

О Пресвятая!

Лионель.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

Иоанна.

Нѣтъ, никогда.

Лионель.

Сей мечъ залогъ, что я
Тебя найду.

(Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ).

Иоанна.

Ты смѣешь, безразсудный?

Лионель.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.

(Уходитъ поспѣшно).

Явленіе XI-ое третьяго дѣйствія.

Ла-Гиръ.

Она! она!

Дюнуа.

Иоанна,

Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

Ла-Гиръ.

Не Лионель ли тамъ бѣжитъ?

Дюнуа.

Оставь

Его; Иоанна, битва рѣшена;

Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой на встрѣчу королю.

Ла-Гиръ.

Но что она!.. Шатается, блѣднѣетъ!..

Дюнуа.

Ты ранена?

(Иоанна падаетъ къ нимъ на руки)

Снять панцирь! рана
Въ плечѣ, и легкая.

Ла-Гиръ.

Но льется кровь!

Иоанна

Пускай она съ моею льется жизнью.

(Линяется памяти).

Содержаніе четвертаго дѣйствія. Вслѣдствіе нарушенія обѣта убивать каждаго непріятеля, Иоанна теритъ свою чудесную силу и, сознавая себя уже недостаточною высшаго призванія, начинаетъ томиться. Четвертое дѣйствіе и начинается большимъ монологомъ Иоанны, въ которомъ она высказываетъ чувства, волнующія ея душу.

1-ое явленіе четвертаго дѣйствія.

Богато убранная зала, колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

Иоанна.

(Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ:)

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,

Joanna.

Die Waffen ruhn, des Krieges Stürme schweigen,
Auf blut'ge Schlachten folgt Gesang und Tanz,
Durch alle Straßen tönt der muntre Reigen,
Altar und Kirche prangt in Festesglanz,

И жидутся изъ вѣтвей пышины входы,
И гордый столбъ обвить живымъ вѣнцомъ,
И гости ждуть вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣхъ подьмлетъ мысль одна,
И счастье волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастья, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моею мечтой;
Британскій станъ—любви моею обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрять души преступное волненье.

Und Pfosten bamen sich aus grünen Zweigen,
Und um die Säule windet sich der Kranz;
Das weite Rheims faßt nicht die Zahl der Gäste,
Die wallend strömen zu dem Völterfeste.

Und e i n e r Freude Hochgefühl entbrennet,
Und e i n Gedanke schlägt in jeder Brust,
Was sich noch jünger in blut'gem Haß getrennet,
Das theilt entzündt die allgemeine Lust.
We: nur zum Stamm der Franken sich bekennet,
Der ist des Namens stolzer sich bewußt;
Erkennt ist der Glanz der alten Krone,
Und Frankreich huldigt seinem Königssohne.

Doch mich, die all dies Herrliche vollendet,
Mich rührt es nicht, das allgemeine Glück;
Mir ist das Herz verwandelt und gewendet,
Es flieht von dieser Festlichkeit zurück,
Zus britt'sche Lager ist es hingewendet,
Hin über zu dem Feinde schweift der Blick,
Und aus der Freunde Kreis muß ich mich stehlen,
Die schwere Schuld des Busens zu verhehlen.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
И клятву страшную нарушу?
И смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительниці бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Спесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звукъ инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, пѣжущую мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.
Возвратися, буря брани!
Загряните, стрѣлы, конья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Wer? Ich? Ich eines Mannes Bild
In meinem reinen Busen tragen?
Dies Herz, von Himmelsglanz erfüllt,
Darf einer ird'schen Liebe schlagen?
Ich, meines Landes Heterin,
Des höchsten Gottes Kriegerin,
Für meines Landes Feind entbrennen?
Darf ich's der leuchten Sonne nennen,
Und mich vernichtet nicht die Scham?

(Die Musik hinter der Scene geht in eine weiche, schmelzende Melodie über).

Wehe! Weh mir! Welche Töne!
Wie verführen sie mein Ohr!
Jeder ruft mir seine Stimme,
Beubert mir seine Bild hervor!
Daß der Sturm der Schlacht mich faszte,
Spreere tausend mich umtönten
In des heißen Streites Wuth!
Wieder fand' ich meinen Muth!

Diese Stimmen, diese Töne,
Wie umstricken sie mein Herz!
Jede Kraft in meinem Busen

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ, съ большою живостію).

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?.. Какъ?.. Скажи жь, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда молодой валліецъ ¹⁾ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезряція заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье!..

Lösen sie in weichem Sehnen,
Schmelzen sie in Wehmuths-Thränen!
(Nach einer Pause lebhafter).

Sollt' ich ihn tödten? Konnt' ich's, da ich ihn
Ins Auge sah? Ihn tödten? Oher hätte ich
Den Mordstahl auf die eigne Brust gezückt!
Und bin ich strafbar, weil ich menschlich war?
Ist Mitleid Sünde?—Mitleid! Hörtest du
Des Mitleids Stimme und der Menschlichkeit
Auch bei den andern, die dein Schwert geopfert?
Warum verstummte sie, als der Waller dich,
Der zarte Jüngling, um sein Leben flehte?
Arglistig Herz! du lägst dem ew'gen Licht,
Dich trieb des Mitleids fromme Stimme nicht!

Warum mußt' ich ihn in die Augen sehn!
Die Züge schaun des edlen Angesichts!
Mit deinem Blut sing dein Verbrechen an,
Unglücklichel ein blindes Werkzeug fordert Gott,
Mit blinden Augen mußt'est du's vollbringen!
Sobald du s a h s t, verließ dich Gottes Schild,
Ergriffen dich der Hölle Schlingen!
(Die Flöten wiederholen, sie versinkt in eine stille Wehmuth).

1) Монгомери.

Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастливая, сей взоръ—твоя погибель!
Орудія слѣпому хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говорить:)

Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?

Frommer Stab! D, hätt ich nimmer
Mit dem Schwerte dich vertauscht!
Hätt' es nie in deinen Zweigen,
Heil'ge Eiche, mir gerauscht!
Wärst du nimmer mir erschienen,
Hohe Himmelskönigin!
Nimm, ich kann sie nicht verdienen,
Deine Krone, nimm sie hin!

Ach, ich sah den Himmel offen
Und der Sel'gen Angesicht!
Doch auf Erden ist mein Hoffen,
Und im Himmel ist es nicht!
Müßtest du ihn auf mich laden,
Diesen furchtbaren Beruf!
Konnt' ich dieses Herz verhärten,
Das der Himmel fühlend schuf!

Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ-ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей..
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама то избрала?

Затѣмъ является Агнесса, супруга Карла VII, а послѣ Дюнуа и Ла-Гиръ и просятъ Иоанну взять свое знамя и принять участіе въ общемъ торжествѣ при коронованіи короля; Иоанна долго отказывается, но наконецъ беретъ знамя и входитъ, вмѣстѣ съ другими, въ церковь. На площади передъ кафедральною церковью въ Реймсѣ собралось множество народа; сестры Иоанны съ своими мужьями и ея отецъ Тибо д'Аркъ тоже пришли посмотрѣть на тор-

Willst du deine Macht verkünden,
Wähle sie, die frei von Sünden,
Stehn in dienem ew'gen Haus;
Deine Gießer sende aus,
Die Unsterblichen, die Reinen,
Die nicht fühlen, die nicht weinen
Nicht die zarte Jungfrau wähle,
Nicht der Hirtin weiche Seele!
Kümmert mich das Loos der Schlachten,
Mich der Zwist der Könige?
Schuldlos trieb ich meine Lämmer
Auf des stillen Berges Höh'.
Doch du risset mich ins Leben,
In den stolzen Fürstensaal,
Mich der Schuld dahin zu geben,
Ach, es war nicht meine Wahl!

жество. Тибо д'Аркъ, все еще вѣря, что Иоанна находится въ сношеніи съ силами ада, заявляетъ королю и всѣмъ присутствующимъ, что побѣда досталась французамъ при содѣйствіи злого духа; ему сперва не вѣрять, обращаются къ Иоаннѣ и умоляютъ ее сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Иоанна молчитъ; между тѣмъ раздается сильный ударъ грома, и всѣ съ ужасомъ отступаютъ отъ нея; одинъ только Раймондъ, крестьянинъ, сватавшійся за нее еще тогда, когда она была простою пастушкой, беретъ ее за руку и уводитъ.

Содержаніе пятого дѣйствія. Иоанна и Раймондъ въ Арденскомъ лѣсу у хижины угольщика; ужасная гроза; слышны выстрѣлы. Иоанна проситъ выпить; жена угольщика подаетъ ей стаканъ воды, но сынъ ея вырываетъ стаканъ, говоря, что Иоанна чародѣйка. „Ты видишь!“—говоритъ Иоанна Раймонду:—„Проклятіе за мною по слѣдамъ; все отъ меня бѣжить; бѣги и ты; спасайся, другъ; покинь меня“. Раймондъ уговариваетъ ее примириться съ Богомъ и возвратиться въ нѣдра Церкви; Иоанна, сильно огорченная тѣмъ, что и Раймондъ вѣритъ обвиненію ея въ чародѣйствѣ, открывается ему, говоря, что она невинна, что она молчала и не оправдывалась только потому, что видѣла въ этомъ обвиненіи небесное испытаніе; что она глубоко увѣрена въ томъ, что наступитъ для нея день оправданія, не по ея волѣ, а по волѣ Божіей. Въ это время на встрѣчу имъ попадается королева Изабелла со своими солдатами, и Иоанна становится ихъ плѣнницею; ее, по приказанію королевы, отводятъ въ британскій лагерь, къ Ліонелю, который сажаетъ ее въ башню; войско требуетъ, чтобы плѣнницу выдали ему на жертву, но Ліонель готовъ ее защищать и проситъ ея руки; Иоанна рѣшительно отказывается, говоря, что изъ враговъ ея народа онъ ненавистнѣйшій ей врагъ. Иоанну заковываютъ въ цѣпи. Между тѣмъ французы напали на лагерь англичанъ; Иоанна молится о дарованіи побѣды своимъ соотечественникамъ. Въ самую рѣшительную минуту битвы Иоанна падаетъ на колѣни и молится; потомъ разрываетъ цѣпи, является передъ французскимъ войскомъ, снова наводитъ ужасъ на англичанъ и доставляетъ побѣду французамъ; сама же, смертельно раненая, умираетъ, произнося слѣдующія слова:

Смотрите, радуга на небесахъ;
 Растворены врата ихъ золотыя;
 Среди ангеловъ—на персяхъ вѣчный Сынь—
 Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
 И съ милостью ко мнѣ простерла руки.
 О, что со мною?.. Мой тяжелый панцирь
 Сталъ легкою крылатою одеждой...
 Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
 Туда... туда!.. земля ушла изъ глазъ...
 Минута—скорбь, блаженство—безконечно.

Главное лицо этой драмы—Иоанна. Драматизмъ ея положенія заключается „въ столкновеніи ея челоѣчности съ ея миссіей“ ¹⁾.

¹⁾ См. соч. Каррьера: „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“, томъ V, стр. 315.

Шиллеръ изображаетъ ее дѣвушкой, въ которой сильно развиты два чувства: религіозность и любовь къ родинѣ. Благодаря ея страстной, увлекающейся натурѣ, оба эти чувства доводятъ ее до энтузіазма; въ ней, пастушкѣ, живо воспоминаніе, какъ Богъ неоднократно призывалъ пастуховъ въ пророки и цари—и вотъ она начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на посланницу Бога, которая должна отрѣшиться отъ всего земного и идти спасать родину. Въ этомъ великомъ подвигѣ она видитъ свою миссію. Но съ другой стороны, какъ ни велико ея желаніе отрѣшиться отъ всего земного,—все же она человѣкъ, и ничто человѣческое ей не чуждо: пораженная красотой Ліонеля, она проникается земной къ нему любовью, и такъ какъ въ ней, какъ въ натурѣ страстной, всякое чувство сильно, то и любовь ея къ Ліонелю пріобрѣтаетъ такую силу, что является возможность не только борьбы этого новаго чувства съ тѣми, которыя заставили Иоанну выйти на ея подвигъ, но и возможность побѣды его надъ ними. Но этимъ борьба еще не кончается: обѣтъ Иоанны нарушенъ, и это вызываетъ въ ней муки совѣсти. Тутъ драматизмъ положенія Иоанны доходитъ до высшей степени, и изображеніе этого момента у Шиллера (I-ое явл. четвертаго д.) составляетъ лучшее мѣсто его драмы: Иоанна, съ одной стороны, считаетъ себя преступницей, терзается угрызениями совѣсти, а съ другой—ищетъ себѣ оправданія и находитъ себя то виновной, то правой. Наконецъ, истомившись въ этой душевной борьбѣ, она уже выражаетъ сожалѣніе, зачѣмъ она взяла на себя то, что не подъ силу человѣку, и на что способны лишь „чистые небожители“. Но страданіе есть путь къ примиренію: Иоанна страдала—и умираетъ примиренною съ Небомъ.

Великія достоинства „Орлеанской дѣвы“ заключаются въ томъ, что поэтъ съ истинно-художественнымъ талантомъ сумѣлъ создать изъ простой идилліи всемірноисторическую драму. Главный же упрекъ, который былъ сдѣланъ Шиллеру современниками, состоялъ въ томъ, что онъ въ концѣ своей драмы отступилъ отъ исторіи; Иоанна умерла не отъ ранъ въ бою, какъ у Шиллера, а была сожжена англичанами на кострѣ. Напротивъ, одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ—извѣстный эстетикъ Каррьеръ—не раздѣляетъ этого упрека. Онъ говоритъ: „Поэта

не слѣдуетъ упрекать за то, что онъ отступилъ отъ исторіи, примиривъ героиню съ народомъ, покинувшимъ ее, и заставивъ ее, послѣ торжественной побѣды, умереть его спасительницею, — потому что этимъ онъ какъ бы осудилъ несправедливый приговоръ надъ нею» ¹⁾).

Въ заключеніе надо сказать, что Шиллеръ въ этой драмѣ своей имѣлъ, между прочимъ, въ виду защитить Іоанну д'Аркъ отъ тѣхъ грубыхъ насмѣшекъ, которыя позволилъ себѣ Вольтеръ надъ народною героинею Франціи. Шиллеръ съ негодованіемъ относился къ этимъ насмѣшкамъ. Въ своемъ стихотвореніи «Орлеанская дѣва» онъ это ясно высказываетъ:

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать,
Вражду цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣрить ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ ангеловъ святыхъ — и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства ²⁾.

Шиллеровы баллады, переведенныя Жуковскимъ, по своему содержанію, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одна — баллады, содержаніе которыхъ относится къ жизни средне-вѣковой; другая — баллады, изображающія черты жизни древне-греческой. Изъ первой группы замѣчательны: «Графъ Габсбургскій», «Кубокъ», «Перчатка»; изъ второй: «Ивиковы журавли», «Поликратовъ перстень», «Жалоба Цереры».

Изъ всѣхъ упомянутыхъ балладъ первою по времени была написана баллада «Кубокъ» («Der Taucher» 1797).

К у б о к ъ.

1. „Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщеть во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградою побѣдной“.

¹⁾ См. соч. Іоганна Шерра: „Шиллеръ и его время“, стр. 876.

²⁾ Переводъ Н. Гербеля.

2. Такъ царь возгласилъ, и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы ¹⁾
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто същеть мой кубокъ и съ нимъ возвратится?“
3. Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?“ ²⁾
4. И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко ³⁾ впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладеть...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?“
5. И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступаая, ревѣла.
6. И воетъ, и свищеть, и бьетъ, и шипить,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летить
Дымящимся пѣна столбомъ;

¹⁾ Въ подлинникъ: in der Charybde Geheul—въ вой Харибды. Харибдой (нынѣ Калофоро) назывался страшный водоворотъ въ Мессинскомъ проливѣ у берега Сициліи. Противъ этого водоворота находится большой утесъ—Сцилла. Теперь это мѣсто (вѣроятно, вслѣдствіе засоренія пропасти) уже не такъ опасно, и въ тихую погоду суда проходятъ его совершенно спокойно.

²⁾ Въ подлинникъ: ist keiner, der sich hinunter waget—неужели нѣтъ никого, кто бы отважился броситься внизъ? Тонъ подлинника нѣсколько иной (укоръ и иронія).

³⁾ Въ подлинникъ: sanft und keck—скромно и бодро.

Пучина бунтуеть, пучина клокочеть...
Не море ль изъ моря извергнуться хочеть?

7. И вдругъ, успокоясь, волнение легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева,
И глубь застонала отъ грома и рева.
8. И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
Чи бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасеть никакая ужъ сила.
9. Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумить...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердить:
„Красавецъ отважный, прости!“¹⁾
Все тише и тише на днѣ ея воеть...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноеть.
10. Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.
11. „Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ:— „Кто вѣнецъ возвратить,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!“—
Меня твой престолъ не прельститъ
Того, что скрываетъ та бездна пѣмая,
Ничья здѣсь душа не расскажетъ живая.

¹⁾ Въ подлинникѣ: fahgewohl!—будь благополучень (выражаетъ не столько прощаніе, сколько пожеланіе благополучія, счастья).

12. И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ.
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

*разоруженъ
защитникомъ
защитникъ.*

13. Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, спорить съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

14. И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ „онъ живъ!“ повторялъ:
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважный“.

*она дала
радужный
и это было
сладко.*

15. Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

*Кемперъ
Земля Звездъ
Толъ
информация
орденъ*

16. „Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровленной.“

17. „Стрѣлю стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ

- Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.
18. „Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.
19. „И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.
20. „Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной ¹⁾, и уродливый скать ²⁾,
И ужасъ морей—однозубъ ³⁾;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская ⁴⁾.
21. „И былъ я одинъ съ неизбежной судьбой,
Отъ взора людей далеко,
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ чловѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.
22. „И я содрогался... вдругъ слышу: ползеть
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочеть схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..

¹⁾ *Млатъ-рыба*—изъ породы акулъ; названа такъ, благодаря сходству съ огромнымъ кузнечнымъ молотомъ.

²⁾ *Скать*—большая рыба уродли ой формы: тѣло сплюснутое, хвостъ тонкій и очень длинный; водится въ (редиземномъ морѣ.

³⁾ *Однозубъ*—изъ породы хищныхъ рыбъ.

⁴⁾ *Морская гіена*—огромная акула, до 4 саж. длины.

То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ“.

23. Чудесенъ рассказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой:
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морского“.

24. То слыша, царица съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого“.

25. Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротиться ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою“.

26. Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣеть, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

27. Утихнула бездна... и снова шумить...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царица глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходить, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Самъ Шиллеръ не указаль, откуда онъ заимствовалъ содержание для своего „Кубка“, но во всякомъ случаѣ вѣрно то,

что въ основѣ этого стихотворенія лежитъ средневѣковое сказаніе объ одномъ водолазѣ. Сказаніе это встрѣчается у нѣсколькихъ писателей, начиная отъ XV до XVIII вѣка. Ближе всего къ «Кубку» подходитъ сказаніе о водолазѣ Николаѣ-Рыбѣ, переданное Кирхеромъ († 1680, въ Римѣ) въ его сочиненіи: «Подземный міръ» (*Mundus subterraneus*, кн. II, гл. 15). Кирхеръ рассказываетъ, что въ Сициліи, при королѣ Фридрихѣ¹⁾, жилъ водолазь, по имени Николай, который былъ такъ искусенъ и такъ сроднился съ водою, что его прозвали Николаемъ-Рыбой (*Piscecola*). Услыша много диковинныхъ рассказовъ объ этомъ водолазѣ, король пожелалъ воспользоваться его искусствомъ, чтобы узнать всѣ тайны страшной Харибды; а чтобы водолазь охотнѣе бросился въ пучину, король кинулъ въ нее золотую чашу, сказавъ Николаю, что если онъ ее достанетъ, то она будетъ принадлежать ему. Водолазь досталъ ее и рассказалъ королю о всѣхъ ужасахъ Харибды и между прочимъ—о страшныхъ морскихъ чудовищахъ. Король велѣлъ накормить усталого водолаза, а затѣмъ, желая узнать о пучинѣ подробнѣе, склонилъ Николая броситься въ бездну еще разъ, обѣщая ему за это туго набитый золотомъ кошелекъ. Николай бросился, но уже болѣе не возвратился.—Предполагаютъ, что этотъ-то рассказъ о Николаѣ-Рыбѣ и послужилъ основаніемъ для «Кубка», хотя не прямо по Кирхеру, котораго Шиллеръ не зналъ, а по какому-либо позднѣйшему пересказу того, о чемъ говоритъ Кирхеръ. Но откуда бы Шиллеръ не заимствовалъ содержаніе для своего стихотворенія, — во всякомъ случаѣ оно не простое сказаніе, а превосходное произведеніе великаго художника. Въ немъ, въ прекрасной формѣ, въ лицѣ пажа изображены идеальныя черты рыцарства. Это главное. Въ частности обращаетъ на себя вниманіе замѣчательное описаніе водоворота, тѣмъ болѣе, что Шиллеръ самъ не только не видѣлъ Харибды, но даже никогда не видѣлъ ни моря, ни водопада, а могъ наблюдать водоворотъ только на мельницѣ. О Харибдѣ же онъ зналъ лишь то, что сказано о ней въ «Одиссеѣ» Гомера²⁾.

¹⁾ Въ Сициліи были три короля съ этимъ именемъ. Они были въ промежутокъ времени 1296—1877 гг.

²⁾ Въ Одиссеѣ (кн. XII, ст. 234—244) сказано

Въ страхъ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ,

Переводъ Жуковскаго, не смотря на нѣкоторыя уклоненія отъ подлинника, иногда значительно измѣняющія тонъ его, считается лучшимъ ¹⁾).

П Е Р Ч А Т К А .

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взгляды,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.
Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь:
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ;
Кругомъ глаза угрюмо водить;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король спячь рукою махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прынулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,

Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли оны, клокоча и бурваясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятае ужасомъ блѣднымъ,
Съ трепетомъ очи свои на грозящую гибель вперяли.

¹⁾ Подробный разборъ баллады „Кубокъ“ см. въ книгѣ Д. В. Цвѣтаева: Баллады Шиллера“, Воронежъ. 1862 г. (отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“).

Себя хвостомъ по бедрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжелой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали и легли.
И гости ждуть, чтобъ битва началась.
Вдругъ женская съ балкона сорвалась
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрный,
Ты любишь такъ, какъ говоришь,—
Ты мнѣ перчатку возвратишь“.
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.
У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: „Не требую награды!“

Содержаніе баллады „Перчатка“ заимствовано Шиллеромъ изъ разсказа, помѣщеннаго въ сочиненіи Фуа: „Изслѣдованія о Парижѣ“ ¹⁾, подъ рубрикою „Львиная улица“. Сказавъ, что Львиная улица получила свое названіе оттого, что на ней находились помѣщенія для королевскихъ львовъ, авторъ приводитъ слѣдующій разсказъ: „Однажды, когда Францискъ I готовился смотрѣть бой своихъ львовъ, одна дама умышленно уронила на арену перчатку и сказала своему рыцарю Делоржу: „Если хотите доказать, что такъ меня любите, какъ ежедневно клянетесь,—то поднимите перчатку“. Делоржъ сходитъ внизъ, беретъ перчатку, лежавшую среди ужасныхъ животныхъ, возвращается, бросаетъ перчатку дамѣ въ лицо—и затѣмъ болѣе уже не хочетъ ее видѣть“.

Хотя разсказъ этотъ и приуроченъ къ началу новыхъ временъ, но онъ, конечно, есть плодъ средневѣковой эпохи. Въ немъ отразились тѣ отношенія, которыя существовали въ средніе вѣка между рыцарями и ихъ дамами. Рыцарь былъ обязанъ не только чтить свою даму, но и исполнять малѣйшее ея желаніе. Съ другой стороны, дамы нерѣдко и злоупотребляли службой своихъ рыцарей. Въ приведенномъ разсказѣ отразилось и то и другое: и вѣрное служеніе рыцарей своимъ дамамъ, и нерѣдкое со стороны дамъ злоупотребленіе этимъ служеніемъ. Но разсказъ этотъ очень сухъ, прозаиченъ. Совѣмъ иное представляетъ собою художественный разсказъ Шиллера ¹⁾.

Переводъ Жуковскаго самъ по себѣ прекрасенъ, но онъ слишкомъ свободенъ ²⁾.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

1. Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ

¹⁾ Полное заглавіе этого сочиненія: *Essay historiques sur Paris de Monsieur de Saint Foix* (XVIII столѣтія).

¹⁾ Подробный разборъ баллады „Перчатка“ см. въ кн. Д. В. Цѣфтаева: „Баллады Шиллера“.

²⁾ Для сличенія нѣсколько первыхъ строкъ подлинника:

Vor seinem Löwengarten,
Das Kampfspiel zu erwarten
Saß König Franz,

- Сколь счастливъ я между царями!⁴
Царю Египта ¹⁾ онъ сказалъ.
2. — Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ ²⁾, опасный мститель;
Пока онъ дышитъ... побѣдитель,
Не довѣрай своей судьбѣ.—
3. Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ.
„Побѣдой ты украшенъ новой;
Да обовѣтъ опять лавровый
Главу властителя вѣнецъ;
4. Твой врагъ постигнуть строгой местью.
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Поллиторъ ³⁾“
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.
5. И гость воскликнулъ съ содроганьемъ
— Страпись! судьба очарованьемъ
Тебя къ гибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны
Еще не въ пристани твой флотъ.---
6. Еще слова его звучали...
А крики брегъ ужъ оглашали,
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.
7. И гость, увидя то, блѣднѣетъ.

¹⁾ Амазису (570—526 до Р. Хр.).

²⁾ Комментары предполагають, что тутъ говорится о братѣ Полибрата — Силосонѣ.

³⁾ Имя Поллитора — поэтѣмъ вымышлено.

— Тебѣ Фортуна благодѣть...
Но ты не вѣрь, здѣсь хитрый ковъ,
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ.—

8. И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
„Побѣда, царь! судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала“.

9. Испуганъ гость нежданной вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины ¹⁾ лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставались онѣ.

10. И мнѣ все въ жизни улыбалось:
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ:
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ ²⁾.

11. Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіаль.
Судьба и въ милостяхъ злодѣицецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

12. Когда жъ въ несчастьи рокъ ³⁾ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ: Mir grauet vor der Götter Neide; приписывать зависть богамъ (а не судьбинѣ, какъ у Жуковскаго) болѣе согласно съ вѣрованіями грековъ.

²⁾ Смерть сына Амазиса—Псамменита—выдумана поэтомъ.

³⁾ Въ подлинникѣ: Die Götter.

Твои сокровища несмѣтны;
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ.—

13. Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:

„Моимъ избраннымъ достойнымъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ...“
И перстень въ море онъ пустилъ.

14. На утро, только лучъ денницы

Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!“

15. Царь изъявилъ благоволенье...

Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ неожиданной вѣстію бѣжитъ:
„Найденъ твой перстень драгоценный;
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножомъ моимъ открытъ“.

16. Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,

Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою...“
Сказалъ—и разлучился съ нимъ.

Въ основаніи баллады „Поликратовъ перстень“, лежитъ рассказъ Геродота („Исторія“, кн. III, гл. 39—43), сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Поликрать, овладѣвъ всѣмъ Самосомъ, заключилъ дружественный союзъ съ египетскимъ царемъ Амазисомъ, счастье стало ему такъ благоприятствовать, что все выходило по его желанію. Другъ его Амазисъ сталъ тревожиться такимъ необычнымъ счастьемъ, и написалъ Поликрату слѣдующее письмо: „Пріятно узнать, что другъ и союзникъ имѣетъ успѣхъ въ своихъ дѣлахъ; но мнѣ это необыкновенное счастье не нравится,

ибо я знаю, какъ завистливы боги. Я лучше желаю и для себя и для тѣхъ, о комъ забочусь, чтобы одни дѣла имѣли успѣхъ, другія неудачу, и чтобы такимъ образомъ въ продолженіе всей жизни встрѣчать попеременно то одно, то другое, чѣмъ быть счастливымъ во всемъ. Я не слыхалъ ни о комъ, кто, имѣя во всемъ успѣхъ, не потерялъ бы подѣ конецъ полного несчастія. Поэтому послушайся меня и сдѣлай противъ своего великаго счастья: подумай, что ты считаешь самымъ дорогимъ для себя—и потеря чего наиболѣе огорчитъ тебя, забрось это туда, чтобы оно никогда не попадалось къ людямъ...“ Поликрать принялъ совѣтъ друга и, считая свой дорогой перстень такую драгоценностью, потеря которой наиболѣе могла бы огорчить его, забросилъ его въ море. Но на пятый или шестой день перстень былъ найденъ въ рыбѣ, которую ему принесъ въ подарокъ рыбакъ. Поликрать подумалъ, что дѣло это божеское, и написалъ о случившемся Амазису. Тогда Амазисъ понялъ, что великое счастье Поликрата грозитъ рано или поздно разразиться великою бѣдою, и послалъ къ нему вѣстника съ объявленіемъ, что онъ уничтожаетъ дружественный союзъ. Онъ сдѣлалъ это, чтобы не огорчиться за своего друга, когда на него обрушится великое и ужасное несчастіе.

Шиллеръ, измѣнивъ нѣкоторыя подробности этого разсказа, но оставивъ его идею, передалъ его въ превосходной поэтической формѣ ¹⁾).

ИВКОВЫ ЖУРАВЛИ ²⁾).

1. На Посидоновъ пиръ ³⁾ веселый,

¹⁾ Подробный разборъ баллады „Поликратовъ перстень“ см. въ книгѣ Д. В. Цвѣтаева: „Баллады Шиллера“.

²⁾ Ивикъ (Ibycos, Ἴβυκος)—греческій лирической поэтъ, современникъ Анакреона, родомъ изъ Регіума, въ Нижней Италіи, жилъ въ половинѣ VI-го столѣтія до Р. Х. Веда страннической образъ жизни и переходя съ мѣста на мѣсто, онъ однажды пробылъ довольно долгое время при дворѣ Поликрата Самосскаго. По народному преданію, онъ былъ убитъ разбойниками во время своего путешествія на Истмійскія игры, и убійцы были открыты журавлями, пролетавшими мимо во время совершенія злодѣянія. Этимъ преданіемъ и воспользовался Шиллеръ для своей баллады: „Ивиковы журавли“. Поэтическія произведенія Ивика сохранились лишь въ отрывкахъ и изданы въ 1833 году въ Геттингенѣ Шмейдевиномъ въ *Delectus poetarum Graecorum* и Бергомъ въ Лейпцигѣ въ 1853 году въ *Poetae lyrici Graeci*“.

³⁾ Посидоновъ пиръ—г. е. Истмійскія игры, которыя два раза въ каждую Олимпіаду.

Куда стекались чада Гелы ¹⁾
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шель Ивикъ, скромный другъ боговъ ²⁾
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шель, вдохновенный, къ Истму онъ.

2. Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринъ ³⁾ и горы,
Сліянны съ синевою небесь.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ ⁴⁾...
Все тихо: лѣсъ не колыхнется,
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вѣется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

3. „О спутники, вашъ родъ крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
Сказавъ: „прости!“ родной странѣ,
Чужого берега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы“.

4. И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зреть—убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;

пѣду отправлялись на Истиѣ въ честь Посидона (Нептуна). Игры эти, учрежденныя, какъ говоритъ преданіе, Тезеемъ, были знамениты не менѣе Олимпійскихъ.

¹⁾ Элла, Элада—имена древней Греціи. „Чада Гелы“—т. е. греки.

²⁾ „Другомъ боговъ“ Ивикъ названъ какъ поэтъ. (Слѣдуетъ припомнить взглядъ грековъ на поствоѣ и на поэзію. См., напримѣръ, въ Одиссеѣ: „Одиссей у Алиноя“, рапсодія VII, гдѣ выведенъ пѣвецъ Демодонъ).

³⁾ Акрокоринъ—возвышенная часть города Коринва, вышгородъ, какъ въ Аеянахъ—Акрополь.

⁴⁾ Т. е. лѣсъ, посвященный Посидову.

Ночась судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лириными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

5. Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...

Лишь эхо стопы повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей ¹⁾...“

6. И онъ боролся ужь съ кончипой...

Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной...
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенающій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!“

7. И трупъ узрѣли обнаженный:

Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринескій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ“ ²⁾.

8. И внемлютъ гости Посидона,

Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердець печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Притановъ ³⁾ окружилъ народъ,

¹⁾ Слѣдуетъ припомнить о томъ значеніи, которое имѣло для грековъ погребеніе умершихъ. (См., напримѣръ, въ Иліадѣ: „Пріамъ въ нущѣ Ахиллеса“, рилсодія XXIV).

²⁾ Побѣдители получали сосновые вѣнцы.

³⁾ Пританы—избранные люди въ городѣ, судьи.

И вопить: „Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!“

9. Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно

Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.

И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Гелиось, ¹⁾ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

10. Съ поднятой, можетъ быть, главою.

Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой ²⁾;
Или тѣснитъ на ступени
Амфитеатра за толпой,

11. Гдѣ, устремивъ на сцену ³⁾ взоры

(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходи до синевы небесъ.

12. И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?

¹⁾ Гелиось—Сожество солнца.

²⁾ Къ числу безкровныхъ жертвъ, приносимыхъ богамъ древними, относилось и сожиганіе разныхъ пахучихъ веществъ, въ томъ числѣ и ладана.

³⁾ Греческій театръ раздѣлялся на три части: а) сцену (σκηνη) — мѣсто дѣйствія театральнаго представленія; б) оркестръ (орхистра), — гдѣ помѣщался хоръ, и в) амфитеатръ, или собственно театръ (θεατρον, отъ глагола θεαομαι—смотреть), — гдѣ помѣщались зрители. Греческіе театры были такъ велики, что вмѣщали иногда 30,000 (въ Афинахъ) и 40,000 (въ Мегалополисѣ) зрителей. Актеры надѣвали маски—трагическія и комическія, смотря по пьесѣ, — и котурны, или сандалии на высокихъ каблукахъ.

Пришли отсюда: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микши,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Фракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

13. По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрпой и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружень,
Обходить вокругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земного перешла.

14. Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впады,
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ ¹⁾.

15. И стали въ кругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающей боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И чира, онѣмѣвъ, молчитъ:

16. „Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему вослѣдъ;

¹⁾ Здѣсь описаны Эринніи, или Эвмениды — духи злобы, адскія фуриі, описанныя имѣями и со змѣями, вмѣсто волосъ, на головѣ. Онѣ находились при входѣ въ подземное царство и терзали тѣхъ умершихъ, которые надѣлали въ жизни много зла и не примирились съ богами. Этотъ мифъ олицетворяетъ терзанія нечистой совѣсти.

Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

17. „Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсѣ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растрезанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачь—веселье намъ:
Терзать васъ будемъ до Коцита ¹⁾,
Но не покинемъ васъ и тамъ“.

18. И пѣснь ужасныхъ замолчала,
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

19. И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденъемъ—
Со страхомъ мнить о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываясь, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей...

20. И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парфеній, слышишь?.. Крикъ вдали:
То Ивиковы журавли!..“
И небо вдругъ покрылось тьмою;

¹⁾ Коцитъ въ греческой мѣологіи представляется рѣкою подземнаго царства. Коцитъ—рукавъ Стикса (тоже мѣщеская рѣка), который, вмѣстѣ съ р. Перифлегетономъ, впадаетъ въ озеро Ахеронъ.

- И воздухъ весь отъ крыль шумить;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летить.
21. „Что? Ивикъ!...“ Все поколебалось—
И имя Ивика промчалось
Изъ усть въ уста... шумить народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семь словъ сокровенно?
И что сихъ журавлей полеть?“
22. И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше вдохновенье,
Блеснула мысль: „Убийца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ,
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ...
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!“
23. И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незаконной рѣчью обличенный,
Исторгнуть изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клеветомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачь—былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть—была имъ приговоръ.

Преданіе о смерти Ивика передано нѣсколькими древними писателями ¹⁾. Въ основаніи этого преданія лежитъ идея о возмездіи за преступленіе; но Шиллеръ въ своей балладѣ занять не этой идеей: его цѣль была указать силу вліянія поэзіи на душу человѣка. Вотъ почему онъ и внесъ въ свое произведеніе такія подробности, которыхъ нѣтъ въ преданіи; онъ изображаетъ греческій театръ, выводитъ хоръ Эриній, заставляетъ ихъ пропѣть свою ужасную пѣснь и затѣмъ указываетъ

¹⁾ Свидою, Антипатромъ Сидоніемъ, Плутархомъ.

на то впечатлѣніе, которое пѣснь эта произвела на зрителей. Баллада „Ивиковы журавли“ принадлежитъ къ числу самыхъ художественныхъ произведеній не только Шиллера, но и вообще нѣмецкой поэзіи ¹⁾).

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ ²⁾).

Снова геній жизни вѣтъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣтъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Все цвѣтеть—лишь мой единственный
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.
Я вездѣ ее искала—
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тьмы Эреба ³⁾
Лучъ его пронзить не могъ
Тѣ берега недостижимы,
И богамъ ихъ страшень видѣ...
Тамъ она! неумолимый

¹⁾ Подробный разборъ баллады „Ивиковы журавли“ см. въ книгѣ Д. В. Цвѣтаева: „Баллады Шиллера“.

²⁾ Въ основаніи баллады „Жалоба Цереры“ лежитъ древнегреческій мифъ о похищеніи Прозерпины, дочери Цереры, Плутономъ, богомъ подземнаго царства—Аида. Церера (греческое имя ея—Деметра), богиня земледѣлія, олицетворяла собою плодоносную силу природы. Шиллеръ же съ мыслию объ этой силѣ природы соединилъ еще и общечеловѣческую идею материнской любви.

³⁾ Эребъ—одно изъ названій подземнаго царства.

Ею властвуетъ Аидъ.
Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходить челнъ Харона ¹⁾,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится, —
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.
Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальный
Возвращаетъ имъ дѣтей ²⁾;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладю утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки ³⁾ строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать;
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.
Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ

¹⁾ Харонъ—мифическій перевозчикъ, переправлявшій на своемъ челнѣ души умершихъ черезъ рѣку Стиксъ и озеро Ахеронъ въ подземное царство.

²⁾ Т.-е. по смерти, онъ, переправившись въ Аидъ, снова увидать тамъ своихъ дѣтей.

³⁾ Парки — богини судьбы, располагавшія жизнью людей. Ихъ было три: Клото (пряжа), присутствовавшая съ прялицею при рожденіи, Лахезисъ (дающая жребій жизни) пряла дни людей, и Атропосъ (неотвратимая) отрѣзывала нить ихъ.

Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бѣ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.
Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходить Геліосъ прекрасный;
Все навѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ ¹⁾
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида ²⁾
Не сойдетъ на Ахеронъ!
Нѣтъ ли мнѣ чего отъ милой
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь? .
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ.
Намъ святыя боги дали
Усладительный языкъ.
Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губить нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,

¹⁾ Не воленъ, потому что Зевесъ, какъ свѣтлый богъ, не можетъ проникнуть въ темное царство Аида, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго.

²⁾ Ирида—богиня радуги.

И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна *) щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.
Ими таинственно слита
Область тьмы съ странною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ жевомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призыванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.
О, привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей!

*) Вертумнъ—(vertumnus—осень) богъ-хранитель осеннихъ посѣвовъ, лѣтнихъ жатвъ и раздаватель осеннихъ даровъ.

Вы тоски моей услада,
 Образъ дочери моей;
 Васъ налью благоуханьемъ,
 Папою живой росой,
 И съ Авроринымъ сяньемъ
 Поравняю красотой;
 Пусть весной природы младость,
 Пусть осенній мракъ полей
 И мою вѣщаютъ радость,
 И печаль души моей

Между переводами изъ англійскихъ поэтовъ остапавливаетъ на себѣ вниманіе элегія Грея— „Сельское кладбище“. Элегія эта, переведенная прекрасными стихами (въ 1802 г.) и напечатанная въ Карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы“, положила основаніе литературной славы Жуковского. Вотъ эта элегія.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
 Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
 Усталый селянинъ медлительной стопою
 Идетъ задумавшись въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
 Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
 Лишь изрѣдка жужжа вечерній жукъ мелькаетъ,
 Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
 Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
 На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
 Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ
 Которые окрестъ развѣсившись стоятъ,
 Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
 Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
 Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
 Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,

Handwritten notes at the top of the page, including the number 255 and some illegible text.

Handwritten notes on the left margin, including the name "С. Жуков" and other illegible text.

Large handwritten notes on the right margin, including the name "С. Жуков" and other illegible text.

Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огонь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы золотую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкирь дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица крошилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣясь въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодною презрѣніемъ внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ.

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы—
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы неизблемы уставы:
И путь величія ко гробу насъ ведетъ;

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслить воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ;
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пенель нашъ они не воспалятъ.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратить?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременить.

Ахъ, можетъ быть, подъ сей могилую таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣщицѣ или мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ;
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

*не отращивать
смерть. а не отращивать
смерть и не отращивать*

*не отращивать
смерть. а не отращивать
смерть и не отращивать*

*не отращивать
смерть. а не отращивать
смерть и не отращивать*

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенный,
Въ бездонной пропасти сіяеть красотою;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.
Быть можетъ, пылью сей покрыть Гампденъ ¹⁾ надменный;
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагранный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ. X

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуны презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ—

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ музъ гордыни посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долину жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безопасно шли тропинкою своей...

И здѣсь спокойно спять подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?

¹⁾ Джонъ Гампденъ — знаменитый англійскій патриотъ (род. 1594 г.), былъ однимъ изъ рѣшительныхъ противниковъ Карла I и во время войны парламента съ королемъ стоялъ во главѣ оповиди.

Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не илѣнялся
И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, иъвецъ уединенный,
И твой ударить часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтеною сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:

„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

„Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею пвой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ задумавшись надъ свѣтлою рѣкой;

„Нерѣдко ввечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ роцѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

„Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому нячѣмъ души не усладить.

„Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни къ холмамъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ, искалъ—не находилъ.

„На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастливаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,

Чтобъ память добраго слезой благословить!“

— Здѣсь непель юпоши безвремени сокрыли;
Что слава, счастье—не зналъ онъ въ мѣрѣ семъ;
Но музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ,
Дарилъ несчастныхъ онъ, чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашель пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Съ 1841 г. начался новый періодъ въ жизни Жуковскаго; многое въ ней измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ его литературныхъ занятій: теперь любимымъ поэтомъ Жуковскаго сталъ уже не Шиллеръ, а Гомеръ—представитель той поэзіи, которая, какъ сказалъ самъ Жуковскій, „тиха, свѣтла и не стремится ни въ какую темную даль“. И дѣйствительно, самымъ главнымъ трудомъ Жуковскаго за этотъ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности, трудомъ, которымъ онъ занимался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1842—49), былъ переводъ *Одиссеи*. Замѣчательно, что Жуковскій, переводчикъ Гомера, вовсе не зналъ греческаго языка, а переводилъ по подстрочному нѣмецкому переводу. Вотъ что объ этомъ говоритъ самъ Жуковскій: „Въ Дюссельдорфѣ я нашель профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оргиналъ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, и подъ каждымъ нѣмецкимъ—грамматическій смыслъ оргинальнаго. Такимъ образомъ я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ *Одиссеи* и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; не-

доставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонию изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ фізіономіи оригинала“ 1).

Этотъ трудъ Жуковскаго былъ какъ бы продолженіемъ труда Гнѣдича, хотя достоинства обѣихъ переводовъ не равны: переводъ Гнѣдича отличается точностью, но зато есть недостатки въ языкѣ; переводъ Жуковскаго, наоборотъ, уступая въ точности, отличается большими литературнымъ достоинствами 2).

За Одиссеей Жуковскій началъ было переводить и Иліаду, но успѣлъ перевести лишь первыя двѣ пѣсни.

Переводы изъ Шиллера и Гомера—эти самыя капитальныя труды Жуковскаго—перемежались отъ времени до времени переводами и изъ другихъ поэтовъ: изъ Гёте, Уланда, Гердера, Де-ла-Моттъ-Фуке, Гебеля, Рюккерта, Саути, Мура, Байрона, Вальтеръ-Скотта, и др. 3).

Между всѣми этими переводными сочиненіями Жуковскаго есть много такихъ, которыя, по своему направленію, принадлежатъ къ такъ называемымъ *романтическимъ* произведеніямъ.

I Романтическое стихотвореніе — среднеевропейское
О романтизмъ.

Слова „романтизмъ“, „романтикъ“, „романтической“ употребляются теперь въ различныхъ значеніяхъ, а поэтому необходимо прослѣдить исторію развитія этихъ понятій.

На европейскомъ материкѣ наука и литература развилась впервые въ античномъ греко-римскомъ мірѣ, и кто знакомъ съ исторіей этого міра, тотъ знаетъ хорошо, до какой высоты доходила образованность грековъ и римлянъ. Но вдругъ бурно

1) См. письмо Жуковскаго къ гр. Уварову, помѣщенное вмѣсто предисловія къ Одиссеей (IV-й т. сочин. Жуковскаго, изд. 8-е).

2) Отрывки изъ „Одиссеи“ помѣщены во 2-й части „Приложенія“ къ моему „Теоріи словесности“.

3) Подробности см. выше, стр. 206—207.

двигающіеся народы напоромъ своей грубой силы даютъ цивилизацію античнаго міра, завоевываютъ провинціи римскаго государства, смѣшиваются съ покоренными обитателями, и изъ этого смѣшенія создаются новыя народности, которыя получаютъ названіе романскихъ. У этихъ романскихъ народовъ возникаетъ мало-по-малу своя цивилизація и появляется своя поэзія, и поэзіи этой, въ отличіе отъ поэзіи античной, даютъ названіе романтической. Слѣдовательно слово „романтической“ прежде всего означаетъ принадлежность романской народности, въ противоположность древнему греко-римскому міру; а выраженіе „романтическая поэзія“, означаетъ средневѣковую поэзію романскихъ народовъ, въ противоположность поэзіи античной, классической.

Романтическая поэзія, т.-е. средневѣковая поэзія романскихъ народовъ, развилаь подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыхъ не существовало для древняго греко-римскаго міра: 1) подъ вліяніемъ христіанства и 2) подъ вліяніемъ рыцарства. (Эти два фактора, оказывая свое вліяніе на развитіе романтической поэзіи, придали ей тѣ качества, которыя сдѣлались отличительными ея чертами и которыя, въ своей совокупности, стали выражаться словомъ романтизмъ.

Въ чемъ же заключается этотъ романтизмъ?—На романтическую поэзію вліяли, какъ уже было сказано, два фактора: христіанство и рыцарство. Укажемъ вліяніе того и другого.

1) Христіанство, покоривъ себѣ старыи міръ возвышенностью своего ученія, указало человѣку на духовную сторону его природы и довело его до сознанія, что онъ можетъ нравственно совершенствоваться, лишь подавляя въ себѣ плотскія, грѣховныя стремленія и тѣмъ давая перевѣсъ духу надъ тѣломъ „Христіанство—говоритъ одинъ нѣмецкій писатель ¹⁾),—какъ будто въ судный день, истребило весь чувственный міръ со всѣми его прелестями, снесло его въ одинъ надгробный холмъ, сдѣлало изъ него ступень небесной лѣстницы, и на мѣсто его воздвигло міръ духовный: все настоящее-земное принесено было въ жертву будущему-небесному“. И дѣйствительно, въ

¹⁾ Жанъ-Поль Рихтеръ, современникъ Гёте и Шиллера.

христіанскомъ мірѣ съ первыхъ же вѣковъ новой эры началась борьба между чувственнымъ и духовнымъ, и борьба эта нашла себѣ отраженіе въ романтической поэзіи. Изображая эту борьбу, во всякомъ случаѣ нравственно возвышающую чело-
вѣка, романтическая поэзія создала высокіе идеалы христіанина и рыцаря. Но съ другой стороны, какъ ни упорно борется чело-
вѣкъ, все же онъ не можетъ совершенно подавить въ себѣ требованія своей природы — и это обстоятельство, ясно говоря о несовершенствѣ нашей земной жизни, не давало возможно-
сти чувствовать себя удовлетвореннымъ и заставляло стре-
миться къ другому міру, далекому и таинственному. Отсюда на ряду съ стремленіемъ къ идеалу является и сознаніе неудовле-
творимости этого стремленія и вслѣдствіе этого — порывъ зем-
ного къ небесному. Романтизмъ прежде всего заключается въ этомъ раздвоеніи ¹⁾.

2) Не малое вліяніе на романтическую поэзію имѣло и рыцарство съ его геройствомъ, съ его понятіями о чести, о долгѣ, съ его взглядами на женщину. Рыцарство дало богатое содер-
жаніе романтической поэзіи, особенно въ Провансѣ, гдѣ эта поэзія развилась прежде всего и сильнѣе всего. «Здѣсь, въ свѣтлыхъ долинахъ Прованса, на берегахъ Гаронны, по роскошной береговой полосѣ Средиземнаго моря и по зеленымъ скатамъ Пиренейскихъ горъ, въ народѣ чрезвычайно живомъ и способномъ, впервые пробудилась романтическая поэзія. Здѣсь, на этой почвѣ встрѣчались въ ожесточенныхъ битвахъ Востокъ и Западъ, мавританскіе рыцари съ христіанскими; здѣсь бились въ послѣдней рѣшительной битвѣ Абдеррахмапъ и Карль Мартель, и здѣсь, наконецъ, Карль Великій съ своими паладинами совершалъ свои героическія походы. Можно было бы подумать, что вся рыцарская поэзія провансаловъ была пробуждена звуками мѣлическаго рожка, въ который Роландъ, умирая, протрубилъ въ послѣдній разъ въ Ронсеваль» ²⁾.

Вотъ главный топъ романтической поэзіи и вотъ ея содер-
жаніе. Остается еще сказать о ея обстановкѣ. Средневѣковой

¹⁾ См. Всеобщ. истор. литер. Юг. Шерра, изд. 3-о, т. I, стр. 156—157.

²⁾ См. тамъ же, стр. 168.

человѣкъ, какъ и древній, вѣрилъ въ чудесное, сверхъестественное, и воображеніе его населяло міръ разными духами и чудовищами. Отсюда и фантастическая обстановка того, о чемъ воспѣваетъ романтическая поэзія. 2)

Итакъ:

а) Романтическая поэзія, т.-е. средневѣковая поэзія романскихъ народовъ, есть поэзія самобытная. Представителями ея были народные пѣвцы въ Провансѣ — трубадуры, въ сѣверной Франціи — труверы.

б) Содержаніе романтической поэзіи давала дѣйствительная жизнь.

в) Такъ какъ романтическая поэзія изображала дѣйствительную жизнь, то въ ней и отразился тотъ романтизмъ, который существовалъ въ жизни, и черты этого романтизма слѣдующія:

1) стремленіе къ идеалу, выработанному подъ вліяніемъ христіанства, и въ то же время чувство неудовлетворенности вслѣдствіе сознанія невозможности достигъ идеала — и отсюда стремленіе къ другому, таинственному міру;

2) черты рыцарства;

3) любовь къ чудесному, фантастическому.

Такъ какъ романтическая поэзія отличается особыми чертами, то и самое слово „романтической“ получило второе значеніе: оно стало употребляться для обозначенія свойствъ романтизма, и въ этомъ второмъ значеніи оно можетъ прилагаться не только къ средневѣковой поэзіи романскихъ народовъ, но и вообще ко всему тому, что носитъ на себѣ характеръ романтизма. Такъ, напримѣръ, тотъ періодъ средневѣковой нѣмецкой поэзіи, когда и она стала отличаться чертами романтизма, называется періодомъ романтическимъ. Представителями средневѣковой нѣмецкой романтической поэзіи были пѣвцы — миннезенгеры. Вообще надо сказать, что слово „романтической“, во второмъ его значеніи, приложимо ко всей средневѣковой западно-европейской поэзіи, потому что романтизмъ хотя и появился впервые у романскихъ народовъ, но вскорѣ сдѣлался достояніемъ и всей западной Европы.

Въ теченіе XIV и XV столѣтій, когда рыцарство уже из-

вратилось, романтическая поэзія принимаетъ все болѣе и болѣе грубыя формы, и наконецъ исчезаетъ и самый интересъ къ ея содержанію, въ особенности между образованными классами, которые, чуждаясь и пренебрегалъ отечественными произведеніями, принялись за основательное изученіе классической древности—и наступила эпоха ложнаго классицизма, достигшаго апогея своего развитія въ вѣкъ Людовика XIV. Однако пришло время, когда начали наконецъ сознавать недостатки ложнаго классицизма — и вотъ еще въ первой половинѣ XVIII ст. въ европейской литературѣ появляется новое направленіе—сентиментальное. Но сентиментализмъ, будучи одностороннимъ, такъ какъ онъ обращалъ вниманіе только на сердечную жизнь человѣка, между тѣмъ какъ есть еще и другая сторона внутренней жизни, выражающаяся въ стремленіи къ высокому, къ духовно-прекрасному,—тоже не былъ вполнѣ удовлетворительнымъ, а крайнія увлеченія имъ скорѣе отталкивали отъ него, чѣмъ привлекали, и потому сентиментализмъ не былъ достаточно силенъ для борьбы съ ложнымъ классицизмомъ. Въ борьбѣ съ нимъ большое имѣло значеніе знакомство съ истиннымъ классицизмомъ посредствомъ перевода поэтическихъ произведеній древнихъ писателей. Но окончательный ударъ ложному классицизму былъ нанесенъ лишь тогда, когда нѣкоторые нѣмецкіе писатели, задумавъ обновить литературу, стали обращаться за содержаніемъ для своихъ поэтическихъ произведеній къ среднимъ вѣкамъ. Произведенія этихъ писателей, имѣвшія отношеніе къ среднимъ вѣкамъ, также получили названіе *романтическихъ*.

Но въ своемъ обращеніи къ среднимъ вѣкамъ не всѣ писатели держались одинаковой мѣры. Нѣкоторые изъ нихъ до того увлеклись средневѣковымъ міромъ, что даже хотѣли какъ бы вернуть его, возстановить и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, и въ народной жизни ¹⁾. Представителями

---

¹⁾ „Громко было возвѣщено романтикамъ, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ религію, какъ высшей точкѣ, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни приобрѣли

такого крайняго романтическаго направленія были нѣмецкіе писатели: братья Августъ Шлегель (1767—1845) и Фридрихъ Шлегель (1772—1829), Повались (1772—1801) и Тикъ (1773—1855). Но вернуть прошлое нельзя, и попытка этихъ увлекавшихся людей такъ и осталась попыткою, а между тѣмъ слово „романтическій“ приобрѣло себѣ новое, уже третье значеніе: оно стало указывать на отношеніе къ школѣ новыхъ романтиковъ—къ школѣ Шлегелей и Тика, и въ этомъ значеніи даже стало синонимомъ словъ: „отсталый“, „ретроградный“. Со-всѣмъ иначе относился къ среднимъ вѣкамъ Шиллеръ: онъ, нисколько не думая возвращать ихъ къ жизни, воспроизводилъ лишь въ художественной формѣ черты средневѣковыя и въ особенности черты средневѣковаго романтизма. Подобно ему поступали и другіе лучшіе нѣмецкіе писатели—напр. Гёте, Уландъ, Гердеръ, а также и нѣкоторые англійскіе. Произведенія этихъ писателей съ сюжетами, относящимися къ среднимъ вѣкамъ, и называются *романтическими* въ томъ смыслѣ, что въ нихъ отразились черты средневѣковаго романтизма.

*Идеализмъ романтизма по идеалу, но не реализмъ
его, реализмъ романтизма — идеализмъ романтизма.*

Оригинальныя произведенія Жуковскаго.

Изъ оригинальныхъ сочиненій Жуковскаго одни написаны стихами, другія прозой. Изъ стихотвореній самыя замѣчательныя тѣ, которыя имѣютъ наиболѣе отношенія къ внутреннему міру самого Жуковскаго, и между такими наибольшаго вниманія заслуживаетъ элегія „Теонъ и Эсхинъ“

теонъ и эсхинъ (1814).

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,

Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.

Онъ долго за счастьемъ по свѣту бродилъ—

Но счастье, какъ тѣнь, убѣгло.

тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то, съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго міра въ Церкви, государствѣ и народной жизни, неминуемо должна обновиться также поэзія и наука“. (См. Всеобщ. истор. литер. Юг. Шерра, изд. 3-е, т. II, стр. 262).

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость...

Все тѣ жъ берега и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищеть Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливоу и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гладкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленіи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и въ мигъ узнаеть
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!“

Handwritten notes in Russian:
Тасуется въ душевное...
Съ...
но не душевное...
каждый...
прямые...
1...
2...
3...
4...
5...
6...
7...
8...
9...
10...
11...
12...
13...
14...
15...
16...
17...
18...
19...
20...
21...
22...
23...
24...
25...
26...
27...
28...
29...
30...
31...
32...
33...
34...
35...
36...
37...
38...
39...
40...
41...
42...
43...
44...
45...
46...
47...
48...
49...
50...
51...
52...
53...
54...
55...
56...
57...
58...
59...
60...
61...
62...
63...
64...
65...
66...
67...
68...
69...
70...
71...
72...
73...
74...
75...
76...
77...
78...
79...
80...
81...
82...
83...
84...
85...
86...
87...
88...
89...
90...
91...
92...
93...
94...
95...
96...
97...
98...
99...
100...

Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лицо его скорбно и мрачно.

На друга внимательно смотритъ Эхинъ—
Взоръ друга прискорбень, но ясенъ.

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
„Эхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.

„О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!

Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

„Вотъ счастье, о другъ мой; оно не мечта!
Эхинъ, я любилъ, и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣ великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно.

Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...

Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла —
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ!

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушить могила.

„Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіянемъ Авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я — человекъ,
Всегда возвышаюсь душою.

„А этотъ безмолвный таинственный гробъ...
О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,

справа сараваніо это иуде-
внѣннѣо релігозѣо жидѣннѣа ии-
теи оицаи орам. не шипет
ѣ разогорѣннѣи
у фамиліи. нѣтѣи отаи
ѣ шѣдѣ еѣи всѣи надеѣи
ѣѣѣѣи прѣѣѣѣи, ѣѣѣѣи-
ѣѣѣѣи каѣѣи.)

Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

„Сей гробъ, затворенная къ счастью дверь,
Отворится... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

„О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку; близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горе и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнодавцу-Зевесу!“

Въ стихотвореніи „Теонъ и Эсхинъ“ отразились тѣ чувства и мысли, которыя овладѣли Жуковскимъ послѣ того, какъ въ 1812 г. онъ утратилъ надежду на возможность устроить свое семейное счастье такъ, какъ ему хотѣлось. Съ потерей этой надежды, чувство грусти и неудовлетворенности должно было сильно развиться, но оно не довело Жуковскаго до отчаянія: вѣра въ загробную жизнь спасла его. Убѣжденіе,

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится...
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ --

подкрѣпляло его и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло стремиться къ этой „тайной странѣ“, какъ къ желанной цѣли. Но путь въ эту „тайную страну“ тяжелъ при одиночествѣ. Чтобъ облегчить его, поэтъ обращается къ своему прошедшему и въ воспоминаніи о немъ ищетъ отрады. Эти воспоминанія о любимомъ человѣкѣ согрѣваютъ и возвышаютъ его душу и подкрѣпляютъ

его на пути въ тотъ міръ, гдѣ ожидаетъ его Спутникъ, только на мигъ явившійся ему въ этой жизни ¹⁾.

Мысли и чувства, выраженные въ „Теодъ и Эскинъ“, повторяются и во многихъ другихъ произведеніяхъ Жуковскаго. Такъ, на примѣръ, въ стихотвореніи „Долова арфа“ (1814) поэтъ изображаетъ любовь Арминія и Минваны. Арминій — бѣдный пѣвецъ; Минвана — дочь морвенскаго владыки. Это неравенство служитъ причиною ихъ земного несчастія: отецъ Минваны, узнавъ о ея любви, осуждаетъ Арминія на изгнаніе. Арминій не переноситъ разлуки и умираетъ, а вскорѣ затѣмъ умираетъ съ тоски и Минвана. Стихотвореніе заканчивается слѣдующей картиной:

И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей,—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ ²⁾.

Упованіе на счастье въ загробномъ мірѣ выражено Жуковскимъ и въ стихотвореніи „Писня“ (1813), написанномъ въ подражаніе одному нѣмецкому стихотворенію ³⁾

Упованіе на счастье въ загробномъ мірѣ, неудовлетворенность настоящимъ ³⁾ и тоска по „благамъ прежнихъ лѣтъ“ были любимыми темами Жуковскаго. Эти чувства свои онъ выражалъ не только въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ, но и въ подражаніяхъ и вольныхъ переводахъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательно стихотвореніе: „Опять ты здѣсь, мой благодатный гений“, представляющее собою вольный переводъ стихотворенія Гёте ⁴⁾.

¹⁾ Надо замѣтить, что въ 1814 году, къ которому относится это стихотвореніе, Марія была еще жива; но поэтъ беретъ здѣсь смерть просто какъ одну изъ причинъ разлуки.

²⁾ Т.-е. звучатъ струны той арфы, которую Арминій, разставаясь съ Минваной, повѣсилъ на дубѣ, у котораго онъ и Минвана обыкновенно сидѣли на свиданьяхъ.

³⁾ Отрывокъ см. выше, стр. 200.

⁴⁾ Стихотвореніе: „Опять ты здѣсь, мой благодатный гений“ написано въ

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснѣе ты, мечта, въ душѣ моей...
Приди жь, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минушею мнѣ жизнью повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаеъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
Ты все опять, душа моя, узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждъ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней нѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертая къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могучій духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ:
Разбросаны по вѣтъ дорогамъ міра!..
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленіе въ оный таинственный свѣтъ
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

на а н н н

Нельзя не видѣть, что во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ отразилось такое настроеніе поэта, которое чрезвычайно напоминаетъ собою романтизмъ.

видѣ пролога къ „Девятинадцати спящимъ дьяволъ“. Это произведеніе въ стихахъ состоитъ изъ двухъ частей 1-ая часть—баллада „Громобой“—написана въ 1810 г., когда Жуковскій еще жилъ среди дорогихъ ему родныхъ и друзей; 2-ая часть—баллада „Вадимъ“—написана гораздо позже, когда, по разнымъ обстоятельствамъ, родственныи кружокъ распался—и „счастливый край опустѣлъ“. Сравненіе времени, когда написана первая баллада, съ обстоятельствами, при которыхъ написана вторая, вызвало въ душѣ Жуковскаго чувство грусти, которое онъ и выразилъ въ вольномъ переводѣ стихотворенія Гёте, написаннаго этимъ поэтомъ въ видѣ посвященія при окончаніи 2-ой части „Фауста“.

Изъ двухъ оригинальныхъ стихотвореній Жуковского замѣчательна его баллада „Свѣтлана“ (1811), въ которой описываются святочные гаданья русскихъ дѣвушекъ и сонъ Свѣтланы.

С В Ъ Т Л А Н А .

Разъ въ Крещенскій вечерокъ Дѣвушки гадали: За ворота башмачокъ, Снявъ съ ноги, бросали; Снѣгъ пололи; подъ окномъ Слушали; кормили Счетнымъ курицу зерномъ; Ярый воскъ топили; Въ чашу съ чистою водою Клади перстень золотой, Серьги изумрудны; Разстлала бѣлый платъ, И надъ чашей пѣли въ ладъ Пѣсенки подблудны.▷ Тускло свѣтится луна Въ сумракѣ тумана,— Молчалива и грустна Милая Свѣтлана. „Что, подруженька, съ тобой? Вымолви словечко; Слушай пѣсни круговой, Впнѣ себѣ колечко. Пой, красавица: „Кузнецъ, „Скуй мнѣ златъ и новъ вѣпецъ, „Скуй кольцо златое: „Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ, „Обручаться тѣмъ кольцомъ „При святомъ паломѣ“.	Утоли печаль мою, Ангель-утѣшитель!— Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ Бѣлой пеленою; И на томъ столѣ стоитъ Зеркало съ свѣчкою; Два прибора на столѣ. „Загадай, Свѣтлана; Въ чистомъ зеркалѣ стеклѣ Въ полночь, безъ обмана Ты узнаешь жребій свой: Стукнетъ въ двери милый твой Легкою рукою; Упадетъ съ дверей запоръ; Сядетъ онъ за свой приборъ Ужинать съ тобою“.
— Какъ могу, подружки, пѣть? Милый другъ далеко; Мнѣ судьбина умереть Въ грусти одинокой. Годъ промчался—вѣсти нѣтъ; Онъ ко мнѣ не пишетъ; Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ, Имъ лишь сердце дышитъ. Иль не вспомнишь обо мнѣ? Гдѣ, въ какой ты сторонѣ? Гдѣ твоя обитель? Я молюсь и слезы лью!	Вотъ красавица одна Къ зеркалу садится; Съ тайной робостью она Въ зеркало глядится; Темно въ зеркалѣ; кругомъ Мертвое молчанье; Свѣчка трепетнымъ огнемъ Чуть лиетъ сіянье... Робость въ ней волнуетъ грудь; Страшно ей назадъ взглянуть; Страхъ туманитъ очи... Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ, Крикнулъ жалобно сверчокъ, Вѣстникъ полуночи. Подпершия локоткомъ, Чуть Свѣтлана дышитъ. Вотъ—легохонько замкомъ Кто-то стукнулъ, слышитъ; Робко въ зеркало глядитъ: За ея плечами Кто-то, чудилось, блеститъ Яркими очами.

Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шепотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса:
Твой услышалъ ропотъ!“

Оглянулася—милой къ пей
Простирасть рука.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! пошъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дѣлкономъ, дѣлками;
Лякъ вѣнчальну пѣсню поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!“—
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣля--копи съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялася
Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ!
Степь въ очахъ Свѣтланы!
На луи туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣще дрожить;
Робко дѣва говорить:
„Что ты смолкнулъ, милій?“
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Толчутъ снѣгъ глубокой...
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь открыли;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тусклетъ въ нимамъ;
На среднѣй черный гробъ;
И гласитъ протяжно пошъ:
„Буди взяты могилой!“

Пуще дѣвица дрожить;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый!

Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воропъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темпу даль,
Подымая гривы;
Брежить въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ—
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывалъ, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчался—и въ мигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали!
Одинокая, впотъмахъ,
Врошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучить...
Дверь шатнулася... скрипнуть...
Тихо растворилась.

Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Блѣю запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой...
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилася;
И, съ крестомъ своимъ въ рукахъ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло — вьюги нѣтъ...
Слабо свѣчка тлится;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье!..
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье...
Вотъ глядятъ: къ пей въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ.
Обнялъ ихъ крылами.
Смогло все опять кругомъ.
Вотъ Свѣтланѣ мнигся,
Что подъ бѣлымъ долотномъ
Мертвый шеволится...
Сорвался покровъ; мертвецъ—
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь: на лбу вѣнцъ,
Затворѣши очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стопъ...
Силится раздвинуть оупъ
Руки охладѣлы...
Что же дѣвица?.. Дрожить...
Гибель близко... во не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся, развернулъ
Легкія оупъ крылы;
Къ жертвену на грудь вспорхнулъ...
Всеѣ лишенныи силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно оупъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Слова бѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась...
Глязь Свѣтлана— о Творецъ!
Милый другъ ея— мертвецъ!
„Ахъ...“ и пробудилась.

Гдѣ жъ?.. У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,

Депъ встрѣчая пѣньемъ;
Все блестить... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сповидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ оупъ—
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
Радость пль кручипу?“

Сѣла (тяжко востъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Свѣтъ на солнышкѣ блестить,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!.. въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рыяны;
Ближе... вотъ ужъ у воротъ...
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?.. Женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель мукъ?
Другъ съ тобой; все тотъ же оупъ
Въ оупъ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улибнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ пей большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ,
Свѣтъ—судья лукавчій.

Р. Стрелинскій въ канцелярско-мъ словъ
идеалу (неопредѣленности)

Вотъ баллады толкъ моей:
Лучшій другъ намъ въ жизни сей —
Вѣра въ провидѣнье.
Блажь Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье“.

Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день,
Ахъ! да пронесется

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана...
Будь, Создатель, ей покровы!
Ни печали рана,

Мимо — бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

Что же касается патриотическихъ стихотвореній Жуковскаго ^{Т. П. Келеръ въ стѣснѣнн. рѣ. въ} 1), то лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ признать „Народный гимнъ“ (1814); остальные очень напоминаютъ собою ложно-классическую торжественную лирику. Но, теряя въ художественномъ отношеніи въ цѣломъ, они заключаютъ въ себѣ много прекрасныхъ отдѣльныхъ мѣстъ и служатъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того патриотическаго чувства, которымъ глубоко былъ проникнутъ Жуковскій; а то обстоятельство, что стихотворенія эти возбуждали въ свое время всеобщій восторгъ, ясно говоритъ, что патриотическія чувства Жуковскаго были не только его личными чувствами, но ими была одушевлена и вся Россія во время движенія, вызваннаго Наполеономъ.

Изъ оригинальныхъ сочиненій Жуковскаго, написанныхъ прозою, большая часть принадлежитъ къ разряду замѣтокъ, разсужденій и критическихъ статей. Къ этому разряду относится и статья, подъ заглавіемъ: „Кто истинно добрый и счастливый человекъ“ (1808), гдѣ Жуковскій высказываетъ свой высокій взглядъ на семейную жизнь.

КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и, слѣдовательно, прямо счастливый человекъ.

Свѣтъ называютъ театромъ; каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ приобрести благородное названіе: „добрый“, чтобы имѣть право называться „счастливымъ“.

Ты съ честію служишь отечеству, судья справедливый: всѣ приговоры твои

1) См. выше выпускъ на стр. 202-й.

сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ, никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду неприятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣлательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе — хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ — единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ, — я долженъ послѣдовать за тобой во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ: всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ, не слышитъ рукоплесканій: онъ можетъ наслаждаться однимъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастьемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя зашнурованные покровы, свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета. И если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходитъ его къ супругѣ и дѣтямъ съ сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастье; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь, — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бывають нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бывають задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда сердце твое наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою: гдѣ же сіе счастье, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, певниное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинаковое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ не раздѣляемое? Въ счастьи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ некоторомъ отношеніи добрымъ

гражданствомъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнить для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинаковое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцомъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги: здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе такъ называемые счастливыя міра живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга: они бояться вступить въ его святилище. Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное посреди удовольствій однообразныхъ, но сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастья? Почитай обязанностию быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, по самыя драгоценныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства. Если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастье. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ и согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца: благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутнице твоихъ юношескихъ лѣтъ! Совершенствуй себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: илѣвшись ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которая неразлучна съ семейственною жизнью? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нея необходимое, то окружи себя его воспоминашемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтисю, твоею совѣстію. Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ рѣдкимъ—по рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастью; если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ,—то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титулу все утраченное его достоинство: на языкѣ твоёмъ счастье будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ—истинно добрый и счастливый человекъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окру-

жасть ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастья? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣплетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро; для каждой минуты есть собственное необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда готовятъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семейнымъ и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцомъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, которое не отрицаемо для сердца, испытывающаго прямую любовь, уновоющій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытывающаго прямую любовь,—ездѣ вы его найдете одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ среди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлутаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтъ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаемъ; ихъ мысленное присутствіе хранить его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочною своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходиться невиннымъ передъ судилище непристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли—къ счастью, основанному на совершенствѣ моральномъ,—который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда? Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства—мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ него унылость и екуку, возвышаетъ его, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ него царствуютъ. Перенесите мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ея наслаждаться. Здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: они услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе; благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милого существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сонутствуетъ тебѣ въ жилище печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастья? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не

для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоценнѣйшими залогами Его милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе; молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастье, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей—утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастье жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ; ты жилъ вмѣстѣ съ ними; ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми существами; спутники твои исчезли... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми дружественными тѣнями! Кто разъ наслаждался семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горестъ будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію ¹⁾.

За замѣтками, разсужденіями и критическими статьями надо упомянуть о сочиненіяхъ, относящихся къ разряду описательной прозы. Сюда относятся путевыя замѣтки о Саксоніи, Швейцаріи и Швеціи, написанныя во время путешествія по этимъ странамъ. Лучшая статья изъ этого разряда— „Очерки Швеціи“ (1838).

Поэтическихъ же произведеній, написанныхъ прозою, у Жуковскаго очень немного. Самое крупное изъ нихъ—повѣсть „Марьяна роца“ (1808), представляющая собою подражаніе „Бѣдной Лизѣ“ Карамзина. При этомъ однако надо замѣтить, что изъ всѣхъ подражаній „Бѣдной Лизѣ“—„Марьяна роца“ наилучшее.

Общій взглядъ на поэзію Жуковскаго.

Жуковскій, начавъ свою литературную дѣятельность въ такое время, когда, съ одной стороны, увлекались сентиментальными произведеніями Карамзина, а съ другой—еще не окончилось господство ложнаго классицизма, естественно могъ иногда под-

¹⁾ Эти послѣднія строки имѣютъ много общаго съ мыслями, высказанными въ стихотвореніи „Теонъ и Эскинъ“; но въ послѣднемъ, кромѣ того, находимъ и романтическое стремленіе въ таинственный міръ, вмѣстѣ съ вѣрою, что счастье, въ этомъ мірѣ утраченное, тамъ возвратится снова.

*Т. Знаменитый
какъ переводчик*

даваться вліянію то того, то другого направленія. И дѣйстви-
тельно, онъ заплатилъ дань и ложному классицизму и сентимен-
тализму: первому—въ своихъ патріотическихъ стихотвореніяхъ,
а второму болѣе всего въ повѣсти „Марьяна роща“. Но это
было, такъ сказать, лишь временнымъ уклоненіемъ съ того пути,
по которому Жуковскій шелъ въ теченіе всей своей литературной
дѣятельности: этотъ путь ознаменованъ цѣлымъ рядомъ такихъ
сочиненій, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, которыя
не могутъ быть названы ни ложноклассическими, ни сентимен-
тальными. Среди этихъ сочиненій самое главное мѣсто принад-
лежитъ переводамъ Жуковскаго, какъ изъ нѣмецкихъ и англій-
скихъ поэтовъ, такъ и изъ Гомера. Его переводы, захватывая
обширный кругъ поэтовъ, дали возможность намъ познакомиться
съ самыми разнообразными произведеніями иностранной лите-
ратуры, и новой и древней. Знакомство съ этими произведе-
ніями, расширяя литературные взгляды и выработывая вкусъ,
всего болѣе и способствовало къ окончательному паденію лож-
наго классицизма: послѣ Жуковскаго, давашаго намъ въ своихъ
переводахъ превосходные образцы различныхъ родовъ поэзи,
о ложномъ классицизмѣ не могло уже быть и помину.

И Романтизмъ — это не направление во поэзии Ж.

Если, основываясь на огромномъ большинствѣ произведеній
Жуковскаго, направленіе его нельзя назвать ни ложнокласси-
ческимъ, ни сентиментальнымъ,—то спрашивается: какимъ же
именемъ оно можетъ быть названо?

Въ исторіи нашей литературы направленіе Жуковскаго обык-
новенно называютъ романтическимъ. И дѣйствительно, напра-
вленіе Жуковскаго можно назвать романтическимъ, но только
не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово приложимо въ школѣ
Шлегелей и Тика: Жуковскаго можно назвать романтикомъ 1)
какъ переводчика романтическихъ произведеній нѣмецкой и
англійской литературы, а 2)—и въ этомъ случаѣ еще болѣе—
какъ оригинальнаго поэта, настроеніе котораго, благодаря
воспитанію и обстоятельствамъ жизни, приняло характеръ,
чрезвычайно напоминающій романтизмъ. И въ самомъ дѣлѣ, у
Жуковскаго очень ярко выступаютъ основныя черты романтизма:
возвышенная душа поэта, въ своемъ стремленіи къ идеалу, не

находитъ себѣ удовлетворенія въ настоящемъ-земномъ—и возлагаетъ всѣ свои надежды и упованія на будущее-небесное; отсюда и „стремленіе въ оный таинственный свѣтъ“.

Нѣкоторые современные критики смѣялись надъ романтизмомъ; въ „Вѣстникѣ Европы“ (1821 г., № 1) даже помѣщена была слѣдующая эпиграмма:

Во всемъ вліяніе чудесной вижу моды:
Сначала громкія у насъ гремѣли оды,
Потомъ мы ахали, а нынѣ всѣ толпой
Летимъ въ туманну даль, съ отцвѣтшею душой.

Но что бы ни говорили о романтизмѣ, во всякомъ случаѣ онъ есть порожденный христіанствомъ возвышенный порывъ души къ небу—и, какъ таковой, онъ заслуживаетъ глубокаго уваженія. Конечно, крайности во всемъ нехороши, и нѣкоторые подражатели Жуковского дѣйствительно впали въ крайность, воспѣвая неопредѣленные сердечныя грезы, сны и свиданья при лунѣ; но это не романтизмъ, а извращеніе его; въ основѣ же истиннаго романтизма лежитъ чисто христіанскій идеализмъ, и этимъ-то идеализмомъ и дорога поэзія Жуковского. Не даромъ онъ вложилъ въ уста Васко такія слова:

Поэзія—небесной религіи сестра земная ¹⁾.

Романтизмъ, по самой сущности своей, долженъ вызвать элегическое настроеніе; отсюда понятно, что и произведенія поэта, романтически настроеннаго, должны принять элегическій характеръ. У Жуковского же, помимо романтизма, были еще причины грусти: до 1841 г. имъ овладѣвала „тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ“, а въ послѣдніе годы, когда онъ уже узналъ отраду семейной жизни, его то беспокоила боязнь за прочность своего счастья, то посѣщала мысль или о своей грѣховности, или о суетѣ всего земного. Все это налагало на лирику Жуковского отпечатокъ грусти: но грусть его никогда не доходила до отчаянія: отъ этого Жуковского спасало его глубокое религиозное чувство.

¹⁾ См. драматическую поэму Жуковского: „Камозенсъ“ (1839 г., подражаніе Фр. Гальму).

Все до сихъ поръ сказанное относится къ внутренней стороне поэзии Жуковского, къ ея содержанію; теперь надо сказать и о ея виѣшной сторонѣ.

Между произведеніями Жуковского большая часть принадлежитъ къ числу переводныхъ. Спрашивается: какими же качествами отличаются его переводы?

IV. Если на переводъ поэтическаго произведенія смотрѣть одно-сторонне и требовать только одной точности,—то Жуковскій въ этомъ отношеніи не удовлетворитъ: онъ перѣдко относился къ подлиннику довольно свободно: иногда измѣнялъ выраженіе, иногда дѣлалъ даже вставки или пропуски. Но если на дѣятельность поэта-переводчика посмотрѣть шире и требовать, чтобы переводъ производилъ дѣйствіе, равносильное дѣйствію оригинала,—то въ такомъ случаѣ переводы Жуковского нельзя не назвать мастерскими: они такъ живы, такъ вдохновенны, что кажется, будто это не переводы, а оригинальныя созданія. Причина этого заключается въ томъ, что Жуковскій, выбирая себѣ для перевода то, что болѣе или менѣе соответствовало его душевному настроенію, самъ переживалъ все то, что переживалъ и оригинальный поэтъ во время созданія своего произведенія. Объ этомъ говоритъ и самъ Жуковскій въ одной изъ своихъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ ¹⁾.

„Переводчикъ стихотворца есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотворное, и планъ этого зданія принадлежать не ему...; но онъ остается творцомъ и выраженія. Онъ не найдетъ выраженій оригинальнаго автора въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразить его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія; когда, руководствуемый авторомъ оригинальнымъ, повторить съ начала до конца работу его гевія. Но сія способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ гевіемъ не есть ли сама по себѣ уже творческая способность?“

a) Слова эти справедливы, а слѣдовательно и Жуковскій, который былъ способенъ *наполниться чужимъ идеаломъ и преобразить его въ созданіе собственнаго воображенія*, который былъ способенъ

¹⁾ Въ статьѣ: Разборъ трагедіи Кревильона: „Радамистъ и Зепобія“, переведенной Висковатовымъ

повторить всю внутреннюю работу творческаго генія и при этомъ быть *творцомъ выраженія*, долженъ быть признанъ не только талантливымъ переводчикомъ, но и поэтомъ, отличающимся и въ своихъ переводахъ большою долею самобытности. „Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ въ стихахъ — соперникъ“, сказалъ Жуковскій—тоже въ одной изъ своихъ критическихъ статей ¹⁾.

Слогъ Жуковскаго отличается большою художественностью, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ; въ послѣдней очень много поэтическаго элемента.

Стихъ Жуковскаго составляетъ замѣчательную эпоху въ исторіи нашего стихосложенія: ни одинъ нашъ писатель до Жуковскаго не употреблялъ такихъ разнообразныхъ стихотворныхъ размѣровъ. При разнообразіи построенія, стихъ Жуковскаго отличается особенною легкостью и музыкальностью. Гекзаметръ доведенъ имъ до полной обработки. Въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“ онъ доказалъ, что употребленіе одной мужской рифмы нисколько не утомляетъ монотонностью.

Наконецъ, надо сказать, что Жуковскому мы обязаны введеніемъ у насъ новаго поэтическаго вида — баллады.

Пушкинъ въ своемъ извѣстномъ пятистишіи такъ отозвался о поэзіи Жуковскаго:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

(1787 — 1855).

Полную противоположность романтизму Жуковскаго представляетъ собою поэзія Батюшкова. „Въ то время“, говоритъ

¹⁾ Въ статьѣ: „О баснѣ и басняхъ Крылова“.

Гоголь, „когда Жуковский отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній,—Батюшковъ, какъ бы парочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу“.

И. Образованіи Б.
Біографическія свѣдѣнія о Батюшковѣ.

Батюшковъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; онъ родился въ Вологдѣ, откуда еще въ дѣтствѣ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ, подъ надзоромъ своего двоюроднаго дяди Михаила Никитича Муравьева (товарища министра народнаго просвѣщенія), воспитывался въ лучшихъ пансіонахъ. Вмѣстѣ съ основательнымъ образованіемъ, Батюшковъ приобрѣлъ и знаніе языковъ—французскаго, итальянскаго, пѣмецкаго и латинскаго, а также и любовь къ словесности. Последняя развилась въ немъ еще болѣе подъ вліяніемъ общества литераторовъ, собиравшихся въ домъ Муравьева, который и самъ былъ писателемъ и знатокомъ древнихъ и новыхъ языковъ.

*Писатель
его*
По окончаніи ученія Батюшковъ поступилъ на гражданскую службу, но она была лишь номинальная: онъ только числился на службѣ¹⁾, а на самомъ дѣлѣ все свое время посвящалъ занятіямъ исключительно литературнымъ. Однако такое свободное положеніе длилось не долго: въ 1806 году объявлена была война Франціи,—и Батюшковъ, увлекаемый патріотическимъ чувствомъ, поступилъ въ ряды нашего войска и оставался въ нихъ въ теченіе десяти лѣтъ (1806—1816), съ нѣкоторыми впрочемъ перерывами. Военная служба заставила Батюшкова многое испытать и обогатиться разнообразными впечатлѣніями: онъ участвовалъ въ прусской компаніи, въ которой (подъ Гейльсбергомъ, 1807) былъ тяжело раненъ въ ногу; затѣмъ во время шведской войны (1808—1809) былъ въ Финляндіи и хорошо познакомился съ этою страной „дикой, но прелестной и въ дикости своей“; тогда же сошелся онъ съ Петинымъ, впоследствии убитымъ подъ Лейпцигомъ, человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, дружба съ которымъ оставила глу-

¹⁾ Онъ числился сперва въ канцеляріи гр. Завадовскаго, министра народнаго просвѣщенія, а потомъ—письмоводителемъ при М. Н. Муравьевѣ.

бокій слѣдъ въ душѣ Батюшкова. Потомъ походы 1813—1814 гг. дали Батюшкову возможность побывать въ Германіи, въ Парижѣ, а оттуда съѣздить въ Англію. Изъ Англіи онъ проѣхалъ въ Швецію и наконецъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей, вернулся въ Петербургъ. Черезъ два года по оставленіи военной службы, Батюшковъ получилъ мѣсто при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ, и такимъ образомъ осуществилось его желаніе пожить въ Италіи.

Но не долго пришлось Батюшкову наслаждаться жизнью среди роскошной южной природы: въ 1822 году его поразило тяжкое несчастіе — умопомѣшательство, которое объясняютъ отчасти наслѣдственностью, такъ какъ этою же болѣзною страдала и его мать, а отчасти и общимъ разстройствомъ здоровья вслѣдствіе раны. Въ 1823 г. его перевезли въ Россію, и остальную половину своей жизни, слишкомъ тридцать лѣтъ, онъ провель въ Вологдѣ, и только за годъ до смерти (1855) вернулось нормальное состояніе его умственныхъ и душевныхъ силъ.

Время литературной дѣятельности Батюшкова было не продолжительно: она началась въ 1805 году, а въ 1820 уже закончилась. При томъ же и въ этотъ короткій періодъ времени много было помѣхъ поэтическимъ его занятіямъ: тревожная бивачная жизнь и частыя передвиженія съ мѣста на мѣсто хотя и обогащали массу впечатлѣній, но все же не позволяли вполнѣ отдаться поэзіи—и Батюшковъ могъ заниматься ею, такъ сказать, урывками. Этимъ и объясняется, почему Батюшковъ написалъ немного, но и немногое, имъ написанное, имѣетъ значеніе въ исторіи нашей литературы.

Сочиненія Батюшкова.

Батюшковъ писалъ и въ стихахъ и въ прозѣ. Стихотворенія его можно раздѣлить на слѣдующіе четыре отдѣла:

I. Стихотворенія анакреонтическаго ¹⁾ характера, къ

¹⁾ Анакреонтическими называются стихотворенія, написанныя въ духѣ греческаго поэта Анакреона (VI в. до Р. Хр.), воспѣвавшаго любовь, веселье и вообще удовольствія жизни. Анакреонтическое направленіе было усвоено многими французскими поэтами конца XVIII и начала XIX в., въ томъ числѣ и поэтомъ Барни.

которымъ относятся какъ переводы изъ французскаго поэта Парни и подражанія ему, такъ и собственныя стихотворенія Батюшкова въ томъ же духъ. Образцомъ подобныхъ стихотвореній можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ пьесы Батюшкова „*Веселый часъ*“ (1810):

Вы, други, вы опять со мною
Подъ тѣнью тополей густою!
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

Други! съядте и внемлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути!
Скажемъ юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться
Полной чашей радость пить:
Ахъ! не долго веселиться
И не вѣки въ счастья жити!

Но вы, о други, вы со мною
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

II. Стихотворенія, въ которыхъ авторъ, при воспоминаніи о важнѣйшихъ фактахъ своей жизни, передаетъ испытанныя имъ впечатлѣнія. Лучшія изъ этихъ стихотвореній—двѣ элегіи „*Посланіе къ Дашкову*“ (1813) и „*Тѣнь друга*“ (1814). Въ „*Посланіи къ Дашкову*“ поэтъ выражаетъ свою скорбь при видѣ сожженной столицы, жалость къ пострадавшимъ и ненависть къ виновникамъ бѣды — врагамъ.

И Жалоба
къ поэту
Давишвили

ПОСЛАНІЕ КЪ ДАШКОВУ.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Вѣгущихъ въ рубицахъ изданныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,

Онъ въ отчаяннѣ рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдьяное кругомъ.

Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ;
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнїя царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдые полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...

А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радости
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младости!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы
На голосъ мирныхъ цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ¹⁾ и вѣтренныхъ Цирпей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! Пока на полѣ чести
За древнїй градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родицѣ любовь,
Пока съ израцленнымъ геросемъ,

¹⁾ Армидъ — одна изъ женскихъ личностей въ „Освобожденномъ Иерусалимѣ“ Тассо.

Кому извѣстенъ къ славѣ гуть,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ, —
Мой другъ, дотоль будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любви свиты,
И радость шумная въ винѣ!

*Д. Кермане
написанъ
преславнѣ
друзя
воспитанъ
своимъ
и все -
сильнѣ*

Въ стихотвореніи „Тѣнь друга“ изображается душевное состояніе поэта, возбужденное обстановкой во время морского переѣзда изъ Англій въ Швецію. Подъ вліяніемъ обстановки поэтъ впадаетъ въ задумчивость и наконецъ рядомъ ассоціацій доходитъ до воспоминанія о погибшемъ другѣ — полковникѣ Петинѣ.

X Т Ъ Н Ъ Д Р У Г А .

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утоналъ;
За кораблемъ вилася гальціона¹⁾,
И тихій гласъ ея плывцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепеть парусовъ,
И кормчаго на палубѣ зыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ
Все сладкую задумчивость пидало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминашь,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыхалье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Шлейскими струями.
Но видъ не страшень былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселиемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты ль это?“ я вскричалъ: „о воинъ, вѣчно милый!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллонинныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ

1) Гальціона — птица -- зимородокъ.

Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣбѣ незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный звукъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!..“
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
И сонъ покинулъ очи.
Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихія грозныя казались безмолвны;
При свѣтѣ облаковъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны.
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Всѣ гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ, о лучшей изъ друзей!

Къ этому же отдѣлу можно отнести и тѣ стихотворенія, въ которыхъ Батюшковъ говоритъ о своей любви. Таково, напримѣръ, „Посланіе къ Вѣльгорскому“, гдѣ поэтъ вспоминаетъ о своей любви къ дѣвушкѣ, въ семействѣ которой, на берегахъ Двины, онъ, раненый (подъ Гейльсбергомъ), нашель себѣ гостепріимный кровъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ВІЕЛЬГОРСКОМУ.

О ты, владѣющій гитарой трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Вспомни, милый графъ, счастливы времена,
Когда насъ—юношей—увидѣла Двина,
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ любви я началъ воевать...
.....
О мой любезный другъ! отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣсноплѣнье,
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потеряныя права—
И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!

Тогда я съ сифами взлечу на небеса,
И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ своей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь—и нимфы горь при мѣсячномъ сіяньи,
Какъ тѣни легкія въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ сивьянами сойдуть, услышать голосъ мой.
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Восплещутъ бѣлыми руками,
И майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ,
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ,
Повѣтъ тихими крылами:
Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣтъ тонкій сонъ,
Отгонитъ легки свидѣнья,
И тихимъ шепотомъ имъ скажетъ: „Это ошъ!
Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!“

Въ стихотвореніи „*Пробужденіе*“ (1815) Батюшковъ говоритъ, какъ сильно онъ охваченъ любовью, и какъ ничто не въ состояніи заглушить въ немъ этого чувства.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами;
Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей,
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива—
Ничто души не веделитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви—холодными словами.

Къ этому же отдѣлу надо, наконецъ, отнести и оду „*Надежда*“. „Отдаваясь, по долгу службы, всевозможнымъ опасностямъ, воинъ въ то же время отдастъ себя всецѣло десницѣ Божіей, которая одна только можетъ отвести смертный ударъ при ежечасныхъ поводахъ къ смерти. И если ему, неожиданно для него,

сохранена жизнь, то въ душѣ его слагается мужественная, неколебимая вѣра въ Провидѣніе. Гимнъ „Надежда“ славить это мужество вѣры, сохраняющей силу и въ битвахъ человѣка внутреннихъ — съ самимъ собою, съ своими страстями и сомнѣніями“¹⁾).

✕

Н А Д Е Ж Д А.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу?
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Опъ ли къ лучшему концу
Меся пролезъ сквозь брапный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меся таинственно спасала
И жадный кровя мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладь, и непогоду,
И силу — въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дпей
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?
Опъ, Опъ! Его все даръ благой!
Опъ памъ источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изащному прямой
И мысли чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ — надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я уголю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

III. Переводы древне-классическихъ произведеній. Ихъ немного: три элегіи Тибулла (римск. писат., ум. за 20 л. до Р. Хр.) и двѣнадцать пьесъ изъ греческой Антологіи²⁾. Послѣднія переведены не прямо съ греческаго языка, котораго Батюшковъ не зналъ, а съ французскаго перевода; но, не смотря

¹⁾ Слова А. Гагахова (см. его Истор. Русск. Слов., т. II, стр. 265, изд. 8-е).

²⁾ Антологіей у грековъ назывался сборникъ стихотвореній.

на вто, антологическія пьесы Батюшкова отличаются вполне античною красотою. Вотъ, для примѣра, двѣ пьески.

ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ.

Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любить мой полустлѣвшій пенъ!
Я пѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ—но виноградъ со мной не разстаетс.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ, оставшись на землѣ.

Свидѣтели любви и горести моей.

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны,
Красуйтесь въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таятся отъ очей!
Помедлите, вѣнки, еще не увядайте!
Но если явится—пролейте на нее
Все благоволеніе свое
И локоны ея слезами напитаите;
Пусть остановится въ раздумѣ и вздохнетъ...
А вы, цвѣты, благоухайте
И милой локоны слезами напитаите!

IV. Переводы изъ итальянскихъ поэтовъ—Петрарки, Тассо, Аріосто. Впрочемъ, отдѣлъ этотъ, по своей количественной незначительности, не имѣетъ большой важности. Батюшковъ даже изъ Тассо, любимаго своего поэта, перевелъ немного: всего только два небольшихъ отрывка изъ „Освобожденнаго Іерусалима“. Зато Тассо вдохновилъ его написать прекрасную оригинальную элегію: „Умирающій Тассъ“.

Общій взглядъ на поэзію Батюшкова. Гоголь былъ правъ, сказавши, что Батюшковъ, какъ бы въ отпоръ Жуковскому, прикрѣплялъ поэзію къ землѣ и тѣлу. И дѣйствительно, не говоря уже объ анакреонтическихъ пьесахъ, по духу своему совершенно противоположныхъ романтизму, поэзія Батюшкова вообще отличается реальнымъ содержаніемъ, и въ ней нѣтъ той отвлеченности (рефлексіи), какая встрѣчается во многихъ произведеніяхъ Жуковского.

По реальность содержанія — еще не главная особенность поэзія Батюшкова: дѣйствительная жизнь служила источникомъ и другимъ нашимъ поэтамъ, писавшимъ до него; но никому изъ нихъ не удалось достигъ той художественности формы, какую мы впервые находимъ лишь у Батюшкова. Стихъ его отличается не только музыкальностью, но и пластичностью; онъ, по выраженію Гоголя же, доходитъ почти до скульптурной выпуклости. Въ цѣломъ — многія произведенія Батюшкова отличаются чрезвычайнымъ изяществомъ, граціей — свойства, напоминающія собою античныхъ поэтовъ. Эта художественность внѣшней отдѣлки и составляетъ главнѣйшую заслугу Батюшкова. Въ этомъ отношеніи онъ былъ предшественникомъ Пушкина и изяществомъ своихъ стиховъ имѣлъ на него не малое вліяніе.

Прозанческія сочиненія Батюшкова по содержанію не важны; но они могутъ служить образцами благозвучнаго и образнаго языка, въ особенности статья подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи“.

изъ статьи: „ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ“.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣдную Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ такъ же, какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюмена до шумной Улеи, въ бурное военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, по прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасна, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратншь взоръ, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна; снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, пачертываются длинными полосами въ зеркалѣ воды. На нихъ-то хищныя птицы выютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера

на это, антологическую
античную кр

на особенность
источников
по пикому
формам,
хоть его
ство;
ной

наш

тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ
и пробудилась, какъ отъ сна... Видишь ли,
и тихимъ и протяжнымъ шумомъ раз-
ны, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ
и вса повторяютъ голосъ бури, и вся при-
Сии странныя явленія напоминаютъ мигъ
и божество являлось почти всегда въ
встутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе,
и, сокрушенныя временемъ или дупо-
живому охотнику. Въ сей ужасной и
вертепахъ путникъ слышитъ только
и волка, ищущаго добычи, паденіе
и обрушающаго времени, или рель источника,
и стрѣлою протекаетъ по каменному дну между
гранитныхъ, быстро преодолаеетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ те-
ченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе!
Посмотри дагѣ: огонь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ;
опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями;
обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ чернымъ облакомъ отъ сего
огнища — все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путе-
шественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближ-
немъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или
на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуеть сочную и густую траву, орошенную водами
источника.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

(1768—1844).

Биографическія свѣдѣнія о Крыловѣ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ Москвѣ 2-го февраля 1768 года. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, бѣдный армейскій офицеръ, прокочевавшій весь свой вѣкъ по разнымъ городамъ обширной Россіи, во время Пугачовщины отправился, по назначенію въ Оренбургскія степи, гдѣ успѣлъ отличиться молодецкою защитой Лицкой крѣпости отъ Пугачова. Маленькій Крыловъ находился въ опасности: бунтовщикъ, въ досадѣ на храбраго капитана, поклялся повѣсить не только его, но и все его семейство. Но судьба спасла будущаго баснописца: Пугачовъ самъ былъ пойманъ и отвезенъ въ Москву на казнь. Скоро

послѣ этого отецъ Крылова оставилъ военную службу, перешелъ въ гражданскую и поселился въ Твери, гдѣ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата.

Въ 1780 г. Андрей Прохоровичъ умеръ, и Крыловъ остался на попеченіи своей матери, Марьи Алексѣевны, женщины доброй и умной, но безъ всякаго образованія и потому не имѣвшей возможности заняться воспитаніемъ своего сына. По счастью, Крылову удалось попасть въ семейство Львова, предсѣдателя уголовной тверской палаты, человѣка богатаго, — и тутъ-то, обучаясь вмѣстѣ съ дѣтьми Львова, познакомился онъ съ началами нѣкоторыхъ наукъ. Тутъ же, въ Твери, научился онъ и французскому языку у француза, жившаго гувернеромъ въ домѣ тверскаго губернатора. Между тѣмъ другое обстоятельство помогло развиться въ мальчикѣ страсти къ чтенію. Послѣ отца Крылову достался въ наслѣдство цѣлый сундукъ съ книгами, и онъ съ жаромъ принялся прочитывать эти книги одна за другою. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что это были за книги; но, судя потому, что въ Крыловѣ прежде всего развилась любовь къ драматической поэзіи, можно думать, что между ними было не мало относящихся къ этому роду поэзіи.

Скоро однако Крылову пришлось поступить на службу: мать, побуждаемая бѣдностью, выхлопотала своему тринадцатилѣтнему сыну мѣсто подканцеляриста въ калѣзинскомъ уѣздномъ судѣ, откуда черезъ непродолжительное время онъ былъ переведенъ канцеляристомъ въ тверской магистратъ, гдѣ прежде служилъ и отецъ его. Досужное время юный Крыловъ любилъ проводить на базарѣ, на площадяхъ, гдѣ происходили кулачные бои, или на плоту, куда собирались водовозы и прачки — и эти народныя сборища были для него школой чисто-русскаго языка и вмѣстѣ предметомъ наблюденія коренныхъ свойствъ русскаго человѣка.

Такъ прошло дѣтство Крылова. Въ 1782 г. мать Крылова, въ надеждѣ выхлопотать себѣ пенсію за службу мужа и найти болѣе выгодное мѣсто для сына, переѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ.

Время прибытія Крылова въ С.-Петербургъ замѣчательно по

нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искусства въ Россіи. Правда, первый указъ объ учрежденіи въ столицѣ русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 году; но это было учрежденіе, которымъ, не взнося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только съ 1782 г. начались приготовленія къ устройству общенароднаго русскаго театра, который и открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Такимъ образомъ, Крыловъ прибылъ въ Петербургъ въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на сценѣ нашей¹⁾.

У Крылова еще до прибытія въ Петербургъ развилась любовь къ драматической поэзіи. Теперь эта любовь быстро превращается въ страсть, которая долго держалась у Крылова. Страсть эта выразилась у него, съ одной стороны — частыми посѣщеніями театра, а съ другой — цѣлымъ рядомъ драматическихъ произведеній, изъ которыхъ первымъ по времени была опера „Кобейница“ (1782), написанная имъ, вѣроятно, въ подражаніе одной изъ прочитанныхъ пьесъ. Съ этимъ первымъ своимъ литературнымъ опытомъ явился Крыловъ къ книгопродавцу Брейткопфу. Опера, которой слова сочинены ребенкомъ, показала Брейткопфу любопытнымъ явленіемъ, и онъ согласился купить ее, предложивъ автору въ вознагражденіе за трудъ 60 рублей. Но Крыловъ не соблазнился деньгами: вмѣсто нихъ онъ взялъ себѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало. Брейткопфъ, конечно, не напечаталъ нигдѣ этой оперы, такъ какъ она была лишь дѣтскою попыткою, но рукопись сохранилъ, и впоследствии, когда Крыловъ уже пользовался громкою литературною славою, онъ возвратилъ ему его первое произведеніе. У Крылова эту рукопись выпросилъ себѣ Гнѣдичъ, какъ драгоценность, и берегъ до смерти, завѣщавъ ее по духовной, вмѣстѣ съ бібліотекою своею, Полтавской гимназіи, гдѣ, какъ извѣстно, онъ началъ свое образованіе.

Года черезъ два послѣ этой первой своей литературной попытки Крыловъ отважился представиться Княжину, который тогда былъ самымъ выдающимся драматическимъ писателемъ.

¹⁾ См. біографію Крылова, написанную П. А. Плетневымъ.

2) Крыловъ
зурналь
Брейткопфъ
М. П.

Княжичиъ принялъ Крылова ласково и познакомилъ его съ тогдашнею знаменитостію — актеромъ Дмитревскимъ, который однако не былъ ослѣпленъ своею славою и былъ доступенъ каждому, кто желалъ воспользоваться совѣтами его и замѣчаніями касательно театральныхъ сочиненій. Когда Крыловъ написалъ второе свое драматическое произведеніе — трагедію „Клеопатру“ (1785), онъ явился съ нею къ Дмитревскому. Чтеніе этой пьесы, представляющей собою также не болѣе, какъ ребяческое подражаніе французскимъ трагедіямъ, продолжалось очень долго: Дмитревскій не пропустилъ безъ замѣчанія ни одного дѣйствія, ни одного явленія, даже ни одного стиха. Онъ со всею ясностію показалъ Крылову его ошибки. Крыловъ увидѣлъ, что легче было написать новую пьесу, нежели исправить уже написанную, что присовѣтовалъ ему и Дмитревскій. Такимъ образомъ, и это произведеніе Крылова осталось непечатаннымъ; но зато урокъ, данный Дмитревскимъ, принесъ значительную пользу: третье драматическое сочиненіе Крылова — трагедія „Филомела“ ¹⁾ (1786)—вышла лучше двухъ первыхъ: правда, трагедія эта никогда не была представлена на сценѣ, имѣя много недостатковъ, но все же была напечатана въ сборникъ, подъ названіемъ „Россійскій Театръ“, изданный Академіей Наукъ, съ цѣлью собрать всѣ существовавшія на русскомъ языкѣ драматическія пьесы.

Занимаясь литературою, Крыловъ въ то же время и служилъ: онъ получилъ незначительное мѣсто съ очень малымъ жалованьемъ, на которое долженъ былъ содержать и себя и мать. Но матери не долго пришлось утѣшаться своимъ сыномъ: въ 1788 г. она умерла. Вскорѣ послѣ ея смерти Крыловъ оставилъ службу и началъ издавать одинъ за другимъ сатирическіе журналы: „Почту духовъ“ (1789), „Зритель“ (1792), „С.-Петербургскій Меркурій“ (1793). Лучшія статьи въ этихъ журналахъ принадлежали самому Крылову. Тутъ-то и оказалось впервые, что истиннымъ призваніемъ его была сатира. Но самъ Крыловъ все еще какъ бы не сознавалъ этого: впечатлѣнія, произведен-

¹⁾ Содержаніемъ этой трагедіи, написанной по правиламъ ложнаго классицизма, послужило греческое преданіе о Филомелѣ.

3/ пия на него драматическими произведеніями, были такъ сильны, что онъ долго еще не оставлялъ попытки создать что-нибудь замѣчательное въ этомъ родѣ поэзіи. И вотъ, покончивъ въ 1793 г. съ повременными изданіями, онъ снова принимается за театральныя пьесы, хотя на этотъ разъ, какъ бы невольно повинувшись своему призванію — быть сатирикомъ, пишетъ главнымъ образомъ не трагедіи, а комедіи. Въ періодъ времени съ 1793 по 1807 г. онъ написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ однако имѣли успѣхъ на сценѣ только двѣ комедіи: „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“¹⁾. Обѣ онѣ появились въ 1807 году.

III. 1807-мъ годомъ заканчивается первая половина жизни и дѣятельности Крылова и начинается вторая: сочинитель драматическихъ пьесъ и журналистъ-сатирикъ становится баснописцемъ.

Еще въ концѣ 1805 г. Крыловъ неожиданно появился въ Москвѣ, познакомился тамъ съ Дмитриевымъ и вручилъ ему свои переводы трехъ Лафонтеновыхъ басенъ: „Дубъ и трость“, „Разборчивая невеста“ и „Старикъ и трое молодыхъ“. Дмитриевъ, самъ писавшій басни, отозвался о переводахъ Крылова съ величайшею похвалою, уже тогда предугадалъ въ немъ своего будущаго соперника и совѣтовалъ ему не покидать этого рода поэзіи. Крыловъ послушался — и вышелъ на ту дорогу, которая довела его до безсмертія. Въ 1809 г. появилось первое изданіе его басенъ. Ихъ было еще немного: всего 23; по, не смотря на это, Крыловъ сразу приобрѣлъ себѣ громкую славу. Жуковский въ своемъ Вѣстникѣ Европы помѣстилъ прекрасный разборъ²⁾ только что вышедшихъ басенъ Крылова и отозвался о нихъ съ большою похвалою. „Послѣ долгихъ поисковъ, Крыловъ выбралъ себѣ, наконецъ, самый укромный уголокъ въ литературѣ, отмежевалъ себѣ маленькую и совсѣмъ почти незамѣтную полоску на обширномъ полѣ литературы и

¹⁾ Остальныя комедіи Крылова: „Бѣшеная семья“ (1793), „Проказники“ (1793), „Сочинитель съ прихожей“ (1794), „Пирогъ“.

²⁾ Въ статьѣ: „О баснѣ и басняхъ Крылова“.

погрузился въ разработку этой полоски, работалъ долго, по-маленьку, потихоньку, безъ шума, но съ усердіемъ и заботливостью — и эта маленькая полоска въ короткое время принесла плодъ въ такомъ изобиліи, что онъ питалъ имъ и питаетъ до сихъ поръ и долго будетъ питать милліоны русскаго народа. Ни одному произведенію въ нашей литературѣ не суждена такая долговѣчность, ни одному произведенію не суждено такъ непрерывно и такъ неизмѣнно привлекать къ себѣ общее вниманіе и общее сочувствіе, какъ баснямъ Крылова. Только великій человѣкъ можетъ произносить такое долговѣчное, не старѣющее, переживающее цѣлыя поколѣнія слово¹⁾.

Къ 1818 году Крыловъ написалъ уже 140 басенъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что время отъ 1806 до 1819 г. было самымъ плодовитымъ въ дѣятельности Крылова, какъ баснописца. Къ остальному двадцатипятилѣтію его жизни относится сравнительно уже незначительное число басенъ: всего 61. Достигнувъ славы, какая не часто выпадаетъ на долю писателей, всѣми любимый и уважаемый, Крыловъ дорожилъ этою славою и боялся ее умалить. На вопросъ одной дамы, почему онъ болѣе не пишетъ басенъ, онъ отвѣчалъ: „потому что я болѣе люблю, чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачѣмъ я пишу“.

Въ 1808 г. Крыловъ снова поступилъ на службу, сперва при Монетномъ дворѣ, а затѣмъ, когда въ 1812 г. была открыта Императорская Публичная Библіотека, онъ былъ опредѣленъ туда помощникомъ бібліотекаря по Русскому отдѣленію. Въ первые годы существованія Библіотеки должности бібліотекарей и ихъ помощниковъ поручался преимущественно лицамъ, извѣстнымъ въ литературѣ. Этимъ и объясняется, почему, вмѣстѣ съ Крыловымъ, на службу въ Библіотеку поступили Гнѣдичъ, Дельвигъ, Загоскинъ и нѣкоторые другіе дѣятели на поприщѣ литературы и науки.

Съ полученіемъ мѣста въ бібліотекѣ, Крыловъ переселился въ ея зданіе, на казенную квартиру — и съ тѣхъ поръ нача-

¹⁾ Слова проф. Лавровскаго. См. во 2-ой кп. Журнала М. Н. Пр. за 1868 г. его статью: „О Крыловѣ и его литературной дѣятельности“.

лась для него та покойная жизнь, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его беззаботному и флегматическому характеру. Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголоволомной, кромѣ выѣздовъ къ обѣду въ Англійскій клубъ, Крыловъ рѣдко покидалъ свою квартиру и проводилъ время либо въ сочиненіи басенъ, либо въ чтеніи пустыхъ романовъ, которые онъ читалъ лишь для того, чтобы убить время. Онъ не былъ способенъ къ той кипучей дѣятельности, къ какой способенъ былъ, напримѣръ, Карамзинъ, и съ лѣтами въ немъ все болѣе и болѣе развивалась любовь къ покою. Въ молодости онъ легко и скоро выучился рисовать и играть на скрипкѣ, страстно любилъ театръ — но впоследствии все это было забыто. Появившись однажды объ закладъ съ Гнѣдичемъ, онъ въ два года, безъ всякой посторонней помощи, такъ изучилъ греческій языкъ, что удивилъ переводчика Иліады, достигнувъ такъ скоро того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ потрудился половину жизни. Но Крыловъ не извлекъ никакой пользы изъ этого знанія; онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ. „Странное явленіе“, говоритъ его біографъ¹⁾: „съ одной стороны — гений, по слѣдамъ котораго уже идти почти некуда; съ другой — недвижимый умъ, шагу не переступающій за порогъ!“

„Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что же безъ затрудненія можно

---

1) П. А. Плетневъ.

было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара помиутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, пакапывала воску на столъ и ставила огопъ передъ неприхотливымъ господипомъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, пабрасывая разныхъ зерень по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостипаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все, что ши попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ¹⁾.

Однако всѣ эти странности ничуть не мѣшали Крылову пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Уже въ 1811 г. онъ былъ выбранъ въ члены Академіи Наукъ. Въ 1831 г. императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ подарковъ своихъ на Новый годъ цесаревичу, прислалъ бюстъ Крылова. Матеріальное положеніе его было совершенно обезпечено: еще до выхода въ отставку (въ 1841 г.), онъ уже получалъ пенсію въ 6000 р., а послѣ отставки — почти вдвое болѣе. 2-го февраля 1838 г. былъ торжественно отпразднованъ юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Крылова — и баснописецъ въ этотъ день могъ вполне убѣдиться въ глубокомъ уваженіи къ нему всего русскаго общества. На этомъ юбилеѣ между прочимъ былъ прочтѣны однимъ изъ артистовъ русской оперы²⁾ сочиненныя кн. Вяземскимъ въ честь юбиляра стихи, въ которыхъ одинъ куплетъ заключаетъ въ себѣ особенно удачный отзывъ о дѣятельности Крылова какъ баснописца:

Зыбкой онъ людей исpravилъ,
Сметалъ съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ —
И слава эта — наша былъ.

¹⁾ Разсказъ П. А. Шлестнева.

²⁾ Петровымъ.

*У уваженіе, кой. не въ зовале,
Кр. при
Крылову*

Крылову

И не забудутъ этой былл,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Крыловъ дожилъ до 1844 г. и умеръ 9-го ноября. Признательность соотечественниковъ къ гениальному баснописцу не охладѣла съ его кончиною: по соизволенію государя императора, на деньги, собранныя по всей Россіи, Крылову воздвигнуть памятникъ въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, представляющей колоссальную бронзовую статую баснописца, на гранитномъ пьедесталѣ, украшенномъ изображеніями главныхъ лицъ и замѣчательныхъ сценъ изъ его басенъ.

Сочиненія Крылова.

Истиннымъ призваніемъ Крылова была сатира. Его сатира выразилась сперва въ *журнальныхъ статьяхъ*, затѣмъ — въ *комедіяхъ* и наконецъ — въ *басняхъ*.

Журнальныя статьи Крылова.

Крыловъ былъ не только издателемъ сатирическихъ журналовъ — „Почта духовъ“ (1789), „Зритель“ (1792) и „С.-Петербургскій Меркурій“ (1793) — но и сотрудникомъ ихъ: въ нихъ много статей самого Крылова — и всѣ онѣ сатирическаго характера. Въ нихъ Крыловъ осмѣиваетъ французское воспитаніе и поклоненіе всему иностранному во вредъ русскому, мотовство щеголей, пустоту, спесь, невѣжество, порочность судей, произволь и т. п. Сатирической талантъ Крылова сказанъ уже въ этихъ статьяхъ: онѣ отличаются ѣдкостью, игривостью, остроуміемъ — и въ художественномъ отношеніи онѣ выше статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ Козицкаго и Новикова. Какъ на образецъ сатиры Крылова, можно указать на одну изъ статей, помѣщенныхъ въ „Зритель“: это — „*Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ*“. Тутъ ораторъ Крылова, поддѣлываясь подъ тонъ похвальныхъ словъ, произноситъ, по всѣмъ правиламъ риторики, рѣчь въ память своего дѣдушки. Эта статья представляетъ собою чрезвычайно ѣдкую сатиру на многихъ современныхъ дворянъ-помѣщиковъ.

ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ,

говоренная его другомъ, въ присутствіи его пріятелей, за чашею пунша.

Сегодня минулъ ровно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ этотъ точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣливъ смертную чашу съ гнѣдой своею лошадыю прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобы изъ нихъ одинъ пережилъ другого; а мѣръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадыю. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и наконецъ оба умерли одинаковою славною смертыю.

Со всѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что, послѣ нея, покойникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ, и если бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, который служилъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобы я выставялъ его примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ его дарованій; но онъ, кромѣ этого дарованія, имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату, дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тѣсели подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячу человѣкъ можно перестѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его стойломъ голодною смертыю; глядя на всякаго изъ нихъ, мы заключали, что на сто верстъ вокругъ его деревень вѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы,—но какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ великолѣпные свои пиры созидалъ изъ ничего. Но я примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядка, который я себѣ назначилъ. Обратимся жъ къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобы наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся

признать нашим праотцем осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производить ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина: это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! и если бы эта природа была существо, то ей очень было бы стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насекомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтенія,—тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять недостатки природы и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного рода съ крестьянами.

Имѣть предка разумаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простого народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а этимъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы: ибо болѣе трехсотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до теперешняго времени пробавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя ни мало своего достоинства. Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ.—Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; по этому можно отгадать, что онъ благородной крови.—Старикъ часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что слыу его нуженъ товарищъ; хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его однородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще неприличнѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отчего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ

болѣе собакъ, нежели людей. „ съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звепиголовъ, привыкшій поведѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первый разъ виѣкнулъ ему въ уши: по Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ему руку до крови. Герой пасть остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Какъ сердце въ немъ ни кипѣло, по онъ боялся сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причисленную ему новымъ его товарищемъ. „Другъ мой!“ сказалъ безпримѣрный его родитель: „развѣ мало вокругъ тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожниѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не развѣвая рта, какъ разумную тварь“.

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, поводомъ которыхъ было наставленіе его отца; онъ изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и хотѣлъ сдѣлать ихъ такъ же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искалъ причинъ, отъ чего первые имѣютъ болѣе дерзости огрызаться, нежели послѣдніе, и выключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолубивый отецъ изъ такихъ разсужденій его сына заключая, что время начать уже его воспитаніе, и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ взапуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устроили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то послѣднюю страницу букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. „Этой грамоты для тебя довольно“, говорилъ онъ ему: „стыдись являть болѣе: ты у меня будешь баринъ знатный, такъ непристойно тебѣ читать книги“.

Герой пасть пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги почитать за моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ: это одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего кампа. „Прочти только это“, говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: „прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей глѣдой лошади. О, Руссо—великій человекъ!“ продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненія: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю Новой Элоизы.

Наконецъ время наступило записывать его въ службу, и глѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: „Помни, любезный сынъ“, говорилъ онъ ему: „что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ; и потому береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжаловану, а объ остальномъ не пекись. Пусть бѣдные илгутъ чиповъ, а нашу братью, богатыхъ,

чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то-есть: не выходи изъ передней знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколько ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестью. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ“, и послѣ сего наградила онъ его своимъ родительскимъ благословіемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ его отъѣзда, онъ кончилъ свою знаменитую жизнь.

Герой нашъ, хотя и высоко цѣнилъ наставленія своего родителя, но благородная его душа неохотно приняла послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то-есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ служить, но не хотѣлъ также и состарѣться въ переднихъ; эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и едѣлаи философомъ. Суеты большого свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда ни приходилъ онъ, то или онъ зѣваль, или надъ нимъ зѣвали, и взявъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность — эти два любезныя качества—видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы знакомства съ первыми домами; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очнь спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: онъ терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяя я, соблазнился примѣрами большого свѣта и увлекся его суетами, но онъ равнодушно слушалъ, что такой - то его сверстникъ пожаловалъ, тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не тронута была великая его душа, и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости. „Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется“, говаривалъ онъ: „довольно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!“ такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

Поэтому можете вы заключить, милостивые государи, что общество его было хотя не пышное, но весьма веселое. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; и это дружество не было скучное, заведенное лѣтъ на пять; нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и рѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за

тѣснѣе, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе дома, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали повсюду во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума; вѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полувагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философій.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ не поколебался нисколько, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ займодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастья и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастью. „Что будетъ, то будетъ!“ говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила его къ ней довѣренностію. Тогда какъ, казалось, онъ былъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какою Колумбъ искалъ новой земли; когда, говоря я, всѣ сіи несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя—славный своею экономіею, которую хранилъ, 20 л. онъ уже не ужиналъ, вадумалъ наконецъ и не обѣдать—оставя въ наследство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ; нисколько: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастья; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не уведомивъ ни одного своего займодавца. Можетъ быть, по скромности его, ему нравились также французскій обычай уходить не простясь; ибо достовѣрнѣйшіе маркеры свидѣтельствуютъ, что, когда только могъ, онъ уходилъ изъ трактировъ по-французски, при всѣмъ томъ, что ему за это очень убѣдительно нешило.

Наконецъ онъ удалился отъ городского шума и вступилъ въ повое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ спяло умѣлъ онъ имя бласгать.

Только что опъ появился здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ, навравъ многочисленную армію псовъ и, наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ истребить весь заячій родъ — и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они лучше хотѣли бы кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и шайку тупеядцевъ охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ: во герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ рассказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ; а чтобы върѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать полей. Съ какииъ внутреннииъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрѣлъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. „Скажи“, спрашивалъ у него нѣкто, „не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?“—Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой: я самъ знаю, что моиъ крестьянамъ ѣсть вечего, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной стени, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечомъ чрезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули отъ умиленія; почтенныя головы ихъ лежатъ, какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, въ половину съ окунутымъ въ ендову носомъ. Вернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ-подъ пола на твоихъ друзей, потомъ расскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завистливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлоа привиллегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

Комедіи Крылова.

Какъ ни великъ былъ сатирической талантъ Крылова, но, не имѣя сильнаго дара драматурга, Крыловъ не создалъ ни одной замѣчательной комедіи: даже лучшія изъ нихъ — „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“ — въ цѣломъ имѣютъ много недостатковъ, хотя въ нихъ и есть отдѣльныя сцены, исполненныя комическаго достоинства. Но, какъ произведенія сатирическія, объ эти комедіи должны быть упомянуты въ общемъ очеркѣ сатиры Крылова, такъ какъ въ нихъ онъ касается того же вопроса, котораго касались и многіе другіе писатели, котораго касался и онъ самъ какъ прежде еще — въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, такъ и послѣ — въ своихъ басняхъ: это вопросъ о пристрастіи русскихъ ко всему французскому. Такъ, въ „Модной лавкѣ“ Крыловъ выставяетъ помѣщицу (Сумбурову), которая все свое счастье полагаетъ въ томъ, чтобы приобрести себѣ за необыкновенно дорогую цѣну наряды изъ модной лавки, содержимой эмигранткой - французенкой. Въ комедіи „Урокъ дочкамъ“ выводятся двѣ дочери (Фекла и Лукерья) богатаго помѣщика (Волькарова), воспитанныя въ Москвѣ гувернанткой французенкой Григри. Результатомъ воспитанія было благоговѣніе передъ всѣмъ французскимъ и презрѣніе ко всему русскому. Отецъ, не сочувствуя образу мыслей своихъ дочерей, увозитъ ихъ въ деревню и строго запрещаетъ имъ говорить по-французски; а чтобы онѣ тайкомъ не нарушали его приказанія, приставляеть слѣдить за ними старуху-няньку (Василису). Въ деревнѣ онѣ скучаютъ, потому что имъ приходится жить не такъ, какъ хотѣлось бы. Идеалъ же ихъ жизни виденъ изъ слѣдующихъ словъ одной изъ нихъ (Лукерья):

„Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ — какая райская жизнь! Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя — танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похождение, тамъ отъ мужа жеха ушла; тѣ разводятся, другіе ипрятаются; тамъ свадьба навертывастся, другую свадьбу разстроили — ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ, — и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься до

моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ, подмѣтишь тысячу свиданій: на недѣлю будетъ что рассказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣпишь бабушекъ и тетусекъ; послѣ домой—и снова займешься туалетомъ, чтобы ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху! Танцуешь какъ полоумная, и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удастся танцевать, какъ въ хвостѣ; словомъ—не успѣешь опомниться, какъ уже разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши... ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства“..

За свое пристрастіе къ французамъ, обѣ барышни жестоко наказываются. Плутоватому слугѣ одного проѣзжаго барина (Семену) вздумалось поживиться деньгами: онъ, рассчитывая на благосклонность нашихъ дворянъ къ иностранцамъ, прикинулся эмигрантомъ-французомъ, назвалъ себя маркизомъ Глаголемъ — и дѣйствительно былъ принятъ за настоящаго маркиза. Обѣ дѣвушки сразу очаровались имъ и стали расхваливать его парижскія манеры и тонкость обращенія. Но каковъ ихъ былъ конфузъ, когда оказалось, что мнимый маркизъ даже и говорить по-французски не умѣетъ, что онъ просто лакей Семень! Видя ихъ конфузъ, отецъ говоритъ:

„Вотъ, госпожи дочки, слѣдствіе вашего ослѣпленія ко всему, что только иностранное!“

Басни Крылова.

Высшаго своего развитія сатира Крылова достигаетъ въ его басняхъ. Всѣхъ басенъ Крылова 201. Большинство изъ нихъ—произведенія оригинальныя, а заимствованныхъ около 1/4. Изъ числа послѣднихъ большая часть заимствована у Лафонтена, и только немногія заимствованы у Эзопа и изъ другихъ источниковъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ Лафонтена заимствованы: 1) Волкъ и журавль, 2) Волкъ и пастухи, 3) Волкъ и ягненокъ, 4) Ворона, 5) Ворона и лисица, 6) Вороненокъ, 7) Госпожа и двѣ служанки, 8) Два голубя, 9) Дубъ и трость, 10) Котъ и горшокъ, 11) Крестьянинъ и смерть, 12) Левъ и комаръ, 13) Левъ на ловль, 14) Левъ состарѣвшійся, 15) Лисица и виноградъ, 16) Лисица и осель, 17) Лягушка и волъ, 18) Лягушки, просяшія царя, 19) Моръ зѣрей, 20) Муха и до-

Басни Крылова слѣдуетъ разсмотрѣть съ трехъ сторонъ: 1) со стороны ихъ *содержанія*, 2) со стороны ихъ *народности*, 3) со стороны ихъ *художественности*.

Басни Крылова со стороны ихъ содержанія. Басни Крылова захватываютъ очень большой кругъ различныхъ жизненныхъ вопросовъ.

А) Первое мѣсто, по важности предмета, должно быть отведено тѣмъ его баснямъ, гдѣ онъ касается вопроса о воспитаніи. Преслѣдуя французское воспитаніе, преслѣдуя погоню за всѣмъ иностраннымъ вмѣстѣ съ презрѣніемъ ко всему родному, національному, Крыловъ и въ своихъ басняхъ не упустилъ изъ виду этихъ недостатковъ современнаго ему общества. Воспитаніе — основа общественнаго благосостоянія и залогъ будущихъ успѣховъ націи. Слѣдовательно, вопросъ о немъ — вопросъ важный, и Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не могъ обойти его: онъ занималъ его постоянно, и ему посвящены Крыловымъ нѣсколько басенъ, а именно: „*Крестьянинъ и змѣя*“ (1813), „*Бочка*“ (1814), „*Червонецъ*“ (1812), „*Кукушка и горлица*“ (1817).

Въ баснѣ „*Крестьянинъ и змѣя*“ — змѣя является представительницею иноземнаго (французскаго) элемента въ воспитаніи и предлагаетъ услуги, увѣряя въ своей добротѣ и любви къ дѣтямъ. Дѣйствительно, не смотря на событія двѣнадцатаго года, эмигранты-французы все-таки находили въ Россіи пріютъ,

---

рожные, 21) *Муха и пчела*, 22) *Откупщикъ и сапожникъ*, 23) *Пастухъ и море*, 24) *Подаря и паукъ*, 25) *Пустынникъ и медвѣдь*, 26) *Пѣтухъ и жемчужное зерно*, 27) *Разборчивая невѣста*, 28) *Скупой и курица*, 29) *Старикъ и трое молодыхъ*, 30) *Стрекоза и муравей*. (Нѣкоторыя изъ этихъ басенъ, въ свою очередь, заимствованы Лафонтеномъ у Эзопа и изъ другихъ источниковъ).

У Эзопа заимствованы: 1) *Акидъ*, 2) *Дикія козы*, 3) *Левъ и лисица*, 4) *Мальчикъ и змѣя* (заимств. основная мысль), 5) *Медвѣдь въ сѣтяхъ*, 6) *Мотъ и ласточка*, 7) *Обезьяны*, 8) *Оселъ*, 9) *Пловецъ и море*, 10) *Свинья подъ дубомъ* (заимств. идея), 11) *Собака, человѣкъ, кошка и соколъ*. — Басня *Левъ и мышъ* могла быть заимствована столько же у Лафонтена, сколько и у Эзопа.

Кромѣ того, къ числу заимствованныхъ относятся еще басни: 1) *Лжецъ* (подражаніе баснѣ Геллерта: *Der Bauer und sein Sohn*, 2) *Прихожатинъ* (заимств. у французск. писат. Баратона).

(Всѣ эти указанія сдѣланы по В. Кеневичу. См. его „*Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова*“, СПб. 1868 г.).

и имъ догѣряли воспитаніе русскаго юношества, въ которомъ они не могли, конечно, развить ни патріотизма, ни качества, необходимыхъ для того, чтобы быть полезными сынами своего отечества. Вотъ почему Крыловъ, съ свойственною ему откровенностью и простотою, заявляетъ отъ лица крестьянина, что даже „лучшая змѣя ни къ чорту не годится“.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ.

Не попустому жить, безъ дѣла,

Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла:

Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!

„Я знаю“, говоритъ она: „худую славу,

Которая у васъ, людей,

Идетъ про змѣй,

Что всѣ онѣ презлого нраву;

Изъ древности гласитъ молва,

Что благодарности онѣ не знаютъ:

Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства,

Что даже собственныхъ дѣтей онѣ сѣдуютъ.

Все это можетъ быть, но я не такова:

Я съ роду никого не только не кусала,

Но такъ гнушаюсь зла,

Что жало у себя я вырвать бы дала,

Когда бъ я знала,

Что жить могу безъ жала;

И, словомъ, я доброй

Всѣхъ змѣй.

Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!“

— „Коль это“, говоритъ крестьянинъ, „и не ложно,

Все мнѣ принять тебя не можно:

Когда примѣръ такой

У насъ полюбятъ,

Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,

Одной,

Сто злыхъ и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.

Да кажется, голубушка моя,

И потому съ тобой мнѣ не ужиться,

Что лучшая змѣя,

По мнѣ, ни къ чорту не годится“.

Отцы, понятнѣе вамъ, на что здѣсь мнѣ :

Воспитываясь подъ вліяніемъ иностранцевъ, дѣти съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ ихъ образу мыслей, пріучаются слышно

благоговѣть предъ всѣмъ чужимъ и также слѣпо презирать все національное. Привычки же, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, часто получаютъ огромную силу — и вотъ эту силу и неизгладимость впечатлѣнія ранняго возраста Крыловъ доказываетъ въ своей баснѣ „Бочка“.

Б О Ч К А.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дня на три онъ ссудилъ.

Услуга въ дружбѣ — вещь святая!
Вотъ, если бъ дѣло шло о деньгахъ — рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;

А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.

И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемя;

Квасъ, пиво ли сварять, ну даже и въ сѣтномъ.
Хозяинъ бѣлся съ ней близъ году:
То выпарить, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальешь,
А винный духъ все вонъ нейдетъ,
И съ бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

*Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей.
Учтемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напиться;
А тамъ во всякъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.*

Родители, часто заботяся только о томъ, чтобы дѣти ихъ были со временемъ людьми, какихъ обыкновенно принято называть благовоспитанными, — т. е., чтобы они пріобрѣли хорошія манеры и вѣншній лоскъ, — поручаютъ ихъ иностранцамъ, которые, наводя на нихъ этотъ вѣншній лоскъ, иногда стираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрую нравственность. Эта мысль выражена и у Крылова въ баснѣ „Червонецъ“.

Ч Е Р В О Н Е Ц Ъ.

*Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ.*

*И требованіе
исполнить мои
требованія
доставитъ въ
дѣлѣ.*

Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщеніе
И даже нравовъ развращеніе:
Такъ надобно зараздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не размучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на чьей нибу стало;
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намъ ренъ вамъ.

Мужикъ, простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запячканъ и въ ыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни трое
Червонца на обмѣнъ хозяину даютъ.
„Постой же“, думаетъ мужикъ: „дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ“.
Тутъ, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точить,
Дресвой дереть,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ, червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

Наконецъ, въ баснѣ „Кукушка и горлинка“ выведенъ типъ матери-кукушки, ввѣряющей воспитаніе своихъ дѣтей наемнымъ рукамъ. Стремясь только къ наслажденію удовольствіями жизни, она летаетъ и порхаетъ, забывъ объ обязанностяхъ, возложенныхъ на нее самую природою.

✓ кукушка и горлинка.

Кукушка на суку печально куковала.

„Что, кукушка, ты такъ грустна?“

Ей съ вѣтки ласково голубка ворковала:

„Или о томъ, что миновала
У насъ весна.
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже
И что къ зимъ мы стали ближе?“
— „Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать!“
Кукушка говорить. „будь ты самъ судьбою:
Любила счастливо я нынѣшней весною
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотять совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чахла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вокругъ матери утаты,
Какъ сыплють къ курицѣ дождемъ по зву цыпалты,
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость—не знаю.“
— „Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ.
Скажи жь: такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
И этого и не видала:
Ты все порхала, да летала.“
— „Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яйца всегда въ чужія гнѣзда клала.“
— „Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?“
Ей горлянка на то сказала.

*Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я рассказалъ ее не дѣтльмъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлуку съ вами,
И вы ихъ вѣтрили наемничьи руки—
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?*

Б) За баснями о воспитаніи обращаютъ на себя вниманіе басни, обличающія не вѣжество. Сюда относятся: „Пѣтухъ и жемчужное зерно“ (1809), „Мартышка и очки“ (1815), „Свинья подъ дубомъ“ (1825), „Голикъ“ (1825), „Оселъ и соловей“ (1811), „Свинья“ (1811).

Басня „Пѣтухъ и жемчужное зерно“ заимствована у Лафонтена, который, въ свою очередь, заимствовалъ ее у римскаго

Формулы и мысли
не ратне } Формулы и мысли
Оселъ и соловей — Квартетъ.
Мартышка и очки

баснописца Федра. Крыловъ однако придалъ своей баснѣ болѣе широкое значеніе: Федръ примѣнилъ рассказъ къ тѣмъ лицамъ, которыя не цѣнили его басенъ; Лафонтенъ намекалъ на тѣхъ, которые не цѣнили рѣдкихъ манускриптовъ, оставшихся отъ древности; изъ нравоученія же, прибавленнаго Крыловымъ, видно, что онъ имѣлъ въ виду невѣждъ вообще.

Невѣжды судятъ точно такъ:

Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Въ баснѣ „Мартышка и очки“ выведенъ невѣжда, не только не понимающій пользы вещи, но даже способный дурно о ней отзываться. Въ баснѣ „Свинья подъ дубомъ“ въ образѣ свиньи представленъ невѣжда, бранящій науку и просвѣщеніе, не понимающая того, что онъ пользуется ихъ плодами.

Невѣжда также въ ослѣпленъ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,

Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Въ баснѣ „Голикъ“ Крыловъ намекаетъ на тотъ вредъ, который бываетъ, „когда невѣжда не въ свои дѣла влететъ и поправлять труды ученаго возьметъ“.

Г О Л И К Ъ .

Запачканный голикъ попалъ въ большую честь:

Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ мечь,—

Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).

Вотъ развозился мой голикъ:

По платью барскому безъ устали колотить,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотить.

И подлинно, что трудъ его великъ.

Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ.
Что жъ пользы отъ его труда?

Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

Выветъ сколько же вреда,

Когда

Невѣжда не въ свои дѣла влететъ

И поправлять труды ученаго возьметъ.

Въ баснѣ „Оселъ и соловей“ осмѣивается невѣжественный критикъ, а въ баснѣ „Свинья“ — критикъ, имѣющій даръ видѣть только одно худое.

С В И Н Ъ Я.

Свинья на барскій дворъ когда- о затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась;
Въ сору, въ навозъ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыта накушалась
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньей.
„Ну, что жъ, хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдъ идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?
Хавронья хрюкаетъ: „Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого.
Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.“

*Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть;
Но какъ же крилика хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть.*

В) Вопросъ о трудѣ, его значеніи и условіяхъ также нашель себѣ мѣсто въ басняхъ Крылова. Такъ, въ баснѣ „*Стре- на данинъ* коза и муравей“ (1808) указывается на трудъ, какъ на основу матеріальнаго благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается мысль, что человѣкъ, терпящій нужду по своей собственной безопасности и нерадивости, не имѣетъ права рассчитывать на помощь другихъ. Но, требуя труда, Крыловъ однако осмѣиваетъ трудъ безтолковый и бесполезный. Такой трудъ осмѣянь въ его басняхъ: „Обезьяна“ (1811), „Бѣлка“ (1833), „Камень и червякъ“ (1814). На другое необходимое условіе труда—терпѣнье—указано въ баснѣ „Трудолюбивый медвѣдь“ (1819). Въ басняхъ „Скворецъ“ (1816) и „Квартетъ“ (1811) Крыловъ смѣется надъ тѣми, кто берется за дѣло не по своимъ способностямъ, а въ баснѣ „Прудъ и рыбка“ (1814) осуждаетъ людей, имѣющихъ дарованіе, но губящихъ его лѣнью и бездѣятельностью.

Б Ъ Л К А .

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ
Народъ толпился;
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвостъ.
— „Землячка старая“, спросилъ тутъ дроздъ: „нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“
— „Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевести“.
И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
„Да“, улетающъ дроздъ сказалъ: „то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь,—а все на томъ же ты окнѣ“.

*Посмотришь на дѣльца шого:
Хлопочетъ, мечется—ему дивятся вѣтъ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.*

С К В О Р Е Ц Ъ .

*У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чуждой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совѣтъ не иоденъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ.
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшнѣй былъ коненъ.*

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Не скворушка услышь, что хвалятъ соловья
(А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью),
И думаетъ: „Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ“.
И подлинно запѣлъ,

Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пицалъ, то онъ хрингѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ —
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

ПРУДЪ И РѢКА.

„Что это?“ говорилъ сосѣдній прудъ:
„Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужь я не говорю про лодки, челноки.
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
И, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ какъ жребій мой приятель!
Конечно, я не знатень,
Но картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ.
Мнѣ не бренчить похвалъ какой-нибудь гуслистъ.
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илестыхъ и мягкихъ регахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покой;
Не только что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться,—
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не двигаюсь, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ“.
— „А, философствуя, ты помнишь ли законъ,“
Рѣка на это отвѣчаетъ:
„Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
Зато по всякій годъ

Обилемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ изчезнетъ рѣчь“.
Слова ся сбылись: она течетъ понынѣ,
А бѣдный прудъ годъ отъ году все гложь,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

*Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянеть,
Слабѣя всякій день,
Когда или овладѣтъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станеть.*

Г) Наибольшей силы достигаетъ сатира Крылова въ тѣхъ басняхъ, въ которыхъ онъ касается общественныхъ недостатковъ, т. е. недостатковъ чиновнаго міра. Тутъ, съ одной стороны, онъ выставляетъ беззаконниковъ, иногда очень тонкихъ плутовъ, умѣющихъ искусно хоронить концы; съ другой стороны — людей хотя и добродушныхъ, но недалекихъ. Сюда относятся такія басни, какъ напр. „Лисица и сурокъ“ (1813), „Щука“ (1830), „Крестянинъ и овца“ (1823), „Рыбьи пляски“ (1824), „Слонъ на воеводствѣ“ (1808), „Вельможа“ (1835) и др.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

— „Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?“
Лисицу спрашивалъ сурокъ.
— „Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Почей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, козь слушать клеветы?
Миѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты,—я на тебя пошлюся,—
Чтобъ въ тому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько“.

— „Нѣтъ, кумушка, я видывалъ частенько,
Что рыльце у тебя въ пуху“.

*Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній дожидаетъ:
И подмигну весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой—
А смотришь, помаленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ светъ,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не сорышишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ стъ.*

Щ У К А.

На щуку подавъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судья невдалекѣ собирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однакожъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя, да два иль три козла;
Для должнаго-жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора
Имъ придана была лиса за прокурора.
И слухъ между народа шелъ,
Что щука лисынкѣ снабжала рыбный столъ;
Со всеъмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни.
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего: пришлось писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
„Почтенные судьи!“ лиса тутъ приступила:
„Повѣсить мало: я бѣ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ“.— „Прекрасно!“
Кричатъ судья. На томъ рѣшили все согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу;
Онъ уговорное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья—лиса: оно въ минуту закипѣло.

Запросъ ствѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика,
Какъ было дѣло, въ чемъ улика.
Крестьяннинъ говорить: „Такого-то числа
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;
А на дворѣ одна овца была“.
Овца же говорить, она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того, она совсѣмъ не ѣстъ мясного.
А приговоръ лисы вотъ отъ слова до слова:
„Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы,
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіи того — казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу“.

Горособрание судовъ

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бѣ надъ рыбами поставить въ воеводы?
Какъ водится, пошли на голоса —
И выбрана была лиса.
Вотъ лисынька на воеводство сѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ — пріятель, свать и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ какъ съ бережку лисица рядить, судить,—
Кумъ рыбку удить
И дѣлить съ кумушкой се, какъ вѣрный другъ.
По плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.
Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, раскладъ у рѣчки огонекъ

И съ кумушкой попировать собирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.

На мужика разинувъ зѣвъ,
„Кто ты? что дѣлаешь?“ спросилъ сердито левъ.

— „Великій государы!“ отвѣтствуетъ плутовка:

(У лисыньки всегда въ запасѣ есть уловка)

„Великій государы!

Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это караси — все жители воды;

Мы всѣ пришли сюда

Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ“.

— „Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? доволеи ли вашъ край?“

— „Великій государь, здѣсь не житье имъ—рай:
Лишь только бѣ дни твои безцѣнные продлились“.

(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).

— „Да отчего жѣ“, ловъ спросилъ: „скажи ты мнѣ
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?

— „О, мудрый левы!“ лиса отвѣтствуетъ: „онѣ

На радости, тебя увидя, пляшутъ“.

Не могши болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,

Секретаря и воеводу

Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,

Да не уменъ,

Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ

Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,

Однакоже въ семьѣ не безъ урода:

Нашъ воевода

Въ родню былъ толстъ,

Да не въ родню былъ простъ;

А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.

Вотъ добрый воевода видитъ:

Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,

„Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ“.

— „О, плуты!“ слонъ кричитъ: „какое преступленіе!

Кто грабить далъ вамъ позволеніе?“

А волки говорятъ:— „Помилуй, нашъ отецъ!

Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы

Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?

А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:

*Первоначальное посланіе это было
отъ писателя Седюковъ (или Седюковъ)
не знаю, не помню имени его
и не знаю, не помню имени его
и не знаю, не помню имени его.*

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкурѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать“.

— „Ну то-то жъ“, говоритъ имъ слонъ: „смотрите!
Неправды, я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ“.

Д) Сколько затѣмъ такихъ басенъ, въ которыхъ Крыловъ осмѣиваетъ разные людскіе пороки и слабости! Сколько характеровъ выведено имъ, сколько типовъ! Такъ, Крыловымъ осмѣяны: ложь и хвастовство („*Лжець*“, „*Синица*“), грубая неблагодарность („*Крестьянинъ и работникъ*“, „*Волкъ и журавль*“), скупость и жадность („*Скупой*“, „*Скупой и курица*“, „*Фортуна и нищій*“), низкое, угодничество („*Дѣтъ собаки*“), отношеніе къ правдѣ тѣхъ людей, у которыхъ нечиста совѣсть („*Гребень*“), суетность („*Ларчикъ*“), дружба до первой брошенной кости („*Собачья дружба*“), и проч. и проч. Осмѣивая недостатки болѣе или менѣе общіе, Крыловъ касается и словныхъ. Такъ, въ баснѣ „*Гуси*“ онъ смѣется надъ дворянскою спесью, основанною на ложномъ пониманіи благородства; въ баснѣ „*Тришкинъ кафтанъ*“ выставляются промотавшіеся баричи, желающіе поправить свое положеніе закладываніемъ и перезакладываніемъ имѣній.

Е) Много у Крылова и такихъ басенъ, въ которыхъ онъ даетъ правила житейской мудрости, практическіе совѣты. Такъ, напримѣръ, басня „*Лебедь, щука и ракъ*“ говоритъ намъ, что „когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, и выйдетъ изъ него не дѣло, только мука“; „*Котъ и поваръ*“ учитъ не тратить попусту рѣчей тамъ, гдѣ нужно дѣло; басня „*Чижъ и голубь*“ совѣтуетъ не смѣяться чужой бѣдѣ, потому что и самимъ не мудрено въ нее попасть; въ баснѣ „*Крестьянинъ и собака*“ доказывается невозможность братья разомъ за нѣсколько дѣлъ; басня „*Роца и огонь*“ учитъ выбирать друзей съ разборомъ, а басня „*Пустынникъ и медведь*“ — остерегаться дружбы услужливаго дурака, — и много у Крылова подобныхъ поучительныхъ совѣтовъ.

Ж) Касаясь общественных недостатковъ и различныхъ общечеловѣческихъ отношеній, Крыловъ въ своихъ басняхъ не оставилъ безъ вниманія и взаимнаго отношенія гражданъ. Такъ, въ баснѣ: „Пушки и паруса“ (1829) развита мысль о разумномъ отношеніи между сословіями военнымъ и гражданскимъ. „Держава всякая сильна“—говоритъ Крыловъ—„когда устроены въ ней всѣ премудро части“. Другая басня: „Листы и корни“ (1811) доказываетъ ту истину, что корень государства—въ народѣ, и что высшія сословія живутъ и цвѣтутъ до тѣхъ только поръ, „пока не иссушится корень“.

ПУШКИ И ПАРУСА.

На корабль у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
„О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенью?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ смесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сапу,
Несутся гоголемъ по океану.
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ!
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Лети же, помоги, могучій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!“
Борей послушался: летитъ, дохнулъ—и вскорѣ
Насунилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпить блескъ молній взоры;
Борей реветъ и реветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода:
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ: сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дву канулъ.

*Держива всякая сила,
Когда устроены въ ней все премудро части:
Оружіемъ врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.*

Х Л И С Т Ы И К О Р Н И .

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долину тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали: *Листы — краса*
„Не правда ли, что мы краса долины всей?
„Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бь было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красявостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ? *Свѣтъ и звукъ*
У насъ же раннею и позднею зарей
Пасвятывають соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами“.
—„Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ“,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
—„Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?“
Листы, по дереву шумя, зазелетали.
—„Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже ль не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ,
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ“.

3) Въ заключеніе остается упомянуть объ историческихъ басняхъ Крылова, т-е. о тѣхъ басняхъ, которыя были вызваны событіями отечественной войны. Ихъ четыре: „Волкъ на псарнѣ“ (1812), „Обозъ“ (1812), „Ворона и курица“ (1812),

„Щука и котъ“ (1813). „Волкъ на псарнѣ“ представляетъ за-
груднительное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы
и его желаніе вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, на что
послѣдній, изображенный у Крылова въ лицѣ ловчаго, не со-
гласился. Басня „Обозъ“ написана съ цѣлю оправдать мед-
ленность дѣйствій Кутузова, возбуждавшую тогда всеобщее
неудовольствіе; между тѣмъ Крыловъ понялъ, — а послѣ поняли
ужъ и всѣ, что Кутузовъ именно „добрый конь, понесшій
на крестцѣ свой тяжелый возъ“. Подъ молодымъ же копомъ
Крыловъ разумѣлъ всѣхъ тѣхъ, которые были недовольны дѣй-
ствіями Кутузова и желали рѣшительнаго боя. Басня „Воропа
и курица“ изображаетъ бѣдственное положеніе французской
арміи, послѣ занятія ею Москвы. Наконецъ, басня „Щука и
котъ“ написана по поводу ошибки адмирала Чичагова, началь-
ника южной арміи, допустившаго Наполеона переправиться че-
резъ Березину.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарю.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вошь на драку.
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воры!“
И въ мигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ, иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— „Огня!“ кричатъ: „огня!“ — Прпшли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ.
Зубами щелкая и оцетивя шерсть,
Глазѣма, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчѣтся за овецъ, —
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный свать и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, оставимъ общій ладъ!
А я не только впредъ не тропу здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ“

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я "...— Послушай-ка, сосѣдь",
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдь,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой!“
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шель обозъ,
И надобно съ кругой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣ! Вотъ толчокъ опять:
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой осель! добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору и днемъ!
Смогрѣть, такъ выйдемъ изъ терѣбня!
Ужъ воду бы таскала, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Глди-тка насъ, какъ мы махнемъ.
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилася,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рывинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же.
Всѣ кажется въ другомъ ошибкой намъ,
А примешся за дѣло самъ,
Такъ напраказишь вдвое хуже.

В О Р О Н А И К У Р И Ц А .

Когда Смоленский князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сътъ поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ,—
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу,
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— „А ты, что жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу курица кричить:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
— „Мнѣ что до этого за дѣло?“
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарять ни варять:
Такъ мнѣ съ гостями не мудрено ужиться.
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человекъ въ расчетахъ спитъ и мучъ.
За счастьемъ, кажется, ты по плетамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался, какъ ворона въ супъ!

Щ У К А И К О Т Ъ .

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примычено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда дружишь упрямый и вздорный:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорый
Посмѣищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталь щукѣ Васька говорить:
„Смотря, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.
— „И, полно, куманекъ! вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей“.
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!“ Пошли, засѣли,
Натѣшилси, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совѣтъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука
Впередъ умѣе быть
И за мышами не ходить.

Само собою ясно, что эти историческія басни, написанныя, какъ и многія другія басни Крылова, по поводу известнаго, опредѣленнаго случая, имѣютъ и общее значеніе, вслѣдствіе чего онѣ далеко не лишены интереса и для того, кто совершенно и не знаетъ поводовъ, по которымъ онѣ написаны.

— ~~Итакъ~~ басни Крылова, эти маленькія по объему произведенія, обнимаютъ собою обширный міръ жизни: начиная отъ вопросовъ важныхъ и первостепенныхъ, онѣ нисходятъ до указанія на частные случаи и столкновенія и даютъ обдуманнныя совѣты житейской мудрости — и притомъ такъ щедро, въ такомъ изобиліи и съ такимъ широкимъ захватомъ жизни, что въ басняхъ Крылова, какъ въ справочной книгѣ, можно найти наставленія на многое множество случаевъ, которыми такъ богата наша повседневная жизнь. Эта широта, эта многосторонность басенъ Крылова, охватывающихъ собою многія и

различныя стороны жизни, составляет одно изъ достоинствъ произведеній нашего баснописца.

Но безъ сомнѣнiя, какъ бы ни были практичны басни Крылова, онѣ никогда не пользовались бы такою славою, если бы не отличались еще двумя важными достоинствами: народностью и художественностью. Последнее (какъ увидимъ) отчасти обусловливается первымъ.

Басни Крылова со стороны ихъ народности. Народность басенъ Крылова видна какъ въ содержанiи ихъ, такъ и въ языкѣ.

По отношенiю къ содержанiю надо отмѣтить слѣдующiе факты:

I. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ Крыловъ для *басенной аллегорiи черпаетъ образы изъ русской жизни и природы*. Выведенные имъ люди въ большинствѣ случаевъ сразу обличаютъ свою принадлежность къ русской національности, и такихъ басенъ, какъ напр. „Напраслина“, гдѣ выводится браминъ, у него очень немного. Звѣри его — лиса, волкъ, медвѣдь, овца, собака, котъ — также взяты изъ русской природы. Правда, у него встрѣчаются и слоны, львы, обезьяны; но и они у Крылова, такъ сказать, обрусѣли; они говорятъ и мыслятъ чисто по-русски. Обстановка, среди которой дѣйствуютъ и люди и звѣри, наша же родная, русская; такiя отступленiя, какъ напр. въ басняхъ „Парнасъ“, „Осель и соловей“, „Собачья дружба“, изъ которыхъ въ первой мѣстомъ дѣйствiя выбрана знаменитая классическая гора, во второй — упоминается Аврора, а въ третьей встрѣчаются имена Ореста и Пилада — такiя отступленiя сравнительно незначительны.

II. *Мораль* басенъ Крылова также народна: она очень напоминаетъ собою мораль нашихъ пословицъ: какъ тутъ, такъ и тамъ она основывается не на глубокихъ теоретическихъ соображенiяхъ, а на житейскомъ опытѣ и простомъ здоровомъ смыслѣ.

Но главнымъ и самымъ яркимъ выразителемъ народности басенъ Крылова служитъ языкъ ихъ.

Лзыкъ, пли точнѣе — слогъ басень Крылова чрезвычайно богатъ элементами чисто русскаго, бойкаго, живого народнаго языка. Укажемъ эти элементы.

I. Со стороны лексической.

Въ басняхъ Крылова мы встрѣчаемъ богатый подборъ словъ чисто народныхъ. Напримѣръ:

1) Имена существительныя:

Батракъ — крестьянинъ, нанявшійся въ работу къ другому крестьянину.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подь вечеръ лѣскомъ

Домой, въ деревню, къ сѣнокосу (*Крестьян. и работн.*).

Разносолъ — различныя приправы къ кушаньямъ; разнообразіе блюдъ.

Въ деревнѣ что за разносолъ! (*Три мужика*).

Вѣщунья — предвѣстница. Такъ называютъ въ народѣ ворону.

„Мнѣ что до этого за дѣло?“

Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „Я здѣсь останусь смѣло“ (*Вор. и кур.*).

Хохлаточка — народное названіе курицы.

„Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“ (*Ворона и кур.*).

Поживки — мелкія выгоды.

Ворона подлинно осталась;

Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,

Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—

Она сама къ нимъ въ супъ попалась (*Ворона и кур.*).

Свѣтъ — какъ народное ласкательное слово, особенно въ обращеніяхъ.

„Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“

Сталъ щукѣ Васька говорить (*Щука и котъ*).

и проч. и проч.

2) Имена прилагательныя притяжательныя, которыми Крыловъ пользуется свободно; напр. *сырнѣй, вѣщунинъ, лисицынъ, мушинѣй* и др.

Вдругъ сырнѣй духъ лису остановилъ (*Вор. и лисица*).

Вѣщункина съ похвалъ вскружилась голова (*Тамъ же*).

И на привѣтливѣ лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло (*Тамъ же*).

Пу жужжать во всю мушину мочь (*Муха и дорожные*).

Одобрили ослы ослово

Красно-хитѣ сплетенно слово (*Парнасъ*).

3) Глаголы чисто народные особенно часто встрѣчаются у Крылова.

Махнуть — въ значеніи: отправиться, при чемъ указывается на быстроту дѣйствія.

Гляди-тка пасъ, какъ мы махнемъ! (*Обозъ*).

Перевалиться — въ значеніи: перейти на какое-нибудь мѣсто; зайти за какой-нибудь предѣлъ.

Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась (*Обозъ*).

Отнести — въ значеніи: отрубить.

Отнесъ полчерена медвѣдю топоромъ (*Крестьян. и работн.*).

Теребить — дергать.

И что за гребешокъ? Не только не теребить,
Нигдѣ онъ даже не зацѣптъ (*Гребень*).

Рядить — въ значеніи: рассуждать.

Пока опи судили да рядили,
Да войска разводили,

Онъ пи гугу—и щи и кашу, все пріѣлъ (*Три мужика*).

Продрать (глаза) — въ значеніи: открыть.

Свипись, глаза продравши, встала (*Свинья подъ дубом*).

Поставить — въ значеніи: привести въ извѣстное состояніе.

Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочеть (*Тервонецъ*).
и проч., и проч.

4) Очень употребительны у Крылова и народныя частицы: чай, де, -тка, -атъ.

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ? (*Любопытный*).

И Ваську де, не только что въ поварню,

Пускать не падо и на дворъ (*Котъ и поваръ*).

Гляди-тка пасъ, какъ мы махнемъ! (*Обозъ*).

Однакожь мостъ-атъ нашъ каковъ (*Лжецъ*).

II. Со стороны грамматическихъ формъ.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, языкъ Крылова также сближается съ нашимъ народнымъ языкомъ, а именно:

1) Имена уменьшительныя и ласкательныя въ языкѣ Крылова встрѣчаются такъ же часто, какъ и въ народномъ языкѣ; напримѣръ:

Тронудася лошадна съ возомъ въ путь (*Обозъ*).
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сырномъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь (*Вор. и кур.*)
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена! (*Демьян. уха*).
Охъ, мой голубчикъ-куманекъ! (*Лисица и сурокъ*).
А смотришь, помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купить деревеньку (*Тамъ же*).
И всякій сиворушку хвалилъ (*Скворецъ*).

2) Имена унизительныя.

„Какой ты злой гребнишна!“
Кричить мальчишна (*Гребень*).
Не жевихи, а женишонки! (*Разборч. невеста*).

3) Имена увеличительныя.

Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище (*Оселя и соловей*).
Нупчина выстроилъ амбары
И въ нихъ покладъ съѣстные всё товары (*Хозяинъ и мыши*) и др.

4) Увеличительныя и уменьшительныя им. прилагательныя съ народными окончаніями: *-охонекъ*, *-ошенекъ*, *-ехонекъ*, *-ешенекъ*, *-оатый*, *-еватый*, а также производимыя отъ нихъ нарѣчія:

Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты (*Вороненокъ*).
Межъ иховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался (*Волкъ и мышен.*)
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала (*Ворона и лисица*) и др.

5) Успленіе качества выражается иногда у Крылова прибавкою творительнаго падежа.

А я, какъ сирота, однимъ-одна сяжу (*Кукуш. и горл.*).
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей (*Свинья*).
Идоль сталь болванъ-болваномъ (*Оракулъ*).

6) Неопредѣленное наклоненіе на *-чи*:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ (*Щука и котъ*).
Вотъ волка стали стеречи (*Пастухъ*) и др.

7) Народная форма дѣепричастія на *-чи*:

Левъ, когти разминал
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ (*Левъ на ловль*).
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ (*Дать соб.*).
То волка тутъ властна овца,

Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить (*Волки
и овцы*) и др.

8) Причастіе прошедшее страдательное употребляется у Крылова такъ же свободно, какъ и въ народномъ языкѣ ¹⁾.

Та бочка для вина брана откупщикомъ (*Бочка*).

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ (*Крестьян. изъ бѣды*) и др.

III. Со стороны синтаксиса.

Синтаксисъ басенъ Крылова особенно богатъ оборотами, свойственными нашему разговорному, чисто русскому языку. Въ этомъ отношеніи мы у Крылова находимъ:

1) Разнообразіе въ употребленіи глагольнаго сказуемаго, а именно:

а) Неопредѣленное и. съ частицею *ну*, для живости разсказа:

Увидѣвши (моська) слона, ну на него метаться,

И лаять, и визгать, и рваться (*Слонъ и моська*).

Ну въ пихъ онѣ (обезьяны въ сѣтяхъ) нувырнаться, нататься

И нутаться, и завиваться (*Обезьяны*).

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться (*Ля. и волъ*).

б) Второе лицо ед. ч. въ безличномъ предложеніи ²⁾.

А смотришь, помаленьку

То домикъ выстроить, то купить деревеньку (*Лисица и сур.*).

А поглядишь—у самого

Деревня между глазъ сгорѣла (*Три мужика*) и др.

в) Повелительное и. въ смыслѣ условнаго:

Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожажѣю (*Свинья подв дуб.*).

Щепотки волосковъ лиса не помалѣй,

Остался бѣ хвостъ у пей (*Лиса*).

г) Наконецъ глагольное сказуемое часто замѣняется у Крылова отглагольными междометіями:

Лѣвій, лѣвій и съ возомъ—бухъ въ канаву (*Обозъ*).

Что силы есть—хватъ друга камлеть въ лобъ (*Пуст. и мед.*).

Подруга каждая тутъ тихо толь подругу (*Обезьяны*).

¹⁾ Ср. въ быльи обзъ Ильѣ Муромцѣ: „Негадно у апостоловъ удуmano“.

²⁾ Ср. народныя пословицы и поговорки, напр.: „Тяше ѣдешъ — дальше будешъ“.

Анѣ тутъ тихонько шастъ
Къ брамину въ келью надзиратель (*Напраслина*).
Какъ вдругъ изъ лѣсу шастъ
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть (*Соб., чел., кошки и сок.*).

2) Встрѣчается согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ въ народномъ духѣ:

Я затыну, а вы не отставай! (*Парнасъ*).
Прощай, хозяйскіе горшки! (*Обозъ*).

3) При сочетаніи предложеній часто встрѣчается эллипсисъ, вообще свойственный живому, разговорному языку:

Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа (*Лял., прос. царя*).
Сегодня удалось, а завтра—кто порука? (*Плотичка*).
Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей (*Шука и котъ*) и др.

Независимо отъ всего вышеуказаннаго, баснямъ Крылова придаетъ характеръ народности множество отдѣльныхъ чисто народныхъ выраженій, пословицъ и поговорокъ. Многія изъ нихъ существовали до Крылова и были взяты имъ у народа; но многія даны были имъ народу и вошли съ тѣхъ поръ во всеобщее употребленіе. Не есть ли это лучшее доказательство самаго тѣснаго родства между языкомъ Крылова и народнымъ языкомъ!

Вотъ, для примѣра, нѣсколько чисто народныхъ выраженій изъ басенъ Крылова:

- „Съ плечъ бѣда долой“ (*Крестьян. и работ.*);
- „Повстрѣчали медвѣдя носомъ къ носу“ (*тамъ же*);
- „Всклокотилъ волосы копной“ (*Гребень*);
- „Извозомъ промышляли“ (*Три мужика*);
- „Путь на родину держали“ (*тамъ же*);
- „Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить“ (*тамъ же*);
- „подъ гнѣвъ подпала“ (*Лисица и сурокъ*);
- „сыплють къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты“ (*Куку. и горл.*);
- „катился градомъ потъ“ (*Демьян. уха*);
- „Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ“ (*Крестьян. и разб.*);
- „Покупщиковъ отбою нѣтъ“ (*Паукъ и пчела*);
- „Хлопотъ маргышкѣ полонъ ротъ“ (*Обезьяна*), и мн. др.

А вотъ и пословицы и поговорки ¹⁾, заимствованныя Крыловымъ у народа:

- „по мнѣ ужь лучше пей, да дѣло разумѣй“ (*Музыканты*) ²⁾;
- „Ласточка одна не дѣлаетъ весны“ (*Мотъ и ласт.*) ³⁾;
- „Не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться“ (*Левъ и мышь*) ⁴⁾;
- „Хоть видить око, да зубъ нейметъ“ (*Лисица и виноградъ*) ⁵⁾;
- „изъ огня да въ полымя попали“ (*Госп. и дѣв служ.*) ⁶⁾;
- „отъ воронъ она отстала, а къ павамъ не пристала“ (*Ворона*) ⁷⁾;
- „Что посѣялъ—то и жни“ (*Волкъ и котъ*) ⁸⁾;
- „Надѣлала сѣница славы, а море не зажгла“ (*Сѣница*) ⁹⁾, и др.

Съ другой стороны, многія выраженія Крылова перешли въ народъ и стали употребляться какъ пословицы или поговорки, напримѣръ:

- „У сильнаго всегда безсильный виновать“ (*Волкъ и ягн.*).
- „Не призрай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его“ (*Орелъ и кротъ*).
- „Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага“ (*Пустын. и медв.*).
- „Васька слушаетъ да ѣстъ“ (*Котъ и поваръ*).
- „Ларчикъ просто открывался“ (*Ларчикъ*).
- „Слона-то я и не примѣтилъ“ (*Любопытный*).
- „Вѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ“ (*Щука и котъ*) и др. ¹⁰⁾.

Изъ всего этого видно, что басни Крылова дѣйствительно запечатлѣны духомъ народности, и не только оригинальныя его басни, но и заимствованныя. Крыловъ умѣлъ и заимствованныя сюжеты обрабатывать въ народномъ духѣ и излагать ихъ чисто русскимъ языкомъ.

1) Всѣ приведенныя тутъ пословицы и поговорки указаны Кепевичемъ, въ его книгѣ: „Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“.

2) Измѣненна народная пословица: „Пей, да дѣло разумѣй!“

3) Народн. послов.: „Одна ласточка весны не дѣлаетъ“.

4) Народн. послов.: „Не плюй въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить“; также: „Не плюй въ колодезь, Титъ: случится въ немъ воды испить“.

5) Народн. послов.: „Глазъ видить, да зубъ нейметъ“.

6) Народн. послов.: „Изъ огня да въ полымя“.

7) Народн. послов.: „Отъ воронъ отстала, а къ павамъ не пристала“.

8) Народн. послов.: „Что посѣешь, то и сожнешь“.

9) Народн. поговорка: „Сѣница за море летѣла и море зажигать хотѣла; сѣница много на шумѣла, а не было изъ шума дѣла“.

10) Первые два выраженія внесены Снегиревымъ въ его сборникъ пословицъ; третье находимъ у Дала, который также внесъ его въ свой сборникъ; послѣднія четыре—настолько часто употребляются въ нашемъ разговорѣ, что ихъ, вѣроятно, приходилось слышать каждому.

Басни Крылова со стороны ихъ художественности. Въ баснѣ два существенныхъ элемента: аллегорія и выводимая изъ нея мораль. Изъ исторіи развитія басни ¹⁾ извѣстно, что было время, когда главною сущю басни считали не самый аллегорическій рассказъ, а выводимую изъ него мораль, которая и излагалась въ присоединяемомъ къ рассказу нравоученіи. Вслѣдствіе такого взгляда на басню, мало заботились объ обработкѣ рассказа, который иногда бывалъ даже короче прибавленнаго къ нему нравоученія. Только Лафонтенъ впервые начинаетъ заботиться объ отдѣлкѣ повѣствовательной части басни—и такимъ образомъ возводитъ этотъ видъ произведеній на степень художественности. Въ нашей литературѣ въ этомъ отношеніи заслужилъ себѣ безсмертную славу Крыловъ. Всѣ наши баснописцы, писавшіе до Крылова—не говоря уже о Сумароковѣ, но и Хемницеръ и Дмитріевъ—стоятъ ниже его: Крыловъ возвышается надъ ними какъ силою творческаго таланта, такъ и умѣнемъ облекать созданныя картины бойкою, живописною народною рѣчью. Отсюда и происходитъ необыкновенная плѣнительность его рассказа, въ которомъ все нравится: и содержаніе, и изложеніе. Содержаніе увлекаетъ насъ жизненностью, правдоподобіемъ, вѣрностью изображенія типическихъ особенностей какъ людей, такъ и различныхъ представителей животнаго міра. Изложеніе поражаетъ чрезвычайною живостью, картинностью. „Ни одинъ изъ поэтовъ“ — говоритъ Гоголь ²⁾—„не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выразаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства“. Но гдѣ же Крыловъ находитъ краски для такой изобразительности своей рѣчи? Безъ сомнѣнія, въ живомъ и живописномъ народномъ языкѣ. Тонкое знаніе этого языка надѣляло его способами придавать изображаемымъ чертамъ пластическую видимость, какъ будто онѣ вырѣзаны на мѣди, и при этомъ Крыловъ не нуждается во многословіи:

¹⁾ Краткая исторія развитія басни изложена въ изданной мною „Теорія словесности“.

²⁾ Въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“, помѣщенной въ V томѣ полнаго собр. сочин. П. В. Гоголя.

часто одного краткаго оборота рѣчи достаточно для него, чтобы нарисовать картинку, одного слова—чтобы придать этой картинѣ извѣстный оттѣнокъ, колоритъ ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что народность языка басенъ Крылова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшая причина художественности ихъ изложенія.

Замѣчательнѣе и самый стихъ Крылова: „онъ“ — сказалъ Гоголь ²⁾—„звучитъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнеть мысль. и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака“. И дѣйствительно, стихъ Крылова находится иногда въ удивительно художественномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Такъ, напримѣръ, по мѣрѣ возрастанія быстроты дѣйствія, изображаемаго въ концѣ басни „Обозъ“, возрастаетъ и быстрота стиха; напротивъ, медленному и тяжелому движению рыдвана, описываемому въ началѣ басни „Муха и дорожные“, соотвѣтствуетъ медленный и тяжелый стихъ:

Въ Юзѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ
Тащился.

Переливы соловьиного пѣнія слышатся и въ самыхъ стихахъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То вѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томпой вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался.

Все до сихъ поръ сказанное относилось собственно къ аллегорическому разсказу басенъ Крылова, не касаясь ихъ морали. Но Крыловъ оказывается большимъ мастеромъ и въ способѣ выразить мораль. Правда, дорожа моралью, онъ любилъ снабжать свои басни правоученіемъ, или предпосылая его разсказу, или помѣщая его послѣ разсказа; но дѣло въ томъ, что мораль огромнаго большинства его басенъ понятна и безъ пра-

¹⁾ См. статью академика А. В. Никитенко: „О басняхъ Крылова съ художественномъ отношеніемъ“, въ VI т. „Сборника“ отдѣл. русск. яз. и словеса. при Академіи Наукъ.

²⁾ Въ той же вышеупомянутой статьѣ.

*Копія з рукопису Грибоєдова, зібрання
Імператорської Академії наук, № 340 — Москва*

воученія, котораго у нѣкоторыхъ его басенъ и нѣтъ: мораль уже заключена въ самомъ разсказѣ, такъ что оба эти элемента—аллегорія и мораль—у Крылова художественно сливаются въ одно стройное цѣлое.

Всѣ эти художественныя достоинства басенъ Крылова возводятъ ихъ на степенъ классическихъ произведеній, которыми русская литература въ правѣ гордиться.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

(1795—1829).

Въ Карамзинскую эпоху, кромѣ Крылова, сатира еще нашла себѣ талантливаго представителя въ лицѣ Грибоѣдова, какъ автора знаменитой комедіи „Горе отъ ума“, которая притомъ точно такъ же, какъ и басни Крылова, принадлежитъ къ произведеніямъ, отличающимся національнымъ направлениемъ.

Біографическія свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ, въ январѣ 1795 года ¹⁾, въ богатой дворянской семьѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ своихъ родителей, и образованіе это было настолько серьезно, что могло считаться рѣдкимъ явленіемъ въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ того времени, гдѣ дѣти получали очень часто лишь французское, великосвѣтское воспитаніе. Родители Грибоѣдова хотя и любили тянуться за старой аристократіей и свято хранили родовыя традиціи,—однако сына своего учили не одному французскому языку, но и нѣмецкому, англійскому и латинскому; даже музыкѣ учили его серьезно, знакомя не только съ практической, но и съ теоретическою стороною этого искусства. Вообще надо сказать, что занятія Грибоѣдова велись систематически, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ гувернеры ему былъ выбранъ нѣкто Богданъ Ивановичъ Іонъ ²⁾, человекъ умный

¹⁾ Относительно дня рожденія Грибоѣдова показанія разнорѣчивы: одни указываютъ на 4-е января, другіе на 5-е.

²⁾ Свѣдѣнія о Б. Ив. Іонѣ почерпнуты изъ статьи А. Веселовскаго *Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума“*, помѣщенной въ Русскомъ

и добродушный, къ которому Грибоѣдовъ привязался всею душою. Итакъ относительно Грибоѣдова нельзя сказать, чтобы онъ учился „чему-нибудь и какъ-нибудь“, и это серьезное веденіе дѣла имѣло свои хорошія послѣдствія: знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ открыло Грибоѣдову богатая литературы Запада; систематическое веденіе занятій развило въ немъ привычку къ усидчивости и основательности въ трудѣ; разумное обученіе музыкѣ сдѣлало то, что фортепьяно было для Грибоѣдова не орудіемъ пытки, какъ это иногда случается, а источникомъ поэтическихъ наслажденій. Онъ страстно полюбилъ музыку и часто, „увлекаясь въ безконечныя импровизации, забывалъ весь міръ и не отрывался отъ инструмента по цѣлымъ днямъ“ ¹⁾. Такъ складывалась постепенно тонкая, впечатлительная, артистическая натура умнаго отъ природы Грибоѣдова.

Въ 1810 году, мать, заботясь о карьерѣ сына, рѣшила дать ему университетское образованіе или, выражаясь точнѣе, дать ему возможность прослушать нѣсколько отдѣльныхъ курсовъ у лучшихъ профессоровъ и затѣмъ — получать степень кандидата и такимъ образомъ облегчить себѣ первый шагъ на службѣ. Въ этомъ отношеніи заботливая мать поступала совершенно въ духѣ окружавшей ее среды: университеты являлись уже тогда въ глазахъ многихъ средствомъ для устройства первоначальной судьбы молодого дворянскаго поколѣнія. Это уже составляло шагъ впередъ сравнительно съ зачисленіемъ дворянскихъ дѣтей на службу по архиву или по кремлевской экспедиціи, порождавшихъ ту толпу „архивныхъ юношей“, о которыхъ упоминаетъ Пушкинъ ²⁾, и изъ которыхъ такъ легко формировались такія безцвѣтныя личности, какъ гг. N и D.,

---

Архивъ за 1874 г. кн. I. Оттуда же взяты и многія другія подробности, относящіяся къ біографіи Грибоѣдова.

¹⁾ Слова А. Веселовскаго.

²⁾ Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (гл. VII), Пушкинъ, описывая пребываніе Татьяны въ Москвѣ, между прочимъ говоритъ:

Архивныя впопыхи толпою,
На Татьяну чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.

выведенные въ комедіи „Горе отъ ума“. Но, допуская сына къ слушанію университетскихъ лекцій, мать позаботилась въ то же время и о соблюденіи всего того, что въ этомъ случаѣ было обыкновенно принято въ бонтонныхъ домахъ: его не записали въ число студентовъ, а допустили лишь быть вольнослушателемъ; выдержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго — всего только 2 года и наконецъ посылали на лекціи всегда въ сопровожденіи гувернера—Іона.

Поступивъ въ число вольнослушателей, Грибоѣдовъ выбралъ себѣ тотъ факультетъ, который соотвѣтствовалъ нынѣшнему юридическому. Такой выборъ объясняется съ одной стороны — желаніемъ матери, а съ другой — вліяніемъ Іона, который самъ былъ докторомъ правъ. Черезъ 2 года Грибоѣдовъ получилъ степень кандидата. Хотя мать, отдавая сына въ университетъ, руководилась чисто внѣшними побужденіями, думая больше о карьерѣ, а не о развитіи его ума,— тѣмъ не менѣе сынъ иначе относился къ университетскимъ занятіямъ: онъ съ любовью посѣщалъ лекціи, и не только своего факультета, но и другихъ. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета имѣли на Грибоѣдова большое вліяніе: это именно профессора М. М. Снегиревъ, Страховъ и Буле (Buhle). Простодушный, истинно-религіозный Снегиревъ, читавшій исторію философіи, вообще имѣлъ хорошее нравственное вліяніе на своихъ слушателей, изъ которыхъ многіе посѣщали его домъ. Профессоръ Страховъ, большой любитель театра, руководилъ обыкновенно студенческими спектаклями — и здѣсь въ Грибоѣдовѣ легко могла зародиться та, часто переходившая въ энтузіазмъ, любовь къ театру, которая потомъ жила въ немъ во весь его юношескій періодъ и рано направила его литературную дѣятельность къ любимой формѣ — драматической. Но всего важнѣе было вліяніе на Грибоѣдова профессора Буле, отличавшагося обширною и солидною ученостью, читавшаго лекціи по философіи, эстетикѣ, исторіи и другимъ наукамъ. Кромѣ лекцій въ университетѣ, Буле читалъ студентамъ и частные курсы у себя на дому, гдѣ различные вопросы науки подвергались подробному и серьезному изученію. Изъ области эстетики Буле любилъ останавливаться преимущественно на изученіи

сущности и главныхъ основъ драмы, въ особенности комедіи, которая была его любимымъ родомъ поэзіи. Читая свои лекціи всѣмъ вообще, Буле, оцѣнивъ дарованія Грибоѣдова, нерѣдко посвящалъ ему одному продолжительныя філософскія и эстетическія бесѣды, пріучая своего слушателя къ отвлеченному мышленію и самоуглубленію.

Такимъ образомъ въ университетѣ Грибоѣдовъ не только развивался подъ вліяніемъ науки, но и видѣлъ увлекательныя примѣры нравственной силы и полезной, безкорыстной дѣятельности. Живѣе и убѣдительнѣе долженъ былъ сознать онъ съ каждымъ днемъ, что среда, къ которой принадлежать такіе люди, какъ Буле, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ великосвѣтскимъ кружкомъ, въ которомъ приходилось ему жить, — и у него сами собой стали подниматься вопросы, сравненія, сомнѣнія, и наконецъ, съ одной стороны, сталъ слагаться высокій идеаль, а съ другой — стали все болѣе и болѣе усиливаться отрицательныя отношенія ко всему тому, что противорѣчило этому идеалу. Эти отрицательныя отношенія рано или поздно должны были высказаться. Тѣ же университетскія занятія уже заранѣе обусловили и форму, въ которую долженъ былъ отлиться протестъ Грибоѣдова: форма эта — комедія, и въ эту-то форму и облекъ онъ впоследствии свое безсмертное произведеніе — „Горе отъ ума“¹⁾.

Послѣ всего, что сказано выше, самыми интересными вопросами являются слѣдующіе два: 1) какія же противорѣчія своему идеалу нашель Грибоѣдовъ въ окружавшемъ его великосвѣтскомъ кружкѣ? и 2) когда у него зародилась мысль о комедіи „Горе отъ ума“?

Биографы Грибоѣдова описываютъ окружавшій его кружокъ родственниковъ и знакомыхъ и на иныхъ личностяхъ останавливаются довольно подробно. Если взглянуть во всѣ эти лица, то нельзя не замѣтить, что они были заражены тѣми же недостатками, какими отличаются и выведенныя лица въ комедіи

---

¹⁾ Разсказъ о поступленіи Грибоѣдова въ университетъ и о пребываніи въ немъ изложенъ на основаніи статьи А. Веселовскаго.

„Горе отъ ума“. Одно изъ нихъ въ особенности напоминаетъ Фамусова: это — дядя Грибоѣдова по матери, Алексѣй Федоровичъ. О немъ между прочимъ рассказываютъ слѣдующее:

„Въ числѣ важнѣйшихъ членовъ семейнаго ареопага особенно выдавался Алексѣй Федоровичъ, одинъ изъ тогдашнихъ почетнѣйшихъ московскихъ тузовъ. При помощи матери нашего писателя, питавшей къ нему большое уваженіе, Алексѣй Федоровичъ, гордившійся своими связями и положеніемъ въ свѣтѣ, старался ввести молодого Грибоѣдова въ лучшее общество. Вѣчно приходилось Александру Сергѣевичу отстраняться отъ навязчивыхъ попеченій дяди. Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ, что дядя вѣхалъ къ нимъ на дворъ, разумѣется, затѣмъ, чтобъ везти его на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ-Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель. — Подъемъ, — приставалъ Алексѣй Федоровичъ. — Не могу, дядюшка: го болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ, — хитрилъ молодой человѣкъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, въ окружавшихъ и близкихъ лицахъ распознавалъ Грибоѣдовъ рядъ темныхъ характеровъ, видѣлъ интриги, искательство, низкопоклонство и другія отталкивающія стороны, — и у него тогда же зародилась мысль осмѣять ихъ: есть свидѣтельство, что еще въ 1812 году Грибоѣдовъ читалъ Іону и одному изъ своихъ университетскихъ товарищей отрывки изъ комедіи, носившей уже названіе „Горя отъ ума“²⁾.

Само собою разумѣется, что въ 1812-мъ году у Грибоѣдова не могло еще быть полной и совершенно законченной комедіи; это были лишь первоначальные наброски, о дальнѣйшей обработкѣ которыхъ тогда было некогда ему и думать, такъ какъ событія отечественной войны громко говорили о другихъ неотложныхъ потребностяхъ, и молодежь, увлекаемая чувствомъ патріотизма, шла въ ряды русскаго войска. Въ числѣ ихъ были и Грибоѣдовъ; онъ прямо съ университетской скамьи посту-

1) См. у А. Веселовскаго.

2) См. тамъ же.

шилъ въ гусарскій полкъ, хотя впрочемъ полкъ этотъ вошелъ въ составъ резерва и не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а простоялъ во все время войны подъ Брестъ-Литовскомъ. Какъ прежде Грибоѣдовъ не былъ удовлетворенъ московскимъ обществомъ, такъ и теперь не болѣе удовлетворительнымъ нашелъ онъ и новое общество своихъ сослуживцевъ. Его товарищи-гусары, среди бивачной жизни вдали отъ непріятеля, предавались разгулу и дурачествамъ, и Грибоѣдовъ на всю жизнь сохранилъ самыя непріятныя воспоминанія о своемъ пребываніи въ ихъ средѣ, тѣмъ болѣе, что и самому ему приходилось принимать участіе въ развлеченіяхъ своихъ сотоварищей. Но, къ счастью, пребываніе Грибоѣдова среди этой, какъ онъ говорилъ, „дружины“—было непродолжительно, всего 4 мѣсяца, а затѣмъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, который былъ начальникомъ кавалерійскаго корпуса и квартировалъ тогда въ Брестѣ. Тутъ судьба свела его съ кучкою болѣе образованной молодежи: тутъ онъ нашелъ писателя кн. Вяземскаго, драматурга А. Шаховскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но болѣе всего сошелся онъ съ сослуживцемъ своимъ Вѣгичевымъ, къ которому сохранилъ навсегда самое глубокое уваженіе. Любовь Грибоѣдова къ литературнымъ занятіямъ, проявившаяся уже раньше, теперь, подъ вліяніемъ кружка, вспыхнула снова,—и онъ берется за перо, но не съ тѣмъ, чтобы приняться за обработку своего знаменитаго произведенія „Горе отъ ума“, для чего нужны были болѣе благоприятныя условія, а пишетъ какъ бы шутя, между дѣломъ и бездѣльемъ: вмѣстѣ съ Вяземскимъ задумываетъ онъ комедію „*Кто братъ, кто сестра*“ и переводитъ съ французскаго комедію же „*Молодые супруги*“. Но если „Горе отъ ума“ не подвигалось впередъ, то за то накоплялся матеріалъ для него: основныя черты Скалозуба, этого фронтовика-служаки, были подмѣчены Грибоѣдовымъ во время его службы въ Литвѣ, хотя потомъ типъ этотъ былъ дополненъ нѣсколькими чертами, взятыми у другихъ личностей.

По окончаніи войны Грибоѣдовъ переѣхалъ въ Петербургъ (1815), гдѣ вскорѣ оставилъ военную службу, и въ 1817 году

поступилъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, куда въ томъ же году поступилъ и Пушкинъ, только что окончившій лицей. Они познакомились другъ съ другомъ, но никогда не сходились близко, чему мѣшали совершенно различныя литературныя связи обоихъ писателей: Грибоѣдовъ былъ друженъ съ Шаховскимъ и его кружкомъ; Пушкинъ же былъ членомъ литературнаго общества „Арзамасъ“, гдѣ были и Карамзинъ и Жуковский. Кружокъ Шаховского вообще не жилъ въ ладу съ арзамасцами — и вотъ причина, почему Грибоѣдовъ не былъ въ дружбѣ ни съ Пушкинымъ, ни съ Жуковскимъ, ни съ Карамзинымъ. Зато все больше и больше укрѣплялись его связи съ кружкомъ Шаховского, члены котораго работали для русскаго театра. Грибоѣдовъ помогаль имъ, принимая участіе въ сочиненіи и переводѣ комедіи въ сообществѣ съ другими членами кружка¹⁾. Тутъ же, въ Петербургѣ, въ 1816 г., Грибоѣдовъ приступаетъ къ дальнѣйшей работѣ надъ своимъ „Горе отъ ума“ и набрасываетъ нѣсколько сценъ. Но все же это были еще только наброски, которымъ предстояло еще долго подвергаться различнымъ измѣненіямъ.

Въ 1818 году Грибоѣдовъ, уступая просьбамъ своей семьи, принялъ мѣсто секретаря посольства въ Персіи и уѣхалъ изъ Петербурга. Съ грустію отправился онъ въ далекую страну, гдѣ его ожидала тоска по дружескому кругу, по цивилизованной жизни, по музыкѣ, которую онъ страстно любилъ. Певеселое настроеніе было еще болѣе укрѣплено пребываніемъ въ Москвѣ, куда онъ заѣхалъ по дорогѣ. Вотъ что онъ пишетъ о Москвѣ въ своемъ письмѣ къ Бѣгичеву:

„Въ Москвѣ все не по мнѣ: праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку: нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ — „вѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ“; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помпаты во мнѣ Сашу — милаго ребенка, который те-

¹⁾ Такъ, онъ написалъ нѣсколько сценъ изъ комедіи Шаховского „Сволъ семья, или замужняя невеста;“ вмѣстѣ съ другимъ писателемъ (Жандромъ) перевелъ съ французскаго комедію „Притворная неврность“.

перь выросъ, много повѣснчалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣлеть въ миссію и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники; а больше во мнѣ ничего видѣть не хотѣтъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси Жандра, какъ однажды за ужиномъ матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ“...

Изъ Москвы Грибоѣдовъ поѣхалъ на Кавказъ и прожилъ 4 мѣсяца въ Тифлисѣ, гдѣ познакомился съ генераломъ Ермоловымъ, который оцѣнилъ и полюбилъ его. Наконецъ въ февралѣ 1819 г. Грибоѣдовъ прибылъ въ Персію, къ своему посту. Тутъ онъ принялся за изученіе восточныхъ языковъ, особенно персидскаго, и скоро овладѣлъ имъ настолько, что могъ объясняться и свободно читать персидскихъ поэтовъ. Но, не смотря на то, что эти занятія вмѣстѣ съ добросовѣстнымъ выполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей наполняли его время, — онъ тосковалъ и скоро сталъ просить объ увольненіи. Однако въ Персіи ему пришлось пробыть 3 года, и только въ 1822 г. онъ былъ переведенъ въ Грузію, къ Ермолову, для дипломатической службы.

Въ Грузіи Грибоѣдовъ приступилъ было къ окончательной отдѣлкѣ „Горя отъ ума“, но, обработавъ первыя два дѣйствія, онъ увидѣлъ, что для остальныхъ двухъ, въ которыхъ въ особенности должна была обрисоваться среда, окружающая Чацкаго, у него недостаетъ красокъ; что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ русскаго общества, немного затуманили его воспоминанія — и вотъ онъ задумываетъ поѣздку на родину: взявъ продолжительный отпускъ, въ мартѣ 1823 г. онъ былъ уже въ Москвѣ.

„Очутившись снова въ той обстановкѣ, которая впервые возбудила въ немъ сатирической зазоръ, Грибоѣдовъ съ жаромъ принялся за новыя наблюденія. Его не узнавали: прежде не любившій показываться на шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ, онъ теперь, къ удивленію друзей, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ и т. д. Матеріалу для общественной картины набиралось вдоволь... Когда, наконецъ, Грибоѣдовъ почувствовалъ, что идея вполнѣ созрѣла и пора творчества наста-

ла для него, онъ поспѣшилъ удалиться отъ городского шума. Какъ первыя два дѣйствія были написаны въ сторонѣ отъ людей, далеко отъ всего развлекающаго вниманіе, такъ и послѣднія дѣйствія написаны въ русской деревнѣ, именно въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, куда Грибоѣдовъ въ концѣ мая или началъ іюня 1824 г. пріѣхалъ вслѣдъ за своимъ другомъ. Здѣсь онъ уединился для работы, избравъ для этого бесѣдку въ саду, вставалъ рано, днемъ сходился съ домашними только во время обѣда, но зато вечеромъ читалъ имъ написанное въ тотъ день... Онъ уже до того сжился съ своими героями, до того ясно видѣлъ ихъ передъ собою, что давалъ смѣло волю своей кисти, не опасаясь ошибокъ. Зато онъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинской добросовѣстностью, работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя одну и ту же фразу, пока она не удовлетворяла наконецъ вполне его требованію. Иначе и невозможно было бы перейти ему отъ казеннаго водевильнаго слога его прежнихъ драматическихъ бездѣлокъ къ гибкому и живому разговорному языку „Горя отъ ума“¹⁾.

Дописавъ комедію, Грибоѣдовъ вернулся въ Москву и сперва было и не думалъ ставить ее на сцену; но, когда, благодаря одному изъ близкихъ его знакомыхъ (графу Віельгорскому), она стала извѣстна многимъ, и когда онъ услышалъ восторженное сочувствіе, — ему захотѣлось видѣть свое произведеніе на сценѣ. Онъ отправился въ Петербургъ и тамъ, въ виду отчасти цензурныхъ, а отчасти сценическихъ условій, принимается еще разъ за отдѣлку своей пьесы и дѣлаетъ много измѣненій. Наконецъ составила такимъ образомъ послѣдняя редакція „Горя отъ ума“ (1824 же года) — и Грибоѣдовъ начинаетъ хлопотать о постановкѣ ея на сцену. Но между тѣмъ, какъ одни восхищались его комедіей, другіе, затронутые ею за живое, старались очернить намѣренія Грибоѣдова, написавшаго будто бы пасквиль на Москву — и пьеса цензурою не была пропущена. Эта неудача, не смотря на то, что „Горе отъ ума“ распространялось въ безчисленномъ множествѣ спис-

¹⁾ Разсказъ А. Веселовскаго.

ковъ, чрезвычайно огорчила Грибоѣдова. Ничего не добившись и видя невозможность поставить свою комедію на сцену или отдать въ печать, онъ въ концѣ весны 1825 г. оставилъ Петербургъ и снова уѣхалъ въ Грузію.

Уѣхалъ Грибоѣдовъ недовольнымъ и разочарованнымъ, и изъ писемъ его къ Бѣгичеву видно, что его давила тяжелая тоска.

„Такъ скучно, такъ грустно!“—пишетъ онъ изъ Θεодосіи отъ 12-го сентября.—„Думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче... Пора умирать! Не знаю, отчего это такъ долго тавится. Тоска неизвѣстная!..“

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Грузію Грибоѣдовъ участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ, а когда началась персидская война, онъ, сопровождая графа Паскевича, смѣнившаго Ермолова, былъ ему чрезвычайно полезенъ своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ и мѣстныхъ условій жизни. По окончаніи войны, въ награду за хлопоты при веденіи переговоровъ о мирѣ, Грибоѣдовъ былъ выбранъ Паскевичемъ для поднесенія императору Николаю мирнаго Туркманчайскаго трактата. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ мартѣ 1828 года, а въ апрѣлѣ, осыпанный наградами, былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Сильно не хотѣлось Грибоѣдову ѣхать въ эту дикую страну: его томили и воспоминанія о своей прежней тоскѣ въ ней, и какія-то недобрыя предчувствія. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Чевчевадзе, но и семейныя радости не уняли его грусти: приближаясь къ Тегерану, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, и у него нѣсколько разъ вырывались слова: „Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи“. Предчувствія поэта сбылись: 30-го января 1829 года его ужъ не было въ живыхъ: онъ былъ убитъ взволновавшейся тегеранскою чернью, раздраженною отказомъ выдать укрывавшихся въ домѣ посланника взятыхъ персіянами въ плѣнъ армянъ и армянокъ, русскихъ подданныхъ, которыхъ собирались возвратить на родину. Тѣло Грибоѣдова, согласно его желанію, было перевезено въ Грузію и похоронено въ Тифлисъ.

Пушкинъ, ѣздившій въ 1829 г. на Кавказъ, встрѣтилъ на пути тѣло Грибоѣдова и оставилъ намъ въ своихъ путевыхъ запискахъ ¹⁾ нѣсколько словъ о поэтѣ, такъ преждевременно погибшемъ.

„На высокомъ берегу рѣки“—говоритъ Пушкинъ—„увидѣлъ я противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. „Откуда вы?“—спросилъ я ихъ.—„Изъ Тегерана.“—„Что вы везете?“—„Грибоѣда.“— Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, котораго препровождали въ Тифлисъ“.

„Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія...“

„Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человѣчества—все въ немъ было необыкновенно привлекательно“.

Такими же симпатичными чертами изображаетъ Грибоѣдова и К. А. Полевой.

„Его обращеніе—говоритъ онъ—всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ, какою-то искренностію, которая однакожъ не переходила свѣтскихъ формъ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, притворнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно“.

Комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума».

Грибоѣдовъ былъ авторомъ нѣсколькихъ произведеній, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ; но его литературная дѣятельность прошла бы совершенно безслѣдно, если бы онъ не написалъ „Горя отъ ума“. Немного, но въ это немногое онъ вложилъ всю свою душу—и комедія его вышла произведеніемъ настолько замѣчательнымъ, что благодаря ей Грибоѣдовъ занялъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ писателей и обезсмертилъ свое имя.

Въ настоящее время существуетъ множество изданій „Горя отъ ума“, но текстъ ихъ далеко не всегда одинаковъ. Это раз-

¹⁾ Въ „Путешествіи въ Арзрумъ“.

порѣчіе имѣетъ свои историческія причины. „Горе отъ ума“ при жизни автора не было напечатано ¹⁾; первое появленіе его въ печати относится къ 1833 году. Но, не появляясь въ печати до 1833 года, оно тѣмъ не менѣе распространялось въ рукописяхъ, при чемъ, конечно, дѣло не обходилось безъ ошибокъ и искаженій. Съ другой стороны — и самъ авторъ, работая нѣсколько лѣтъ надъ своей комедіей, дѣлалъ въ ней не мало измѣненій. Вслѣдствіе всего этого ходившія по рукамъ рукописи не были во всемъ сходны другъ съ другомъ. Отсюда понятно, что изданіе, сдѣланное по одной рукописи, нѣсколько отличается отъ изданія, сдѣланнаго по другой рукописи. Въ настоящее время лучшими изданіями считаются: 1) И. Д. Гарусова (полный текстъ съ примѣчаніями и объясненіями) и 2) дѣлаемая подъ редакціей П. А. Ефремова.

---

¹⁾ Если не считать небольшихъ отрывковъ, напечатанныхъ Булгаринымъ въ 1825 г. въ журналѣ „Русская Галія“.

ГОРЕ ОТЪ УМА ¹⁾.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица.

Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣ-
стомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живу-
щій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама } Горичи.

Платонъ Михайловичъ, мужъ ея }

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.

Графиня бабушка } Хрюмины.

Графиня внучка }

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлѣстова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Репетиловъ.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при развѣздѣ.

Офиціанты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1.

Гостиная; въ ней большіе часы ¹⁾; справа дверь въ спальню Софьи, откуда ²⁾ слышно фортепьяно съ флейтою, которая потомъ умолкаетъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

(Утро. Чуть день брезжится).

Лиза (вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оледивается).

Свѣтаеть!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!

Вчера съ просилась спать — отказъ!

¹⁾ Текстъ комедіи — Ефремовскій. Природичные въ выноскахъ варианты взяты изъ текста Гарусова („Горе отъ ума“, изд. подъ редакціей И. Д. Гарусова, Спб., 1875 г.). — ²⁾ Вариантъ: въ ней большіе часы съ курантами. — *Куранты* — музыка въ часахъ. — ³⁾ Формы *откуда*, *оттуда*, *покуда* употребляются въ московскомъ говорѣ.

Ждемъ друга; нужепъ глазъ да глазъ!
Не сии, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только что вздремнула—
Ужь день!.. Сказать имъ. (*Стучится къ Софьи.*)
Господа!

Эй, Софья Павловна, бѣда!
Зашла бесѣда ваша за ночь.
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ! (*Отходитъ отъ дверей.*)
Ну, гость неприглашенный! —
Быть можетъ, батюшка войдетъ...
Прошу служить у барышни влюбленной! (*Опять къ дверямъ.*)
Да расходитесь—утро!—Что-съ?

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ подвнялось.

Софья (изъ своей комнаты).

Который часъ?

Лиза.

Седьмой... осьмой... девятый...

Софья (оттуда же).

Неправда.

Лиза (прочь отъ дверей).

Ахъ, амуръ ¹⁾ проклятый!
И слышать—не хотять понять.
Ну, что бы ставни имъ отнять!
Переведу часы, хоть знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ шрать. (*Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы
бьютъ и играютъ.*)

Явленіе 2.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ, барыни!

¹⁾ *Амуръ* — въ значеніи: любовь, страсть. Горничная могла перенять иностранныя слова и отъ своей барышни, и въ модныхъ магазинахъ Кузнецкаго моста.

Фамусовъ.

Баринъ, да!

(Остается читать часовую книгу).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что эта за бѣда?
То флейта слышится, то будто фортепьяно;
Для Софьи слишкомъ было бѣ рано...

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай!.. За вами припѣчай,
Такъ вѣрно съ умисломъ. *(Жметъ къ ней и заирывается).*
Охъ, зелье, баловница!

Лиза.

Вы баловникъ; къ лицу ль вамъ эти лица!

Фамусовъ.

Скромна, а ничего, кромѣ
Проказъ и вѣтру, на умѣ.

Лиза.

Пустите... Вѣтрепки сами!.-
Опомнитесь,—вы—старик!

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ? а ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читаю.

Фамусовъ.

Вишь прихоти какія завелъсь!

Лиза.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеннѣ прокъ-отъ не великъ.
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанетъ—доложу-съ.
Извольте же идти: разбудите, боюсь.

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ ¹⁾ симфонію ²⁾ гремишь.

Лиза (*какъ можно громче*).

Да полноте-съ!

Фамусовъ (*зажимая ей ротъ*).

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь.

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ:
У двбушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрипнешь, чуть шиннешь—
Все слышать...

Фамусовъ.

Все ты лжешь...

¹⁾ *Кварталъ*—извѣстная часть города, повѣренная надзору особаго полицейскаго чиновника.—²⁾ *Симфонія*—особаго рода музыкальная пьеса. *Гремишь симфонію*, т.-е. заставляешь часы (съ курантами) играть симфонію.

Голосъ Софьи.

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тс! (Крадется изъ комнаты на цыпочкахъ).

Лиза (одна).

Ушелъ... Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовъ.
Минуй пась пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь

Явленіе 3.

Лиза, Софья со свѣчкой; за ней Молчалинъ.

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?

Шумишь...

Лиза.

Копечпо, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а кажется все мало?

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ разсвѣло! (Тушитъ свѣчку).
И свѣтъ, и грусть!... Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай!—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла;
Вертилась передъ нимъ, не помню что вела...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ!...

Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ пародъ по улицамъ даво;
А въ домѣ стукъ, ходьба, метуть и убирають.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте—ваша власть;
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ понасть.

Софья (Молчалину).

Идите! дѣлайъ дѣлъ еще потерпимъ службу.

Лиза.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ)

Явленіе 4.

Софья, Лиза, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ!

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ же здѣсь и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья! Что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свель?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки.

Фамусовъ.

Другъ, нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной! съ молодымъ! ¹⁾ Занятъ для дѣвнцы!
Всю ночь читасшь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ, и вѣчные ²⁾ французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавить насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевозжу едва.
Изволили вбѣжать вы такъ проворно...
Смѣшалась я.

¹⁾ Вар: Съ мужчиной молодымъ!—²⁾ Вар: вѣтренн.

Фамусовъ.

Благодарю покорно.

Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я испугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроены самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь какъ словно угорѣлый;

По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристааетъ, другой—всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обмануть?

Софья (сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ попрекать мнѣ стануть,

Что безъ толку всегда журю!

Не плачь: я дѣло говорю.

Ужъ объ твоёмъ ли не радѣли

Объ воспитаньи съ колыбели!

Мать умерла—умѣлъ я принять

Въ мадамъ Розѣ вторую мать;

Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;

Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.

Одно не къ чести служить ей:

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей

Смапить себя другими допустила.

Да не въ мадамъ сила:

Не надобно иного ¹⁾ образца.

Когда въ глазахъ примѣръ отца.

Смотри ты ²⁾ на меня: не хвастаюсь сложенемъ,

Однако бодръ и свѣжъ ³⁾, и дожилъ до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...

Монашескимъ извѣстенъ поведенемъ..

Два.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!

Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что пачать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,

А пуще дочери!.. Да сами добряки ⁴⁾—

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ ⁵⁾,

¹⁾ Вар: другого.—²⁾ Вар: Смотри-ка.—³⁾ Вар: Однако бодръ я, свѣжъ.—

⁴⁾ Вар: дураки.—⁵⁾ Беремъ *въ домъ*, т.-е. помѣщаемъ въ своей квартирѣ, въ своей семьѣ; беремъ *по билетамъ*, т.-е. приглашаемъ только приходить

Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ;
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ ¹⁾ и ввелъ въ мое семейство,
Дать чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣль бы ты въ Тверя.

Софья.

Я гвѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ; великая напасть!—
Шель въ комнату, пошаль въ другую.

Фамусовъ.

Попаль, или хотѣлъ попасть,
Да вѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась куда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй на меня всю суматоху сложить:
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожить.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ рассказать?

Фамусовъ.

Ну, да. *(Садится).*

Софья.

Позвольте... видите ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала

на уроки. Учителямъ, приходившимъ на уроки по часамъ, выдавались, какъ это иногда и теперь дѣлается, билетки съ надписью или печатью пригласившаго.

¹⁾ Вар: пригрѣлъ.

Траву
Какую-то... не вспомню на яву.
Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все: луга и небеса.
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда.
Раскрылся полъ—и вы оттуда,
Блѣды, какъ смерть, и дыбомъ волоха!
Тутъ съ громомъ распахнулись двери;
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врознь—и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищ!
Хочу къ нему—вы тащите съ собой.
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ вслѣдъ кричить...
Проснулась... Кто-то говорить...
Вашъ голосъ былъ... Что, думаю, такъ рано?
Бѣгу оуда—и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дурень сонъ, какъ погляжу;
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черта, и любовь, и страхи, и цвѣты.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!

Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
Всѣмъ омышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшили; за чѣмъ же? Говори.

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да! ихъ недоставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердые къ письменнымъ дѣламъ? (*Встаетъ*).
Ну Софьюшка, тебѣ покой я дамъ.
Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкиви вздоръ изъ головы:
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягь, усни опять. (*Молчалину*).
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для доклада,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣлю.

Фамусовъ.

Воюсь, сѣдари, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
А у меня, чѣс дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
*(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ
пропускаетъ его впередъ).*

Дѣвленіе 5.

С о ф ѣ я, Л и з а.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! ну, встѣ вамъ и потѣха!
Однако шѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва не хороша.

Софья.

Что мнѣ молва? Кто хочеть, такъ и судить.
Да, батюшка задуматься принудить:
Брюзгливъ, неугоденъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...

Ты можешь посудить... ¹⁾

¹⁾ Вар:

Софья.

Молва!.. Что мнѣ молва? Кто хочеть, такъ и судить.

Лиза.

Сужу-съ не по рассказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной;
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой!

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ;
Когда жъ печальное ничто на умъ нейдетъ:
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла;
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда;
Анъ вонъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
Ну, разумѣется, къ тому бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы.
Вотъ, на примѣръ, полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья.

Куда какъ милы! и весело мнѣ страхъ!
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго ¹⁾ не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчь, а больно не хитерь.
Но будь военный, будь онъ статскій,

Лиза.

Однакожь батюшка задуматься принудить:
Брюзгливъ, неугомонень, скорь.

Софья.

Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

¹⁾ Вар: дѣльнаго.

Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить—
Давно прошло, не воротить—
А помнится...

Софья.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣеть всѣхъ,
Болтаетъ, шутить—миѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только, будто бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь.
А онъ въ отвѣтъ: „Не даромъ, Лиза, плачу:
Кому извѣстно, что найду я воротясь,
И сколько, можетъ быть, утрачу!“
Бѣдняжка! будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послумай, вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
И знаю, и винось; но гдѣ же измѣнила?
Кому?—чтобъ укорять невѣрностью могли.
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно;
Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщаль нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
Вотъ объ себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любить кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай—отъ скуки; то—вѣрнѣе! ¹⁾

¹⁾ Вар: Не отъ болѣзни - чай, отъ скуки повѣрнѣе!

Софья.

И вѣрво счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣ.
Кого люблю я—не такъ съ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ;
Врагъ дерзости; всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провести?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣдѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ;
Ни слова волнваетъ—и такъ вся ночь проходитъ:
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь ¹⁾ пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не сумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дни посѣдѣла. (*Продолжаетъ хохотать*).

• Софья (*съ озорченіемъ*).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ.

Лиза.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурачкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

Явленіе 6.

Софья, Лиза, слуга, за нимъ Чацкій.

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андренчъ Чацкій.
(*Уходитъ*).

¹⁾ Вар: Теперь на умъ.

Явленіе 7.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ—ужь на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что жь, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
    Какъ будто не прошло недѣли,
    Какъ будто бы вчера вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
    А между тѣмъ: не вспомнилъ, безъ души,
Я, сорокъ пять часовъ глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
    И вотъ за подвиги награда!

Софья

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно кто жь радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напоследокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, вѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ ¹⁾.
Сударыня, скажите сами.

Софья.

Всегда, не только что теперь;
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека;
Кто промелькнетъ, отворить дверь,
Провѣдомъ, случаемъ, изчужа, издалека—
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретъ?

¹⁾ Вар: мы васъ тутъ.

Чацкій.

Положимте, что такъ.
Блаженъ кто вѣруеть, тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой! ужель я здѣсь опять!
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то? гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ ¹⁾ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
Вы помните? вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно —
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы; полноте смущаться.

Софья.

Да хоть кого смутять
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте! не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два.
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ ²⁾.

Софья.

Гопенье на Москву! что значить видѣть свѣты!
Гдѣ жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба

¹⁾ Вар: Или: вашъ батюшка и пр.—²⁾ Все тотъ же толкъ у дамъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.—*Тотъ же толкъ*, т.-е. тѣ же сплетни и пересуды. *Тѣ жъ стихи въ альбомахъ* — насмѣлка надъ тогдашнею страстью барышень домогаться стиховъ въ альбомы на память,

Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпиргалъ ли свой вѣкъ?
А этоть... какъ его... онъ турокъ или грекъ?
Тоть черномазенькй, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовуть,
Куда ни сунься,—туть какъ туть,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?..
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ миллионъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленюю расписанъ въ видѣ рощи, ¹⁾
Самъ толстѣ, его артисты тощи...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Быль спрятанъ человекъ и щелкаль соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней! ²⁾
А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣтъ ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣсть, и ³⁾ въ комъ не сыщешь, пятень?
Когда жъ постранствуешь, воротиться домой—
И дымъ отечества намъ сладокъ и приятен!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкой свестъ,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечестъ.

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

¹⁾ Въ этомъ стихѣ говорится о такъ называемыхъ *боскетныхъ* комнатахъ. Боскетными (*bosquet*, *bosquet* — лѣсокъ, рошица) называются комнаты, стѣны которыхъ расписаны деревьями, цвѣтами, или оклеены обоями изображающими рошу, лѣсъ, садъ. (Примѣч. Гарусова).—²⁾ Въ Фамусовское время, въ одномъ изъ замоскворѣцкихъ трактировъ, появился какой-то кучеръ, умѣвшй пѣть по соловьиному. Богатое купечество и боярство, любившее удивлять общество чѣмъ-либо необыкновеннымъ, приглашало этого „пѣвца погоды лѣтней“ на свои балы за денежную плату. Его сажали въ боскетной комнатѣ и, чтобы онъ не былъ видѣль публикѣ, загораживали ширмами и цвѣтами—п такимъ образомъ услаждали гостей соловьинымъ пѣниемъ. (Прим. Гарусова).—³⁾ Вар: а.

С. Волынский
м.р.

Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что нынче такъ же, какъ издревле,
Хлопочуть набирать учителей полки,
Числомъ побольше, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ! ¹⁾

Нашъ менторъ—помните, колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, все признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ поръ привыкли видѣть ²⁾ мы,
Что намъ безъ пѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женать еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

Софья.

Танцмейстеры! можно ли?

Чацкій.

Что жъ? онъ и кавалеръ ³⁾.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь пынче тонъ каковъ? ⁴⁾
На създахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

1) Въ Москвѣ уже въ Фамусовское время было нѣсколько ученыхъ обществъ: „Общество исторіи и древностей російскихъ“, „Общество испытателей природы“, и др. Но до 1825-хъ годовъ дѣятельность ихъ проявлялась въ весьма скудныхъ результатахъ. Клеймил образование, Чацкій косвенно бросаетъ намекъ на непроизводительность этихъ обществъ, легко награждающихъ членовъ своихъ титулами историка и географа. Словами „подъ великимъ штрафомъ“,—Чацкій выражаетъ общественное мнѣніе, моду на ученые незаслуженные титулы. Не попадешь въ члены самъ, усомнишься въ авторитетности члена—будешь оштрафованъ, т.-е. общество будетъ тебя прозирать. (Прим. Гарус.)—²⁾ Вар: вѣрить.—³⁾ Чацкій смѣется надъ страстью тогдашнихъ барынь выходить замужъ за французовъ, если только они были титулованы или имѣли ордена. (Прим. Гарус.)—⁴⁾ Вар: Вѣдь понче тонъ таковъ!

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ, — безъ этого нельзя жъ.

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайпей мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ; а развѣ нѣтъ время,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣснопокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ — пристаетъ: „пожалуйте списать!“
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софья (въ сторону).

Не человѣкъ, — змѣя! (Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?

Чацкій.

Когда все мягко такъ и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустышѣ
Спѣшу къ вамъ голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чивѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!..
И все-таки я васъ безъ памяти люблю. (Минутное молчаніе).
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ, — умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ ча объѣдъ.

Софья.

Да, хорошо — сгорите; если жъ нѣтъ?

Явленіе 8.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (*Уходитъ*).

Фамусовъ (*ей всмѣхъ вполголоса*).

Проклятый сонъ!

Явленіе 9.

Фамусовъ, Чацкій (*смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла*).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ! (*Обнимаются*).
Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай, у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй! (*Садится*).

Чацкій (*разспянно*).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ людямъ молодымъ другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

Сонъ въ руку" — мнѣ она изволила шепнуть, —
Вотъ ты задумаль...

Чацкій.

И? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей: все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ—подписку дамъ—
Что бы было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Она все свое. Да Расскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ,
Откудава теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ
И не объѣхалъ сотою доли. *(Встаетъ и спѣшитъ).*
Простите! а спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду;
Вамъ первымъ, вы потомъ рассказывайте всюду. *(Въ дверяхъ).*
Какъ хороша! *(Уходитъ).*

Явленіе 10.

Фамусовъ *(одна)*.

Который же изъ двухъ?
„Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноваты! Какого жъ даль я крику!
Молчаливъ давеча въ семьѣнѣ ввелъ меня.
Теперь... Да въ полмя изъ огня:
Тотъ пицій, этотъ франтъ-пріятель—
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за комисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

Фамусовъ и слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой—
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же ¹⁾. На листъ ²⁾ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
*Къ Прасковьи Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.*
Куда какъ чудень ³⁾ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;—

Тшь три часа, а въ три дни не сварится.

Отвѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...

Въ четвергъ я званъ на погребенье.

Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,

Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣрень кто оставитъ

Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣры:

Покойникъ былъ почтенный камергеръ,

Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;

Богатъ и на богатой былъ женатъ;

Пережилъ дѣтей, виучать;

Скопчался—всѣ о немъ прискорбно поминаютъ: ⁴⁾

„Кузьма Петровичъ! миръ ему!“

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,

А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,

Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить.

Явленіе 2.

Фамусовъ, слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! просимъ.

Садитесь-ка.

¹⁾ Вар: Постоить-ка. ²⁾ Вар: На листкѣ. ³⁾ Вар: чудно. ⁴⁾ Вар: Скопчался —
всѣ объ немъ съ прискорбьемъ поминаютъ.

Чацкий.

Вы заняты?

Фамусовъ (слухъ).

Поди. (Слуха уходитъ).

Да! разныя дѣла на память вносимъ;
Забудется, того гляди.

Чацкий.

Вы что-то невеселы стали.
Скажите, отчего? Приѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софья Павловна какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашель загадку:
Не веселья!.. Въ мои дѣла
Но можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкий.

Никто не приглашаетъ васъ.
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьи Павловнѣ; быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердить одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскаль свѣтъ,—не хочешь ли жениться?

Чацкий.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,—
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкий.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказаль бы я: во-первыхъ—не блажи,
Имънемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то всѣ вы гордецы!

Спросили бы, какъ дѣлали отцы;

Учились бы, на старшихъ глядя.

Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человекъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ,—

При государынѣ служилъ Екатеринѣ. ¹⁾

А въ тѣ поры всѣ важны! въ сорокъ пудъ!..

Раскланяйся—тупеемъ ²⁾ не кивнуть.

Вельможа въ случаѣ—тѣмъ паче

Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе.

А дядя! что твой князь? что графъ? ³⁾

Серьезный взглядъ, надменный нравъ.

Когда же надо подслужиться,

И онъ сгибался въ перегибъ.

На куртагѣ ⁴⁾ ему случилось оступиться;

Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.

Старикъ захохалъ: голосъ хрипкій.

Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой; ⁵⁾

Изволили смѣяться. Какъ же онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—

Упалъ вдругорядъ—ужь нарочно!

А хохотъ пуще. Онъ и въ третій также точно.

А? какъ по-вашему?.. По-нашему мышленье:

Упалъ онъ больно—всталъ здорово.

Зато бывало въ вистъ кто чаще приглашень?

Кто слышать при дворѣ привѣтливое слово?

Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка!

Въ чины выводить кто и пенсіи даетъ? ⁶⁾

Максимъ Петровичъ!.. Да!.. Вы нынѣшніе, нутка!

¹⁾ Этими словами Фамусовъ намекаетъ на необыкновенную роскошь и блескъ Екатерининскаго двора.—²⁾ *Тупей* (*tourpet*)—волосы на передней части головы, взбитые и зачесанные назадъ.—³⁾ Вар: А дядя—что твой князь, что графъ!—⁴⁾ *Куртагъ*—придворный праздникъ, на которомъ бывалъ выходъ императрицы изъ своихъ покоевъ для личнаго Высочайшаго присутствования на праздникъ. (Прям. Гарус.).—⁵⁾ Вар: голосъ хрипкій (точки вѣтъ, слѣдов. принимается за подлежащее къ сказуемому: пожалованъ).—⁶⁾ Вар: Въ чины выводить кто кто пенсіи даетъ?

Чацкіі.

И точно началъ свѣтъ глупѣть;—
Сказать вы можете вздохнувши.
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ—
Стучали объ полъ не жалѣя! ¹⁾

Кому нужда—тѣмъ снѣсь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лестъ, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю.

Я не объ дялюшкѣ объ вашемъ говорю; ²⁾
Его не возмутимъ мы праха.

Но между тѣмъ, кого охота забереть,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговариваль: ахъ, если бы мнѣ то же!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да ныпче смѣхъ страшить и держать стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупю государи.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой! онъ карбонарій! ³⁾

Чацкіі.

Нѣтъ, ныпче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человекъ!

Чацкіі.

Вольвѣ всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

¹⁾ Вар: Коль не въ войнѣ, такъ въ мирѣ брали лбомъ, стуча имъ объ полъ не жалѣя.—²⁾ Вар: Я не о дялюшкѣ вѣдъ вашемъ говорю.—³⁾ Карбонаріями назывались члены тайнаго общества, возникшаго въ Италіи во второе десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія. Они были преслѣдуемы всѣми правительствами. У насъ это слово въ 20-хъ годахъ сдѣлалось символомъ возмутителя, человека опаснаго. (Прим. изъ изд. Гарус.).

Фамусовъ.

Что говоритъ! я говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей звать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше бы запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ польѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

И наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мсчи нѣтъ! досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ брапилъ я безопадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,—
Ужъ такъ и быть, я не поплачу ¹⁾.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

И досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши.

¹⁾ Вар: я не заплачу.

Чацкий.

На что жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ *(скороговоркой)*.

Вотъ рискають по свѣту, бьютъ баблуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

Чацкий.

Я пересталъ.

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкий.

Длитъ споры не мое желанье!

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явленіе 3.

Слуга *(входитъ)*.

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ *(ничего не видитъ и не слышитъ)*.

Тебя ужъ упекутъ

Подъ судъ—какъ нить дадутъ.

Чацкий.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ!

Чацкий.

Къ вамъ человекъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

Чацкий.

Да обернитесь: васъ зовутъ.

Фамусовъ *(оборачивается)*.

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Молковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ (*встаетъ*).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! (*Слуга уходитъ*).

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:

Извѣстный человѣкъ, солидный,

И знаковъ тьму отличья нахваталъ!

Не по лѣтамъ и чинъ завидный—

Не нынче, завтра—генералъ!

Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!

Ко мнѣ онъ жалуется частенько;

Я всякому, ты знаешь, радъ.

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое.

Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!

Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,

Да надобности самъ не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня:

Вѣдь Софья молода. А впрочемъ—власть Господня.

Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось

И завиральныя идеи эти брось.

Однако нѣтъ его! какую бы причину?..

А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.

(*Поспѣшно уходитъ*).

Явленіе 4.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прыть!

А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?

Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого!

Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредить.

А можетъ быть не только что отецъ...

Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,

Кто на три года въ даль уѣдетъ.

Явленіе 5.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ вамъ, сюда-съ,

Прошу покорно, здѣсь теплѣе;

Прозябли вы—согрѣемъ васъ;

Отдушичекъ откроемъ поскорѣе.

Скалозубъ (*пустымъ басомъ*).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самля... Мнѣ совѣстно... какъ честный офицеръ...

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы уѣхать.
(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль.)

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобы не забыть:
Позвольте намъ своими счестья,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Но знали вы,—а я подавно;
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николаевна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виновать:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ креститишку или къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣтъ родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тѣмъ по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусъ вѣ.

Да, счастье у кого есть такоѣ сынокъ....
Имѣеть, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скаловубъ.

За третье августа; зашли мы въ траншею;
Ему давай съ бантомъ, мифъ—на шею.

Фамусовъ.

Любезный человекъ, и посмотрѣть, такъ хватя!
Прекрасный человекъ двоюродный вашъ братъ.

Скаловубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ;
Чинъ слѣдовалъ ему—опъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать ¹⁾

Фамусовъ.

Вотъ молодость!... читать!... а послѣ хватя!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скаловубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакасиі какъ разъ открыты:
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скаловубъ.

Бывастъ моего счастливѣе везеть.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не даѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скаловубъ.

Не жалуясь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь ли за полкомъ!
Зато, конечно, въ чемъ другомъ—
За вами далеко тинуться.

¹⁾ Вар: Въ деревню,—книги сталъ читать.

Скаловубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятого служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу —
Мнѣ только бы досталось въ генералы ¹⁾.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ —
Зачѣмъ откладывать бы дальше —
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скаловубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ новѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скаловубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отъѣнная менера;
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь.
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть притче будь, надутый великимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включать, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожать дворянствомъ!
Да это ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь;
Дверь отперта для званныхъ и незванныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;

¹⁾ Вар: Мнѣ только бы добиться въ генералы.

Хоть честный человекъ, хоть нѣтъ —
Для насъ раввехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.

Возьмите вы, отъ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,

На юношей — сынковъ и внучать.

Журимы мы ихъ; а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научать!

А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово — приговоръ!
Вѣдь столбовые все, въ усъ никому не дуютъ,
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,

Что если бъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили — никогда,

Спаси насъ Боже!.. Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ—я... разойдутся.

Прямые канцлеры въ отставку — по уму!

Я вамъ скажу: знать, время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.

А дамы? — сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстануть общимъ бунтомъ —
Дай Богъ терпѣнiе! Вѣдь самъ я былъ женатъ!

Скомандовать велите передъ фрунтомъ!

Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!

Ирина Власьева! Лукерья Алексѣевна!

Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!

А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!

Его величество король былъ прусскiй здѣсь:

Двигался не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ —

Ихъ благонаравью, а не лицамъ! ¹⁾

И точно, можно ли воспитаннiе быть?

Умѣютъ же себя принарядить

Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;

Словечка въ простотѣ не скажутъ — все съ ужимкой;

Французскiе романы вамъ поютъ

И верхнiя выводятъ нотки;

Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,

А потому что — патрiотки.

Рѣшительно скажу: едва

Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скаловубъ.

По моему сужденью,

Пожаръ опособствовалъ ей много къ украшенью.

¹⁾ Вар: Ихъ благонаравiю, не лицамъ.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ! ужъ мало ли кряхтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на повый ладъ.

Чацкій.

Дома повы, но предрасудки стари.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать — не велика услуга. (Складубу).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служить, то-есть въ томъ онъ пользы не находить;
Но захотѣ, такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ такимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто? За древностию лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима!
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовы къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:

Что старѣе, то хуже.

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?

Не эти ли, грабительствомъ богаты *),
Защиту отъ суда въ друзьяхъ наши, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ клиенты-иностранца
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рта

*) Вар: Не тѣ ли, что грабительствомъ богаты.

Обѣды, ужины и тѣнцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пелень,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыхъ три собаки! ¹⁾
Или вонъ тотъ еще, которъй для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ всю Москву ²⁾ дивиться ихъ красѣ;

Но должниковъ не согласилъ къ отерочкѣ:

Амуры и Зефиры всѣ

Распроданы поодипочкѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!

Вотъ уважать кого должны мы на безлюдь!

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьби!

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется прагъ искашй,
Не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожаръ!

И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!

Мундиръ! одинъ мундиръ!.. Онъ въ прежнемъ ихъ быту

Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;

И намъ за ними въ путь счастливый?

И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть!

Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрекся?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;

Но кто бъ тогда за всѣми не повлекся? ³⁾

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,

Сюда на время прѣзжали,

Кричали женщины „ура!“

И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ (про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. (Громко).

Сергѣй Сергѣичъ, я пойду

И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (Уходитъ).

¹⁾ Вар: Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыхъ три собаки. — ²⁾ Вар: Заставилъ в Москву. — ³⁾ Вар: Не увлекся.

Явленіе 6.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ правится, при этой сѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ рбницамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ ¹⁾:
Ихъ золоту, шптыю дивятся будто солщамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ ныне по-французски.

Явленіе 7.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья (*бѣжитъ къ окну*).

Ахъ, Боже мой! упалъ! убили!..

Чацкій.

Кто?

Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

Скалозубъ.

Да кто? откудава?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

Лиза (*хлопочетъ около барышни*).

Кому назначено-сь — не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь сажился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы;
Онъ объ землю — и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затычулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ — грудью или въ бокъ. (*Уходитъ*).

¹⁾ Вар: Къ любимцамъ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.

Явленіе 8.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее произошло до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стакаигъ налейте.

Чацкій

Ужъ палить.

Шпуровку отнуди вольпѣ;

Виски ей уксусомъ потри;

Опрыскивай водой. Смотри:

Свободнѣе дыханье стало...

Повѣить чѣмъ?

Лиза.

Вотъ онахало.

Чацкій.

Гляди въ окно —

Молчаливъ на ногахъ давно!

Бездѣлица ее тревожить.

Лиза.

Да-съ, барышникъ несчастенъ ⁴⁾ правъ:

Со стороны смотрѣть не можетъ,

Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.

Вотъ такъ... еще... еще...

Софья *(съ глубокою вздохомъ)*.

Кто здѣсь со мною?

Я точно какъ во снѣ! *(Тропко и громко)*.

Гдѣ опъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею, —

Васъ чуть было не уморилъ.

⁴⁾ Вар. Несчастливъ.

Софья.

Убийственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силы.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи, однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?

Да, правда: не свои бѣды для васъ—забавы.
Отецъ родной убейс.—все равно. (*Лиза*).
Пейдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза (отводитъ ее въ сторону).

Опомнитесь! куда вы?

Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.

(Софья высовивается въ окошко).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ! испугъ!..

Такъ можно только ощущать,

Когда лишашься единственнаго друга.

Софья.

Сюда идуть. Руки не можетъ онъ поднять!..

Чацкій.

Жедалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Итъ, оставайтесь при желаньи.

Явленіе 9.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ (*съ подвязанной рукой*).

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! рука

Ушиблена слегка;

А впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

Скаловубъ.

Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ irritація ¹⁾; опретью вбѣжали,
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—
И что жъ? весь страхъ изъ ничего.

Софья (*не глядя ни на кого*)

Ах! очень вижу, изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

Чацкій (*про себя*).

Съ Молчалинымъ ни слова.

Софья (*попресежнему*).

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бывастъ:
Карета свалится, поднимуть—я опять
Готова сызнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій (*про себя*).

Прощенья просить у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скаловубъ.

Позвольте, расскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣзница, вдова,—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ.
На дилжъ расшиблась въ пухъ;
Жоксѣй не поддержать—считалъ онъ, видно, мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неукложа,—
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищеть мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андричъ! вотъ
Явитесь: вы вполне великодушны,
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Монмъ усердѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.

(*Беретъ шляпу и уходитъ*).

¹⁾ *Irritація* - волненіе отъ перваго разстройства.

Явленіе 10.

Тѣ же, *кромя* Чацкаго.

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался..
Откланяюсь ¹⁾.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ (*жметъ руку Молчалину*).

Вашъ слуга. (*Уходитъ*).

Явленіе 11.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣль остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дерсгал!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору; пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязаль—не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ;
И если бъ не къ лицу, не нужно перевязки ²⁾;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохоль закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ!

¹⁾ Вар: я обѣщался откланяться.

²⁾ Вар.: не нужно бъ и повязки.

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу—люблю, хочу—скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы—слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Поужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно!..
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разказахъ,
Улыбочка и пара словъ...
И кто влюбленъ—на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю. (*Цѣлуетъ ей руку*).

Софья.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезы:
Воюсъ, что выдержать притворства не сумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! (*Уходитъ*).

Явленіе 12.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Всесловъ созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое! (*Хочетъ ее обнять*).
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее

По должности, тебя...

Лиза.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и поженки—какъ милы!
Жемчужинки, растертая въ бѣлилы!
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;
Съ духами скляночки: резеда и жасмишъ ¹⁾.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я; обязанности не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною—
Я правду всю тебѣ открою.
(*Уходитъ въ боковую дверь*).

Явленіе 13.

С о ф ѣ я и Л и з а.

Софья.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.

¹⁾ Бар: Съ духами скляночки: есть резеда, жасмишъ.

Скажи Молчальнику и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ въ комнату).

Явленіе 14.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшной сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ;
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

Явленіе 1.

Чацкій, потомъ Софья.

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчаливъ? Скалозубъ?
Молчаливъ прежде былъ такъ глупъ!..
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—
Хрипунъ, удушенникъ, фাগоть,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви—играть ей въ жмурки!),
А мнѣ... (Входитъ Софья).
Вы здѣсь? я очень радъ.

И этого желалъ.

Софья (про себя).

И очень не виопадъ.

Чацкій.

Конечно, не меня искали?

Софья.

И не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не ксати, нужды нѣтъ,
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Вар: играть ей вѣчно въ жмурки.

Чацкий.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные.

Чацкий.

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные.

Чацкий.

И я чего хочу, когда все рѣшено?

Мнѣ въ цѣлю лѣзть, а ей смѣшно.

Софья.

Хотите ли звать истины два слова?

Малѣйшая въ комъ странность чуть видна —

Веселость ваша не скромна,

У васъ тотчасъ ужъ острота готова;

А сами вы...

Чацкий.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

Софья.

Да! грозный взглядъ и рѣзкій тонъ,

И этихъ въ васъ особенностей бездна;

А надъ собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий.

И страненъ? А не страненъ кто жъ?

Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ —

Молчаливъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы;

Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы.

А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкий (*держитъ ее*).

Постойте же! (*Въ сторону*). Разъ въ жизни притаорюсь.

(*Громко*). Оставимте мы эти преня.

Передъ Молчаливымъ не правъ я. вповнать;

Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ;

Есть на землѣ такія превращенья

Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;

Есть люди важные, слыли за дураковъ:

Иной по армии, иной плохимъ поэтомъ,

Иной... боюсь назвать... но признано все́мъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года.

Что стали умны хоть куда!

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, гений смѣлый;
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та;

Чтобъ, кромѣ васъ, ему міръ цѣлый

Казался прахъ и суета?

Чтобъ сердца каждое биење

Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мыслямъ были все́мъ и все́мъ его дѣламъ

Душою — *ои?* вамъ угожденье?...

Самъ это чувствую, сказать лишь не могу!

Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуется, бѣситъ,

Не пожалалъ бы я и личному врагу.

А ои?.. смолчить и голову повѣсить.

Конечно, смиренъ—все такіе не рѣзвы;

Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;

Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,

Чѣмъ голова его вѣкъ не была набита.

Быть можетъ, качества вашихъ тьму,

Любуясь имъ, вы придали ему:

Не грѣшенъ ои ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.

Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе;

Но васъ ои стоитъ ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.

Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,

Какъ чело́вѣку вы, который съ вами взросъ,

Какъ другу вашему, какъ брату,

Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;

Потомъ

Отъ сумасшествія могу я остеречься:

Щущусь подалѣе простить, охолодѣть;

Не думать о любви, но буду я умѣть

Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

Софья (*про себя*).

Вотъ нехотя съ ума свела! (*Вслухъ*).

Что притворяются?

Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться,

Я живо въ немъ участіе приняла;

А вы, случась на эту пору,

Не позаботились расчесть,

Что можно доброй быть ко все́мъ и безъ разбору;

Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,

И горячо его беру я подъ защиту:

Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,

Такъ невоздержну на языкъ?

Въ презрѣнны къ людямъ такъ нескрыту,

Что и смири́йшему пошады пѣтъ!.. чего?
Случись кому назвать его —
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ граешъ....
Шутить! и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станеть?..

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще—съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно это вы отпосите къ другимъ:
Молчаливъ вамъ паскучили бы едва ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій (съ жаромъ).

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Софья.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домъ пріобрѣлъ;
При батюшкѣ три года служить;
Тотъ часто безъ толку сердить,
А онъ безмолвиемъ его обезоружить,
Отъ доброты души простить;
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ;
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвились, хохочемъ. —
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!..
(Въ сторону). Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, вѣтъ въ немъ этого ума,
Что гений для иныхъ, а для иныхъ¹⁾ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ нановаль,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ.
Да такой ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и ²⁾ мораль смыслъ этого всего?
(Въ сторону). Она не ставитъ въ грошъ его.

¹⁾ Вар: а для другихъ. — ²⁾ Вар: изъ.

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скромнень, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубить —
Вотъ я за что его люблю.

Чацкѣй (*съ сторону*).

Шалить! она его не любитъ.
(*Вслухъ*) Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣшь!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкѣй.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

Явленіе 2.

Чацкѣй, Софья, Лиза.

Лиза (*шепотомъ*).

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацкѣй.

Куда?

Софья.

Къ парикмахеру.

Чацкѣй.

Богъ съ нямъ.

Софья.

Щипцы простудить

Чацкѣй.

Пускай себѣ...

Софья.

Нельзя, — ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моею загадкой,
Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой

Къ вамъ въ комнату на нѣсколько мннуть;

Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..

Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ

Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!

Не засижусь, войду,—всего минуты двѣ...

Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,

И тамъ дни цѣлыя пожертвую молвѣ

Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

*(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ
и запирается; за ней Лиза).*

Явленіе 3.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ сѣ!

А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;

Но чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало?

Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и небогатъ словами...

Какою порожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть!

(Обращается къ нему).

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами

Не удалось сказать двухъ словъ.

Пу, образъ жизни вашъ каковъ?

Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ жилили?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, п къ картамъ отъ пена?

И положенный часъ приливалъ и отливалъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ ¹⁾
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:

Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ по дались чины, по службѣ не успѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются;
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жальли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,

¹⁾ Можно было служить въ одномъ архивѣ, получая жалованье, да еще числиться въ другихъ и получать оттуда награды и чины.

Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкий.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкий.

И съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкий.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.

Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та ли-съ?

Татьяна Юрьевна.. извѣстная; притомъ ¹⁾

Чиновные и должностные

Всѣ ей друзья и всѣ родные;

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздигъ вамъ..

Чацкий.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ! частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкий.

И ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?

И награжденья брать и весело пожить?

¹⁾ Вах.

притомъ

Вся знать къ ней ѣздить въ домъ;

Чиновные и должностные... и т. д.

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прлчусь;
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тѣмъ охотниковъ; я не изъ ихъ числа

Молчалинъ.

Простите; впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Гома Гомичъ... — Знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что жь?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда... ¹⁾

Чацкій.

Хорошъ!
Пустѣйшій человекъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно! слогу его здѣсь ставить въ образецъ.
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнести.

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

¹⁾ Бар: Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.

Чацкій.

Поиндуйте, мы съ вами не ребята;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только свята?

Молчаливъ.

Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчаливъ.

Въ чипахъ мы небольшихъ.

Чацкій (почти громко).

Съ такими чувствами, съ такой душою
Любимъ! Обманщица смѣялась надо мною!

Явленіе 4.

(Вечеръ. Въ двери наступъ, крѣзь двери въ спальню Соболь. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слухи суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, шворитъ.)

Эй! Филька, Фомка, пу, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Соболь въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталя Дмитревна и съ мужемъ, и къ князю
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся; остается одинъ Чацкій)

Явленіе 5.

Чацкій, Наталя Дмитриевна (молодая дама).

Нат. Дмитр.

Не ошибаюсь ли?.. онъ точно, по лицу...
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужли такъ меня три года измѣнили?

Нат. Дмитр.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Ниче лишъ.

Нат. Дмитр.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.

Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Нат. Дмитр.

Я замужемъ.

Чацкій.

Давно бы вы сказали!

Нат. Дмитр.

Мой мужъ—прелестный мужъ! Вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ—хотите?

Чацкій.

Прошу.

Нат. Дмитр.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Нат. Дмитр.

О, нѣтъ-съ, не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

Явленіе 6.

Чацкій, Нат. Дмитр., Платонъ Михайл.

Нат. Дмитр.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ.

Чацкій.

Ба!

Другъ старый, мы давно знакомы! Вотъ судьба!

Плат. Мих.

Здорово, Чацкій, братъ.

Чацкій.

Платонъ, любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно.

Плат. Мих.

Какъ видишь, братъ:
Московский житель и женатъ.

Чацкій.

Забуть шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Плат. Мих.

Нѣтъ, есть-таки занятя:
На флейтѣ и твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Плат. Мих.

Братъ, женишься, тогда меня вспомяни!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки! какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Нат. Дмитр.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ малежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ—эскадронъ дадутъ! Ты оберъ или штабъ?

Нат. Дмитр.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Нат. Дмитр.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край.
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Нат. Дмитр.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ!

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Плат. Мих.

Да, братъ, теперь не такъ...

Нат. Дмитр.

Охъ, мой дружокъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и растегулъ жилеть.

Плат. Мих.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Нат. Дмитр.

Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

Плат. Мих. (*хлѣдиокровно*).

Сейчасъ.

Нат. Дмитр.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуеть сзади!

Плат. Мих.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Нат. Дмитр.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

Плат Мих. (глаза къ небу).

Ахъ, матушка!

Чацкѣй.

Ну, Богъ тебя суди!

Ужъ точно сталь не тотъ въ короткое ты время;
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, ногу въ стремя—
И посидѣлся на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Плат. Мих.

Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было.

Явленіе 7.

Тѣ же, князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми.

Нат. Дмитр. (поискимаю ююскою).

Князь Петръ Ильичъ! княгиня! Боже мой!

Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1 княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2 княжна.

Какія складочки!

1 княжна.

Обшито бахромой.

Нат. Дмитр.

Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюрлюрю ¹⁾ атласный!

3 княжна.

Какой эшарпъ ²⁾ cousin миѣ подарилъ!

4 княжна.

Ахъ, да! баржевый.

5 княжна.

Ахъ, прелесть!

¹⁾ Тюрлюрю — выѣздная нагидка, въ родѣ мантильи. — ²⁾ Эшарпъ — то же, что шарфъ.

В княжна.

Ахъ, какъ миль!

Княгиня.

Зсѣ!--Кто это въ углу ¹⁾, вошли мы, поклонился?

Нат. Дмитр.

Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-ста-вной?

Нат. Дмитр.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Нат. Дмитр.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь! сюда--живѣе!

Князь (*къ ней оборачиваетъ слуховую трубку*).

О! хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натали Дмитриевны знакомаго; вотъ онъ!

Князь.

И, хмъ! (*Отправляется, вѣтся около Чацкого и покашли-
ваетъ*).

Княгиня.

Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ;
Танцовщики ужасно стали рѣдки!
Онъ камеръ-юнкеръ?

Нат. Дмитр.

Нѣтъ.

---

¹⁾ ар: Кто это тамъ въ углу.

Княгиня.

Богать?

Нат. Дмитр.

О, вѣтъ!

Княгиня.

Князь, князь! назадъ!

Явленіе 8.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Граф. внучка.

Ахъ, grand' tatan! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?

Мы первыя! (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня.

Вотъ насъ честить!

Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ!

Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее простить!

Граф. внучка (*вернувшись, направляетъ на
Чацкаю двойной лорнетъ*).

Мсье Чацкій! вы въ Мооквѣ? Какъ были, все такіе!

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Граф. внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Граф. внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?

О! нашихъ тѣмъ безъ дальнихъ справокъ

Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ

Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны ль упрёки несть

Отъ подражательницъ модисткамъ

За то, что смѣли предпочесть

Оригиналы спискамъ?

Явленіе 9.

Тѣ же и множество друиакъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкіѣ. Мужчины лѣзутся, шаркаютъ, отходятъ съ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья отъ себя выходитъ; всѣ ей на встрѣчу.

Граф. внучка.

Et, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкіѣ.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкіѣ.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить. Зато
Куда я ни кидался!
Въ контору—все взято,
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстаги ль!
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему—всѣхъ сбиль я съ ногъ;
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного; старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домохозяинъ;
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкіѣ отходятъ къ мужчинамъ).

Загорѣцкіѣ.

Платонъ Михайлычъ!..

Плат. Мих.

Прочы!

Подя ты къ жепщинамъ, лги имъ, и ихъ морочь!
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. *(Чацкому).* Вотъ, братъ, рекомендую!
Какъ этакіхъ людей учтивѣ зовуть?

Нѣживѣ? Человѣкъ онъ свѣтскій,

Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ;
И въ карты не садись: продасть.

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы;
Окромя честности, есть множество отрадь:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Плат. Мих.

Охъ, нѣтъ, братецъ, у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

Явленіе 10.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова.

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Чась битый вѣхали съ Покровки, силы нѣтъ;

Ночь—свѣта преставленья!

Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку да собачку.

Вели ихъ накормить ужю, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.

Княгиня, здравствуйте! (Съѣла). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!

Курчавая! горбомъ лопатки!

Сердятал! всѣ кошачьи ухватки!

Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

Хлестова.

Представь, пхъ, какъ звѣрей, выводятъ на показъ...

Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?

Антошъ Антонычъ Загорѣцкій.

(Загорѣцкій *оставляется впередъ*).

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;

(Загорѣцкій *исчезаетъ*).

Я отъ него было и двери на запоръ;
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говорить; чай, въ карты сыгроваль,
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій (съ *хотомомъ* Платону Михайловичу).

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ—пропалъ.

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого!

Софья.

Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашель смѣлаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала, только мало ¹⁾.

---

¹⁾ У Гарусова послѣ этого стиха такое продолженіе: Хлестова, указывая на сидящаго къ ней спиной Плат. Михайловича, говорить:

А это что въ чучело? Скажи, кто онъ?

Софья.

Наташѣ Дмитріевнѣ мужъ, Платонъ Михайловичъ. (Плат. Мих. *оборачивается и кланяется*).

Хлестова.

А! знаю.—Здравствуйте! Супруга
Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

Нат. Дмитр. (*подходя*).

Я кланялась, вы не всмотрѣлись. (*Цѣлуются*).

Хлестова.

Не мудрено, глаза подъ старость приглядѣлись.

(Нат. Дмитр. *отходитъ*).

Ну, вотъ такъ шарочка! По чести—заглядывай!

(*Увидя двухъ княжесъ проходящихъ*).

Явленіе II.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ (*промоисно*).

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ; кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтный,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Ахъ! Боже мой! Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измяты назаді...
Какъ выемка низъ!—Ну, право, омерзѣнье!
Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна.

(*Мимо проходитъ друція дѣвъ княжны*).

У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки. (*Увидя княжню, ей громко*)
Княжнина! какъ прекрасны ваши дѣтки!
Невѣсты, милы всѣ, хоть разомъ подъ вѣнцы.

Нягиня (*съ стороны съ досодою*).

Стара, вѣкъ зла! (*Вслухъ*). Растутъ.—О, мой Творецъ!
Давно ли я сама. .

Хлестова (*перебивая*).

Мы вмѣстѣ съ вами

Бъ вѣяду шля...

Нягиня (*прерывал се*).

Полпота! Ребенкомъ я была.

Хлестова (*Софья*).

Примѣтно молодится. (*Княжнина*). Можетъ, съ нами
Вы завтра? Васъ Татьяна Юрьевна звала.

Нягиня.

И пасъ звала; мы вмѣстѣ будемъ.

Князь, князь! отмѣты!—Мы, правда, не забудемъ.

(*Отходить къ гостямъ*).

Хлестова (*указывая Софью на Скалозуба*).

А это кто стоитъ тамъ у колонны?

(*Софья не дослышавъ, отходить къ гостямъ*).

Какія нынче стали моды,

Коонецъ вѣкамъ!—Какія талии!—Уроды!

Ну, что ва галстуки? какъ словно хомуты.

(*Увидя графиню-бабушку*).

Хлестова.

Творецъ мой! оглушили! звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе 12

Тѣ же и Скалозубъ, *потомъ* Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!

А мы васъ ждали, ждали, ждали.

(Подводитъ къ Хлестовой).

Моя невѣстуха, которой ужъ давно

Объ васъ говорено.

Хлестова *(сидя)*.

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ *(басомъ)*.

Въ его высочества ¹⁾, хотите вы сказать,

Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Ну, вотъ какой чепецъ нашла! о-го-го!

Смотри-ка, Сонюшка... Племянница! Гдѣ ты?

(Подходитъ Софья).

Вгляни, какъ стянута, въ чѣмъ держится душа!

Глуха, беззубая, рѣба, пехороша...

Давно бы ей пора въ могилу...

А балъ, такъ, вѣрно, въ первыхъ здѣсь.

(Увидѣвъ графиню-внучку).

А внучка... Что за срамъ.—Тфу!.. вся въ прорѣзы!

Чуть-чуть не голая... Глядѣть-то не подь силу.

(Объ графини подходитъ и кланяются).

Графиня, милая, мой другъ! давненько съ вами

Въ шкетъ, въ имперіаль мы не играли. Съ нами...

Ахъ! кажется, за мной есть маленькій должокъ?

Такъ съ княземъ въ-поль вы, какъ придется,

А послѣ какъ-нибудь сочтется.

(Цѣлуетъ графиню-внучку).

Садись, мой миленькій дружокъ!

Какъ ты мила!

Какъ расцвѣла! *(Графиня-бабушка).*

Графиня, другъ мой! какъ я рада,

Что вижу васъ, боюсь... Не вспомнюсь... безъ души...

Живу въ такой глуши,

Друзей увидѣть вся отрада.

¹⁾ Вар: Въ его величества.

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ муддирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ я васъ посмѣшу¹⁾;
Курьезный вистъ у насъ. За намя, клязь! пропу.
(Ею и кидэлъ уходитъ съ собою).

Хлестова (С.бѣль).

Ухъ! я топехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомить не спросясь, пріятно ли вамъ, пѣтъ ли^{2,2}?

Молчалинъ (подаетъ ей карту).

Я вашу партію составилъ: мосье Ковъ,
Оома Оомичъ и я.

Хлестова.

Спасибо, мой дружокъ. (Встаетъ).

Молчалинъ.

Вашъ шницъ—прекестный шницъ, не болѣе паперстка.
Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной.
(Уходитъ, за ней Молчалинъ и мноіе другіе).

Явленіе 13.

Чацкій, Софья, и нѣсколько пост тронницъ, которые въ продолженіи дѣйствія
расходятся.

Чацкій.

Ну! тучу разогналъ...

¹⁾ насмѣшу.—²⁾ Послѣ этого стиха у Гарусона еще слѣдующіе:

Ужъ право пыче времена!

Знакомятъ васъ таща на бала. (Опомнись).

Ахъ!.. онъ богатъ, полковникъ, скоро въ генералъ...

Ну, Софюшка, сама себѣ кажусь чудна;

Забылась я... Чѣмъ не женихъ! Все въ цѣмъ...

Вѣдь твой отецъ не сважетъ ничего пут мѣ.

Софья.

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий.

Чѣмъ васъ я напугаль?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкий.

Сказать вамъ, что я думаль? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовой отродь—
Молчаливъ!—Кто другой такъ мирно все уладить?
Тамъ моську во время погладить!
Тутъ въ пору карточку вотреть!
Въ немъ Загорѣцкій не умереть!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да? (*Уходитъ*).

Явленіе 14.

Софья потомъ, Г. Н.

Софья (*про себя*).

Ахъ! этотъ человекъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть; завистливъ, гордъ и золъ!

Г. Н. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи:

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. Н.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

Софья (помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако есть примѣты?

Софья (смотря на него пристально).

Миѣ кажется.

Г. Н.

Какъ можно въ эти лѣты!

Софья.

Какъ бытъ!

(Въ сторону). Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій, любите вы всѣхъ въ шуты рядить.

Угодно ль на себя примѣрить? (Уходитъ).

Явленіе 15.

Г. Н. потомъ Г. Д.

Г. Н.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется! вотъ на!
Не даромъ. стало быть... съ чего бѣ взяла она!
Ты слышалъ?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Объ Чацкомъ?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

Съ ума сошелъ.

Г. Д.

Пустое!

Г. Н.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. Д.

А ты разславить это радъ?

Г. Н.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто-нибудь да знаетъ. (Уходитъ).

Явленіе 16.

Г. Д., *потомъ* Загорѣцкій.

Г. Д.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А! знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя, плуть...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи стало-быть спустили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
Всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ.

Явленіе 17.

Загорѣцкій, *потомъ* графиня-внучка.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Известная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Граф. внучка.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Граф. внучка.

Знаю.

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій...

Граф. внучка.

Что?

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума!

Граф. внучка.

Представьте! я замѣтила сама!
И хоть пари держать: со мной въ одно вы слово.

Явленіе 18.

Тѣ же и граф. бабушка.

Граф. внучка.

Ah, grand' maman! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?

Послушайте! вотъ прелестн! вотъ мило!

Граф. бабушка (*испеллявнѣ*).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;

Скажи погромче...

Граф. внучка.

Время нѣтъ!

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

Явленіе 19.

Загорѣцкій и граф. бабушка.

Граф. бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Граф. бабушка

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

Граф. бабушка.

Что? Къ фармазонамъ ¹⁾ въ кло
Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь. (*Уходитъ*).

Граф. бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжигъ, всѣ въ страхъ, въ поныхахъ.

Явленіе 20.

Гр. бабушка и кн. Тугоуховскій.

Граф. бабушка.

Князь, князы охъ, этоть князы по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

Князь.

А! хмъ?

Граф. бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э? хмъ?

Граф. бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И! хмъ?

Граф. бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли! перемѣнилъ закопъ!

Князь.

У! хмъ!

¹⁾ Слово *фармазонъ* испорчено изъ *фринкъ-масонъ*.

Граф. бабушка.

Да!.. въ басурманахъ оны!
Ахъ, окаанный вольтерьянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ! глухота большой порокъ.

Явленіе 21.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Плат. Мих., Нат.
Дмитр., гр. внучка, княгиня съ дочерьми, Загорѣцкіѣ,
Скалозубъ, *потомъ* Фамусовъ и *многіе другіе*.

Хлестова.

Съ ума сошелъ! прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Плат. Мих.

Кто первый разгласилъ?

Нат. Дмитр.

Ахъ, другъ мой, всё!

Плат. Мих.

Ну, всё, такъ чѣришь поневогѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ (*входя*).

О чемъ ¹⁾? о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ оны подлецомъ!

Хлестова

Туда же изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я: оны началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

¹⁾ Вар: О комъ?

Граф. внучка.

Меня молиткою изволилъ величать!

Нат. Дмитр

А мужу моему советъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему

Граф. внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бывають приключенья!
Въ его лѣта съ ума срыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ.

Клягича.

О! вѣрно...

Граф. внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлестова.

Шампанское стаканами тянуль.

Нат. Дмитр.

Бутылками-съ и пребольшими.

Загорѣцкій (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкарточныхъ ¹⁾ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессора! у нихъ училися нашъ родня
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиповъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ!
Князь Оедоръ, мой племянникъ.

Скаловузь.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два;
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло престъчь,
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорѣдкій (съ кротостію).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ; охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки царя.

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроивъ,
'Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль,
А Чацкаго мнѣ жаль.

---

¹⁾ Слово *ланкарточныя* испорчено Хлестовою изъ слова: *ланкастерскія*. Ланкастерскими назывались школы, въ которыя введенъ былъ новый методъ взаимнаго обученія, придуманный въ Англіи *Иосифомъ Ланкастеромъ* († 1838). Методъ этотъ состоялъ въ томъ, что болѣе знающіе ученики обучали менѣе знающихъ, между тѣмъ уча — и сами учились (*docendo discimus*). При императорѣ Александрѣ I ланкастерскія школы были заведены и въ Россіи.

По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ;
Былъ острыйъ человекъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова

Три, сударь.

Фамусовъ.

Чотыреста.

Хлестова.

Нѣтъ, триста.

Фамусовъ.

Въ моемъ календарь...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ чотыреста! охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ! триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Чотыреста, прошу понять.

Хлестова.

Чѣтъ! триста, триста, триста!

Явленіе 22.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Нат. Дмитр.

Вотъ онъ.

Графъ. внучка.

Шшъ!

Всѣ.

Ишгъ! *(Плѣются отъ него въ противную сторону).*

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣеть драться ошъ, потребуеть къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ!.. мильоць терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Погамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуцо головѣ отъ всякихъ пустяковъ. *(Подходитъ къ Софьѣ).*
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянь, самъ не свой.
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва, вишь, вишовата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! *(Дѣлаетъ знакъ Софьѣ).*
Гмъ, Софья!—Не глядигь!

Софья *(Чацкому).*

Скажите: что васъ такъ гнѣвить?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами.
Пріѣхалъ—и пашель, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,
Своя провинція.—Посмотришь, вечеромъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...

Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ —
Тоска и оханье, и стоны!
„Ахъ! Франція! Итъ въ мѣръ лучше края!“ —
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
И одалъ возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявить старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на цовый ладъ.
И нравы, и языкъ, и старину свягую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшныя, бритые, сѣдые подбородки!
Какъ платье, волосы—такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
„Какъ европейское поставить въ параллель
„Съ національнымъ—странно что-то!
„Ну, какъ перевести *мадамъ*, *мадмуазель*?
„Ужли ¹⁾—сударыня?“—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ,
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!“
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!“
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но все оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною;—онъ не новый.
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,

¹⁾ Вар: Ужель.

Что человекъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ вляжешь вселять участие;
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто педругъ выписныхъ лицъ, вичуръ, словъ кудрлявъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—

Глядь...

(Оглядывается; въ его вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадная стѣна; большая лестница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходы на крыльцо и швейцарская лѹжа; слева въ одномъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи вѣсподѣ своихъ.

Явленіе 1.

Графъ. бабушка, графъ. внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Храминой карета.

Графъ. внучка *(покуди ее ужимаются)*

Ну, былъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей пазвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графъ. бабушка.

Поѣдемъ, матушка! ипѣ, право, не подѣ силу;
Когда-нибудь и съ бала да въ могилу. *(Объ ужимаются).*

Явленіе 2-е.

Плат. Мих. и Нат. Дмитр. (*Одинъ лакей около ихъ хлопочетъ, другой у подвѣзда кричитъ*).

Карета Горича!

Натал. Дмитр.

Мой ангель, жизнь моя,
Бездѣшній, душечка, что смотришь такъ уныло?
(*Цѣлуетъ мужа въ лобъ*).
Признайся, весело у Фамусовыхъ было.

Плат. Мих.

Паташа, матушка, дремяю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ,
Дежурю за полночь; подчасъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Натал. Дмитр.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика. (*Уходитъ съ лакемъ*).

Плат. Мих. (*зладногровоно*).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться пасъ неволить!
Вѣдь сказано жъ, иному на роду...

Лакей (*съ крыльца*).

Въ каретѣ барщиза-сь, и гнѣваться изволить.

Плат. Мих. (*со вздохомъ*).

Иду, иду! (*Уѣзжаютъ*).

Явленіе 3.

Чацкій и лакей его *впереди*.

Чацкій.

Брррр, чтобн скорѣе подавали. (*Лакей уходитъ*).

Ну, вот и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участие въ комъ живое?
Крикъ! радости! обнялись!.. Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Свѣтло, сице, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый; вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто и мертво...
Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь...
(Лакей возвращается).
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдуть.

Чацкѣй.

Пошелъ ницъ,—не почевать же тутъ. *(Лакей опять уходитъ).*

Явленіе 4.

Чацкѣй, Репетилловъ *(вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ вхождѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется).*

Репетилловъ.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Давъ протереть глаза... Откудава, пріятель!..
Сердечный другъ! любезный другъ! мой сего!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были нѣты,
Что пустомели я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты;
Сейчасъ... растолковать прошу,
Какъ будто звалъ, сюда спѣшу—
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетилловъ вретъ, что Репетилловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть;
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга.

Такого вѣрнаго, ей-ей;
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло:
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ.

Чацкій.

Вотъ странное уничиженіе!

Репетиловъ.

Ругай меня; я самъ клянусь свое рожденіе,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!
Скажи: который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ

Что балъ, братецъ, гдѣ мы, всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты? есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня:
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлымъ вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взять указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну—

Трехъ разомъ!
Цилъ мертвую! не спалъ ночей по десяти!
Все отвергалъ: закопы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру!
Есть отчего въ отчаянье притти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умѣйшими! всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, на примѣръ?

Репетиловъ.

Что! ночь одна не въ счетъ!
Зато спроси, гдѣ былъ.

Чацкій.

И самъ я догадаюсь;
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуйста молчи; я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ! я, братецъ, боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,

О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ; я чувствую, что глупъ.
Ахъ! Alexandre! У насъ тебя не доставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.

Съ какими я тебѣ сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой! я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій
Рѣшись, а мы.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы—и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ;
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло;
Нельзя же вдручъ.
Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
И также онъ сквозь зубы говорить,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? о! познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:

„А! пошь ла шльрѣ ми, но-но-но“.

Еще у насъ два брата:

Левонъ и Боренька—чудесные ребята!

Объ пишъ не знаешь, что сказать;

Но если генія прикажете назвать:

Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!

Ты сочиненія его

Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?

Прочти, братецъ! да опъ не пишеть ничего.

Вотъ этакихъ людей бы съчь-то,

И приговаривать: писать, писать, писать!

Въ журналахъ можешь ты однако отыскать

Его отрывокъ: *Взглядъ и ничто*.

Объ чемъ бишь *ничто*?—обо всемъ,

Все знаетъ; мы его на черной день пасемъ.

Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,

Не надо называть, узнаешь по портрету:

Почной разбойникъ, дуэлистъ,

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,

И крѣпко на руку нечистъ.

Да умный человекъ не можетъ быть не плутомъ;

Когда жъ объ честности высокой говорить,

Какимъ-то демономъ внушасмъ:

Глаза въ крови, лицо горить,

Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.

Вотъ люди, есть ли имъ подобные? Наверядъ.

Ну, между ними я, конечно, заурядъ,

Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ!

Однако жъ я, когда, умишкомъ понатужасъ,

Засяду,—часу не сяжу,

И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.

Другіе у меня мысль эту же подцѣпять,

И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпять;

Другіе шестеро на музыку кладуть,

Другіе хлопаютъ, когда его дають...

Братъ, смѣйся; а что любо—любо!

Способностями Богъ меня не наградилъ,

Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.

Совру — простятъ...

Лакей (у подъезда).

Карета Скалозуба!

Репетиторовъ.

Чья?

Явленіе 5.

Тѣ же и Скалозубъ (*спускается съ лѣстницы*).

Репетиловъ (*къ нему на встрѣчу*).

Ахъ! Скалозубъ! душа моя!

Постой, куда же? здѣлай дружбу! (*Душитъ его въ объ-
ятія*).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ (*Скалозубу*).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;

Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.

Знакомы вы? (*Ищетъ глазами Чацкого*). Упрямецъ, ускакалъ!

Нѣтъ нужды. Я тебя печально сыскалъ,

И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:

У князь-Григорія теперь народу тѣма;

Увидишь чловѣкъ пастъ ¹⁾ сорокъ.

Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!

Всю ночь толкуютъ—не наскучать;

Во-первыхъ, запоятъ шампанскимъ на убой,

А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,

Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;

Скликай другихъ; а если хочешь,

Я князь-Григорію и вамъ

Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:

Онъ въ три шеренги васъ построить,

А пикинте, такъ много успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда ²⁾:

¹⁾ Вар:—тамъ.

²⁾ Вар: Тебѣ все служба на умѣ!

Повѣрь, любезный, мнѣ,

Что вашей братіи у насъ естѣ не одинъ

Полковникъ; всѣ съ имѣніемъ, служакъ,

Грудь въ орденахъ, съ умомъ, рубаки.

Умомъ однимъ лишь красенъ чинъ!

Mon cher, гляди сюда:

И я въ чины бы лѣзь, и пр.

И я въ чины бы лѣзь, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ быть никто и никогда;
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клоцъ въ министры мѣтилъ:

А я

Къ нему въ зятя,
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси ¹⁾,
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!

Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ дѣлѣ построилъ,
Съ колоннами! огромный! сколько стоилъ!

Женился наконецъ на дочери его,
Приданого взялъ—ничего, по службѣ—ничего.

Тестъ нѣмецъ, а что проку?

Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легче ль мнѣ?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли въ знать, все нынче важны,
Гляди-ка въ адресъ-календарь.

Тфу! служба и чины, кресты, души матарства...

Лохмотьсье Алексѣй чудесно говорятъ,
Что радикальнѣе потребны тутъ лѣкарства.

Желудокъ больше не варить.

*(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба
который покуда ушелъ).*

Явленіе 6.

Репетилловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,
Такой же, я какъ вы, ужасный либераль!
И отъ того, что прямо и смѣло объясняюсь
Куда какъ много потерялъ!..

Репетилловъ *(съ досадой)*.

Все врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другава:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ. потомъ и Скалозубъ...

¹⁾ Особая игра въ карты.

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гилы!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умъ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А кстати вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

Явленіе 7.

Репетиловъ, Загорѣцкій, Князь и княгиня съ шестью
дочерьми, *немного погодя* Хлестова спускается съ парадной лѣстницы,
Молчалинъ *всѣтъ се подь руку*. Лакой *въ суетахъ*.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій, или нѣтъ?

1 княжна.

Какое жъ нѣ этомъ есть сомнѣнье?

2 княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3 княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!

4 княжна.

Ахъ, вѣсти старыя! кому жъ онѣ новы?

5 княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣрить...

6 княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетилловъ? вы?—Мсье Репетилловъ! что вы?—

Да какъ вы?—Можно ль противъ всѣхъ!—

Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетилловъ (*затыкаетъ себѣ уши*).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы. Съ нимъ говорить опасно;

Давно бы запереть пора.

Послушать, такъ его мизинецъ

Умнѣ всѣхъ и даже князь Петра!

Я думаю, онѣ просто лжобинецъ,

Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ

Катишь или Зизи; мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова (*съ мстницы*).

Княгиня, карточный должокъ.

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ (*другъ другу*).

Прощайте.

(*Княжеская фамилія утѣшаетъ и Загорѣцкій тоже*)

Явленіе 8.

Репетилловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетилловъ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботы!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ,
Полѣчать—вылѣчать авось;
А ты, мой батюшка, нензлѣчимъ хоть брось.
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой;
Не пужны проводы; поди, Господь съ тобой,
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. (Упѣжася).

Явленіе 9.

Репетилловъ (съ своимъ лакеемъ).

Репетилловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай мся въ карету,
Вези куда-нибудь! (Упѣжася).

Явленіе 10.

(Последняя лампа гаснетъ).

Чацкій (выходитъ изъ швейцарской).

Что это? слышала я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Недѣльность сбо мнѣ все въ голосъ повторилъ?
И для шпихъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадають...
О! если бѣ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передають,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ —

И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина... Нѣтъ, въ нынѣшній прїѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скорѣе надоѣсть.
А Софья знаетъ ли?—Конечно, рассказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ...

Потѣшилась—я, правда или нѣтъ—

Ей все равно; другой ли, я ли—
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожить.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?

Первъ избалованность, причуда—
Возбудить малость ихъ, и малость утишить—
И признакомъ почеть живыхъ страстей... Ни кришки!
Она, конечно бы, лишилась также силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или конки.

Софья.

(Надъ мѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкой).
Молчаливъ, вы? *(Постынно опять дверь припирается).*

Чацкій.

Она, она сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ей! неужели въ видѣньи?

Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣнье тутъ—свидѣнья часть условленъ!
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалива,—вотъ комната его.

Лажей его съ крыльми.

Каро...

Чацкій.

Сел *(витакиваетъ его вонъ).*

Буду здѣсь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,

Чѣмъ медлить; а бѣды медленьемъ не избытъ!
Дверь отворяется. *(Прячется за колонну).*

Явленіе 11.

Чацкій спрятанъ; Лиза со свѣчкой.

Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни въ ночи боишься домовыхъ,

Боишься я людей живыхъ.
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу, —
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то, здѣсь внизу.
(*Осматривается*).
Да, какъ же! по снѣлмъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой—и спать залегъ,
Однако вѣрно къ сердечному толкнуться.
(*Стучится къ Молчалину*).
Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

Явленіе 12.

Чацкій (*за колонною*), Лиза, Молчалинъ (*потягивается и зѣваетъ*),
Софья (*крадется съ верху*).

Лиза.

Вы, сударь, камень! сударь, ледь!

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

Лиза.

Отъ барышни съ.

Молчалинъ.

Кто бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ певѣсть,
Не нѣжится и не зѣвать бы;
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ.
И не доспитъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди!

Надежды много впереди:
Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого жъ
Себѣ въ мужа другого прочинимъ?

Молчалинъ.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аеанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половицу
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь пѣжымъ быть, а свижусь—и простыну.

Софья (въ сторону).

Какія низости!

Чацкій (за колонию).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщаль отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изьятъя:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Пачальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собака дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормить и поить,
А иногда и чиномъ награждать?
Пойдемте же,—довольно толковали,

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крпльи...
Дай, обвиню тебя отъ сердца полноты. (*Лиза не дается*).
Зачѣмъ она не ты!
(*Хочетъ идти, Софья не пускаетъ*).

Софья (*почти шепотомъ; вся сцена
вполголоса*).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ! Софья Павловна...

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь.

Молчалинъ (*бросается на колѣни, Софья
отталкиваетъ*).

Ахъ! вспомните... не гнѣвайтесь, взгляните!...

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминалія!.. какъ острый ножъ онѣ...

Молчалинъ (*ползаетъ у ногъ ея*).

Помилуйте...

Софья.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашу отвѣтъ:
Сожжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость...

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказала я ничего, кроме...

Софья.

Отстаньте, говорю ¹⁾; сейчас
Я крикомъ разбуду всѣхъ въ домѣ.
И погублю себя и васъ (*Молчалинъ встаетъ*).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стойте вы ихъ;
Но чтобы въ домъ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

С. фья.

Иначе расскажу
Всю правду батюшкѣ, съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите... Стойте!.. будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тишѣ,
Держались богѣ вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въявь.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что почью все узнала:
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій (*бросается между ними*).

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.

Ахъ! Ахъ!..
(*Лиза свѣчку роняетъ съ испугу; Молчалинъ
скрывается къ себѣ въ комнату*).

---

1) Вар: Да встаньте жъ, говорю.

Явленіе 13.

Тѣ же, *кромя Молчалина*

Чацкій.

Скорѣ въ обморокъ?—теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе дѣлешней причина есть тому.

Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!

Вотъ я пожертвованъ кому!

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ?

Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣрилъ!

А милый, для кого забыть

И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отбѣгѣ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница, бичъ!

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья (*всл вс слезамъ*).

Не продолжайте; я вино себя кругомъ!...

Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ?

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой! сюда бѣжить весь домъ.

Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ!

Явленіе 14.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, *толпа слугъ со свѣчами.*

Фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!

Свѣчей побольше, фонарей!

Гдѣ домовые? Ба! знакомыл все лица!

Дочь!.. Софья Павловна! срамница!

Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дѣть, ни взята она,

Какъ мать ея, покойница жена.

Бывало, я съ дражайшей половиной

Чуть врознь—ужь гдѣ нибудь съ мужичной!

Побойся Бога! Какъ? чѣмъ олъ тебя прельстятъ?

Сама его безумнымъ называла!

Нѣтъ! глупость на мешъ и слѣпота начала!

Все это заговоръ, и въ заговорѣ былъ

Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ!..

Чацкій (*Софья*).

Такъ этакъ вымысломъ я вамъ еще обязалъ?

сидишь в комнате всегда не ждешь
2) а и т.д. 443 Ильяшом и чубо-
таном

Фамусовъ.

Братъ, по фивти! не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь—не повѣрю.
Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнливую тетерю!
Не знаешь ни про что, не чувствуешь ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Съней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказы!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы:
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставляю:
Еще дня два терпѣнiе ¹⁾ возьми,—
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,—
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И вапа такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ залерта!
Я постараюсь, и въ набать я приударю ²⁾.
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу во весь народъ;
Въ севать подамъ, министрамъ, государю...

Чацкiй (послѣ нѣкотораго молчанiя).

Не образумлюсь... виновать!
И слушаю—не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерявъ мыслями... чего-то ожидаю... (Съ жаромъ).
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду ³⁾ всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!

1) Вар: терпѣнiя.— 2) Вар: И постараюсь, въ набать я приударю.— 3) Вар: награды.

А вы! о Боже мой! кого себя избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли?

Зачѣмъ меня надеждой завлекли?

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,

Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,

Что память даже вамъ постыла

Тѣхъ чувствъ, въ обояхъ насъ движеній сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,

Ни развлеченія, ни перемена мѣстъ!

Дышаль, и ими жилъ, былъ занятъ непрерывно!

Сказали бы, что вамъ внезапный мой прїездъ,

Мой видъ, мои слова, поступки — все противно —

Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,

И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,

Не сталъ бы очень добиваться,

Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ... (*Насмылимо*).

Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ;

Себя крушить, и для чего!

Подумайте, всегда вы можете его

Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ;

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,

Желаю вамъ дремать въ невѣдѣнныи счастливымъ;

Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется благонаправный,

Пизпоклонникъ и дѣлецъ,

Достоинствами наконецъ

Онъ будущему тестю равный.

Такъ! отрезвился я сполна,

Мечтанья съ глазъ долой, и спала пелена!

Теперь не худо было бы сряду

На дочь и на отца,

И на любовника глупца,

И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?

Всѣ гонять! всѣ клануть! мучителей толпа,

Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,

Разсказчиковъ неукротимыхъ,

Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,

Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —

Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,

Кто съ вами день пробыть успеетъ,

Подышитъ воздухомъ однимъ.

И въ комъ ¹⁾ разсудокъ уцѣлѣеть.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздохъ,
Вѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету! (*Уѣзжаетъ*).

Явленіе 15.

Тѣ же, *кромя* Чацкаго.

Фамусовъ (*долое время стоитъ въ стол-
бѣннѣ*).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьезно?
Безумный! что онъ тутъ за чепуху молодъ!
Низкопоклонникъ! тестъ! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшила уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! что станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна.

Историческая сторона комедіи „Горе отъ ума“.

Въ своей комедіи Грибоѣдовъ выставляетъ два современ-
ныхъ ему поколѣнія: старое и новое. Представителемъ новаго
поколѣнія является Чацкій; представителемъ стараго—весь
Фамусовскій кружокъ, т.-е. самъ Фамусовъ, главное
лицо этого кружка, а затѣмъ Молчаливъ, Скалозубъ, Загорѣц-
кій и вообще всѣ гости Фамусова, бывшіе у него на вечерѣ.
Къ этому же кружку принадлежить, конечно, и Софья, вос-
питанная по старой французской системѣ. Взгляды и убѣжде-
нія этихъ двухъ поколѣній до такой степени различны, что, по
словамъ Чацкаго—

Какъ посравнить да посмотрѣть
Вѣкъ *мыслимый* и вѣкъ *минушій*—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Въ историческомъ отношеніи тутъ важны два вопроса:
1) въ чемъ же состоитъ различіе во взглядахъ стараго поко-

¹⁾ Вар: И въ немъ.

лѣнія и новаго? и 2) въ силу какихъ обстоятельствъ новое поколѣніе успѣло усвоить себѣ иные взгляды и убѣжденія, столько отличающіеся отъ взглядовъ и убѣжденій стараго поколѣнія.

I) Удовлствительный отвѣтъ на первый вопросъ даетъ сама комедія Грибоѣдова: различіе между обоими поколѣніями становится яснымъ послѣ внимательнаго изученія, съ одной стороны, личности Чацкаго, а съ другой—лицъ Фамусовскаго кружка, и въ особенности самого Фамусова.

Личность Фамусова обрисована въ комедіи чрезвычайно ярко и полно: мы узнаемъ, что онъ считалъ *высшими благами* жизни и какими средствами старался достигъ этихъ благъ; мы знакомимся съ нимъ, какъ съ *членомъ общества*, и узнаемъ, что онъ цѣнилъ въ людяхъ и изъ-за чего сходилъ съ ними, при чемъ видимъ и его отношенія къ иностранцамъ; мы знакомимся съ нимъ, какъ съ *чиновникомъ*, и узнаемъ его взглядъ на службу; наконецъ, мы видимъ его, какъ *отца и воспитателя*, и узнаемъ, какъ онъ воспитывалъ свою дочь, какъ относился къ чтенію книгъ, какъ смотрѣлъ на науку вообще. Взгляды Чацкаго во всѣхъ этихъ отношеніяхъ совершенно иные.

Уже сопоставленіе этихъ двухъ главныхъ лицъ комедіи даетъ достаточное понятіе о различіи между старымъ и новымъ поколѣніемъ того времени; но понятіе это станетъ еще полнѣе, если обратимъ вниманіе и на остальныхъ членовъ Фамусовскаго кружка. Въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ тѣ или другія темныя стороны, и противъ этихъ-то темныхъ сторонъ и вооружается Чацкій, представитель людей новаго поколѣнія, выработавшихъ себѣ новые взгляды. Какъ встрѣчены были эти взгляды людьми, державшимися своихъ старыхъ убѣжденій,—это видно изъ того положенія, въ какое попалъ Чацкій среди этихъ представителей отживающей старины. Такое положеніе его и подало автору поводъ дать названіе своей комедіи „Горе отъ ума“.

II) Теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, подъ какими вліяніями выработались такіе люди, какъ Чацкій.

Чацкій представляетъ собою типъ людей, начинавшихъ выработываться въ нашемъ обществѣ подъ вліяніемъ того ум-

ственного движенія, которое пробуждено было у насъ въ царствованіе императора Александра I. Во главѣ этого движенія стояло само правительство. Императоръ тогчасъ же по восшествіи на престолъ приступилъ къ различнымъ реформамъ, имѣвшимъ цѣлю улучшение управленія, водвореніе гуманности, изгнаніе произвола, обезпеченіе общественныхъ интересовъ и правъ каждаго лица. Само собою разумѣется, что при этомъ главная забота была направлена на распространеніе просвѣщенія, какъ основы общественнаго благосостоянія. Императоръ позаботился объ улучшеніи низшаго и средняго образованія, а указомъ 1809 г. далъ большія служебныя преимущества лицамъ, кончившимъ университетскій курсъ, сравнительно съ тѣми, которые не были въ университетѣ, и тѣмъ значительно увеличилъ число студентовъ въ университетскихъ аудиторіяхъ. По его же повелѣнію стали переводиться на русскій языкъ сочиненія такихъ европейскихъ ученыхъ, какъ Беккарія, Бентамъ, Монтескье, Адамъ Смитъ ¹⁾ и др. Знакомство съ ученіемъ Адама Смита даже вмѣнялось въ достоинство, какъ знакъ отличнаго образованнаго, передового человѣка. Рядомъ съ этимъ и въ современной періодической русской литературѣ встрѣчалось много такихъ статей, которыя, пробуждая мысль, могли давать ей серьезное направленіе. Такія статьи помѣщались, напиримѣръ, въ тогдашнихъ журналахъ: „Духъ журналовъ“, „Сѣверный наблюдатель“ и „Санктпетербургскій журналъ“. Въ послѣднемъ между прочимъ было помѣщено много статей изъ со-

---

¹⁾ Беккарія (1735—1793)—знаменитый юристъ своего времени. На русскій языкъ переведено въ 1803 г. знаменитое его сочиненіе: „*О преступленіяхъ и наказаніяхъ*“, заключающее въ себѣ человѣческой протестъ противъ господствовавшей тогда жестокости уголовныхъ законовъ. Оно переведено на всѣ европейскіе языки.

Бентамъ (1747—1832)—тоже ученый юристъ. Его „*Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи*“ переведено было у насъ въ 1805—1811 г.

Монтескье (1689—1755)—занимался философій права. Его знаменитое сочиненіе „*О существѣ законовъ*“ (*L'esprit des lois*) переведено на всѣ европейскіе языки, на русскій въ 1814 г.

Адамъ Смитъ (1723—1790)—знаменитый англійскій политико-экономъ. Въ 1803—1806 г. было у насъ переведено его „*Исслѣдованіе свойства и причины богатства народовъ*“.

чненій Бенгама. Иногда появлялись и отдѣльныя брошюры, въ которыхъ прямо говорилось о необходимости дѣятельной жизни и ученыхъ занятій ¹⁾).

Подъ вліяніемъ этого умственнаго движенія стали вырабатываться люди новыхъ убѣжденій. „Въ ихъ сознаніи твердо заложено было понятіе о правильномъ, нормальномъ образѣ человѣческаго существа. Устроить свою собственную судьбу соотвѣтственно этому идеальному понятію было ихъ серьезною задачею, для рѣшенія которой они запасались и *твердыми основами*, какъ точкой исхода, и *образованиемъ*, какъ средствомъ къ достиженію цѣли, и *силою внутренняго влеченія*, необходимой для того, чтобы не останавливаться на полпути. Интересы умственные, нравственные и эстетическіе возбуждали ихъ полное сочувствіе, какъ высшія блага человѣческой природы. По своей осмысленной жизни, по своему просвѣщенію, справедливости, честности и благородству, они возвышались надъ другими тѣмъ, что были знакомы съ вопросами о состояніи отечественнаго и общеевропейскаго быта... Сознаніе нравственнаго превосходства и умственной самостоятельности сообщило ихъ характеру независимость. Они понимали, что въ средѣ ихъ образуется разумное общественное мнѣніе, которое должно давать тонъ большинству, а не подчиняться сужденіямъ большинства“ ²⁾. Къ числу такихъ-то личностей первой четверти нынѣшняго столѣтія принадлежитъ и Чацкій.

Съ Чацкимъ, этимъ лучшимъ и разумнѣйшимъ представителемъ образованнаго меньшинства эпохи Александра I, не должно смѣшивать дѣятелей Ренетилловскаго кружка, людей поверхностныхъ, пустыхъ крикуновъ, щеголяющихъ своимъ либерализмомъ. Люди эти стоятъ какъ бы особнякомъ и не пользуются сочувствіемъ ни со стороны членовъ Фамусовскаго кружка, ни со стороны Чацкаго. Они хотятъ подняться надъ первыми, считаютъ себя „сокомъ умной молодежи“, но далеко не доросли до Чацкаго.

¹⁾ Такъ напр. литераторъ Н. Ф. Глинка напечаталъ въ 1818 г. брошюру: „Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ разсужденій и чтенія книгъ“.

²⁾ Истор. Рус. Слов. А. Галахова, т II, изд. 3-ое, стр. 156.

Какъ широкая и яркая картина изъ жизни нашего общества за первую четверть нынѣшняго столѣтія, комедія Грибоѣдова имѣетъ большой историческій интересъ, тѣмъ болѣе, что въ ней изображена борьба нарождающагося новаго съ отживающимъ старымъ.

Художественная сторона комедіи «Горе отъ ума».

Представляя собою картину современныхъ нравовъ, комедія „Горе отъ ума“ имѣетъ не только историческое значеніе, но и художественное, такъ какъ картина эта нарисована чрезвычайно живо и мастерски и отличается замѣчательно бойкимъ, живымъ языкомъ, напоминающимъ языкъ басенъ Крылова. Грамотная масса русскаго общества давно уже оцѣнила комедію Грибоѣдова и — какъ говоритъ нашъ извѣстный писатель И. А. Гончаровъ, — „съ разу понявъ ея красоты, разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустихія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила мильонъ въ гривенники, и до того испестрила Грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія. Но пьеса выдержала и это испытаніе — и не только не опошлится, но слѣдалась какъ будто дороже для читателей, ашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь“¹⁾

Но если никто не сомнѣвается въ великихъ достоинствахъ „Гора отъ ума“, какъ картины нравовъ, какъ умной, горячей и ѣдкой сатиры на современные недостатки, — то зато не всѣ согласны относительно ея, какъ комедіи, т. е. какъ произведенія драматическаго: многіе видятъ въ немъ недостатокъ дѣйствія. Такъ, напримѣръ, кн. Вяземскій въ своемъ разборѣ „Недоросля“ говоритъ, что въ „Горе отъ ума“ дѣйствія нѣтъ, что всѣ лица тутъ эпизодичны, всѣ явленія выдвигающія: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, переменить, пополнить — и нигдѣ

¹⁾ См. статью И. А. Гончарова: „Мильонъ терзаній“ (Пол. собр. его сочин. т. VIII-ой, стр. 124, изд. 1886 г.).

не замѣтишь ни трещины, ни поддѣлки. Отсюда дѣлается выводъ, что „Горе отъ ума“ не комедія собственно, а сатира въ драматической формѣ. Совсѣмъ иного мнѣнія держится И. А. Гончаровъ. Въ своей статьѣ „Миліонъ терзаній“ онъ утверждаетъ, что въ „Горе отъ ума“ есть живое, непрерывное дѣйствіе, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: „Карету мнѣ, карету!“

„Прослѣдимъ слегка ходъ пьесы и постараемся“—говорить нашъ уважаемый писатель — „выдѣлить изъ нея драматическій интересъ комедіи, то движеніе, которое идетъ чрезъ всю пьесу, какъ невидимая, но живая нить, связующая всѣ части и лица комедіи между собою“.

„Чацкій вбѣгаетъ къ Софѣ прямо изъ дорожнаго экипажа, не завѣжая къ себѣ, горячо цѣлуетъ у ней руку, глядитъ ей въ глаза, радуется свиданью, въ надеждѣ пайти отвѣтъ прежнему чувству — и не находитъ. Его поразили двѣ переменны: она необыкновенно похорошѣла и охладѣла къ нему — тоже необыкновенно. Это его и озадачило, и огорчило, и немного раздражило. Напрасно онъ старается посыпать солью юмора свой разговоръ, частью играя этой своей силой, частью подъ влияніемъ досады и разочарованія. Всѣмъ достается, всѣхъ перебралъ онъ — отъ отца Софьи до Молчалина. Но все напрасно: нѣжныя воспоминанія, остроты — ничто не помогаетъ. Онъ *терпитъ отъ нея одну холодности*, пока, ѣдко задѣвъ Молчалина, онъ не задѣлъ за живое и ее. Она уже съ скрытой злостью спрашиваетъ его, случилось ли ему хоть нечаянно „добро о комъ-нибудь сказать“, и исчезаетъ... Съ этой минуты между ею и Чацкимъ завязался горячій поединокъ, самое живое дѣйствіе, комедія въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ которой принимаютъ близкое участіе два лица — Молчалинъ и Лиза“.

„Всякій шагъ Чацкаго, почти всякое слово въ пьесѣ, тѣсно связаны съ игрой чувства его къ Софѣ, раздраженнаго какою-то ложью въ ея поступкахъ, которую онъ и бьется разгадать до самаго конца. Весь умъ его и всѣ силы уходятъ на эту борьбу: она и послужила мотивомъ, поводомъ къ раздраженіямъ, къ тому „миліону терзаній“, подъ влияніемъ ко-

торыхъ онъ только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо бѣльшаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ, роль, для которой и родилась вся комедія“.

„Чацкій почти не замѣчаетъ Фамусова, холодно и разсѣянн отвѣчаетъ на его вопросъ: гдѣ былъ? „Теперь мнѣ до того ли?“ говоритъ онъ и, обѣщая пріѣхать опять, уходитъ, проговаривая изъ того, что его поглощаетъ:

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Во второмъ посѣщеніи онъ начинаетъ разговоръ опять о Софьѣ Павловнѣ. — „Не больна ли она? не приключилось ли ей печали?“ — и до такой степени охваченъ и подогрѣтымъ ея расцвѣтшей красотой чувствомъ, и ея холодною къ нему, что на вопросъ отца, не хочетъ ли онъ на ней жениться, въ разсѣянности спрашиваетъ: „А вамъ на что?“ и потомъ равнодушно, только изъ приличія, дополняетъ:

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

И, почти не слушая отвѣта, вяло замѣчаетъ на совѣтъ „послужить“:

Служить бы радъ, — прелуживаться тошно!

Онъ и въ Москву, и къ Фамусову пріѣхалъ очевидно для Софьи и къ одной Софьѣ. До другихъ ему дѣла нѣтъ; ему и теперь досадно, что онъ, вмѣсто нея, пашель одного Фамусова... Ему скучно и говорить съ Фамусовымъ — и только положительный вызовъ Фамусова на споръ выводитъ Чацкаго изъ его сосредоченности:

Вотъ то-то всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы на старшихъ глядя!

— говоритъ Фамусовъ и затѣмъ чертитъ такой грубый и уродливый рисунокъ раболѣпства, что Чацкій не вытерпѣлъ и въ свою очередь сдѣлалъ параллель вѣка минувшаго съ вѣкомъ нынѣшнимъ“.

„Но все еще раздраженіе его сдержанно: онъ какъ будто совѣстится за себя, что вздумалъ отрезвлять Фамусова отъ его

понятій; онъ спѣшитъ вставить, что „не о дядюшкѣ его говорить“, котораго привелъ въ примѣръ Фамусовъ, и даже предлагаетъ послѣднему поборанить и свой вѣкъ, наконецъ всячески старается замаять разговоръ, видя, какъ Фамусовъ заткнулъ уши, усноконвааетъ его и почти извиняется:

Дать споры не мое желанье,—

говоритъ онъ. Онъ готовъ опять войти въ себя, по его будить неожиданный намекъ Фамусова на слухъ о сватовствѣ Скалозуба... Фамусовъ подтверждаетъ свой намекъ о женитьбѣ Скалозуба, навязывая послѣднему мысль „о генеральшѣ“, и почти явно вызываетъ на сватовство. Эти намеки на женитьбу возбуждали подозрѣнія Чацкаго о причинахъ перемѣны къ нему Софьи. Онъ даже согласился было на просьбу Фамусова бросить „завиральныя идеи“ и помолчать при гостѣ. Но раздраженіе уже шло crescendo, и онъ вмѣшался въ разговоръ, пока небрежно, а потомъ, раздраженный похвалой Фамусова его уму и проч., возвышаетъ тонъ и разрѣшается рѣзкимъ монологомъ:

А судьи кто? и т. д.

„Тутъ уже завязывается другая борьба, важная и серьезная, цѣлая битва. Здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ раздается, какъ въ увертюрѣ оперѣ, главный мотивъ, намекается на истинный смыслъ и цѣль комедіи. Оба, Фамусовъ и Чацкій, бросили другъ другу перчатку... Образовались два лагеря, или съ одной стороны—цѣлый лагерь Фамусовыхъ и всей братіи „отцовъ и старшихъ“, съ другой — одинъ пылкій и отважный боецъ, „врагъ исканій“...

„Между тѣмъ интрига любви идетъ своимъ чередомъ, правильно, съ тонкою психологическою вѣрностью, которая во всякой другой пьесѣ, лишенной прочихъ колоссальныхъ Грибоедовскихъ красокъ, могла бы сдѣлать автору имя“.

Ходъ этой интриги, по словамъ П. А. Гончарова, такой: обморокъ Софьи при паденіи съ лошади Молчалина и участие ея къ нему возбуждаютъ въ Чацкомъ ревнивыя подозрѣнія; но когда Софья, обрисовывая Молчалина, сказала:

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ приобрѣлъ.

При батюшкѣ три года служить;

Тотъ часто безъ толку сердить,
А онъ безмолвіемъ его обезоружить, и т. д.,—

то портретъ вышелъ настолько пошлъ, что у Чацкаго разсѣялись всѣ сомнѣнія. Онъ остановился было на Скалозубѣ, но и тотъ оказался героемъ не Софьиного романа. Чацкій успокоился. Но Софья видимо избѣгаетъ его, уходитъ подъ предлогомъ, что щипцы остынутъ. Тогда Чацкій „почувствовалъ“, говоритъ Гончаровъ, „что главная цѣль возвращенія въ Москву ему измѣнилась, и онъ отходитъ отъ Софьи съ грустью. Онъ, какъ потомъ сознается въ снѣгахъ, съ этой минуты подозрѣваетъ въ ней только холодность ко всему — и послѣ этой сцены самый обморокъ отнесъ не „къ признакамъ живыхъ страстей“, какъ прежде, а „къ причудѣ избалованныхъ нервъ“. Слѣдующая сцена его съ Молчалинымъ утверждаетъ Чацкаго окончательно, что Софья не любитъ этого соперника.

Обманщица смѣялась надо мною!

— замѣчаетъ онъ и идетъ на встрѣчу новымъ лицамъ“.

„Комедія между нимъ и Софьей оборвалась; жгучее раздраженіе ревности унялось, и холодъ безнадежности пахнулъ ему въ душу. Ему оставалось ухвать; но на сцену вторгается другая, живая, бойкая комедія, открывается разомъ нѣсколько новыхъ перспективъ московской жизни, которыя не только вытѣсняють изъ памяти зрителя интригу Чацкаго, но и самъ Чацкій какъ будто забываетъ о ней и мѣшается въ толпу. Около него группируются и играютъ, каждый свою роль, новыя лица... Папльвъ этихъ лицъ такъ обилень, портреты ихъ такъ рельефны, что зритель хладѣетъ къ интригѣ, не успѣвая ловить эти быстрые очерки новыхъ лицъ и вслушиваться въ ихъ оригинальный говоръ“.

„Чацкаго уже нѣтъ на сценѣ. Но онъ до ухода далъ обильную пищу той главной комедіи, которая началась у него съ Фамусовымъ въ первомъ актѣ, готовъ съ Молчалинымъ, — той битвѣ со всей Москвою, куда онъ, по цѣлямъ автора, затѣмъ и пріѣхалъ. Въ краткихъ, даже мгновенныхъ встрѣчахъ съ старыми знакомыми, онъ успѣлъ всѣхъ вооружить противъ себя ѣдкими репликами и сарказмами. Его уже живо затрогируютъ всякіе пустяки — и онъ даетъ волю языку: рассердилъ

старуху Хлестову, даль невпопадъ нѣсколько совѣтовъ Горичеву, рѣзко оборвалъ графиню-внучку и опять задѣлъ Молчалина. Но чаша переполнилась. Онъ выходитъ изъ заднихъ комнатъ уже окончательно разстроенный и, по старой дружбѣ, въ толиѣ опять идетъ къ Софьѣ, надѣясь хоть на простое сочувствіе. Онъ повѣряетъ ей свое душевное состояніе.

Мильонъ терзаній!

— говоритъ онъ:

Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
Здѣсь у меня душа какимъ-то горемъ сжата!

— жалуется онъ ей, не подозрѣвая, какой заговоръ созрѣлъ противъ него въ непріятельскомъ лагерѣ“.

„Мильонъ терзаній и горе — вотъ что онъ пожалъ за все, что успѣлъ посѣять. До сихъ поръ онъ былъ ненюбднмъ: умъ его безошадно поражалъ больныя мѣста враговъ. Фамусовѣ ничего не находитъ, какъ только зажать уши противъ его логики, и отстрѣливается общими мѣстами старой морали Молчалинъ смолкаетъ, княжны, графини — пятятся прочь отъ него, обоженный крапивой его смѣха, и прежній другъ его, Софья, которую онъ одну щадитъ, — лукавитъ, скользитъ и наноситъ ему главный ударъ втихомолку, объявивъ его, подъ рукой, вскользь, сумасшедшимъ. Онъ чувствовалъ свою силу и говорилъ увѣренно; но борьба его истомила. Онъ очевидно ослабѣлъ отъ этого „миліона терзаній“, и разстройство обнаружилось въ немъ такъ замѣтно, что около него группируются всѣ гости, какъ собирается толпа около всякаго явленія, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей. Онъ не только грустенъ, но и желченъ, придирчивъ... Онъ впадаетъ въ преувеличенія и подтверждаетъ во мнѣніи гостей распуценный Софьей слухъ о его сумасшествіи... Онъ пересталъ владѣть собой и даже не замѣчаетъ, что самъ составляетъ спектакль на балѣ. Онъ ударяется и въ патріотическій паюосъ, договаривается до того, что находитъ фракъ противнымъ „разсудку и стихіямъ“, сердится, что madame и mademoiselle не пере-

ведены на русскій языкъ, — словомъ, „il divague!“ заключилъ. вѣроятно, о немъ всѣ шесть княженъ и графиня-внучка. Онъ чувствуетъ это и самъ, говоря, что „въ многолюдствѣ онъ растеряетъ, самъ не свой“. Онъ точно „самъ не свой“, начинающая съ монолога о французикѣ изъ Бордо — и такимъ остается до конца пьесы. Впереди пополняется только „милльонъ терзаній“

Такимъ образомъ Гончаровъ доказываетъ, что „Горе отъ ума“ не только превосходная картина нравовъ, но и „тонкая — какъ онъ говоритъ, — умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ техническомъ смыслѣ, вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ, — но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, гениальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка — всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т. е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ... Только при разбѣздѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катастрофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію-интригу. Но и то не на долго: передъ нимъ уже вырастаетъ громадный настоящій смыслъ комедіи“. — *Франковскіе спис. сочин.*

Книги, составленные П. Смирновскимъ и продающіяся у книго-продавца А. Я. Панафидина (Москва, Покровка, Лялинъ переулокъ, собств. д., № 11—13).

I. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для подготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 7-е. Ц. въ перепл. 25 коп. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. допущенъ въ качествѣ руководства въ подготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

II. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть I — **Этимологія**, изд. 17-е 1903 г. Ц. въ перепл. 55 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть II — **Синтаксисъ**, изд. 13-е 1902 г. Ц. въ перепл. 65 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена, какъ руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

III. Грамматика древне-ц.-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Изданіе 11-е 1897 г. Ц. въ перепл. 75 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена, какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

IV. Сборникъ періодовъ, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.). Ц. 20 коп.

V. Русская хрестоматія въ двухъ частяхъ: часть I (для 1-го и 2-го кл.), изд. 15-е 1900 г. Ц. въ перепл. 85 к.; часть II, изд. 15-е 1901 г. (для 3-го и 4-го кл.). Ц. въ перепл. 1 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена, какъ учебное пособіе для 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

VI. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, проходящихъ курсъ русскаго языка, соответствующій подготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1896 г. Изд. 4-е, исправлен. Ц. 15 к. Допущена въ подготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. О курсѣ чтенія въ чегырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи. Цѣна въ перепл. 45 коп.

VIII. Теорія словесности, съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство; 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики; 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Ц. въ перепл. 65 коп.

IX. Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Изд. 3-е. Ч. I. Ц. въ перепл. 75 к. Ч. II. Ц. въ перепл. 75 коп.

X. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Ч. I (народная словесность и литература отъ начала письменности до Ломоносова). Ц. 1 р. 40 к. Ч. II (отъ Ломоносова до Карамзина). Ц. 1 р. 15 коп. Ч. III (отъ Карамзина до Пушкина). Ц. 1 р. 50 к. Часть IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Ц. 1 руб.

XI. Курсы систематическаго диктанта. Ч. I (для 1 и 2 кл.) Ц. 75 к. Часть II (для 3-го и 4-го кл.). Изд. 7-е 1900 г. Ц. въ перепл. 55 к. Одобрены Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

перезаказано по желанию автора

Бурдонъ и Михельсонъ. Полный словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русское языкъ, съ означеніемъ ихъ корней. Изд. 9-е исправленное и дополненное. М. 1899 г., ц. 60 к., въ колѣн. перепл. 85 к.

Буше, С., д-ръ. Недостаточное упражненіе мускуловъ, какъ причина развитія многихъ болѣзней. Пер. съ франц. С. З. Поповой. Спб. ц. 60 к.

Бяловъ. Какъ устроить самыми простыми находящимися подъ руками средствами, разные лавины и учебныя пособія при сельскихъ школахъ. Спб. ц. 20 к.

Бэмеръ, Д. Г. Начальныя основанія ботанической географіи, ц. 70 к.

Вадимъ А. Лондонъ. Общественныя и бытовые очерки. Съ илл. Г. Доре. Спб. ц. 75 к.

Вересовъ, П. Подарокъ. Стихотворенія для дѣтей и бесѣда съ дѣтьми, съ предисловіемъ австрійца Я. Грота. М. 1900 г., ц. 15 к. М. Н. Пр. 20 января 1902 г. за № 10951. Допущена въ бесплатныя народныя читальни, библіотеки и въ ученическія библіотеки низшихъ учебницъ.

Его-же. Сельскіе дѣятеля. Повѣсть для дѣтей, М. 1900 г. ц. 20 к. М. Н. Пр. 20 января 1902 г. за № 10951. Допущена въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Верещанинъ и Крыловъ. Школа сельскаго богатства, ц. 3 р.

Вицанъ и Тромбинъ. Мalariaное и живописное искусство. М. 1883 г., ц. 2 р.

Вильморенъ, Андриэ и Кр. Пастаженіи, какъ снѣтъ воздушныя цвѣточныя растенія, ц. 1 р. 50 к.

Виль, д-ръ. Діета для страдающихъ желудочными болѣзнями и діетическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ, ц. 2 р.

Виноградовъ. Пастаженіи къ ловамъ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Съ 56 рис., ц. 1 р.

Виттъ, Ал. Соображенія о русскомъ пивовареніи. Спб., ц. 10 к.

Владиміровъ. Гражданскіе и уголовныя законы Россійской Имперіи, ц. 5 р.

— Земскій начальникъ, волость и сельскій міръ, ц. 2 р.

— Сводъ законовъ столичной, городской и уѣздной полиціи, ц. 2 р.

Военный судъ, его защитники и разрушители, ц. 1 р. 25 к.

Воленсъ. Собраніе арифметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи арифметикъ. В. 2 ч. Цѣлыя части и дроби. Изд. 18-е. Спб. 1898 г., ц. 30 к. Допущенъ къ употребленію въ низш. учили. Мви Нар. Просв.

Его-же. Методъ элементарнаго преподаванія арифметикъ въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его-же. Руководство къ арифметикѣ. Изд. 17 с. М. 1900 г., ц. 60 к.

Его-же. «Элементар. геометр.» Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающ. Спб., ц. 50 к.

Его-же. Начальная геометрія. Учебное руководств. для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 6-ю литогр. табл. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его-же. Задачникъ для начальн. народн. учебницъ. Сборникъ простѣйшихъ арифметич. задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и пѣдійствій надъ ними. Изд. 6-е. 1896 г., ц. 10 к. Мви. Нар. Пр. допущенъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія въ нач. нар. учили.

Его-же. Алгебра. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографія: Ломоносова, Кулибина, Власова, Сафрушкѣина, Кольцова, Ермака Тимофеева, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Миллера, Пажарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его-же. Подземное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. съ картин. на обложкѣ.

Его-же. Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу, ц. 10 к.

Волкъ, А. Новая, легкая французская азбука. М. 1901 г., ц. 30 к.

— Иванъ Сусанинъ. М. 1901 г., ц. 10 к. М. Н. Пр. 15 января 1902 г. за № 1442.

Допущена въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Воскресенскій, В. П. Полная врачебная школа. Учебникъ для фельдшеровъ, фельдшерницъ и акушеровъ всѣхъ вѣдѣній въ 10 част., 2 тома. М. 1894 г., ц. 3 р. 50 к.

Воскресенскій, В. А. Первоначальн. уроки русской грамматики. Методическое руководств. элементарныхъ школъ и низшихъ классовъ средн. учебн. завед., ц. 10 к.

Гаршинъ, Евг. Новгородскія древности, съ рис. Спб., ц. 25 к.

Его-же. Критич. опыты. — Испорченная жизнь. — Наши духовные отцы. — Поэзія Я. П. Полонскаго. — Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара. — Русск. драма на новомъ пути. — Русск. литература за 1886 г. Спб. 1888 г. ц. 1 р.

Его-же. Полонскій, Я. П. Поэзія. Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 к.

Его-же. Три поэмы (А. П. Майкова, гр. А. А. Голицына-Кутузова и К. Р.). Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 к.

Его-же. Курганы, ихъ расчищеніе и изслѣдованіе и нахожденіе кладовъ. Подборъ необходимыхъ свѣдѣній. Спб., ц. 20 к.

Генонъ, Е. Новая Франція, переводъ съ франц. Фонъ-Дитицль. Преміровано французскою академіей. М. 1901 г., ц. 1 р. 25 к. М. Н. Пр. 21 марта 1902 г. за № 7908, допущена въ ученическія, старш. возр., библіотеки среди. учебн. завед. министерства.

Георгиевскій, О. Принципы жизни Китая. 494 стр и 16 табл. прил. Спб., ц. 2 р. 50 к.

Его-же. Отвѣтъ гр. Толстому на рецензію „принципы жизни Китая“, ц. 50 к.

Его-же. О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Спб. 1888 г., ц. 2 р.

Его-же. Анализъ иероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ историю жизни древн. китайск. народа. Спб. 1888 г., ц. 2 р.

Геннингъ. Справочная книжка и указатель русскаго произношенія, ц. 1 р. 25 к.

Гицбургъ. Русская правда. Текстъ по тремъ спискамъ, съ пред. и краткимъ объяснит. словаремъ. Спб. 1888 г., ц. 40 к.

Гирць. Руководство къ обученію кроить, шитью, бѣловшейному мастерству и вязанью, съ 196 рис. въ текстѣ, ц. 1 р.

Гоголь Н. В. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ большого формата. Съ 245-юравнованными рисунками акад. К. Брюла, М. Михайлова и др. и 28 снимковъ фотограф. Шапиро артиста Андреева - Бурака въ роли „Записки сумасшедшаго“. Съ біографіей составл. П. В. Смирновскимъ, ц. 1 р. 75 к., въ перепл. съ тиснен. золотомъ 2 р. 25 к.

ГОГОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Коляска. Повесть съ рис., ц. 5 к.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Повесть съ рис., ц. 6 к.

Вій. Повесть съ рис., ц. 9 к.

Майская ночь или утопленница. Повесть съ рис., ц. 7 к.

Сорочинская ярмарка. Пов. съ рис., ц. 6 к.

Носъ. Пов. съ рис., ц. 6 к.

Страшная мѣсть. Пов. съ рис., ц. 8 к.

Тарасъ Бульба. Пов. съ рис. ц. 18 к.

Иванъ Федоровичъ Шпоньна, ц. 10 к.

Повесть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, ц. 15 к.

Пропавшая грамота. Пов. съ рис., ц. 5 к.

Ночь передъ Рождествомъ. Повесть съ рис., ц. 10 к.

Женитьба. Комедія съ рис., ц. 8 к.

Шинель. Пов. съ рис., ц. 8 к.

Занолдованное мѣсто. Пов. съ рис., ц. 5 к.

Ревизоръ. Комедія, съ рис., ц. 20 к.

Старосвѣтскіе помѣщики. Повесть, съ рисунк., ц. 6 к.

Портретъ. Съ рис., ц. 5 к.

Мертвыя души. Т. I и II, съ рис., ц. 50 к.

„ „ „ II, „ „ „ 50 к.

Записки сумасшедшаго. Съ рис. ц. 30 к.

Римъ. Съ рис., ц. 5 к.

Игроки. Съ рис., ц. 5 к.

Размышл. о божеств. Лютургія, ц. 5 к.

Невскій проспектъ. Пов., ц. 5 к.

Голлендеръ. Излеченіе зубовъ; подъ редакціею В. П. Діянна. Съ рисунк. въ текстѣ. (Спб., ц. 75 к.

Горбачевъ, П.

Программы и учебные планы мужскихъ гимназій и прогимназій, съ объяснителн. записками Мин. Нар. Просв., уставомъ гимназій, всѣми вышедшими дополненіями, распоряженіями и разъясненіями, указаніемъ принятыхъ по классамъ учебниковъ, инструкціей преподаванія гимнастики, правилами объ испытаніяхъ: приѣмныхъ, переводныхъ, зрѣлости, съ приложеніемъ устава общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся и пр., ц. 50 к.

Программы и правила реальныхъ училищъ, съ объяснителн. записками Мин. Нар. Просв., со всѣми дополненіями, разъясненіями, указаніемъ принятыхъ по классамъ учебниковъ, правилами объ испытаніяхъ: приѣмныхъ, переводныхъ, выпускныхъ, окончательныхъ и лицъ домашняго воспитанія, съ приложеніемъ: 1) проекта средней школы, 2) программы природоубѣднѣ Кайгородова, 3) инструкціи преподаванія гимнастики и 4) Устава Общества вспомошествованія бѣднымъ учащимся въ средн. учебн. заведеніяхъ, ц. 60 к.

Программы и уставъ городск. училищъ, по Положенію 31 мая 1872 г., съ объяснителными записками къ преподаванію, дополненіями и разъясненіями министерства, попечителей учебныхъ округовъ, съ приложеніемъ: 1) программы гимнастики; 2) устава общества, пособія бѣднымъ учащимъ; 3) списка учебниковъ, разрѣшенныхъ Мин. Нар. Просв. для употребленія въ городск. учил., ц. 40 к.

При точномъ текстѣ программъ казенныхъ изданій, въ перечисленныхъ изданіяхъ помѣщено все, что изъ выходившихъ разъясненій и дополненій необходимо знать учителямъ и ихъ родителямъ или заступающимъ ихъ мѣсто не только при помѣщеніи дѣтей въ учебныя заведенія, но и въ продолженіи всего курса ученія.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ рисунк. М. 1902 г., ц. 15 к., въ папкѣ 20 к.

Гурьевъ, П. Практич. арифметика. Кн. I. Низшій курсъ, ц. 75 к.

Его-же. Кн. II. Высшій курсъ, ц. 1 р. 25 к.

Де Бари. Ботаника, съ 47 рис. Спб., ц. 40 к.

Деленіуцъ, А. 30 тысячъ новѣйшихъ открытій и рецептовъ, 2 тома, ц. 4 р.

Денисовъ, Н. В. Русскія народныя сказки для младшаго возраста, 5 выпусковъ, съ иллюстраціями. М. 1902 г., ц. въ бумажкѣ 50 к. за выпускъ, въ папкѣ по 65 к., въ коленкор. перепл. по 1 р.

Діазъ, Авг. д-ръ. Ревматизмъ и радикулярное излеченіе его, ц. 40 к.

Его же. Машеница въ дворянствѣ (Le bougeon de l'homme). Кочалце въ 6 д. Подстр. перев. П. К. Медвѣдова. М. 1899 г., ц. 25 к.

Ключъ къ методическому курсу нѣмецкаго языка Германа Мадлера, ч. I. Перев. Н. Плещинскаго. М. 1900 г., ц. 50 к., ч. II. Пер. Экебладъ. М. 1901 г., т. 40 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ грамматикъ англійскаго языка П. М. Нурковъ. М. 1901 г., ц. 20 к.

Краткій повторительный курсъ по исторіи. 4 ч. Древняя, средняя, новая в русская исторія. М. 1901 г., ц. по 25 к.

Мечислеть по географіи. 3 ч. 1) Азія, Африка, Америка и Австралія. 2) Европа. 3) Россійская имперія. М. 1901 г., ц. по 25 к.

Методич. Подробный повторительный курсъ арметики, заключающій въ себя всѣ опредѣленія, правила, выводы и типы задачъ. Для средне-учебныхъ заведеній. М. 1900 г., ц. 40 к.

Методы къ рѣшенію задачъ алгебраич., геометрич. и тригонометрич., ц. 25 к.

Рисун. Гофолія. (Althale). Трагедія вместе съ смѣш. писанія. Подстр. перев. И. И. Медвѣдова. М. 1901 г., ц. 25 к.

Суестьра. У чиньяна. Подстр. перев. И. И. Медвѣдова. М. 1901 г., ц. 25 к.

Теръ. Наполеонъ на островѣ Св. Елены. Подстр. пер. И. И. Медвѣдова. М. 1900 г., ц. 25 к.

Тьерри. Завоеваніе Англіи Норманами. Подстр. перев. И. И. Медвѣдова. М. 1900 г., ц. 25 к.

Ключъ къ "Рассказамъ и описаніямъ избранныхъ въ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго на французскій языкъ". И. Флерч, примѣч. къ посл. изд. М. 1900 г., ц. 55 к.

Юлія Цезарь. Записки о галлійской войнѣ. Подстр. перев. съ примѣч. Кв. I и 4-я. М. 1897 г., ц. по 30 к.

Цикеронъ, рѣчь къ римскому народу о назначеніи Квез Помпея полководцемъ. Подстроч. перев. съ примѣчаніями и озаглавленіями. В. Абрамова. М. 1897 г., ц. 30 к.

Ключъ къ переводамъ съ русскаго языка на греческій въ 1-й части "Книги упражненій въ греческой стилологіи". В. Чернаго. 8 съ 1 по 80. Перев. Н. Киварисова. М. 1900 г., ц. 35 к.

Томъ. ч. II. М. 1900 г., ц. 35 к.

Ключъ къ полному курсу французск. языка А. Шаланда. По послѣднему изданію. 4 ч. М. 1899—1900 гг., ц. въ 1-й ч. 20 к., въ 2-й и 3-й по 35 к., въ 4-й 40 к.

Рѣшенія избранныхъ алгебраическихъ задачъ съ сборника Н. А. Шапошниковъ и Н. И. Вальцова. 2 ч. М. 1901 г., ц. 1-й ч. 30 к., 2-й ч. 40 к.

Шиллеръ Ф. Видеогельмъ Телль. Драма въ 6 д. Подстроч. переводъ Абрамова. М. 1901 г., ц. 25 к.

Его же. Орлеванская дѣва. Романтическая трагедія. Подстроч. переводъ А. А. Абрамова. М. 1900 г., ц. 25 к.

Ключъ къ практическому элементарному курсу нѣмецкаго языка. А. Шульца. Ч. 1-я. М. 1900 г., ц. 80 к.

Ключъ къ русскимъ и нѣмецкимъ упражненіямъ, помѣщеннымъ въ учебникъ нѣмецкаго языка Морика Эртеля. М. 1899 г., ц. 30 к.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ большаго формата, подъ редакціей П. В. Смярновскаго и съ сост. имъ же біографіей Пушкина, его портретомъ и 100 рисунками М. Т. Михайлова и Н. Дежисова. Изд. 2-е. 1778 стр. М. 1900 г., ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перел. 2 р.

Иллюстрированная Пушкинская бібліотека съ тѣми же рисунками 35 книжекъ: 1) Исторія Пугачевскаго бунта, ц. 20 к. 2) Сказка о царѣ Салтанѣ, ц. 2 к. 3) Сказка о полѣ и работникѣ его Балды, ц. 2 к. 4) Пѣсни саваднхъ славянъ, ц. 4 к. 5) Вѣдъ баллады и легенды, ц. 10 коп. 6) Сказка о золотомъ плѣтункѣ, ц. 3 к. 7) Русланъ и Людмила, ц. 10 к. 8) Кавказскій плѣн-

никъ, ц. 3 к. 9) Братья разбойники, ц. 2 коп. 10) Бахчисарайскій фонтанъ, ц. 3 к. 11) Евгений Онегинъ, ц. 20 к. 12) Графъ Нулья, ц. 2 коп. 13) Полтава, ц. 6 коп. 14) Выстрѣлъ, ц. 2 коп. 15) Галубъ, ц. 2 к. 16) Мѣдвѣдъ есадинъ, ц. 3 к. 17) Анджедо, ц. 3 к. 18) Скупой рыцарь, 2 коп. 19) Иопартъ и Сальери, ц. 2 к. 20) Каменный гость, ц. 3 к. 21) Пѣрь во время чумы, ц. 2 к. 22) Русалка, ц. 3 к. 23) Борисъ Годуновъ, ц. 10 к. 24) Цыганы, ц. 3 к. 25) Арапъ Петра Великаго, ц. 6 к. 26) Дубровский, ц. 10 к. 27) Метель, ц. 3 к. 28) Гробовщикъ, ц. 2 к. 29) Дюмихъ въ Коломнѣ, ц. 2 к. 30) Станціонный смотритель, ц. 3 к. 31) Барышня-крестьянка, ц. 4 к. 32) Капитанская дочка, ц. 20 к. 33) Сказка о мертвой царевнѣ, ц. 3 к. 34) Пиковая дама, ц. 5 к. 35) Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ, ц. 2 к.

Пѣра. Пѣра. три года жизни ребенка, ц. 50 к. Раевскій, Н. И. Собораніе растеній в составленіе гербарія, ц. 40 к.

Ракбосомъ, Ж. Материнское воспитаніе. Сиб., ц. 40 коп.

Рейнботъ, Ф. А. Словарь нѣмецко-русскихъ техническихъ словъ по фабричнымъ, мануфактурнымъ и заводскимъ производствомъ, по островамъ желѣзныя дорогъ, хамія и минералогіи. Сиб., 1885 г., ц. 3 р.

Ріено. Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ, книга для конюстава, съ рис. и картою, въ шпакѣ, ц. 1 р. 50 коп.

Роджерсъ, А. К. Учебникъ англійскаго языка. Ч. 1-я. Изд. 3-е. Сиб. 1894 г., ц. 75 к.

Ростовская, М. Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ 5 хромолит. картинокъ. Сиб., въ шпакѣ. Ц. 1 р.

Савельевъ, Здорья. О береженіи здоровья на долгое время, по глубокой старости и о выдачѣ первой помощи въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ до прихода врача. Нравственно-гигіеническое чтеніе для солдатъ и народа. Сиб., ц. 40 к.

Его же. Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныя и птицахъ, съ краткими вставленіями о выборѣ, содержаніи, здоровьи домашнихъ животныя и птицъ и о выдачѣ имъ помощи въ болѣзняхъ. Изданіе 6-е, значительно исправленное и дополненное, ц. 40 коп.

Сальникова. Сказка о двухъ елкахъ. М. 1901 г., ц. 10 коп.

Ея же. Добрый морозко. М. 1901 г., ц. 10 к.

Сборникъ государственныхъ знамій, подъ редакціей В. П. Безобразова, 8 томовъ. 5029 стр. Цѣна вмѣстѣ 26 руб.—8 р.

Семинговъ, Н. Предметовѣдѣніе. Ч. I. Вѣдѣнія въ темѣ по описанію и сравненію предметовъ, ц. 20 коп.

Симашино, Ю. Травникъ или гербарій. Содержаніе: Собораніе растеній. Указка в изученіе растеній. Спорныя растенія. Распределеніе растеній. Коллекція плодовъ и сѣмянъ. Дендрологическая коллекція. Зимняя ботаническая заявтія. Диктоскопическая таблица для опредѣленія деревь по почкамъ, съ 21 рисункомъ въ текстѣ, ц. 40 коп.

Его же. Руководство къ соборанію, храненію и наблюденію надъ растительными и другими животными животными и скелетиров. млекопитающ. Съ 51 рис., ц. 50 к.

Его же. Обязательныя минимы для мальчиковъ. Содерж.: Пачечныя и передаточныя работы.—Формовка изъ гнуса.—Гальванопластика.—Столярныя и плотничныя работы.—Работы изъ дерева въ натуральномъ видѣ.—Выпечиваніе изъ дерева.—Выпечиваніе изъ глиняныхъ листовъ.—Тохарное искусство.—Рѣзная работа по дереву.—Приготовл. физическ. приборовъ и моделей. Съ 238 рис. въ текстѣ, ц. 2 р.

Его же. Лѣтній занятія въ полѣ съ перомъ и карандашомъ. Руководство къ самообученію умѣть рисовать планы, ландшафты, и т. д. и

раскрывать рисунки. Съ 82 фигурами въ текстѣ, ч. 1 р. 50 к.

Синио. Подный самоучитель рисованія черченія въ перспективѣ. Школа для асыъ въ возрастѣ. М. 1895 г., ч. 2 р.

Сатионовъ. Авраамъ Линкольнъ, освободитель вавольянковъ въ Америкѣ. М. 1900 г., ч. 20 к. Его же. Гуттенбергъ изобрѣтатель книгопечатанія. М. 1900 г., ч. 10 к.

Его же. Робинзонъ Крузо. Его живя въ орыключенія. Съ рис. М. 1902 г., ч. 15 к.

Его же. Вода въ воздухѣ. М. 1901 г., ч. 15 к. Его же. Вода въ трехъ видахъ. М. 1900 г., ч. 20 коп.

Его же. Воздухъ насъ окружающій. М. 1900 г., ч. 20 к.

Его же. Вулканы и землетрясенія. М. 1900 г., ч. 25 к.

Его же. Ватеръ в что оны дѣлаютъ. М. 1901 г., ч. 25 коп.

Его же. Горы и горная природа. М. 1901 г., ч. 25 коп.

Его же. Громъ и молнія. М. 1901 г., ч. 20 к.

Его же. Позаня простыхъ русскихъ людей. Брфеа Хабарова и Семена Дежнева. М. 1900 г., ч. 10 коп.

Его же. Равнины и пустыни. М. 1901 г., ч. 20 к.

Учебники и пособія, составленные П. В. СМЯРНОВСКИМЪ.

Учебникъ русской грамматики (этимологя и синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Изд. 2-е. М. 1900 г., въ папкѣ ч. 15 к.

Учашимымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для церковно-приходскихъ школъ въ качествѣ учебнаго руководства.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ употребленю въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Практическое пособіе, какъ приложение къ Учебнику русской грамматики для церковно-приходскихъ школъ и для двѣхлассныхъ школъ Мин. Нар. Просв. М. 1900 г., въ папкѣ ч. 15 к.

I. Приготовительный курсъ русской грамматики. Учебникъ для приготовительнаго класса и вобще для начальныхъ. Изд. 6-е, 1897 г., ч. въ перепл. 25 к.

II. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній.

Часть I.—Этимологя, изд. 16-е, 1901 г., ч. въ перепл. 55 к.

Часть II.—Синтаксисъ, изд. 13-е, 1902 г., ч. въ перепл. 65 к.

Всѣ вышесказанные учебные курсы грамматики позднѣйшаго времени имѣютъ свою отличительную, и притомъ весьма похвальную особенность то, что въ основу теоріи въ нихъ положено вслѣдованіе языка и слога крупнѣйшихъ отечественныхъ писателей, такъ что изучающій грамматику неизбежно приходитъ къ убѣжденію, что не авторы примѣняются къ грамматикѣ въ своемъ творчествѣ, а, наоборотъ, грамматическія теорія невольно выискивается, создается въ образцовомъ языкѣ, устанавливающемъ собою общіе законы. Такая постановка вопроса оживляетъ сушія грамматическія формы и правила, устанавливаетъ связь между отрывочными формами и живую рѣчь, придаетъ имъ смыслъ въ глазахъ учащагося и пріодѣлываетъ его къ изученію языка и его законовъ. Три курса учебника русской грамматики г. Смярновскаго построены именно на этой почвѣ. Въ приготовительномъ курсѣ изложена вся грамматика. Въ второй части учебника г. Смярновскаго большое достоинство, благодаря которому книга можетъ быть съ успѣхомъ введена и въ народную школу. Считаю очень уместнымъ и полезнымъ то, что составителемъ, допустно съ курсомъ расположены задачи и упражненія (въсѣхъ 127), такъ что

грамматическія свѣдѣнія должны усвоиваться при разборѣ, а учителю не представляется возможности трудиться надъ подысканіемъ въ составленномъ примаровѣ, когда она есть тутъ же предъ глазами ученика. Что касается собственно учебника грамматики г. Смярновскаго: то онъ при всей смѣлости изложенія, однако такъ подробно, заключаетъ въ себя такое множество грамматическихъ свѣдѣній, подтвержденныхъ примарами, взятыми изъ литературной рѣчи, что учителю, въ крайности, можно и ограничиться знаніемъ этого курса, дающаго обширныя и отлично обоснованныя свѣдѣнія.

Извлеченіе изъ „Системат. обзоръ русской литературы“, изд. 2-е, 1895 г., Спб., стр. 135.

III. Грамматика древне-церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскимъ. Изд. 13-е, 1900 г., ч. въ перепл. 75 к.

IV. Русская хрестоматія въ двухъ частяхъ: часть I (для 1-го и 2-го кл.), изд. 16-е, 1902 г., ч. въ перепл. 85 к.; часть II (для 3-го и 4-го кл.), изд. 15-е, 1901 г., ч. въ перепл. 1 р.

V. Маленькая русская хрестоматія для дѣтей, продолжателъ курсъ русскаго языка, соответствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рис. 1897 г. Изд. 4-е, исправл., ч. 15 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 25 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и программизій.

VI. Теорія словесности, съ приложеніемъ статей: 1) Поня, какъ ящное искусство, 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики, 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологя. Изд. 11-е, 1900 г., ч. въ перепл. 90 к.

У г. Смярновскаго теорія словесности разработана очень хорошо и самостоятельно. Не терпясь разграничить строго, по примѣру другихъ теоретиковъ, всѣ произведенія слов на три рода, авторъ основываетъ выисненіе ихъ происхожденія и дѣленія на ученіе объ элементахъ лирическаго описательнаго, повѣствовательнаго и рассужденія, при этомъ учащемся по книгѣ г. Смярновскаго становится ясно, что собственно нѣтъ общепринятаго дѣленія произведеній, в что произведенія относятся къ тому или иному роду и виду по преобладающему въ нихъ элементу, такъ что, напримеръ, даже въ часто прозаическомъ произведеніи можетъ быть усмотрѣнъ элементъ поэтическій, но только въ меньшемъ примѣненіи и развитіи, чѣмъ прозаическій, въ лирическомъ—эпическій и наоборотъ, а драматическій родъ являетъ собою совокупность всѣхъ основныхъ элементовъ. Такая разработка теоріи словесности представляетъ новый и вѣрный шагъ въ постановкѣ вопроса о разборѣ поэтическихъ произведеній и устраняетъ многія недоразумѣнія, возникающія при ихъ разсмотрѣніи на основаніи прежняго узкаго дѣленія. При разработкѣ каждого рода и вида литературныхъ произведеній (Баллады, басенъ, одъ, сатиры и пр.), авторъ сообщаетъ обстоятельную исторію ихъ возникновенія и развитія до нашихъ дней. Немаловажное вниманія заслуживаетъ и первая часть книги г. Смярновскаго—стилистика, гдѣ сказано, но съ соблюденіемъ всего необходимаго разсмотрѣны достоинства и недостатки слога, съ весьма вразумительнымъ подкрепленіемъ объясненія примѣрами, прекрасное подобраннымъ изъ лучшихъ авторовъ.

„Систем. обзоръ русск. литер.“ Изд. 3-е. Спб. 1895 г., стр. 164, статья 185.

VII. Пособія при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій.

Часть 1-я. Древній и средній періоды. (Народная словесность в литературу отъ начала письменности до Ломоносова). Изд. 8-е. М. 1899 г., въ перепл. ч. 1 р. 40 к.

Часть 2-я. (Отъ Ломоносова до Карамзина). Изд. 9-е. М. 1899 г., въ перепл. ч. 1 р. 15 к.

Список 1907
дво. 100 руб. и 100 руб.
78-

100
80
50
41
244

Часть 3-я. (Отъ Карамзина до Пушкина). Изд. 9-е. М. 1800 г., въ перел. ч. 1 р. 50 к.

Часть 4-я. (Отъ Пушкина до новаго времени). Изд. 7-е. М. 1899 г., въ перел. ч. 1 р.

Это весьма удачно соединеніе исторіи русской литературы съ хрестоматіей. Составлено чрезвычайно добросовѣстно и съ глубокимъ знаніемъ дѣла, пособие Г. Смирновскаго охватываетъ всю нашу словесность, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ и является вполнѣ цѣннымъ руководствомъ для каждаго, кто не имѣетъ возможности пріобрѣтать въ отдѣльности многія книги, рекомендуемыя нами въ виду ихъ достоинствъ. Разбираемые образцы литературы введены авторомъ въ текстъ исторіи и такимъ образомъ постоянно иллюстрируютъ его собою.

Обильныя толковыя примѣчанія поясняютъ основныя слова и выраженія, которыхъ особенно въ произведеніяхъ древней литературы, а также въ XVIII вѣкѣ, встрѣчается очень много. При всемъ этомъ пособие Г. Смирновскаго отдается живостью и доступностью изложенія.

„Системат. обзор. русск. литерат.“. Изд. 2-е. Спб. 1895 г., стр. 173, статья 264.

Вышепоименованныя VII изданія Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены въ качествѣ руководствъ и пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Курсы систематическаго диктанта для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1-я. Курсъ 1 и 2. Изд. 16-е. М. 1900 г., ч. въ перел. 75 к. Ч. II-я. Курсы 3 и 4. Изд. 7-е. М. 1900 г., ч. въ перел. 55 к.

IX. Сборникъ статей, какъ приложение къ учебнику теоріи словесности. Изд. 3-е, ч. I, ч. въ перел. 75 к., ч. II, ч. въ перел. 75 к.

X. О курсѣ чтенія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеподготовительной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки въ объѣмъ частямъ Русской хрестоматіи, ч. въ перел. 45 к.

XI. Сборникъ периодовъ, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.), ч. 20 к.

Смирновъ, А. П. По родной землѣ. Очерки и разсказы для русскаго юношества. Съ 25 рис. бар. Клодта и др. СПб., ч. въ перел. 1 р. 50 к.

Соколовскій, П. Русскій языкъ. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ 32 рис. СПб. 1881 г., ч. 25 к.

Соколовъ, Аф. Практическая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. М. 1898 г., ч. 40 к.

Его же. Краткій курсъ грамматики церковнослав. яз. М. 1897 г., ч. 20 к.

Его же. Методика начальнаго обученія церковно-славянскому языку. СПб. 1896 г., ч. 75 к. Сокращенный повторительный курсъ по филологіи, ч. 75 коп.

Спенсеръ, Гербертъ. „Воспитаніе умственное, нравственное и физическое“. Перев. съ послѣдняго изданія. М. Главцакой. М. 1900 г., ч. 75 к.

Стрекаловъ, В. Теоретическая ариметика. Спб., 1890 г., ч. 1 р. 25 к.

Сфинксъ. Сборникъ шарадъ, загадокъ, ребус. и проч. Занимательное время-провожденіе для всѣхъ возрастовъ. Спб. 1889 г., ч. 1 р. 25 коп. (бол. 100 рис.).

Тавнъ-Марія. Принцъ и вѣщій. Историческая повѣсть для юношества. Пер. А. Рѣпной. Съ рисунками. М. 1901 г., ч. 75 к. въ папкѣ 1 р. въ перел. на лучш. бум. 2 р.

Его же. Приключенія Тома. Пер. А. Рѣпной. Съ 112 рис. М. 1901 г., ч. 80 к. въ папкѣ 1 р. въ перел. на лучш. бум. 2 р.

Трофимовъ, А. Т. Драматическія арабески. Сцены-монологи. Спб. 1883 г., ч. 75 к.

Трофимовъ, В. М. Руководство коммерческой ариметики. Спб., ч. 75 к.

Тучкова. Мавна ежа. Съ рис. М., ч. 25 к.

Ея же. Молись дѣтя. Съ рис. М. 1901 г., ч. 10 к.

Уховъ. Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, ч. 1-я: О вольныхъ движеніяхъ, съ 207 фиг., ч. 2 р. 50 к.

Фальме. Новый способъ обученія началамъ геометріи, ч. 70 к.

Фонвизинъ, Д. И. Дѣя комедіи. Недоросль и Бригадиръ. Съ биографіей, объяснит. словаремъ и рисунками. М. 1901 г., ч. 15 к.

Его же. Полное собр. сочиненій, ч. 2 я. М. 1901 г., ч. 20 к.

Хитлева, О. Н. Каменные пасынки каменной мечевъ. (Очерки Финляндіи). М. 1898 г., ч. 15 к.

Ея же. Правда объ Уссурийскомъ краѣ и его богатствахъ. Подъ ред. бывшаго агронома при приамурскомъ Генералъ-Губернаторѣ Н. А. Кривома. М. 1899 г., ч. 25 к.

— М. Н. Проста, одобренъ для ученическихъ, средн. возраста, библи. всѣхъ средн. учебн. завед. муж. и жен. и для библи. город. учебн. и учител. семинарій.

Цвѣтновъ, В. Житія: 1) Св. Влгдъ. В. К. Александра Невскаго. 2) Св. Кизлѣй Бориса и Глѣба. 3) Житіе Божіей Матери. 4) Василія Великаго. 5) Св. равноап. Князя Владимира. 6) Св. Великомуч. Георгія Побѣдоносца. 7) Св. Димитрія митроп. Ростовскаго. 8) Св. Григорія Богослова. 9) Св. Пророка Иліи. 10) Св. Іоанна Дамаскина. 11) Св. Кирилла и Мефодія. 12) Св. Николая Муромскаго чуд. 13) Св. Ольги. Княгини Росс. 14) Св. Апостола Павла. 15) Св. Ан. Петра. 16) Св. Стефана Перскаго. 17) Св. Тихона еписк. Воронежскаго и Задонск. Съ изображеніями ихъ. Составлены по четымъ-мѣсяемъ. М. 1899—1901 гг., ч. каждой по 5 к.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущены въ ученическія и учительскія библиотеки всѣхъ высшихъ училищъ, въ безплатныя библиотеки и читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Его же. Руководство къ изученію русскаго правописанія на примѣрахъ. Изд. 2-е. М. 1895 г., ч. 30 коп.

Цебрикова. Мысль и трудъ. Разсказы. Съ рисунк. въ папкѣ, ч. 2 р.

Шардинъ, А. Историческіе разсказы, ч. 1 р.

Шелонскій, Н. Амурскій край и рѣка Амуръ. (Привольныя мѣста Русской земли). М., 1897 г., ч. 10 коп.

Его же. Золотая Сибирь. Что такое золото и гдѣ его добывать. М., 1898 г., ч. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія библиотеки высшихъ училищъ, въ безплатныя народ. библи. и читальни и для народ. худб. чтенія.

Шелонскій, Н. Владѣнія русскаго Царя. Гдѣ живетъ русскій народъ. Съ картой Европейской и Азіатской Россіи. Ч. 20 к.

Его же. Уральскія горы и какъ онѣ раздѣляются. М. 1898 г., ч. 10 к. Съ карт. на обложкѣ.

Его же. Императоръ Николай I, черты и анекдоты изъ его жизни. Съ портретомъ Императ. Николая I. М., 1897 г., ч. 15 к.

Шюльманъ гимнастима въ Голландіи, Даніи, Швейцаріи и Германіи, со множеств. рис. Спб., ч. 1 р.

Шмидтъ. Зоологія, подъ редакціей Кирпостека, ч. 50 к.

Ясиновскій, И. Искра Божія. Ром. ч. 50 к.

Его же. Великій человѣкъ. Ром. ч. 25 к.

Его же. Добрая фея Ром. ч. 75 к.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

121035

Biblioteka WSP Kielce

0157289